

ТЕРРОРИЗМА женский лик

результаты международного исследования

Татьяна Дронзина

Книжная серия журнала

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Общество. Политика. Экономика.

Астана, 2011 г.

УДК 343
ББК 67.408
Д 75

Над изданием работали:

Деяна Хинкова Христова (София, Болгария) – перевод с болгарского языка
Ракишева Ботагоз – научная редакция перевода
Адыханова Венера – литературный редактор
Мажитова Айнур – технический редактор
Бегалина Ботагоз – компьютерная верстка и художественное оформление

Дронзина Т.

Д 75 «Терроризма женский лик (результаты международного исследования)».
– Астана, 2011. – 236 с.

ISBN 978-601-280-244-3

Монография известной болгарской исследовательницы Татьяны Дронзиной посвящена изучению женского суицидального терроризма как феномена современного мира, имеющего глубокие исторические корни. В книге дан глубокий теоретический анализ терроризма, раскрыты различные подходы в исследовании данной проблемы, определены дефиниции и термины суицидального терроризма как объекта научного исследования. Автор также рассматривает политические и религиозные мотивы терроризма.

Эмпирическая база работы основана на подробном анализе серии самоубийственных актов, совершенных в Ливане (1985-1987 гг.), Шри-Ланке (1987-2008 гг.), Турции (1996-1999 гг.), Чечне (2000-2004 гг.), Палестине (2002-2006 гг.).

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 343
ББК 67.408

Монография издана при финансовой поддержке Института социально-политических исследований

ISBN 978-601-280-244-3

© Т. Дронзина
© Книжная серия журнала
«Международные исследования. Общество. Политика. Экономика»

*Посвящаю всем казахстанским друзьям,
знакомым и незнакомым, кто верит, что насилие и уход
из жизни не есть решение наших проблем.*

Содержание

Предисловие издателя.....	6
Благодарности	7
Предисловие автора.....	8
 Глава 1.	
ТЕРРОРИЗМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ.....	12
1.1 Охват понятия	12
1.2 Подходы дефинирования	19
1.2.1 Академические и институциональные определения.....	29
1.2.2 Предложение рабочего определения	34
1.3 Объяснительные теории	41
1.4 Самоубийство.....	45
1.4.1 Ранние интерпретации самоубийства	46
1.4.2 Концепция Дюркгейма	48
1.4.3 Концепция Tarde	54
 Глава 2.	
САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ	
И КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА.....	58
2.1 Состояние проблемы, определение и уровни анализа	58
Определение	62
2.2 Объяснительные концепции	64
2.2.1 Рационалистские теории	64
2.2.2 Культуралистские теории.....	75
 Глава 3.	
САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ, ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ РЕЛИГИЕЙ.	
ПРИРОДА, ПРЕДПОСЫЛКИ, ЭВОЛЮЦИЯ	92
3.1 Терроризм и религия	92
3.1.1 Спор о понятиях	92
3.1.2 Терроризм и религия или терроризм и ислам	95
3.2 Классические интерпретации мученичества и джихада	98
3.2.1 Мученичество	98
3.2.2 Джихад	101
3.3 Новые интерпретации: ислаимизм, фундаментализм, джихадизм	105
3.3.1 Исламизм и фундаментализм: радикальные версии.....	105
3.3.2 Джихадистские интерпретации.....	114
3. 4. Дебаты и практика женского участия	120
3.4.1 Состояние современного дебата о женском участии.....	120
3.4.2 Война между Ираном и Ираком (1980-1988 гг.)	
и практика самоубийственных миссий в Иране	122
3.4.3 Дебаты о женском участии в Ливане	124

Глава 4.**ЖЕНСКИЙ САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ, ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ
ЧЕРЕЗ СВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГИИ. САМОУБИЙСТВЕННЫЕ МИССИИ
В ЛИВАНЕ (1985-1987 гг.). СЛУЧАЙ ШРИ-ЛАНКИ (1987-2008 гг.).
САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ РКК (РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
КУРДИСТАНА) В ТУРЦИИ (1996-1999 гг.)..... 132**

4.1 Ливан.....	132
4.2 Турция.....	136
4.2.1 Самоубийственные теракты РКК.....	136
4.2.2 История конфликта: курдский вопрос в Турции.....	137
4.2.2.1 Курды – самый большой безгосударственный этнос.....	137
4.2.3 Анализ на организационном уровне.....	142
4.2.3.1 Женщины в РКК.....	144
4.2.4 Индивидуальная мотивация.....	145
4.3 Шри-Ланка.....	152
4.3.1 Конфликт в Шри-Ланке.....	153
4.3.2 Анализ социального уровня.....	157
4.3.4 Анализ на организационном уровне: почему LTTE прибегает к использованию женщин?.....	160
4.3.3 Анализ на индивидуальном уровне.....	165

Глава 5.**САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ, ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ РЕЛИГИЕЙ.
ЖЕНСКИЙ САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ
В ЧЕЧНЕ (2000-2004 гг.) И В ПАЛЕСТИНЕ (2002-2006 гг.)..... 176**

5.1 Чечня.....	176
5.1.1 Развитие конфликта.....	177
5.1.2 Анализ на социальном уровне.....	181
5.1.3 Анализ на организационном уровне.....	186
5.1.4 Анализ на индивидуальном уровне.....	192
5.2 Палестина.....	200
5.2.1 Объяснительные концепции на организационном уровне.....	203
5.2.2 Конструирование гендерного объяснения.....	216

Заключение**ЖЕНСКИЙ САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПОПЫТКА
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ..... 224**

Резюме.....	228
Түйін.....	229
Summary.....	230
Информация об Институте социально-политических исследований.....	231
Информация о журнале «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Общество. Политика. Экономика».....	234

Предисловие издателя

Суицидальные акты – древнее явление, корни которого уходят в далекие времена. В I веке нашей эры в Иудее действовала секта сикариев (сика – кинжал), задачей которой было уничтожение представителей еврейской знати, сотрудничавших с римлянами. Ассасины и исмаилиты на Ближнем Востоке, тайные общества в Индии и Китае, «Тигры Тамил-Илама» в Индии и на Цейлоне, «Джихад Ислами», «ХАМАС», «Хизбулла», шахиды, японские пилоты-камикадзе, немецкие зельбстопферы, «Аль-Каида»... Список продолжается и включает, к сожалению, и современные организации и громкие террористические акты. Самоубийство использовалось в разные эпохи, в разных культурах, как оружие или инструмент политического действия.

На чем зиждется психология смертника? Что является причиной суицидальных актов? Что заставляет женщин совершать самоубийство, убивая других?

Ответы на эти и другие вопросы можно найти в представленной вашему вниманию книге **«Терроризма женский лик»**, известного международного эксперта, доктора наук, члена Международного общества исследований насилия и терроризма (Society for Terrorism Research), профессора кафедры политологии Софийского университета им. К. Охридского **Татьяны Дронзиной**.

Данная монография открывает новый проект **«Книжная серия»** журнала **«Международные исследования. Общество. Политика. Экономика»** – основной целью которой будет публикация коллективных и монографических исследований, в которых отражаются актуальные проблемы современного общества.

Татьяна Александровна имеет прямое отношение к журналу, будучи членом Редакционного совета, она инициировала рубрику «Интервью с авторами книг», проведя интервью с профессором Института мира и урегулирования конфликтов Университета Гранада **Хосе Анхель Руис Хименосом**, автором книги **«Балканы, открытый шрам Европы. Конфликты и реконструкции сосуществования»** (ж-л «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика». – 2010. – № 1 (2)).

Благодарим автора за возможность работы над этой интересной, а самое важное – полезной книги, раскрывающей актуальнейшую проблему современного общества, и если наша совместная работа внесет хоть маленькую толику в борьбе по предотвращению такого негативного явления как терроризм, мы будем считать эти труды небесполезными.

Над выпуском книги работала большая команда, состоящая из редакторов, корректоров, переводчиков, дизайнеров, курьеров, рецензентов, фотографа, сотрудников Института социально-политических исследований и типографии «ПрофиМакс», наших друзей и соратников, которым мы выражаем глубокое уважение и благодарность!

Ракишева Ботагоз

Кандидат социологических наук,
директор Института сравнительных социальных исследований
ЦЕССИ-Казахстан,
издатель журнала «Международные исследования.
Общество. Политика. Экономика»

Благодарности

Приступая к благодарностям, как всегда боюсь, что не смогу назвать институции и имена всех людей, которые «ответственны» за появление этой книги.

Вначале хочу высказать свою глубокую признательность Институту социально-политических исследований, который инициировал и финансировал публикацию. Замечательная команда Института превратила идею в реальность.

Свои самые глубокие чувства благодарности хочу выразить **Ботагоз Ракишевой** – руководителю Института ЦЕССИ-Казахстан, замечательному ученому, надежному партнеру и подруге. Для меня Ботагоз – настоящее воплощение женщины мультикультурного казахстанского государства: просвещенная, гуманная, неутомимая, настоящий патриот своей многоликой страны и интеллеktуал мира.

Кроме того, особо обязана литературному редактору г-же **Венере Адыхановой** и техническому редактору г-же **Айнур Мажитовой**. Своей настойчивостью они успели упорядочить мой труд, а их компетентность и энергия – главный фактор того, чтобы все двигалось по плану.

Искреннюю благодарность и извинения приношу переводчику **Деляне Христовой**, которую пришлось помучить своими требованиями быстрого перевода. Как настоящий профессионал, она поняла и перевела мои идеи, думаю, лучше меня.

Хотелось бы сказать «спасибо» всем коллегам из казахстанских университетов и представителям институции, друзьям и знакомым, которые пожертвовали своим временем, чтобы высказать свои идеи и взгляды по теме. Тем самым они внесли свой неоценимый вклад в разработку этой книги.

Я благодарна своим казахстанским студентам и докторантам за то, что они были первыми слушателями и критиками моих идей. Их смелость и искренность очень мне помогли.

Прошу смиренно прощения у всех, чьи имена, из-за ограничения места, не успела перечислить здесь, всех корректоров, переводчиков, дизайнеров, фотографов. Они обязательно услышат в книге эхо наших дискуссий и разговоров.

В последнюю очередь, как всегда, хочу с любовью поблагодарить свою семью, которой я не только горжусь, но с которой, думаю, мне страшно везет не только в профессиональном, но и в личном плане.

Татьяна Дронзина

автор

Предисловие автора

Для меня огромная честь, что эта книга находится в руках казахстанского читателя. Хочу заранее признаться, что она содержит больше вопросов, чем ответов. В ней нет рецептов, только призыв к диалогу и совместным размышлениям об одной из самых опасных форм насилия – терроризме.

Актуальность темы определяется различными обстоятельствами. Прежде всего, надо подчеркнуть способность суицидного терроризма наносить огромные потери, измеряемые человеческими жизнями, инфраструктурой и материальными ресурсами. Однако даже не это самое главное. То, что превращает его в угрозу глобальной безопасности – это способность влиять на процесс принятия решений и распределение власти в национальном и международном плане.

Суицидный терроризм неизменно привлекает внимание общественности своей «необъяснимостью», «иррациональностью» и «неестественностью». Но таков он только на первый взгляд. Если проанализировать его на индивидуальном, организационном и социальном уровнях, перед нами окажется инструмент эффективного действия и мобилизации для достижения целей определенных политических актеров. Мы все еще не много знаем о них.

Что касается женского суицидного терроризма, то его главные герои недавно превратились в часть могучей политической мифологии, которая рассматривает их как объекты, а не как субъекты насилия. Это, конечно, не более чем гендерные стереотипы. Нет исследований, которые доказывают, что женщины не способны на те же самые жестокие акты, что и мужчины. И те и другие могут быть и жертвами, и палачами. Дело не в гендере, а в персональных и социальных условиях, которые делают террористический суицидный выбор для женщин возможным решением и выходом.

В конце этого краткого предисловия хотелось бы поделиться с читателем теми чувствами, в которых мне, как автору, приходилось разбираться. Когда я работала над текстом, передо мной все время стоял вопрос: стоит ли это усилий? В конце концов, терроризм есть только одна из угроз безопасности, а женские террористические миссии все еще представляют незначительный, хотя и нарастающий процент всех террористических актов. Этнические конфликты, экологические проблемы, нелегальные трафики наркотиков и людей, оружия массового уничтожения, насилие диктаторских режимов наносят несравнимо больший вред человечеству, чем несколько сотен женщин, решивших покончить с собой, убивая других.

Мне надо было дойти до конца работы, чтобы понять: да, стоит это исследовать и об этом надо говорить. Стоит, потому что женский суицидный терроризм неразрывно связан с состоянием наших обществ, со степенью их демократизации, с их возможностями создать больше жизненных альтернатив для женщин, с их готовностью признать вклад женщин в социальную жизнь – вклад, который заключается не только в производстве на свет детей и их воспитании.

Стоит, потому что не можем мы себе позволить впасть в ловушку гендерных стереотипов и сочувствовать авторам, а не жертвам насилия, как это часто делается. Стоит быть политически некорректным и не замалчивать неудобные вопросы, отклоняя их ничего не значащей фразой «с нами такого никогда не случится», потому что это просто не верно – никакое государство, даже самое сильное, не может считать себя защищенным от человеческих бомб. Стоит вести диалог со всеми этническими, культурными и религиозными группами, которые не принимают нелегитимное насилие как образ разрешения споров и конфликтов. Стоит, потому что молчание не облегчит трудные дилеммы глобальной безопасности. Стоит, потому что отсутствие диалога приводит к возникновению мифов, ложного сочувствия и фальшивых стереотипов, которые существуют благодаря молчанию.

Татьяна Дронзина
автор

ГЛАВА 1

**ТЕРРОРИЗМ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

1. ТЕРРОРИЗМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

1.1 Охват понятия

Термин «терроризм» – один из самых оспариваемых как в академическом и аналитическом, так и в медийном и ежедневном дискурсах. По мнению Hoffman, о терроризме «у большинства людей есть туманное понятие или впечатление, но нет более точного, конкретного и вполне объяснительного определения»¹. Существующие разногласия не только провоцируют оживленные научные дебаты, но и помогают обособить самостоятельное направление², сосредоточенное исключительно на содержании категории³. Причины появления глубоких различий можно найти как на концептуальном, так и на языковом уровнях⁴ – «само слово содержит фундаментальную двойственность с точки зрения лингвистического и политического анализов», поскольку «в нем соединяются дескриптивный и прескриптивный аспекты», и когда действие воспринимается как «террористическое», предполагается, что его субъект такой же⁵.

Основная проблема, возникающая при употреблении термина, состоит в том, что, как правило, он обозначает реальности разного порядка. Иногда *терроризм* используется для описания техники – «терроризм, в конечном счете, это не идеология, а техника, часть репертуара, который политические группы могут использовать для достижения своих интересов»⁶, а в другой раз – это поведение. Thornton⁷ имеет в виду именно этот аспект, когда подчеркивает, что *поведение*, направленное на индуцирование страха, можно назвать терроризмом или объективным терроризмом. Это, по его мнению, создает возможность разграничить актеров от актов: актер, осуществляющий насилие и есть террорист, акт – это сама террористическая атака, которую иногда тоже называют терроризмом, а террор – это результат, то есть состояние страха⁸. В свою очередь,

1 **HOFFMAN**, Bruce. 1999. *B. A mano armada. Historia del terrorismo. Espasa Calpe, Madrid, p.15*

2 **ENGENE**, Jan Oskar. 2004. *Terrorism in Western Europe. Explaining the trends since 1950. Edward Elgar, UK*

3 **ENGENE**, Jan Oskar. 2004. *Terrorism in Western Europe. Explaining the trends since 1950. Edward Elgar, UK*

4 **GIBBS**, Jack. 1989. *Conceptualization of Terrorism. American Sociological Review, Vol. 54, N3, January, p.329*

5 **BONANATE**, Luigi. 1979. *Some unanticipated consequences of terrorism. In Journal of Peace Research, vol. 16, N3, p.197*

6 **WEINBERG**, Leonard. 1991. *Turning to Terror: The Condition under which Political Parties Turn to Terrorist Activities. Comparative Politics, Vol. 23 N4, (Jul)*

7 **THORNTON**.T. 1964. *Terror as a weapon of political agitation. P.71 In H. Eckstein (ed) Internal War, NY, Free Press*

8 Терроризм (теракт) рассматривается как способ индуцирования страха повторяющимися насильственными действиями. Это связано со словом «terrere», которое с латинского переводится как «запугивать, пугать». «Латинское слово terror,

Fernandez определяет терроризм как *организацию* насилия: «Каждая *организация* уголовного, подпольного или институционализованного насилия, которая развивается обычным способом приблизительно в одной и той же географической среде или в недрах одного и того же национального общества, и сеет террор и другие чувства страха, заслуживает быть определенной как террористический феномен... Терроризм – это синоним *системы* террора»⁹. Walter делает попытку преодолеть неоднозначность термина, расширяя его содержание: «В своем обычном употреблении слово «террор» имеет двойственный смысл... Более того, оно может означать, с одной стороны, физическое состояние – крайний страх, а с другой – фактор, который вызывает этот страх – насильственное событие, рождающее соответствующее состояние»¹⁰. Чтобы избежать смешивания, Walter предлагает «терроризм» и «организованный терроризм» понимать как эквивалентные «*процессу террора*», охватывающие как акт использования силы, так и эмоциональную реакцию и социальные эффекты»¹¹. Это определение мы и используем в настоящем исследовании.

Вызовы при выработывании консенсусного определения имеют разные характеры. Мы остановимся на трех из них, которые, по мнению автора, являются самыми важными: релятивная и динамическая природа терроризма; односторонний характер определения; наличие множества оценочных элементов в дискурсе терроризма и о нем.

Релятивная и динамическая природа терроризма, выдвинутая Alexander Yonah, Walter Laqueur, David Rapoport, Bruce Hoffman, Marta Crenshaw, Paul Wilkonson и др. авторами, имеют основания для сомнений, несмотря на внешние сходства – об одних и тех же ли феноменах во времени идет речь. Можно ли привести к общему знаменателю Робеспьера и Усаму Бен Ладена? Одного порядка ли являются действия Народной воли и «Хамас?» Варьирует ли терроризм в хронологическом плане, а вместе с этим и наше понимание о нем? Одна из идей, иллюстрирующих динамику терроризма, принадлежит Rapoport, который исследует его как состоящего из четырех последовательных волн, различающихся целями, концепциями и мотивами: анархическая (80-е гг. XIX-го в. – 20-е гг. XX в.); антиколониальная (20-е гг. – конец 60-х гг. XX в.); волна новых левых (унаследует антиколониальные движения, уходит в 90-е гг. и оставляет

отмечаем Stefan Bratkowski, более старое, чем литература; оно близко по звучанию с terra – земля и, очевидно, связано с землетрясениями, которые причиняли страх и ужас. Несмотря на это, этот смысл не имеет ничего общего со смыслом, который вкладываем сегодня в это слово. У Цицерона находим terrorisesealicii – пугаю, всеяю панику в ком-то, а у Ливия встречаем aliqueminterroremconicere – испугать кого-то, заставить его бояться; существуют также terrorcervillis, что означает страх от восстания рабов. (BRATKOWSKI, Stefan. 2005. Killing and terror. The Cultural Tradition. In American Behavioral Scientist, vol. 48, N6, February, p.764)

9 **FERNANDEZ**, Alonso. 1986. F. *Psicologiadelterrorismo*. Salvat, Madrid, p.1-2.

10 **WALTER**, Enders. 1964. *Violence and the process of the terror*. *American Sociological Review*, vol. 29, N2 (Apr.), p.248

11 **WALTER**, Enders. 1964. *Violence and the process of the terror*. *American Sociological Review*, vol. 29, N2 (Apr.), p.248

после себя несколько партий и движений, которые переживают ее: ЭТА (Испания), организация «Тигры освобождения Тамил Илама» (Шри-Ланка), «Сияющий путь» (Перу) и Революционные вооруженные силы Колумбии; религиозная волна (с 1979 г. по сегодняшний день). Если примем периодизацию Raroport и выключим старые формы терроризма¹², окажется, что налицо явление 130-летней (для Hoffmann она 200-летняя, поскольку он считает ее началом Французскую революцию) истории, в ходе которого понятие о нем варьирует¹³ в значительной степени. В начале своего возникновения понятие имеет положительное значение; режим террора – это инструмент в руках революционной власти Франции, которая консолидируется путем репрессии: «Может быть, отмечает Hoffmann, это ирония, что в своем оригинальном контексте понятие «терроризм» тесно связано с идеалами добродетели и демократии»¹⁴; связь, которая хорошо видна в известной фразе Робеспьера: «Без добродетели террор – зло; без него добродетель беззащитна... Террор – это ничто иное, как справедливость, быстрая, суровая и непреклонная, следовательно, это эманация добродетели»¹⁵. Революционные коннотации преобладают и в начале 1930-х гг., однако терроризм все реже относят к антигосударственному насилию и все чаще им обозначают массовые репрессии над своими гражданами самими тоталитарными режимами. В послевоенный период он ассоциируется в основном с антиколониальными движениями; в 1980-х гг. основной темой становится терроризм, легитимированный религией; в 1990-х гг. в его содержание включают новые явления, такие как наркотерроризм, а в конце XX в. центром внимания становится та тенденция, которая здесь обозначена как *джихадистский терроризм* или *джихадизм*.

В рамках «динамики волн» очерчиваются несколько постоянных элементов, которые являются предпосылками поиска общего определения (но не общего объяснения) терроризма, независимо от его хронологического измерения. Во всех своих проявлениях и эпохах он является формой насилия – до сих пор все еще неизвестен теракт, который совершен мирным путем, несмотря на то, что вопрос о характере насилия остается открытым. Кроме того, терроризм направлен на изменение поведения определенной целевой группы, отличающейся от группы жертв. И наконец, всегда считалось, что террористическое насилие – это то насилие, которое преднамеренно направлено против гражданских лиц и объектов; это отличает его от войны.

Наибольшей проблемой всегда считалось то, с какой точки зрения определяющий дефинирует терроризм – «часть нашего понимания терроризма и реакция на проявление терроризма состоит в том, что мы считаем законным и незаконным, несмотря на то, что это понимание конструируется в национальном

12 *Душителли, зилоты, сикаппи, assassins*

13 **RAPOPORT**, David. 1992. *Terrorism*. En Mary Hawkesworth y Mauricio Kogan (eds) *Routledge Encyclopedia of Government and Politics*, vol. 2, London, Routledge, p.1061

14 **HOFFMAN**, Bruce. 1999. *B. A mano armada. Historia del terrorismo*. Espasa Calpe, Madrid, p.19

15 Цитировано по **PALMER**, R. 1970. *The Age of Democratic Revolution*, vol. 2: *The struggle*, Princeton, New Jersey, Princeton University Press, p.126

или международном плане»¹⁶. Большая часть анализов основывается на концепциях, отражающих реальность такой, какой она выглядит с собственной позиции и редко с позиции других, и это является их недостатком. Schmid указывает на непримиримость между академическими и террористическими позициями, как на одно из самых больших препятствий перед выработкой универсального взгляда; в своем исследовании 2005 г., которое считается самой богатой энциклопедией дефиниций терроризма, он пытается преодолеть существующую односторонность путем исследования мнений террористических лидеров.

Исследования письменных документов, проведенные автором, показали, что в большинстве случаев подходы организаций, практикующих терроризм, характеризуются тем, что они или находят его моральное оправдание как средству достижения цели, или отбрасывают террористическую природу осуществленного насилия и объявляют его военным актом или актом защиты и самозащиты; или берут на себя ответственность за его совершение, но не ответственность за его причины. «Разница между революционером и террористом заключается в их мотивах», — подчеркивает Ясир Арафат в своей речи перед Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г.¹⁷ «Тот, который защищает справедливое дело и борется за свободу и освобождение своей земли от интервентов, колонизаторов или колонистов, никогда не может быть назван террористом». В интервью Juergensmeyer Майк Брай, один из лидеров движения против насильственного прекращения беременности в США, мишенью которого стали врачи, медицинский персонал, пациенты и инфраструктура здравоохранения, отмечает: «Христианство дает нам право защищать жизнь невинных, еще нерожденных детей» путем насилия, даже если это насилие предполагает «разрушение мест, где их системно убивают, или отнятие жизни их убийц»¹⁸. «Нельзя утверждать, — отмечает Ахмад Юсуф, один из лидеров «Хамас», — что люди отвечают на акты насилия, направленные против них, и в то же самое время называют их террористами»¹⁹. На замечание журналистки Isabel Pisano: «Госпожа Халед, Вы участвовали в самых зрелищных терактах 70-х годов...» Лейла Халед, член руководства Народного фронта освобождения Палестины и первая женщина, похитившая самолет в 1970-х гг., отвечает: «Почему вы используете слово терроризм? Террорист — государство, которое конфискует наши земли, которое убивает беззащитных детей и женщин; я же участвовала в

16 **MYETHEN, Gabe and Sandra WALKLATE.** 2006. *Criminology and Terrorism* *The British Journal of Criminology*, 46, p.379-398

<http://bjc.oxfordjournals.org/cgi/content/full/46/3/379?maxtoshow=&HITS=10&hits=10&RESULTFORMAT=&fulltext=terrorism+choice+organization&searchid=1&FIRSTINDEX=10&resourcetype=HWCIT>

17 **ARAFAT, Yaser.** 1976. *Discurso antes la asamblea general de las Naciones unidas. 13 de noviembre de 1974, en Waltr Laquear (ed) Israel-Arab reader. A documentary history of the Middle Este conflict.* NY, Bantam, p.510.

18 **JUERGENSMEYER, Mark.** 2001. *Terrorismo religioso. El auge global de la violencia religiosa.* Madrid, Siglo Veiniuno, p.26

19 **PIPES, Daniel.** 2004. «Ahmad Yusuf: «Hammas Is a Charitable Organization» March 2001. *The Middle East Quarterly*

военных операциях вне оккупированных территорий»²⁰. Радикальная организация «Хизбалла» не поддерживает убийства гражданских лиц и определяет их как терроризм, но в то же самое время, легитимирует самоубийственные акты, причинившие смерть десяткам израильских граждан, аргументом, что в Израиле нет невинных, а только оккупанты и придерживающиеся преступной политики». В том же духе один из лидеров «Хамас» подчеркивает: «Проблема не мы, проблема – это израильтяне и Шарон. Арафат бросил оружие; все палестинские политические партии оказывают давление ради прекращения вооруженных действий, но в то же время мы не можем молчать перед непрекращающимися убийствами тысяч палестинцев. Израиль убивает нас каждый день, а у нас нет права защитить себя; мы не можем бросить свой народ. Чего хочет от нас мир? Мы ведь только отвечаем на израильские действия»²¹. При встрече со мной женщина 42 лет, отбывшая тюремное заключение за совершение теракта, бывший член каталонской радикальной националистической организации «Терра Юре», назвала терроризмом политику испанского правительства, которое, по ее мнению, со времен гражданской войны по сей день применяет насилие, чтобы подавить национальные aspirations каталонского народа и его свободу. Другая, 53-летняя женщина, бывший член ЭТА (*Euskadi Ta Askatasuna* – Родина и Свобода), вовлеченная в логистические действия в 1980-х гг., которая, по ее собственным словам, уже не принадлежит к организации, при встрече со мной сказала, что считает, что политика испанского правительства имеет террористический характер, поскольку оно, по ее мнению, не разрешает баскскому народу упражнять свое право самоуправления, включая и отделение от испанского государства. Она считает, что «убийство генерала» (в мирное время) нельзя рассматривать как теракт, так как генерал персонифицирует репрессивную власть государства – «помоему не только государство может располагать правом насилия». В то же самое время, она определяет как теракт убийство политического деятеля регионального уровня, каким был случай с Мигелем Анхель Бланко, советником общины, представителем правоориентированной Народной партии. 49-летняя женщина, член Хери Батусана, по профессии врач, чей супруг отбывает 8-летнее тюремное заключение за террористические действия, при встрече со мной выразила мнение, что деятельность ЭТА нельзя определить как террористическое, так как вооруженная борьба – одно из средств достижения политических целей; это средство как всякое другое, и его не следует осуждать. Жертв среди мирного населения можно рассматривать как побочный эффект, какой существует во время любой войны. Она определяет неудовлетворительную социальную политику как терроризм, вследствие которой появляются сотни жертв производственных травм, повышенная, по ее мнению, смертность среди тюремщиков, бедность, порождающая домашнее насилие и социальную преступность. Подобен дискурс политических лидеров государств, обвиненных в практике или поддержке

20 Интервью Исабел Писано с Лейлой Халед. *PISANO, Isabel. 2004. Yoterrorista. Random house Mondadori, Barcelona, p.283*

21 Интервью Исабел Писано с Хасаном Юсефом. *PISANO, Isabel. 2004. Yoterrorista. Random-house Mondadori, Barcelona, p.276*

терроризма²², которые или отрицают поддержку совершенного теракта, или объявляют ее частью национально-освободительной борьбы, или рассматривают ее как непреложный интернациональный долг, или отправляют террористические обвинения определенным государствам и институтам, объявленным ими персонификацией зла (США, Израиль, Россия, некоторые международные организации). Президент Хафес аль-Асад, в речи на 21-ой конференции рабочих синдикатов Сирии, произнесенной в ноябре 1986 г., заявил: «Мы всегда противопоставлялись терроризму. Но терроризм – это одно, а национальная борьба против оккупации – другое. Мы против терроризма... Но несмотря на это, мы поддерживаем борьбу против оккупации, которые развертывают национально-освободительные движения»²³. Ливийский лидер считает (2001), что терроризм является «угрозой санкций или эмбарго», а Совет Безопасности – самой большой террористической организацией. Упомянутые различия – основная причина, чтобы ООН не располагала определением для терроризма; в последние годы противоположные взгляды являются и главным препятствием перед «диалогом цивилизаций», одной из инициатив в рамках сотрудничества между странами ЕС и странами Средиземноморского бассейна.

Вопрос «может ли существовать «объективное» определение терроризма» имеет более чем один ответ и в академическом дебате. Согласно одной из позиций, такое определение не только возможно, но и необходимо, поскольку составляет основу для международного сотрудничества против терроризма; для другой позиции *терроризм* – всецело вопрос субъективной оценки, поскольку, будет ли конкретный акт определен как террористический или нет, зависит от собственной точки зрения о мире. Если мир воспринимается в состоянии мира, насилие будет определено как терроризм; если мир воспринимается в состоянии войны, насильственные акты будут легитимными. Они будут рассматриваться как защитные и тактические действия в одной постоянной битве или как символы, которые показывают, что мир находится в постоянном и тяжелом конфликте²⁴.

Вырабатывание универсального определения терроризма затрудняется и наличием значительного количества оценочных элементов вне оценки природы насилия, о котором шла речь выше. Friedlander, например, определяет терроризм как *отвратительное* средство, используемое политическими фанатиками для достижения конкурирующих целей²⁵. Netanyahu определяет его как «преднамеренное и систематическое убийство, изувечивание и запугивание *невинных*, чтобы вызвать у них страх с политическими целями»²⁶. (Это определение

22 Според документи на Държавния департамент на САЩ, следните държави се обявяват за спонсори на тероризъм: Куба, Либия, Иран, Северна Корея, Судан и Сирия. **USDEPARTMENT OF STATE**. 2006. *States sponsors of terrorism*. <http://www.state.gov/s/ct/c14151.htm>, 11.04

23 *Tishrin*. 1986. *Syria, November 17*.

24 *Juergensmeyer, Mark*. 2001. *Terrorismo religioso. El auge global de la violencia religiosa*. Madrid, Siglo Veintiuno, p.8

25 Цитирано по *Engene, Jan Oskar*. 2004. *Terrorism in Western Europe. Explaining the trends since 1950*. Edward Elgar, UK, p.5

26 **NETANYAHU, Binyamin**. 1985. *Terrorism: How the West Can Win*. Farrar, Strauss and Giroux, New York., p.9

было изменено в третьей книге Netanyahu «*Fighting Terrorism*», где слово «невинные» заменено словом «гражданские»: «Терроризм – это преднамеренные и систематические нападения на граждан для инспирирования в них страха с политическими целями»²⁷. Подобное мнение и у Dinosega, который отмечает, что терроризм состоит из насильственных актов, совершенных против *невинных* (курсив мой - авт.) людей, выбранных случайным образом с намерением добиться политических или каких-либо других целей, посредством запугивания и террора²⁸, а также и у Harmon, который пишет: «У терроризма всегда одна и та же природа. Способный различным проявлениям: горячая ярость, холодное презрение и даже «гуманное» прощение некоторым жертвам, терроризм никогда не теряет своей сущности, которая состоит в нанесении вреда *невинным* во имя служения политической власти. Терроризм – это «преднамеренное и систематическое убийство, повреждение и запугивание *невинных*, чтобы инспирировать страх для достижения политических целей»²⁹. Приведенные примеры содержат эмотивные и эмоциональные измерения³⁰, (например, на основании каких критериев определяется вина и невинность) и может быть трудно преодолима, но ненужная нормативная перспектива³¹, (кто задает критерии политической этики), которая открывает возможность неограниченной теоретической релятивности.

Вопреки трудному абстрагированию от оценочных моментов, поиск универсальной дефиниции – это задача, «перед которой ученые не могут предаться». «Есть основательная логическая причина необходимости определить терроризм по способу, независимому от психологического желания осмыслить кажущееся бессмысленным насилие»³², и эта причина прячется в необходимости «оценивать дефиниции, не вступая на позиции всецело частных мнений, даже когда ими руководит теория». Самодоказывание теории, однако, требует определения хотя бы некоторых из основных ее составных элементов³³, элементов, которые в большой степени определяются выбранными подходами.

27 NETANYAHU, Binyamin. 1995. *Fighting Terrorism*. Farrar, Strauss and Giroux, New York, p.8

28 DI NOCERA, Enzo. 2004. *Que hay de nuevo sobre el terrorismo internacional?* Santiago, 26 de Abri

29 Цитировано по COOPER, Barry. 2004. *New Political Religions, or an Analysis of Modern Terrorism*. Columbia, MO, USA: University of Missouri Press, 2004, P.31, <http://site.ebrary.com/lib/univ-granada/Doc?id=10069575&ppg=47>

30 Цитировано по SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.5

31 Цитировано по SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.5

32 SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.2

33 GIBBS, Jack. 1989. *Conceptualization of Terrorism*. *American Sociological Review*, Vol. 54, N3, January, p.329

1.2 Подходы дефинирования

В литературе о терроризме можно различить два основных подхода при определении понятия: определение путем включения самых употребимых вербальных категорий и определение путем разграничивания.

Преимущества и ограничения определения через использование самых часто встречаемых вербальных категорий показаны в наиболее полной степени в исследовании Schmid и Jongman, которые подвергают количественному анализу 109 популярных дефиниций и на этом основании идентифицируют самые часто встречаемые вербальные категории. Результаты отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Частота дефиниционных элементов в 109 дефинициях:

№	Дефиниции	%
1.	Насилие, сила	83,5
2	Политические дефиниции	65,0
3	Страх, ударение на террор	51,0
4	Угроза	47,0
5	Психические эффекты и предвиденные реакции	41,5
6	Разграничение между жертвой и мишенью	37,5
7	Целенаправленная, планированная, систематическая организованная акция	32,0
8	Метод борьбы, стратегия, тактика	30,5
9	Экстранормальность, проявляющаяся в нарушении принятых правил, без гуманитарных ограничений	30,0
10	Принуждение, насильственное действие, вырывание согласия	28,0
11	Аспекты, связанные с публичностью	21,5
12	Произвол, имперсональный, случайный характер, индискриминация (не подбирает жертв)	21,0
13	Гражданские лица, не бойцы, нейтральные, аутсайдеры в качестве жертв	21,0
14	Запугивание	17,5
15	Подчеркивание невинности жертв	17,0
16	Группа, движение, организация как совершитель	15,5
17	Символический аспект, демонстрация перед другими	14,0
18	Невозможность подсчитать или прогнозировать, неожиданность применения силы	13,5
19	Нелегальная, скрытая природа	9,0
20	Повторяемость, серийный или кампанийный характер насилия	7,0
21	Уголовный	6,0
22	Требования, отправленные к третьей стороне	4,0

Источник: Schmid, Alex P and A. J. Jongman. 2005. Political terrorism. Transaction Publishers, London, p.6

Восемнадцать из этих элементов включены в определение двух авторов 1999 г., в котором читаем: «Терроризм является методом инспирирования тревожности путем повторяющегося насильственного действия, использованного (полу)нелегальными индивидами, группами или государственными актерами во имя идиосинкретических, уголовных или политических принципов, путем которого, в отличие от убийства, прямые мишени насилия не являются основными мишенями. Непосредственные человеческие жертвы насилия обычно случайно

или символически выбраны среди населения и служат в качестве генераторов послания. Коммуникация, основанная на угрозе и насилии между террористами, жертвами и основными мишенями, запланирована так, чтобы манипулировать основной мишенью, (публику), которая является основной целью террора, претензий или внимания, в зависимости от того, чего этим добивались – унижения, принуждения или пропаганды»³⁴.

Несколько лет позже на той же основе определение переработано следующим образом: «Терроризм – это метод борьбы, при котором случайные или символические жертвы используются в качестве инструментальных мишеней насилия. У них одинаковые групповые или классовые характеристики. Путем использования силы или правдоподобных угроз, другие члены этой группы или класса приводятся в состояние хронического страха (террора). У них отсутствует чувство безопасности, они превращаются в основную мишень террора. Виктимизация мишени насилия считается свидетельством ненормальности из-за зверства, времени (мирного времени) или места (это не поле боя) виктимизации или из-за нарушения правил, характерных для конвенциональной войны. Нарушение норм привлекает внимание аудитории за пределами мишени террора; секторы этой аудитории могут, в свою очередь, стать главным объектом манипуляции. Цель этого индиректного метода борьбы с одной стороны – демобилизовать мишень террора, с другой – мобилизовать вторичные мишени, которым предъявляются требования (правительство), или привлечь чье-то внимание (общественное мнение), чтобы изменить условия или поведение в пользу краткосрочных или долгосрочных интересов тех, которые используют этот метод борьбы»³⁵.

Определение на основании чистейших вербальных категорий имеет все преимущества, но страдает от всех недостатков, характерных для использования количественных методов, часть которых упомянута его авторами. Оно принимается с консенсусом, поскольку включает часть использованных вербальных категорий и по той же причине является достаточно исчерпывающим. В то же самое время, оно статично и отчасти эклектично и оставляет без ответа ряд «качественных» вопросов: где граница между терроризмом и другими формами политического насилия; являются ли государственный терроризм и терроризм сопротивления частями одного и того же феномена; что разграничивает терроризм от чисто уголовных актов, от открытой войны между «однородными» группами и от актов, которые являются результатом ментального заболевания; представляет ли терроризм подкатегорией принуждения, насилия, власти или влияния; может ли он быть легитимированным, и если ответ положителен, что может оправдать его использование; как соотносятся между собой партизанская война и терроризм; каково отношение между преступлением и терроризмом?³⁶ В какой-то степени ответ

34 **SCHMID**, Alex and Albert J. JONGMAN et al., 1988. *Political Terrorism (SWIDOC, Amsterdam and Transaction Books)*, first edition

35 **SCHMID**, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism. Transaction Publishers, USA*, second edition, p.2.

36 **SCHMID**, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism. Transaction Publishers, USA*, second edition

на эти вопросы можно найти в рамках второго подхода, который здесь обозначен как «определение путем разграничивания» и основывается на идентифицировании различий между некоторыми из самых распространенных форм насилия, таких как: революция, гражданская война, восстание, бунт, партизанская война, превраты, политические убийства и др.³⁷ Для целей этого исследования будут сделаны следующие разграничения: между формами внутренней войны (первые четыре среди упомянутых выше) и терроризмом, между партизанской войной и терроризмом, и между новыми войнами и новым терроризмом. В обоих случаях исходим из предпосылки, что терроризм – это насилие, осуществленное негосударственными актерами. Означает ли это, что государство не может быть террористом? Существуют многочисленные литературные источники, посвященные ангажированности государства в террористических действиях. Это легко объясняется тем, что «терроризм», в первую очередь, обозначает инструмент для политической репрессии и социального контроля³⁸, который в течение более двух веков остается интегральной частью процесса управления³⁹ и что ряд государств в разные эпохи использовали нелегитимное насилие, чтобы отвечать воспринятой нужде «большого контроля национальных функций, который не может быть осуществлен средствами нормального процесса управления». «Это принуждение, использованное режимами для проведения политики в разрез с гуманитарными принципами, может быть определено как террор власти»⁴⁰. Thornton разграничивает «террор для принуждения» от «агитационного террора», определяя первый как «использованный установленными властями в политической системе», а второй как «оружие революционеров, чья цель свергнуть систему»⁴¹. Walter говорит о «режиме террора», где «система террора совпадает и действует одновременно с системой власти, причем обеими руководят те, которые уже контролируют обычные институты власти. Вместо того чтобы остановиться на власти-терроре, на конвенциональных правилах и легитимных техниках, управляющие по причинам разного характера выбирают инициировать процесс террора»⁴². В свою очередь, Cline и Alexander предлагают, чтобы терроризм, спонсированный государством, определялся как сознательное использование силы или угроза использования силы со стороны суверенных государств, (или субнациональных групп, получающих поощрение или помощь со стороны суверенных государств) для достижения стратегических или политических целей путем совершения определенных актов нарушения закона в своем стремлении создать чрезвычайный страх у определенной мишени (группы людей), более

37 **ECKSTEIN, Harry.** 1964. *Problems and Approaches.* NY, p.12

38 **SOBOUL, Albert.** 1975. *The French revolution 1789-1799,* NY, Random House, p.385

39 **TERRY, James.** 1980. *State Terrorism: A juridical examination of terms of existing international law.* *Journal of Palestinian studies, Vol.10. N1. (Autumn), p.94*

40 **TERRY, James.** 1980. *State Terrorism: A juridical examination of terms of existing international law.* *Journal of Palestinian studies, Vol.10. N1. (Autumn), p.94*

41 **THORNTON, T.** 1964. *Terror as a weapon of political agitation. P.71* In H. Eckstein (ed) *Internal War,* NY, Free Press, p.72

42 **WALTER, E.** 1964. *Violence and the process of the terror.* *American Sociological Review, vol. 29, N2 (Apr.), p.249*

широкой, чем мишень атакуемых или запуганных гражданских или военных жертв. Основная цель терроризма, получающего спонсирование государства в конце XX в., по мнению авторов, подрвать политику, психосоциальную стабильность и политическую управляемость плюралистических государств и правительств⁴³.

Использование террора со стороны государства не новое явление. В своей книге «Терроризм во имя Бога» Hoffman подчеркивает, что государства всегда использовали незаконные методы, чтобы справиться с противниками, но терроризм, который мы знаем с 1980-х гг., отличается тем, что становится инструментом внешней политики и проявляется в следующих формах: насильственные акты, совершаемые террористами, работающими тайно для государства; предоставление со стороны государства услуг, увеличивающих оперативную мощь террористических организаций как возможность использования военных ресурсов, ресурсов служб безопасности и дипломатии; предоставление логистических услуг: транспортирование оружия и взрывчатых веществ, использование чужой идентичности и дипломатических миссий за границей в качестве оперативных баз; обучение, подготовка и финансовые ресурсы⁴⁴. В результате, государство начинает располагать услугами группы лиц, которые могут быть названы террористическими наемниками: «...нет надобности, чтобы террорист чувствовал себя идентифицированным с делом своего патрона; или яростным идеологом, фанатически верующим или националистом-экстремистом, качества, настолько типичные для групп с идеологической или религиозной мотивациями и для националистических и сепаратистских организаций. Единственно, чего требует государственный терроризм, это быть готовым выполнить заказ за определенную сумму денег, как это сделал бы наемник или наемный убийца»⁴⁵. «Террористические наемники», несмотря на то, что в описанном случае получают оплату от государства за сделанное, все же не представляют само государство; государство редко берет на себя ответственность за совершение терактов. В отличие от Hoffman, который предлагает классификацию форм государственного терроризма, GANOR предлагает классификацию государств, которые практикуют его. «Он идентифицирует государства, которые спонсируют терроризм – поддерживают террористические организации, предоставляя им финансовую помощь, идеологическую поддержку, военную или оперативную помощь; государства, совершающие терроризм – иницируют, направляют и совершают теракты и террористическую деятельность с помощью групп, не принадлежащих их собственным институтам; государства, упражняющие терроризм, преднамеренно атакуют гражданские лица в своих странах для достижения политических целей, не объявляя войны»⁴⁶.

43 **SCHMID**, Alex and Albert J. **JONGMAN**. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, pp. 34-35

44 **HOFFMAN**, Bruce. 1999. *B. A mano armada. Historia del terrorismo*. Espasa Calpe, Madrid, p. 280

45 **HOFFMAN**, Bruce. 1999. *B. A mano armada. Historia del terrorismo*. Espasa Calpe, Madrid, pp. 280-281

46 **GANOR**, Boaz. 1997. «*Countering State-Sponsored Terrorism*». Herzlia: *ICT Papers, The International Policy Institute for Counter-Terrorism, The Interdisciplinary Center*, p. 7.

Основные компоненты цитированных выше текстов можно найти почти во всех известных определениях государственного терроризма. Существующие трудности его дефинирования не настолько концептуальны, насколько проистекают из обстоятельства, что понятие может оказаться пустым, лишенным собственного содержания, так как все известные действия государства, связанные с практикой нелегитимного насилия, можно приравнять к трем установленным категориям: нарушение человеческих и гражданских прав, которые являются объектом международного гуманитарного права, целящего «защитить людей от их собственного государства»⁴⁷; военные преступления, когда речь идет о преднамеренных актах агрессии против гражданских лиц со стороны официальных государственных институтов во время войны или на оккупированных территориях; и преступления против человечества, о которых Cassesse отмечает, что уже санкционированы международным обычайным правом как отдельная категория преступлений»⁴⁸.

Я бы заключила, что «государственный терроризм» – пустое понятие не в смысле, что государство не может быть вовлеченным в акты с террористической природой, подобные тем, которые совершают негосударственные актеры, политическая практика показывает, что это вполне возможно. Rummel вычисляет, что в Х в. 16900000 людей были убиты в действиях, организованных правительствами, причем 13000000 потеряли жизнь в действиях, осуществленных их собственными правительствами. Остальные 39000000 гражданских лиц убиты силами врага во время войны⁴⁹. Около 518 000 гражданских лиц были лишены жизни не государственными актерами, среди которых и террористические организации, а это представляет меньше 0,5% общего числа жертв государства, что, по мнению Мссаулеу, означает, что «государственный терроризм не только первый, но и самый опасный вид терроризма»⁵⁰. Использование понятия «*терроризм*» здесь не будет относиться к государству не потому, что оно не в состоянии прибегнуть к действиям, которые можно определить как террористические, а потому, что эти действия уже охвачены вышеупомянутыми категориями международного и внутреннего права. Вот почему в этом исследовании слово «терроризм» будет использоваться в смысле совершения насильственных действий определенной природы негосударственными актерами; чтобы обозначить вовлеченность государства будет использовано понятие «*терроризм с поддержкой со стороны государства*» или «*терроризм, субсидированный государством*», государства, которые совершают его, будут названы, согласно воспринятой Государственным департаментом США формулировкой, «*государства-спонсоры терроризма*».

47 **SCHORLEMER**, Sabine. 2003. *Human rights: substantial and institutional implications of the war against terrorism*. EJLL, vol.12, N5. p.994

48 **CASSESE**, Antonio. 2001. *Terrorism is also disrupting some crucial categories of the international law*. EJLL, vol.14, N2. p.270

49 **RUMMEL**, Rudolph. 1996. *Death by Government*. New Brunswick, NJ, Transaction Publisher

50 **McCAULEY**, P. 2004. *Psychological Issues in Understanding Terrorism and the Response to Terrorism*. In Cris Stout (ed), *The Psychology of Terrorism*, Westport, CT, Greenwood publishing, pp.36-37

Второе необходимое разграничивание, а именно, разграничивание между конвенциональными военными конфликтами, как конфликты между признанными государственными образованиями и внутренними войнами, политическим насилием, социальным конфликтом и частным насилием, стало предметом исследований в середине 60-х годов⁵¹. Интерес продиктован увеличением партизанского движения в Латинской Америке после Кубинской революции, развитием конфликта в Северной Ирландии и действиями радикальных палестинских организаций⁵². «Внутренняя война»⁵³, которую Eckstein обозначает как «каждое использование насилия в рамках политического порядка с целью изменения его устройства, правил или политики»⁵⁴ или как «тип социальной силы, которая употребляется в процессе политической конкуренции, отклоняющейся от социальных норм, действующих до тех пор, по своему характеру похожа на войну (но война, которая ведется без взаимного соблюдения нормативных правил) и включающая серьезное разрушение установленных институциональных образцов»⁵⁵, оказывается в центре все более интенсивных и ориентированных на практику исследований. Согласно сформировавшемуся в последние годы научному мнению, внутреннюю войну следует рассматривать как родовое понятие, в то время как революция, гражданская война, восстание, бунт, партизанская война, перевороты или терроризм, скорее всего, являются видовыми понятиями⁵⁶.

Первое, что бросается в глаза, это то, что война, по крайней мере в ее конвенциональной форме, отличается от терроризма даже из-за того, что она признана международным правом как легитимное действие, в то время как терроризм не признан. Кроме того, существуют обстоятельства, когда войну можно считать справедливой, а по отношению к терроризму такие обстоятельства трудно найти – не случайно организации и сети, практикующие терроризм, предпочитают говорить о состоянии войны, а не о состоянии террора. Теория справедливой войны, которая является широко используемой парадигмой анализа морального аспекта международных отношений, а еще больше – вооруженных конфликтов, устанавливает несколько условий, которые (если исполнятся) создадут предпосылки рассматривать войну как оправданную. По мнению некоторых авторов, их можно дифференцировать на *jus adbellum*, включающие шесть критериев,

51 NIEBURG, H.L. 1969. *Political Violence*. NY, St. Martin's Press; ECKSTEIN, Harry. *Problems and Approaches*. NY, 1964; OBERSHALL, Anthony. 1973. *Social conflict and social movements*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall

52 През 60-те и 70-те години са публикувани редица изследвания, сред които по-важни са следните: Chaliand, G. 19972. *The Palestinian resistance*. Baltimore, Penguin Books; Coogan, T. P. 1970. *The I.R.A.* NY, Praeger; Croizer, B. 1960. *The Rebels*. Boston, Beacon Press; McGuire, M. 1973. *To take arms*. NY, Viking Press; O'Brein, C.C. 1972. *StateofIreland*. NY, Quadrangle Books и др.

53 Разграничение между внешними и внутренними войнами становится впервые объектом обсуждения в XIX в. в связи с политическим насилием. Тексты в этой связи можно найти у графа Ферсена в начале 90-х гг. XVIII в. и у Сисмонди; а также в издании *FederalistPapers* и у Кропоткина в 80-х гг. XIX в.

54 ECKSTEIN, Harry. 1965. *On the Etiology of Internal Wars. History and Theory*, Vol. 4, N2, p.133

55 ECKSTEIN, Harry. 1964. *Internal War. Problems and Approaches*, NY, p.12

56 ECKSTEIN, Harry. 1964. *Internal War. Problems and Approaches*. NY, p.12

которые оправдывают объявление войны и *jus in bello*, включающие два критерия, которые руководят поведением во время войны⁵⁷. Первая группа критериев включает: справедливое дело (национальную защиту, самоопределение); страна, или другая единица, должны быть легитимным представителем своих членов; необходимость в хороших намерениях, (т. е. действовать в согласии с причинами войны); войну надо рассматривать как последнее средство (т. е. должны быть исчерпаны все ненасильственные средства); вероятность победить высока, что превратит войну в целенаправленное средство; необходимость определенной пропорциональности (предвидимые потери не должны превышать ожидаемых польз). Принципы, которые должны руководить поведением в справедливой войне, это: пропорциональность (методы победы должны минимизировать потери человеческих жизней) и избирательность (легитимные мишени, в том числе и военный персонал, должны быть специфицированы). Несмотря на относительную релятивность критериев, в целом терроризм не удовлетворяет ни один из них, за исключением критерия о справедливости дела в случае проявления этнически легитимированного терроризма, когда речь идет о самоопределении, и это не означает, что надо оправдывать его. С другой стороны, террористы не обладают характеристиками воюющих. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных из состава вооруженных сил, потерпевших во время боевых действий на суше (1950 г.) ставит четыре условия, на которые одно лицо должно отвечать, чтобы его считали солдатом: оно должно нести отличительные знаки, оружие, действовать в согласии с законами и традициями войны, выполнять приказы командира, который является ответственным за своих подчиненных. Считается, что террористы удовлетворяют только последнее условие, а это не вполне надежно в случае с террористическими сетями. На них, однако, не отвечают и подразделения современных армий, обученных вести неконвенциональную войну.

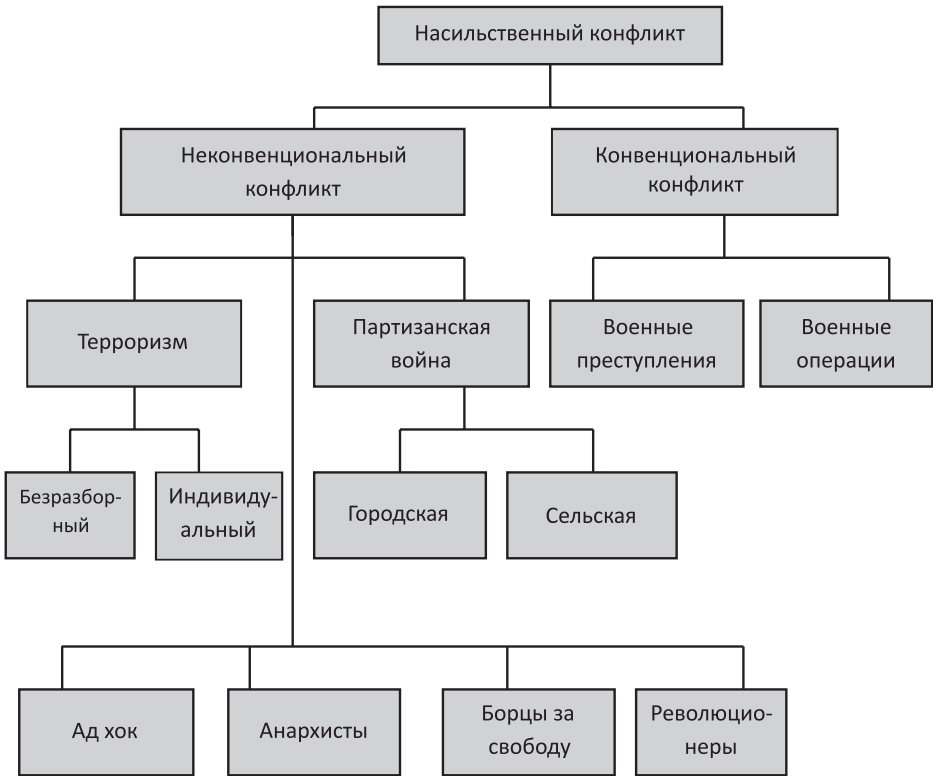
С другой стороны, терроризм отличается от революции. Несмотря на то, что обе формы стремятся к радикальным экономическим, политическим и социальным трансформациям, революция предполагает более систематические и масштабные действия, более широкую социальную основу и способность предложить альтернативное управление⁵⁸. Это разграничение между двумя формами насилия тоже не абсолютно – известен ряд организаций, которые возникают как террористические, с поддержкой со стороны ограниченной социальной базы, а впоследствии перерастают в революционные (в вышеупомянутом смысле слова) и даже в конституциональные.

Существуют разные подходы к разграничению двух из самых оспариваемых типов понятия – терроризма и партизанской войны, – которые надо искать в рамках насильственного конфликта, и для этой цели используется идея Ganog, отраженная в следующей схеме:

57 VALLS, A. 2000. *Can Terrorism be Justified?* In A. Valls (ed) *Ethics in International Affairs: Theories and Cases*. pp. 65-79, Lanham, MD, Rowan and Littlefield

58 STEVENS, Michael. 2005. *What is Terrorism and Can Psychology Do Anything to Prevent It?* *Behavioral Science and the Law*, 23

Схема 1. Формы насилия

Источник: GANOR, Boaz. *Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist Another Man's Freedom Fighter?* <http://www.ict.org.il/index.php?sid=119&lang=en&act=page&id=5547&str=define%20terrorist>

По мнению Ganor, насильственный конфликт может быть конвенциональным или неконвенциональным. Первый подразумевает конфликт между государствами, а второй – между государством и организацией⁵⁹. Неконвенциональный конфликт может проявиться как терроризм или как партизанская война (герилья). Герилья в самом употребляемом значении используется для обозначения группы вооруженных индивидов с значительной численностью, которые оперируют как боевую единицу, атакуют вражеские силы, овладевают территорией (хотя это происходит спорадически и на короткое время) и используют определенную форму суверенитета и контроля над данной географической зоной и ее населением⁶⁰. Сущность партизанской войны сводится к тому, «чтобы установить очаги или свободные зоны внутри страны и сформировать небольшие военные единицы, которые постепенно будут увеличивать свою силу, численность и

59 GANOR, Boaz. 2001. *Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist Another Man's Freedom Fighter?* <http://www.ict.org.il/index.php?sid=119&lang=en&act=page&id=5547&str=define%20terrorist>

60 LAQUEUR, Walter. 1976. *Guerrilla: historical and critical study*. Boston and Toronto, Little, Brown, p.XI; HOFFMAN, Bruce. 1999. *B. A mano armada. Historia del terrorismo*. Espasa Calpe, Madrid, p.59

вооружение..., чтобы вступить в сражение с войсками правительства. В свободных зонах партизаны устанавливают свои собственные институты, проводят пропаганду и другие политические деятельности. Ни одна из этих характеристик не относится к террористам, которые базируют свои операции в городах и действуют нелегально небольшими соединениями»⁶¹. В отличие от партизан, террористы не действуют явно как воинская часть; как правило они не занимают определенные территории; избегают входить в сражение с регулярными военными силами и очень редко используют контроль или суверенитет над территорией и ее населением⁶². Разграничение Yehoshafat остается в рамках той же логики – определяя партизанскую войну как продолжительную войну с нарастающим насилием, с неопределенными границами и меняющейся линией фронта, он еще раз подчеркивает значение человеческого фактора – в ходе герильи партизаны начинают формирование регулярных воинских сил, и это продолжается до тех пор, пока не будет постигнута победа или поражение⁶³. Его заключение состоит в том, что терроризм часто проявляется в партизанской войне⁶⁴, что, если я правильно поняла, должно фиксировать его инструментальное значение – партизаны, как и другие *группы людей*, могут выбрать – использовать или не использовать терроризм как *средство*.

Выбранные определения демонстрируют проблему, с которой сталкиваются почти все попытки дефинировать понятие терроризма разграничением: в них фигурируют понятия «герилья» как форма насильственного конфликта – с одной стороны, и «террористы» (а не «терроризм») – с другой. Если партизанская война является *формой* насильственного конфликта, терроризм – *средство*, а террористы – *группа* людей, то сопоставление нельзя считать корректным, потому что таким образом сопоставляются реальности разного порядка. В подобное затруднительное положение впадает и Rapoport, который пишет: «Традиционная отличительная характеристика *террориста* (а не *терроризма* – прим. авт.) – это эксплицитное отбрасывание конвенциональных моральных границ, которые определяют действия во время войны и герильи»⁶⁵. Двойственное значение понятий часто ставит анализ перед вызовом: не быть уверенными в том, что точно анализируем.

Террористы и партизаны различаются еще в двух аспектах: мишенями террористов являются гражданские лица или сооружения, а герильи – военнослужащие и военные объекты, которые имеют значение для военной сферы и военных действий. «Партизаны могут воевать с небольшим количеством людей и неадекватным вооружением, но они должны, и обычно воюют по правилам

61 LAQUEUR, Walter. 1976. *Guerrilla: historical and critical study*. Boston and Toronto, Little, Brown, p.147

62 CIA. *Guide to the analysis of insurgency*. Washington, USA government printing office, p.2

63 YEHOSHAFAT, Harkabi. 1983. *On Guerrilla Warfare* (Tel-Aviv: Ma'arakhot, p.27, Jerusalem Quarterly, 47, p.27

64 YEHOSHAFAT, Harkabi. 1983. *On Guerrilla Warfare* (Tel-Aviv: Ma'arakhot, p.27, Jerusalem Quarterly, 47, p.27

65 Цитировано по SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN et al., 1988. *Political Terrorism* (SWIDOC, Amsterdam and Transaction Books), first edition, p.44

войны, берут и разменивают военнопленных, уважают права гражданского населения. Террористы не признают никаких самоограничений в отношении использованных средств и часто прибегают к убийствам и общему террору над местным гражданским населением»⁶⁶. Вторая отличительная черта связана с соблюдением военных конвенций, партизанская война – это маленькая война и она является субъектом тех же правил, которые применяются к большим войнам и этим отличается от терроризма»⁶⁷.

В литературе, посвященной сравнению терроризма и герильи, нашли место и другие различия: то, что обе формы насилия являются плодом разных интеллектуальных традиций, воспринимают разные моральные ограничения и, наконец, имеют разные цели. Поскольку воспринятая и аргументированная в этом исследовании позиция такова, что значение имеют мишени, средства и результаты, а не мотивы и совершители, упомянутые различия не будут специально выделяться.

Обобщая, следует еще раз подчеркнуть, что герилья (партизанская война) и терроризм обычно являются объектами некорректных сравнений, так как (имплицитно и эксплицитно) воспринимаются как явления разного порядка. Здесь снова напоминают о себе ограничения языка, может быть правильнее было бы говорить о террористах и партизанах – с одной стороны, и о террористическом и партизанском насилии – с другой. Тогда стало бы более ясно, что последние две являются формами насилия и что терроризм характеризует, прежде всего, акт упражнения насилия, а не его субъекта. Практические импликации сравнения предполагают, что вооруженные группы могут начать свое существование как террористические организации и впоследствии преобразоваться в партизанские или повстанческие силы, так и наоборот. Примером трансформации первого типа является развитие «Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти» в Сальвадоре и даже «Хизбалла» в Ливане, несмотря на то, что последняя продолжает фигурировать в списке террористических организаций Государственного департамента США, а второй тип – это Вооруженные силы для освобождения Колумбии. Кроме того, террористическое прошлое организаций не исключает развития, которое привело бы к последующему интегрированию в партийную систему страны; доказательством этого является успешный конец процесса в Ирландии. Подобный взгляд, несмотря на моральные неудобства, раскрывает прагматическую перспективу справиться со смущающими ситуациями типа созданной в 2006 г. избирательной победы организации «Хамас», когда сила, которую считали террористической, получила легитимность путем демократической электоральной процедуры.

66 **SCHMID**, Alex and Albert J. *JONGMAN et al.*, 1988. *Political Terrorism (SWIDOC, Amsterdam and Transaction Books)*, first edition, p.42

67 **SPRINZAK**, Ehud. 1985. In a lecture at a workshop on «Israel and Terrorism» sponsored by the International Center for the Study of Contemporary Society, Jerusalem

1.2.1 Академические и институциональные определения

В этом параграфе нашли место два типа определения: академические и институциональные. И те и другие обращают внимание на следующие элементы: использованные средства, цели, совершители, мишени. На основании этой дифференциации, Rodin предлагает следующую таксономию: тактические и оперативные определения, телеологические дефиниции, дефиниции агента и дефиниции цели. Те же самые элементы, но в различной последовательности, будут рассмотрены в нижеследующем тексте.

Часть дефиниций ангажируются уточнением совершителя. Wardlaw отмечает, что политический терроризм – это использование насилия или угроза использования насилия со стороны индивида или группы, независимо от того, действуют они для или против установления власти, в случае, когда это действие направлено на создание экстремальной тревожности и/или вызывают страх в мишени более широкой, чем непосредственная, с целью вынудить последнюю принять политические требования совершителей⁶⁸. Другие не указывают на субъект террористического действия. Для Федерального бюро расследований терроризм – это незаконное использование силы или насилия против людей или собственности с целью вызвать страх или осуществить принуждение над правительством, гражданским населением или каким-либо его сегментом при преследовании политических или социальных целей (1980).

Цель террористического действия тоже является предметом разных интерпретаций. Чаще всего считается, что целью является индуцирование страха. Bucklew отмечает, что терроризм – это насильственное уголовное поведение, использованное, в первую очередь, для того, чтобы генерировать страх в обществе или в основном ее сегменте для достижения политических целей⁶⁹. Daval и Stohl обращают внимание на тот же аспект: терроризм – это действие, стремящееся создать острый страх и благодаря ему достигнуть желанного исхода конфликтной ситуации⁷⁰. Crenshaw⁷¹ предпочитает говорить о психологических эффектах. По ее мнению, терроризм – это систематический и целенаправленный метод, использованный революционной организацией для занятия политической власти; она предполагает консистентные образцы символической или репрезентативной селекции его физических жертв или объектов и стремится создать психологический эффект над специфической группой людей, причем эффект варьирует в зависимости от характера групп, с целью изменить политическое поведение и условия таким образом, чтобы он был в созвучии с достижением революционных целей.

68 Цитировано по SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.37

69 Цитировано по SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.34

70 Цитировано по SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.36

71 Цитировано по SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition

Мишень специфицируется как индивид, группа или власть (управляющая элита): «терроризм – это акт, чья цель заставить индивида, группу или власть воспринять определенные условия или выполнить данные требования в состоянии страха, причиненного пассивным действием или насилием – демонстрированным, угрожающим или подразумеваемым»⁷². В большинстве случаев подчеркивается обстоятельство, что террористическое действие направлено против гражданских лиц и объектов. Отсутствие подобной детали затруднило бы разграничение террористического от военного действия, хотя ее включение само по себе не представляет целостное решение. Часть предложений акцентирует внимание на том, что в случае с терроризмом настоящая мишень шире непосредственных жертв; последние случайно выбраны и используются только для того, чтобы передать послание целевой группы, чье поведение нужно изменить. Эта интерпретация известна как коммуникативная и способствует разграничиванию терроризма от других форм политического насилия (убийства или угрозы над политическими и публичными личностями), которых считают успешными, если поражена непосредственная мишень. С подобной позиции Crelin sten интерпретирует терроризм как форму политической коммуникации, при которой налицо целенаправленное использование насилия и угрозы насилия, чтобы вызвать состояние страха (или террора) у определенной жертвы или аудитории. «Вызванный страх – это средство, благодаря которому взаимная зависимость или согласие поддерживаются или становятся более слабыми. Обычно использование созданного страха от насилия направлено к одной мишени, в то время как требования направлены к другим. Следовательно, мы говорим об отношении с тремя членами: террористом и двумя разными мишенями. Без знания специфической цели терроризм должен задеть, одним или другим способом, отношения между людьми, индивидами и группами. Одним словом, терроризм – это тактика, включающая использование и угрозу насилия для коммуникативных целей. Как и почему используется, – варьирует в зависимости от конкретных контекстов»⁷³. Подобно и мнение Jenkins: «Угроза насилия, индивидуальные акты насилия или кампания насилия, предназначенные в основном вселить страх – терроризировать – могут быть названы терроризмом. Терроризм – это насилие с целью создать эффект: не только и иногда вообще не для эффекта над действительной жертвой террористов. На практике у жертвы вообще может и не быть связи с террористическим делом. Терроризм – это насилие, направленное против людей, за которыми наблюдают. Страх – это эффект, который является целью, а не побочным продуктом терроризма. Это разграничивает терроризм от убийства и других форм преступления, сопровождаемых насилием, которые могут порождать ужас, но не являются терроризмом»⁷⁴. Backes и Jessee тоже считают, что

72 Цитировано по **SCHMID**, Alex and Albert J. JONGMAN et al., 1988. *Political Terrorism* (SWIDOC, Amsterdam and Transaction Books), first edition, p.34

73 Цитировано по **SCHMID**, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.35

74 Цитировано по **SCHMID**, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.36

терроризм имеет коммуникативную функцию, так как благодаря систематическому применению актов насилия, включающих элементы неожиданности, страха и террора – согласно этимологического значения слова – делается попытка последние индуцировать в социальную группу, против которой ведется борьба; в то же время делается попытка сконцентрировать внимание и (долгосрочно) симпатию более широких секторов населения во имя определенных политических целей⁷⁵. PRICE подчеркивает, что цель терроризма – повлиять на группу, которая идентифицируется с жертвами и которая таким образом получает имплицитное послание⁷⁶. Элемент коммуникативной интерпретации содержит и часто упоминаемое определение ЦПУ, согласно которому «терроризм – это... запугивание или использование насилия для политических целей, ...использованные индивидами и группами, действующими на благо или против правительственной власти, когда это действие совершается, чтобы шокировать или вспугнуть большую группу, более широкую, от непосредственных целей»⁷⁷. Определение на основании мишени – гражданских лиц или объектов – создает предпосылки обсуждения вопроса: возможно ли моральное *определение* терроризма: «Терроризм, – отмечает Rubin, – получает дистинктивный моральный характер из-за факта, что использует силу против тех, против которых не надо было бы использовать силу». В понятиях теории о справедливой войне он применяет силу против не-бойцов»⁷⁸. «Ключ к моральному пониманию терроризма лежит в использовании силы против неподходящих объектов»⁷⁹. Тесно связан с вышеупомянутым и вопрос: возможно ли⁸⁰ морально оправдать терроризм?⁸¹ Оба вопроса остаются вне поля зрения настоящего исследования; если здесь упоминаются проистекающие из дефиниции «вопросы повышенной трудности», то это лишь для того, чтобы подчеркнуть, что проведенные до конца, иногда собственные определения приводят к неожиданным усложнениям. Corrado утверждает, что

75 Цитировано по **SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. Political terrorism. Transaction Publishers, USA, second edition, p.34**

76 **PRICE, Edward. 1977. The Strategy and Tactics of Revolutionary Terrorism. Comparative Studies in Society and History. Vol. 19, N1, (Jan), pp.52-66**

77 **SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. Political terrorism. Transaction Publishers, USA, second edition, p.32**

78 **RODIN, David. 2004. Terrorism without intention. In Ethics, 114, (July), p.752**

79 **RODIN, David. 2004. Terrorism without intention. In Ethics, 114, (July), p.759**

80 *Классический пример морального осуждения терроризма - позиция Michael Walzer, который считает, что возможны четыре типа оправдания насилия: что оно последнее средство, что оно единственная возможная стратегия, что оно эффективно и что оно не различимо от других форм политической борьбы. Согласно Walzer, ни одно из этих предположений не относится к терроризму. (WALZER, Michael. 1988. Terrorism, a critique of excuses. Problems of international justice, (ed), Steven Luper Foy, Boulder, CO, Westview point press, pp.237-247)*

81 *Согласно Saul Smilanski, моральное оправдание возможно в трех случаях: когда идет речь о выживании группы (Камбоджа), когда есть нужда, чтобы общественное мнение было гальванизировано, чтобы этим обратило внимание на положение народов третьего мира, и когда использование терроризма имеет целью свержение диктаторских режимов и установление демократии. (SMILANSKI, Saul. 2004. Terrorism, justification and ilusion. Ethics, 114, July, pp.798-799.*

самой широкой дефиницией терроризма могла бы быть та, которая включает каждый акт насилия над публичностью как цель⁸², причем обе могли бы быть широко интерпретированными: террористическое действие можно рассматривать как атаку против сферы публичного. Если это так, представляет ли терроризм специфический вид насилия, направленный на достижение политических целей; сам он имеет ли политический характер? Creshaw подчеркивает, что намерения террористического насилия, прежде всего психологические и символические, несмотря на то, что ориентированы на политику: «Терроризм – это преднамеренное и целенаправленное насилие, использованное в борьбе за политическую власть». Согласно Laswell, террористы участвуют в политическом процессе и стремятся добиться политических результатов увеличением острой тревожности⁸³. По мнению Crozier, терроризм означает мотивированное насилие для достижения политических целей (эта дефиниция разграничивает терроризм от вандализма и не политического преступления): «Меры крайней репрессии, в том числе и пытки, использованные государствами репрессировать население или политических диссидентов, которые могут быть или не быть террористами или партизанами, называются террором»⁸⁴. Wilkinson подчеркивает: «Я определил политический терроризм как систематическое насилие, убийство, разрушение и угрозу убийства и разрушения, опыт терроризирования индивидов, групп, общества или правительства, для достижения террористических и политических целей»⁸⁵.

Обобщая, можно сказать, что теории 1960-1970-х гг. определяют, почти без исключения терроризм как политический по своему характеру – специфический и насильственный тип политической борьбы (PYE); угроза или использование насилия для достижения политических целей (Crozier); символический акт, направленный на достижение политических целей (Thornton); опыт управлять или оппонировать правительству запугиванием (Thayer); насилие, создающее крайний страх от разрушения системы власти (Walter)⁸⁶.

Существуют, однако, и альтернативные мнения. Например, Fernandez считает, что некорректно ограничивать терроризм до его политического аспекта, он предлагает более широкое понятие, которое интерпретирует его как тип уголовных коллективных действий⁸⁷. Fernandez приводит в качестве доказательства совместные акции Красных бригад и неаполитанской каморры, которые, по его мнению, подтверждают, что цели одной террористической организации могут быть политическими, но также и экономическими или религиозными (или

82 **CORRADO, R.R.** 1981. *A critique of the mental disorder perspective of political terrorism. International Journal of Law and Psychiatry*, 4, pp.293-309.

83 Цитировано по **SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN.** 2005. *Political terrorism. Transaction Publishers, USA, second edition, p.35*

84 Цитировано по **SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN.** 2005. *Political terrorism. Transaction Publishers, USA, second edition, p.35*

85 Цитировано по **SCHMID, Alex and Albert J. JONGMAN.** 2005. *Political terrorism. Transaction Publishers, USA, second edition, p.37*

86 Цитировано по **FERNANDEZ, Alonso.** 1986. *F. Psicologiadelterrorismo. Salvat, Madrid, p.3*
87 **FERNANDEZ, Alonso.** 1986. *F. Psicologiadelterrorismo. Salvat, Madrid, p.4*

комбинацией всех указанных). Он считает еще, что терроризм, как вид уголовного действия, отличается следующими тремя характеристиками: «...берет начало из одной более или менее воинствующей идеологической платформы, использует насильственный и разрушительный способ действия; создает коллективную атмосферу эмоций и чувств страха, ужаса, паники или террора. Чтобы развиться до конца, терроризм, как таковой, нуждается в аудитории для проектирования на ней эффектов насилия. Это его театральное и драматическое измерение»⁸⁸.

Различия в определениях характерны не только для академического дебата; институциональные дефиниции имеют ту же проблему. Ниже следует несколько примеров, которые иллюстрируют различные акценты и точки зрения институтов, у которых есть отношение к терроризму.

Министерство юстиции США (1984) считает, что терроризм представляет собой насильственное уголовное поведение, которое, очевидно, направлено к тому, чтобы: 1) запугать гражданское население; 2) повлиять на поведение правительства путем запугивания и принуждения; 3) задеть поведение правительства убийством или взятием заложников⁸⁹.

Армия США использует последовательно четыре определения, выработанные в различные периоды времени. Первое определяет *терроризм* как использование или угрозу использования насилия в преследовании политических целей. Согласно второму (1983), он является незаконным использованием или угрозой использования силы или насилия революционной организацией против индивидов или собственности с намерением принудить или запугать правительства или общества, часто с политическими или идеологическими целями. Третье определение, того же года, подчеркивает, что терроризм – это подсчитанное использование насилия или угрозы насилия для достижения политических, религиозных или идеологических по своей природе целей. Это делается путем запугивания, принуждения или внушения страха. Терроризм предполагает уголовный акт, который символичен по природе и направлен к тому, чтобы повлиять на аудитории вне непосредственных жертв. В 1986 году эта дефиниция была заменена другой: незаконное использование или угроза использования силы или насилия против индивидов или собственности, чтобы вынудить или вспугнуть правительства или общества, часто для достижения политических, религиозных или идеологических целей.

По определению Государственного департамента США (1983), терроризм – заранее обдуманное, политически мотивированное насилие, совершенное против невоенных целей субнациональных групп или нелегальных государственных агентов, а определение Специальных сил вице-президента США (1986) связывает терроризм с незаконным использованием угрозы насилия над людьми или собственностью для достижения политических и социальных целей. В целом оно

88 **FERNANDEZ**, Alonso. 1986. *F. Psicologiadelterrorismo*. Salvat, Madrid, p.5

89 **SCHMID**, Alex and Albert J. **JONGMAN**. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.33

используется для того, чтобы запугать или вынудить правительство, индивиды или группы изменить свое поведение или политические действия⁹⁰.

На основании анализа и оценки академических и институциональных определений в следующем параграфе определилась формулировка, которую автор будет использовать в этом исследовании.

1.2.2 *Предложение рабочего определения*

Wattad отмечает, что терроризм является концепцией, «которую можно понять только в определенном контексте», но может быть дефинирована лишь в случае, если «теория извлечена независимо от события» и конструирована «не в свете определенного события»⁹¹.

Многие оспаривают эту возможность, но я могу принять ее как осуществимую. С этой позиции предлагаю свое определение: терроризм – это преднамеренное насилие, направленное против гражданских лиц или объектов или военных лиц и сооружений в невоенное время, имеющее целью модифицировать поведение в желаемом направлении мишени, различной от непосредственной. Основания для этого предложения следующие.

Во-первых, оно не специфицирует совершителей, так как если допустить, что каждый – группа, индивид, организация, институт или государство – может быть совершителем или вдохновителем акта, то специфицирование становится бессмысленным.

Во-вторых, содержит в себе компонент «преднамеренное насилие», в случае если идет речь об акте или процессе, о физическом или психологическом насилии. Разграничивание акта от процесса не может быть возможным во всех случаях. Например, если неизвестная «дебютирующая» организация возьмет на себя ответственность за грандиозную атаку, будет ли ее неизвестность или статус дебютирующей основанием, чтобы акт не был классифицирован как террористический? Отрицательный ответ будет нелогичным. С другой стороны, не сделано разграничений между отдельными типами насилия, потому что как физическое (террористический акт), так и психическое (угроза его совершения) в состоянии терроризировать население, то есть пробудить в нем чувство страха и крайней тревожности. Какой бы ни была природа насилия, оно всегда преднамеренно, заранее запланировано и задумано, у него нет спонтанного и инцидентного характера.

В-третьих, элемент «страха» исключен еще и потому, что во многих случаях «запугивание» принадлежит эпохе классического террора. Массовые убийства, как то, что случилось 11 сентября, причиняют гораздо больше страха – причиняют потери, которые абсолютно сравнимы с теми, что случаются во время войны. Кроме того, террористическое насилие направлено не просто на то, чтобы создать

90 Цитировано по **SCHMID**, Alex and Albert J. JONGMAN. 2005. *Political terrorism*. Transaction Publishers, USA, second edition, p.33

91 **WATTAD**, M. Saif-Alden. 2006. *Resurrecting «Romantics at War»: International Self-Defense in the Shadow of the Law of War—Where are the Borders?*, *ILSA Journal of International & Comparative Law*, 13 (1)

страх, а страх, «который принуждает кого-то другого... создать совершенно другую программу действия, удовлетворяющую желания террористов»⁹²; целью убийства является не столько смерть непосредственной жертвы, а провоцирование чего-то другого, что привело бы к изменению политических условий (и восприятий) по способу, который благоприятствует последним целям террористической группы⁹³. Терроризм передает послание, его цель уходит далеко за пределы идеи нанести вред материальным ресурсам врага⁹⁴.

В-четвертых, принята основная идея описанной выше коммуникативной парадигмы, а именно та, что группа жертв случайно выбрана; их вина заключается лишь в том, что они оказались в неподходящий момент в неподходящем месте. Для террористической группы они имеют небольшое значение, а поскольку имеют все-таки такое, то оно заключается в факте, что представляют более широкую аудиторию, к чьей реакции террористы стремятся⁹⁵. Настоящая мишень в общем случае другая, хотя и это не бесспорно⁹⁶.

В-пятых, терроризм не дефинирован как политическое насилие, поскольку, по мнению автора, это утверждение безусловно и подлежит дискуссии, которую можно вести с чисто теоретических позиций, а она нуждается в убедительных эмпирических доказательствах. Чаще всего приводимые аргументы в пользу политического характера терроризма заключаются в том, что он имеет целью распределить власть, осуществляется против всего общества, а не против отдельной личности, что разграничивает его от частного насилия и, наконец, что он добивается установления какого-то типа контроля политики. Reinares подчеркивает, что организации, практикующие терроризм, стремятся задеть структуры и распределение власти, как на национальном, так и на международном уровнях, и что несмотря на свою ограниченность по сравнению с другими формами организованного коллективного насилия, терроризм может иметь серьезное воздействие на фундаментальные процессы, обычные для демократических режимов в развитых индустриальных обществах не только Европы. Например, систематическая и постоянная террористическая деятельность не только не нарушает человеческие права, но и препятствует свободному развитию гражданских свобод, изменяет нормальное функционирование официальных институтов, мешает управлению публичной сферой со стороны избранных властей, или мешает автономному развитию гражданского общества. Комбинированный

92 **FROMKIN**, David. 1975. *The Strategy of Terrorism*. *Foreign Affairs*, 53, 4 July, p.693

93 **SNIDER**, Lewis. 2004. *Wellsprings of Holy Terror in an Era of Globalization: Neo-Liberalism versus Islamic Ideas in the Middle East*, http://www.allacademic.com/meta/p99967_index.html

94 **CRENSHAW**, Martha. 1981. *The causes of terrorism*. *Comparative politics* vol. 13, N4 (Jul), pp.379-399

95 **CRENSHAW**, Martha. 1981. *The causes of terrorism*. *Comparative politics* vol. 13, N4 (Jul), pp.379-399

96 *Что было бы, если бы управляемый самоубийцами самолет врезался в здание правительства и причинил смерть всех его членов? Тогда политика соответной страны была бы результатом управления временного правительства, но временное правительство – это правительство, которое в момент атаки не существовало, а законное правительство как человеческие личности уже не существует.*

с другими факторами, как создание напряжения и «перегрузка» политической системы, терроризм превращается в риск, если не в угрозу стабильности либеральных демократий, особенно тех, которые находятся в процессе консолидации. Следовательно, от каждого легитимно конституированного правительства ожидается постоянное и неуклонное противопоставление как подобным агрессивным вызовам существующему толерантному политическому порядку, так и монополии физического принуждения над определенной территорией, на которую государство имеет претензии⁹⁷.

В свою очередь, Enders аргументирует политический характер терроризма следующим образом: «Наличие политического мотива является основным, так как насилие, использованное для приобретения денег, без намерения этим добиваться политического результата, является обыкновенным уголовным актом. Политические цели терроризма включают в себя поощрение религиозной свободы, экономическое равенство, перераспределение доходов, национализм, сепаратизм, идеологии (то есть марксизм), нигилизм, расизм и некоторые другие специфические идеи»⁹⁸. Слабое место этого мнения заключается в том, что вследствие ограниченной эмпирической базы, цели части террористических организаций неизвестны. Немного различным является подход Held, которая считает, что терроризм – это политическое насилие, несмотря на то, что «существует известное сомнение – у «Аль-Каиды» и Бен Ладена существует ли политическая цель в смысле, в котором большинство из нас понимают политику». Вопреки сомнениям, Held утверждает, что террористическое насилие имеет политический характер, поскольку «его цель – господство религии над политикой»⁹⁹.

По мнению Engene, терроризм имеет политический характер, так как представляет очевидный удар по праву государства на легитимную монополию над насилием – он «нечто большее, чем преступление, сопровождаемого насилием, потому что вызывает право государства использовать и регулировать насилие»¹⁰⁰, и еще потому, что угрожает государству, делая его слабее относительно других государств, генерируя внутренние проблемы и кризисы. Тот же автор считает еще, что если современное государство характеризуется установленными реципрокными связями лояльности и взаимозависимости между управляющими и управляемыми, а терроризм использует насилие с целью повлиять на эти связи, то его политический характер остается вне всякого сомнения: «Если у политики контролирующая и регулирующая функция, а государство является институтом, ответственным за регулирование использования насилия, то в таком смысле терроризм будет уязвлять государство всегда, независимо от своих мотивов». Терроризм политический, потому что средства, которые он использует,

97 **REINARES, Fernando.** (ed). 2000. *European Democracies against terrorism*. Ashgate. England. Увод.

98 **REINARES, Fernando.** (ed). 2000. *European Democracies against terrorism*. Ashgate. England. Увод.

99 **WALTER, Enders and Todd SANDLER.** 1999. *Transnational Terrorism in the post-cold war era*. *International Studies Quarterly*, vol. 43, N1, (March), p. 148

100 **HELD, Virginia.** 2004. *Terrorism and war*. In *The Journal of Ethics*, 8, p. 61

«направлены против государства как институт, так как вызывают его монополию над насилием и влияют на его отношения с другими группами общества»¹⁰¹; и наконец потому, что подрывают его легитимность, лишая его законности, участия и поддержки.

В этом споре Merget возражает против политического характера терроризма следующим образом: «Из этого не следует, что сами бомбовые теракты имеют политический характер в земном, светском смысле термина, то есть акт, который должен привести к определенному политическому результату. Я ничего не знаю об амбициях Бен Ладена, но у меня создалось впечатление, что у него нет или даже не было намерения становиться лидером определенной терроризированной уммы. Скорее всего, некоторые из совершителей действуют под влиянием апокалиптической смеси из трансцендентального нигилизма, где элементы фанатической веры идут рука об руку с желанием разрушать»¹⁰². И правда, трудно увидеть, какой другой политический эффект имели бы бомбовые теракты, кроме свержения единственного режима, готового предоставить убежище (*Аль-Каиде* – прим. авт.), и широких репрессивных действий против них в международном плане. Фактически, бомбовые теракты могли бы быть глубоко самоубийственными, выражением единственного желания смерти – не только для тех, кто управлял самолетами, но также и для движения, которое поддерживает их¹⁰³. Подобны заключения Juergensmeyer, который возражает против определения, что терроризм представляет собой насилие, направленное на достижение политических целей с замечанием, что в *определенных случаях* это определение подходящее, так как терроризм может быть и насилием, у которого цели политические, и оказывает прямое влияние на публичную политику, но не всегда такое. Он приводит в качестве примера выборы в Израиле в 1996 г., когда после убийства Ицхака Рабина было зарегистрировано преимущество для его наследника Шимона Переса перед Натаньяху приблизительно в 20%; преимущество, которое было потеряно, благодаря самоубийственным терактам «Хамас» в автобусах городского транспорта Иерусалима. Juergensmeyer свидетельствует, что после электоральной победы Натаньяху во время допросов обвиненных в совершении терактов был задан вопрос: было ли у них намерение повлиять на исход выборов. Они отвечали отрицательно, аргументируя тем, что внутренние дела израильтян не представляют интереса для палестинских организаций. Такое же объяснение дает и лидер «Хамас» того периода, д-р Абдул Азис аль-Рантиси. «Когда я задал ему вопрос, – пишет Juergensmeyer, – ответ был почти таким же: эти атаки не направлены против внутренней политики Израиля, так как «Хамас» не делает разницу между Пересом и Натаньяху». Можно заключить, что «даже если бы руководители «Хамас» не были искренними [а они были], большая часть

101 **ENGINE**, Jan Oskar. 2004. *Terrorism in Western Europe. Explaining the trends since 1950*. Edward Elgar, UK, p.27

102 **ENGINE**, Jan Oskar. 2004. *Terrorism in Western Europe. Explaining the trends since 1950*. Edward Elgar, UK, pp.22-23

103 **ENGINE**, Jan Oskar. 2004. *Terrorism in Western Europe. Explaining the trends since 1950*. Edward Elgar, UK, p.27

самоубийственных атак не имеет прямой политической полезности»¹⁰⁴. Подобен, по его мнению, и случай с зариновой атакой в токийском метрополитене в 1995 г., совершенной организацией «Аум Синрике» и теракт во Всемирном торговом центре в 1993 г. По его оценке, имея в виду религиозно мотивированный терроризм, эти теракты не могут быть оценены как преследующие стратегические цели, поскольку стратегия предполагает степень пересчета и определенной надежды достижения поставленных ясных целей. Их, скорее всего, надо воспринимать как «символическую декларацию», причем символика относится к реальности, уходящей за пределы политической; символическая декларация не относится к земной, политической или стратегической цели, а предназначена впечатлять таким образом, как впечатляет любой другой символ, ритуал или священная догма¹⁰⁵.

В конечном счете, сущность спора насчет того, политический или неполитический характер у терроризма, сводится не только к общему вопросу о характере политического и к конкретной интерпретации вопроса – может ли действие, которое не направлено напрямую на достижение политической цели, приниматься за политическое. Здесь защищается позиция, что существует разница между тем, можно ли принимать терроризм, с одной стороны, как вид политического насилия, а с другой – осмыслять его политически. Много факторов направлено на перераспределение власти в политической системе, несмотря на то, что сами они не могут быть определены лишь как политические. Это создает основание предположить, что широкое понимание политического делает определение невозможным. Вот почему автор принимает предложение Schbley, что «определение терроризма нужно отделить от политики и ситуировать в области уголовной юстиции», а при этом должно быть фокусировано на состав преступления и факты, которые нельзя отечь и которые конституируют его дух и параметры»¹⁰⁶. Факты, которые нельзя отечь, считает тот же автор, следующие: во-первых, терроризм является насилием против беззащитных символических жертв, во-вторых, это насилие не может быть оправдано, совершено или толерировано никакой законной властью. Подобная точка зрения лежит в основе подхода, воспринятого ООН при выработке ряда документов против терроризма, как, например, принятой 15 декабря 1997 г. Международной конвенции о запрещении террористических бомбовых терактов, требующих от стран криминализовать определенный тип поведения, преследовать и экстрадировать со своих территорий совершителей или заподозренных и сотрудничать в расследовании и преследовании подобных актов. Конвенция не дефинирует терроризм, а определяет его *безотносительно по отношению его мотивов*¹⁰⁷ (следовательно, нигде не подчеркивает, что он *политически* мотивирован) как поведение, которое подлежит международному осуждению.

104 **KEPEL**, Gilles. 2001. *Jihad: expansion et déclin de l'islamisme*. Editions Gallimard

105 **MERGET**, Frederic. 2003. *Justice in time of violence*. EJLL, vol. 14, N3, p.330

106 **JUERGENSMEYER**, Mark. 2001. *Terrorismo religioso. El auge global de la violencia religiosa*. Madrid, Siglo Veintiuno, p.141

107 **JUERGENSMEYER**, Mark. 2001. *Terrorismo religioso. El auge global de la violencia religiosa*. Madrid, Siglo Veintiuno, p.142

Часть затруднений в процессе поиска ответа на вопрос: является ли терроризм политическим, проистекает из некорректно заданного вопроса, который, в этой форме, *предполагает*, что терроризм гомогенный. В последние годы, однако, предполагаемая однородность все чаще оспаривается. «История терроризма, подчеркивает Wattad, – не раскрывает какую-то его единственную общую форму, а скорее спектр различных способов упражнения терроризма с разными мотивами, как религиозные, политические и т. д.», причем «терроризм никогда не был лимитирован исключительно и только рядом с ними»¹⁰⁸. Согласно мнению Hess, современные интерпретации должны иметь в виду изначально измененную историческую ситуацию и в особенности обстоятельство, что «современный терроризм – это результат глобализации и строительства империй». Это обуславливает его трансформацию от «провинциального к глобальному», от формы политического преступления к форме криминализованной войны»¹⁰⁹, несмотря на то, что обычно в качестве различия между терроризмом и рутинным уголовным насилием выступает политическая и/или религиозная мотивация терроризма¹¹⁰, разница, которая все чаще подвергается сомнению из-за тенденции дефинировать терроризм *безотносительно* к мотивации. Сам термин «криминализованная война», который использует Hess, введен в ряд юридических исследований; он отражает реальную трудность «постигнуть согласия по отношению природы угрозы над нашей сегодняшней безопасностью»¹¹¹ и привести терроризм к одному из двух известных знаменателей: преступление или война. Fletcher, однако, считает, что отношение между ними неоднозначно, существуют примерно четыре способа описать его: 1. Преступление и война – разные категории, и они не могут заменять одна другую. Каждый акт насилия должен попасть в одну или другую категорию. Эта разница лежит в основе разграничений, обозначенных в Женевских конвенциях между *вооруженными силами и гражданскими лицами*. 2. Преступление и война – две взаимно покрывающиеся категории, отношения между ними – как между национальными и международными преступлениями. Нет причин, вследствие которых один акт не мог бы был классифицированным как относящийся к двум. 3. Преступление и война – две разные категории, но они не исчерпывают мир возможностей. Между ними – «незаконные бойцы» и гражданские лица, которые участвуют в вооруженных действиях, причем и те и другие упомянуты в Первом протоколе Женевской конвенции. 4. Преступление и война могут взаимозаменяться в одних аспектах и различаться в других¹¹². Исходя из этих предпосылок, ряд авторов определяет терроризм как форму насилия, которую нельзя подвести

108 WATTAD, M. Saif-Alden. 2006. *Is Terrorism a Crime or an Aggravating Factor in Sentencing?* *Journal of International Criminal Justice*, 4(5), pp.1017-1030

109 HESS, Henner. 2003. *Like Zealots and Romans: Terrorism and Empire in 21st century.* *In Crime, Law & Social Change*, 39, p.345

110 MYTHEN, Gabe and Sandra WLAKLATE. 2006. *Criminology and Terrorism. Which Thesis? Risk Society or Governmentality?* *The British Journal of Criminology* 46, pp.379-398

111 FLETCHER, George. 2006. *The Indefinable Concept of Terrorism.* *Journal of International Criminal Justice* 4(5), pp.894-911

112 FLETCHER, George. 2006. *The Indefinable Concept of Terrorism.* *Journal of International Criminal Justice* 4(5), pp.894-911

ни под какую из существующих категорий, а она сама по себе обособлена, отдельна и стирает границы между преступлением и войной». Однако, согласно Fletcher, террористы не могут рассматриваться как обыкновенные преступники, несмотря на то, что связанная с ними угроза насильственных действий одинакова с насильственными действиями, совершенными уголовными преступниками. Террористы – *преступники*, но они и *враги*. Это объясняет предложение создать уголовное право для врагов¹¹³ и думать о терроризме «не как о преступлении, а как о *различном измерении преступления*, как о более высокой, более опасной версии преступления, как о суперпреступлении, которое инкорпорирует некоторые характеристики войны»¹¹⁴, как о гибриде между ними¹¹⁵. В правовых рамках эта точка зрения инспирирована разграничением, сделанным Робертом Нозиком, между правонарушением, дающим право предъявления иска, и преступлением: первое нужно понимать как ущерб, нанесенный отдельному индивиду, а второе характеризуется всеобщим страхом общества в целом. Как относится правонарушение к преступлению, так терроризм относится к преступлению¹¹⁶. Этой позиции придерживается и Stevens, который считает, что из всех форм насилия терроризм близок наиболее всего к преступлению. Рассмотренный как преступление, он может быть определен (причем в его определении не включены возбуждающие споры элементы) как: идентичность совершителя и жертвы, специфицирование мотивов и методов. Если это будет принято как верное, то терроризм, в отличие от войны, не может быть морально оправданным¹¹⁷.

Юридические вызовы перед включением терроризма в одну из знакомых категорий и порожденный ими вакуум создают ряд практических затруднений: например, невозможно юридически корректным способом объявить войну террористической группе или государству, которое отбрасывает обвинения, что поддерживает и дает приют, так как статья 51 Хартии ООН (выработанной до того времени, когда терроризм принял нынешние размеры), вопреки тому, что визирует право самозащиты, оставляет без интерпретации много ситуаций, которые не могут быть приведены к знаменателю войны.

Несмотря на различия в мнениях об отношении терроризма к преступлению и войне, существует консенсус, что в юридическом аспекте современные демократические государства «не подготовлены справиться с хорошо вооруженными, хорошо финансируемыми и обученными организациями, чьи члены готовы пожертвовать жизнью во имя дела, которые [организации] радуются широкой народной поддержке среди определенных слоев населения

113 **CONDE, F. Muñoz.** 2003. *El nuevo derecho penal autoritario. Consideraciones sobre el llamado «derecho penal del enemigo»*, in A. Pelaez Ferrusca (ed.), *La influencia de la ciencia alemana en Iberoamerica, Part I (Mexico City: Instituto Nacional de Ciencias Penales)*, p.117

114 **FLETCHER, George.** 2006. *The Indefinable Concept of Terrorism. Journal of International Criminal Justice* 4(5), pp.894-911

115 **MERARI, Ariel.** 2005. *Israel Facing Terrorism. Israel Affairs, Vol.11, No.1, January*, pp.223–237

116 **FLETCHER, George.** 2006. *The Indefinable Concept of Terrorism. Journal of International Criminal Justice* 4(5), pp.894-911

117 **STEVENS, Michael.** 2005. *What is Terrorism and Can Psychology Do Anything to Prevent It? Behavioral Sciences and the Law, 23, pp.507-523*

и иногда финансовой, логистической и политической поддержке иностранных государств»¹¹⁸. Выход из положения состоит в том, что нужно сделать изменения в законодательстве и предпринять специфические меры повышения общественной безопасности¹¹⁹.

Можно подытожить, что сегодня под понятием терроризм объединяются много и разнородные движения; некоторые из них могут иметь политические цели. Следовательно, правомерно утверждать, что *политический терроризм* имеет более узкое содержание, чем *терроризм* и что он является частным случаем последнего. Будучи таковым, первый разделяет определенные черты последнего; но это необязательно и практически невозможно, чтобы все виды терроризма разделяли чертами политического или были бы окачествлены как политическое явление; у терроризма могут быть различные идеологические цели и не обязательно, чтобы они были непременно политическими¹²⁰.

1.3 Объяснительные теории

Исследование нельзя было бы считать законченным, если бы оно не содержало компоненты, могущие объяснить террористический выбор. В качестве аналитического инструмента здесь используются две основные группы теории: рационалистические и культуралистические. Теории рационального выбора, среди которых находится и теория публичного выбора, модели рациональных актеров и экономического подхода к политике¹²¹ объединяются общей предпосылкой, что *homo economicus* идентичен с *homo politicus*¹²², а эгоистический интерес является краеугольным камнем политического поведения¹²³. Рациональность понимается не понятиями рациональных целей, а эффективными средствами, которые максимизируют прибыль. Теории рационального выбора предполагают, что в политике, как и в экономике, «формальные теоретические структуры основываются на рациональное подсчитывание пользы, имея в виду вкусы и предпочтения, которые принимаются как данные и, следовательно, не подвергаются дискуссии»¹²⁴. Согласно этой точке зрения, рациональный человек принимает решение после оценки ожидаемых выгод и потерь при каждом действии, обратное иррационально¹²⁵.

118 **MERARI**, Ariel. 2005. *Israel Facing Terrorism*. *Israel Affairs*, Vol. 11, No. 1, January, pp. 223–237

119 **ZAGARR**, M. 1992. *Combating Terrorism: Report to the Committee on Legal Affairs and Citizens Rights of the European Parliament*, *Terrorism and Political Violence*, Vol. 4, No. 4 p. 294.

120 **STEVENS**, Michael. 2005. *What is Terrorism and Can Psychology Do Anything to Prevent It?* *Behavioral Sciences and the Law*, 23, pp. 507-523

121 **GREEN**, Donald, and Ian **SHAPIRO**. 1994. *Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science*. Yale. University press, p. IX

122 **GANDHI**, Debu. *Rational Choice Theory in Political Science: Mathematically Rigorous but Flawed in Implementation*. 2006. *Social Science Research Network*. July. http://papers.ssm.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=902943

123 **DOWNS**, Anthony. 1957. *An Economic Theory of Democracy*. NY, Harper and Row, p. 22

124 **STIGLER**, George and Gary **BECKER**. 1977. *De Gustibus Non Est Disputandum*. *American Economic Review*, 67(1), pp. 76-90

125 **GUPTA**, Dipak. 2006. *Toward An Integrated Behavioral Framework for Analyzing Terrorism: Individual Motivations to Group Dynamics*. Paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Town & Country Resort and Convention Center, San Diego, California, USA, March

Теории рационального выбора, однако, претендуют не только на то, что предоставляют инструменты для анализа модели принятия решения, но также описывают рациональность как таковую – претензия, которая порождает проблемы при объяснении терроризма. Caplan обращает внимание на то, что экономисты все еще не могут достичь согласия по вопросу, что такое здравый разум¹²⁶, для Mises каждая деятельность рациональна по определению, потому что если человек использует средства для достижения целей, то он рационален¹²⁷. Другие специфицируют рациональность как категорию, отвечающую трем критериям: реакции стимулов, наличию узкого эгоистического интереса и рациональным ожиданиям. Эта точка зрения, однако, встречает возражения, например Sen представляет экономическую рациональность следующим образом: «Универсальный эгоизм, как действительность, может быть и фальшивым, но универсальный эгоизм как требование рациональности наверняка абсурден»¹²⁸. Кроме того, таким образом понимаемая рациональность не может объяснить такие события, как объединение рациональных индивидов в добровольные ассоциации, для работы которых граждане приносят известные жертвы и при помощи которых борются не только за собственное благополучие, но и за благополучие других, создание новых социальных движений, на которые так похожи международные террористические сети. В обоих случаях от участия активных выигрывают и неактивные, что делает бессмысленным участие первых с точки зрения рационального выбора¹²⁹.

Принципиальные споры о характере рациональности проектируются на использование теорий рационального выбора при объяснении терроризма. Дискуссия фокусируется в определении террористического поведения как рациональное или нерациональное. Для одной из существующих позиций терроризм – это нерациональное поведение, так как основывается на фанатизме, вере или альтруизме; вторая утверждает, что выбор определенной группы в пользу террористических методов можно считать рациональным: «Мы считаем, что экстремисты рациональны. Их цели могут отличаться от целей большинства из нас, но с экономической точки зрения рациональность означает, что каковой бы ни была цель, человек выбирает самые лучшие средства для ее достижения. Сами цели ни рациональны, ни иррациональны, мы принимаем их как данные. Самый простой способ думать об экстремисте – это как о ком-то, чьи цели или взгляды находятся вне основного течения некоторых проблем или измерений»¹³⁰. Террористические группы подсчитывают цену и пользы различных стратегий, действуют

126 **CAPLAN**, Brian. 2006. *Terrorism: the Relevance of the Rational Choice Model*. *Public Choice*, 128, pp.91-107

127 **MISES**, von L. 1966. *Human Action*. Chicago. *Contemporary Books Inc*, pp.19-22

128 **SEN**, Amartya. 1987. *On Ethics and Economics*. Oxford, Basil Blackwell, p.16

129 **GUPTA**, Dipak. 2006. *Toward An Integrated Behavioral Framework for Analyzing Terrorism: Individual Motivations to Group Dynamics*. Paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Town & Country Resort and Convention Center, San Diego, California, USA, March

130 **WINTROBE**, Ronald. 2005. *Extremism, Suicide Terror and Authoritarianism*. www.cipp.gmu.edu/archive/Extremism-Suicide-Terrorism-and-Authoritarianism-Wintrobe.pdf

целенаправленно, адаптируются к стимулам и возможностям и применяют средства, которые логически связаны с их целями. Группы, которые используют формы насилия против граждан, хотя эти формы и выглядят фанатичными или высоко эмотивными, каким является самоубийственный терроризм, в сущности применяют эффективные методы политической конкуренции¹³¹. Они так же рациональны как и любая другая организованная группа, с оговоркой, что «основная разница между экстремистскими и умеренными методами политической конкуренции заключается в том, что экстремистские методы содержат в себе риск, потому что предполагают возможность большего успеха или большего провала, чем при умеренных»¹³². В качестве дополнительного аргумента в пользу рациональности можно назвать тот факт, что как целенаправленная деятельность терроризм является результатом решения организации, что он – политически полезное средство противопоставления и, следовательно, должен быть анализирован как таковой: «...на основании внутренне единой совокупности ценностей, убеждений и образов действительности определенный человеческий коллектив рассматривает его как логическое средство для осуществления прогресса к определенным целям»¹³³. В этом смысле естественен вопрос – это можно отнести и к самоубийственному терроризму, а поиск ответа будет объектом следующей главы.

Культуралистские теории обычно рассматриваются как предлагающие объяснение иррациональным или нерациональным типам поведения, какими являются самоубийство, альтруистическое, фанатическое и др. п. Их можно разделить на две основные группы: теории о влиянии культуры, чьим основным элементом считается обычно религия, и теории идентичности. В этой главе я ограничусь объяснением основных предпосылок и рабочих определений, с которыми мы будем оперировать дальше в тексте.

В исследованиях терроризма используются разные определения религии, их анализ не является объектом настоящей работы. Моя цель — скорее найти те ее характеристики и механизмы, которые способствуют анализу и объяснению ее воздействия на самоубийственный выбор. Вот почему воспринято видение, что религию следует рассматривать как составную из четырех взаимосвязанных, но относительно самостоятельных, как объект исследования, областей: трансцендентальный дискурс, который уходит за пределы человеческого, временного и случайного; список практик, необходимых для конструирования собственного мира человеческих субъектов; общество, которое конструирует

131 **LICHBACH**, M. 1995. *The Rebels's Dilemma*. Anna Arbor, University of Michichgan Press; Crenshaw, Martha. *The Logic of Terrorism: Terrorist Behavior as a Product of Strategic Choice*. In Walter Reich, ed. 1995. *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Washington, D.C.; WoodrowWilsonCenter Press, 1998, Kalyvas, Stathis. *Wanton and Senseless?The Logic of Massacres in Algeria*. *Rationality and Society* 11(2); Toft, Ivan. *How to Weak Win Wars: A Theory of Assymetric Conflict*. *International Security* 26 (1) (Summer 2001)

132 **WINTROBE**, Ronald. 2004. *Rational Extremism: The Calculus of Disconsent*. A paper presented at the University of East Piemont, Alessandria, Italy, 2 April

133 **CRENSHAW**, Martha. 1981. *The causes of terrorism*. *Comparative politics* vol. 13, N4 (Jul)

идентичность и институты, претендующие на вечную валидность¹³⁴. Для разрешения исследовательских задач, стоящих перед этой работой, привносят и взгляд Alcora & Osis, которые рассматривают религию «с другой стороны», со стороны человеческого поведения. Они считают, что в подобной модальности она может быть лучше понята как развивающийся комплекс характеристик, которые включают когнитивные, аффективные, поведенческие и эволюционные элементы. Любая религия, независимо от ее содержания, предполагает участие общества в определенных ритуалах, вера в сверхъестественные агенты и интуитивные концепции, разделение священного от обычного, восприятие юности как критическую фазу человеческой жизни, во время которой осуществляется передача религиозных убеждений и ценностей. В своей целостности комплекс, состоящий из четырех перечисленных элементов, обеспечивает адаптивную пользу верующих¹³⁵. Религия рассматривается большинством исследователей как средоточие культуры. Нормы культуры, однако, не могут действовать, не будучи интеръеризированы путем социализаций и синтезированы в идентичность. Понимание идентичности, которое используется как одна из основных категорий в настоящем тексте, основывается на взглядах Erik Erikson (об индивидуальной идентичности) и Henry Tajfel (о коллективной идентичности).

В одном из текстов, посвященных природе тоталитаризма, Erikson заявляет, что не претендует на то, что нашел его корни и причины в детстве или в особых формах индоктринирования ребенка, он не считает, что это временное расстройство или локализованная эпидемия, а исходит из предпосылок, что тоталитаризм основывается на «универсальных человеческих потенциях и, следовательно, он связан со всеми аспектами человеческой природы»: нормой и патологией, детством и зрелым возрастом, индивидом и обществом¹³⁶; то же самое можно сказать и о терроризме, особенно если иметь в виду утверждающееся понимание, что исследование политического поведения срочно нуждается в мощной и прогнозирующей теории идентичности¹³⁷.

В целом, связь между идентичностью и терроризмом в академическом дебате хорошо установлена¹³⁸, причем большинство исследований берут начало именно с концепции Erikson о психосоциальном развитии. Это вполне естественно, если иметь в виду обстоятельство, что начиная с 1950-х гг. прошлого века, каждый спор об идентичности неизбежно связывается с его именем. Несмотря на то, что он не первый, который исследует проблему, он первый, который переносит исследование за пределы установленной психоаналитической теории границы

134 **FRAYMAN**, Amir. *Religion and Culture as Motivations for Terrorism*. <http://www.ict.org.il/apage/6844.php>

135 **ALCORTA**, C. and **SOSIS**, R. 2005. *Ritual, emotion, and scared symbols: the evolution of religion as an adaptive compels*. *Human Nature*, 16, pp.323-359

136 **ERIKSON**, Eric. 1974. *Identidad, Juventud y crisis*. Editorial Paidos, Buenos Aires, p.64

137 **HUDDY**, L. 2001. *From social to political identity: a critical examination of social identity theory*. *Political Psychology* 22, pp.127-156

138 **ARENA**, M and Bruce **ARRIGO**. 2005. *Social Psychology, Terrorism and identity: a preliminary re-examination of theory, culture, self and society*. *Behavioral Science and the Law* 23, pp.458-506, www.interscience.wiley.com

детства и связи с родителями¹³⁹; согласно его мнению, как раз присутствие сознательно выбранных элементов идентичности отделяет детство от юношества и зрелого возраста – «консолидация идентичности маркирует конец детства»¹⁴⁰. Кроме того, теория идентичности Erikson во многих отношениях представляет успешный опыт преодоления концептуальной пропасти между внутрилличностным фокусом, характерным для психологии, и фокусированием на среду, воспринятым социологией. Конструированная им как «многомерная, широкая и инклюзивная»¹⁴¹, она оставляет достаточно много места для влияния культуры, идеологии и исторических перемен. Подобная логика позволяет «охарактеризовать механизмы социального изменения, связанные с развитием индивидуальной идентичности»¹⁴², а также прогнозировать возможные реакции индивидуальной идентичности в контексте динамики изменяющихся исторических, общественных и культурных условий. В немалой степени в рамках этой научной традиции остается и взгляд Tajfel о коллективной идентичности, который рассмотрим ниже.

1.4 Самоубийство

Предыдущие параграфы настоящей главы были связаны с определением и объяснением терроризма. Частично было дефинировано центральное для этого исследования понятие – «самоубийственный терроризм». Целью настоящего параграфа является создание основания для его целостного определения и оценки путем анализа двух тесно связанных с ним категорий – самоубийства и самопожертвования.

В научных дебатах о самоубийстве, инициированных в конце XIX и начале XX вв., доминируют две основные социологические парадигмы: первая принадлежит Emile Durkheim и выражена в основном в его исследовании «Самоубийство» (1897), а вторая – Gabriel Tarde и впервые систематически изложена в его книге «Законы имитации» (1903). Обе концепции, как и их реляции и импликации в отношении случаев самоубийственного терроризма, рассмотренные здесь, будут анализированы в указанной последовательности.

139 Для Фрейда идентификация – это первоначальная форма эмоциональной связи с объектом; регрессивным способом она становится заместителем либидной связи с ним и, наконец, эта связь появляется или может появиться с каждым новым восприятием общего качества, разделенного с кем-то другим, который не был объектом сексуального инстинкта. Насколько важнее это общее качество, настолько успешнее может стать частичная идентификация и быть началом новой связи. (Sigmund Freud. *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. 1921p Vol. XVIII, p.107-108)

140 MARCIA, J.E. 1993. *The ego identity status approach to ego identity*. In Marcia J.E. A.s. Waterman, D. R. Matteson, S.L.Orlofski (eds) *Ego identity: A handbook for psychological research* (pp.1-21), NY, Springer Verlag, p.3

141 SCHWARTZ, Seth. 2001. *The evolution of Eriksonian and neo-Eriksonian identity theory and research: a review and integration*. *Identity: an international journal of theory and research*, 1(1), pp.7-58)

142 SCHWARTZ, Seth. 2002. *In search of mechanisms of change in identity development: integrating the constructivist and discovery perspective on identity*. *Identity: an international journal of theory and research*, 2(4), pp.317-339)

1.4.1 Ранние интерпретации самоубийства

Существует ряд доказательств, что на всех этапах культурного развития самоубийство воспринимается как нарушение установленного социального порядка и как действие, направленное против благополучия индивида и общества; отрицательная настроенность определяется шокирующим противоестественным характером этого поступка, который уходит за границы человеческой способности осуждения¹⁴³. Вот почему, как правило, общество определяют самоубийство как вид девиантного поведения: самоубийца воспринимается не просто как отличный от других, а как допускающий проступок¹⁴⁴.

Дохристианская европейская традиция воспринимает самоубийство как индивидуалистический феномен и сравнительно толерантна к нему, она допускает, не приветствуя в то же время, рассматривать его как естественный конец человеческой жизни, хотя и не «как последнюю форму героизма». Этот факт находит подтверждение во внутреннем расположении и поведении: друзья Катона пытаются отговорить его от самоубийства аргументами, что он проявляет душевную слабость, раз предпочел смерть дерзости; поведение Регулия можно было считать более благородным, если бы он предпочел ужасы рабства добровольному концу, а Цицерон рассматривает человека как место для сохранения жизни, которое нельзя покидать до того, как это пожелал бы тот, который вложил в человека жизнь¹⁴⁵. Киники воспринимают самоубийство как альтернативу определенных ситуаций, стоики связывают его с проблемой счастья¹⁴⁶, а Сенека видит в нем путь к свободе: «...мы покажем, что в каждой разновидности рабства можно найти открытую дорогу к свободе. Если душа больна и собственно вследствие этого несовершенства несчастна, человек может лишь покончить со своей печалью... Куда ни помотришь, находишь средства прекращения своего злосчастия. Ты видишь их? Если уберешь их, открываешь себе дорогу к свободе. Ты видишь это море, эту реку также хорошо? Там лежит свобода – на дне. Ты видишь это дерево, хилое, больное и бесплодное? И на его ветвях сидит свобода. Видишь свое горло и сердце? Они тоже способны помочь тебе избавиться от рабства. Выходы, которые я указываю тебе, трудны для тебя, они требуют от тебя большой смелости и силы? Спрашиваешь, какой самый прямой путь к свободе? Это каждая вена в твоём собственном теле!»¹⁴⁷

143 **ROSENTHAL**, Franz. 1946. *On Suicide in Islam*. *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 66, N 3 (Jul.-Sept.), pp.239-259

144 **ANDRIOLLO**, Karin. 1998. *Gender and cultural construction of good and bad suicide*. *Suicide and Life – Threatening behavior*. NY Spring, volume 28, N1, pp.37-40

145 **YONGE**, C.F.1906. *Suicide: Some of its Causes and Preventives*. *International Journal of Ethics*, Vol. 16,N2, (Jan..) pp.179-189

146 Цицерон отмечает: «И очень часто подходяще для мудрого покинуть жизнь в момент наслаждения верховным счастьем» Цитировано по: Michael Seidler. *Lantand the Stoicson suicide*. *Journal of the History of ideas*. Vol. 44, N3, Jul-Sept, 1983, p.431

147 Цитировано по **SEIDLER**, Michael. 1983. *Kant and the Stoics on suicide*. *Journal oc History of Ideas*. Vol. 44, N 3 (Jul-Sep.), p.435

Один из первых самоубийц в истории религии – Самсон, который, согласно Старому завету, во время одного-единственного акта мести причиняет смерть 3000 филистимлянам с ясным сознанием, что погибнет вместе со своими жертвами. Самсон использует свою чрезмерную силу, чтобы разрушить две колонны, которые поддерживали храм, оставляя под его руинами своих врагов, заявив, что делает это во имя своего Бога.

В христианской традиции самоубийство позволено только женщинам, когда у них нет другого выхода для спасения своего целомудрия (Святой Августин, однако, возражает против отнятия собственной жизни даже при таких обстоятельствах), иначе это предмет морального осуждения, которое ведет к использованию строгих светских практик наказания против его совершителей. Несмотря на это, в XI в. наблюдаются случаи массового самоубийства среди христиан: после объявления Папой Григорием безбрачия для священников, многие из них добровольно кончают собой с мыслью о грешной жизни, которую вели, а некоторые из их супругов выбирают последовать за ними из скорби или бедности¹⁴⁸. Этот случай, однако, скорее всего представляет собой исключение, чем правило; тяжелые санкции, которые накладываются (в том числе разрывание тел самоубийц лошадиными упряжками) остаются в силе долгие годы. Лишь только во время Ренессанса делаются первые попытки их отмены¹⁴⁹; несмотря на это, в Англии декриминализация самоубийства проводится лишь в 1961 г., до этого оно приравнивалось к убийству.

Конец европейского Возрождения и начало Нового времени отличаются большей толерантностью к отнятию собственной жизни. Фактически, публичные дебаты о нем начинаются в XVIII в. и ангажируют значимые фигуры в лице Montaigne, Justus Lipsius, John Donne, как и писателей и философов, как Bayle, Diderot, Montesquieu, Voltaire, Hume, Kant. Некоторые одобряют его, другие отбрасывают: «Мы говорили о самоубийстве, которое вы сравниваете с великими действиями, – отмечает Гете в «Страданиях молодого Вертера», – но его нельзя рассматривать иначе, чем проявление слабости». По поводу сообщения в английской газете о возможном его самоубийстве Наполеон комментирует: «Наиболее вероятно, редактор не понял меня, я достаточно смел, чтобы сделать *это*. Самоубийство – преступление, которое глубоко возмущает мои чувства; я не вижу, что могло бы оправдать его. Его корни уходят в тот вид страха, который мы называем *rol-tronnerie*... Настоящий героизм заключается в том, чтобы быть над житейскими страданиями, которые заставляют тебя бороться с ними»¹⁵⁰. Осуждаемое или принимаемое в европейской культуре, самоубийство продолжает рассматриваться как вопрос личного выбора, и как таковой спор о нем остается в границах моральной философии.

148 YONGE, C.F. 1906. *Suicide: Some of its Causes and Preventives. International Journal of Ethics, Vol. 16, N2, (Jan.), pp. 179-189*

149 Речь идет о трактате Беккария «О преступлениях и наказаниях», опубликованном в 1764 г.

150 Цитировано по YONGE, C.F. 1906. *Suicide: Some of its Causes and Preventives. International Journal of Ethics, Vol. 16, N2, (Jan.) pp. 179-189*

Подобно христианству, ислам, особенно после XI в., а может быть и раньше, начинает рассматривать самоубийство, как непростительный грех¹⁵¹. Как таковое, оно противоречит исламскому закону¹⁵². Религиозная регламентация строга и детальна; коллекция из *hadit* содержит специальные главы на эту тему, хотя более или менее фрагментарные можно найти и в других местах. Rosenthal считает, что в исламе существует семь канонических традиций интерпретации самоубийства, независимо от различий между ними, они единодушны, что отнятие собственной жизни грешно и сравнимо с несправедливым отнятием чужой. Совершитель подвергается вечным мукам, причем в аду он должен постоянно повторять действие, которым он самоуничтожил себя. Строгие запреты самоубийства можно найти и в более широкой культурной традиции мусульманских обществ, они обычно даются при помощи комментариев (например, запрет аль-Араби, Абу Хайяны ат-Таухиди, аль-Нусахани) древнегреческих философских текстов (Платона), причем аргументация основывается как на религию, так и на логику и здравый разум¹⁵³. Вопреки этому, в арабской литературе можно найти описания случаев самоубийства от любви или из-за отнятия чести – деяния, совершенные скорее всего под влиянием предмусульманской традиции.

Несмотря на существующие нюансы и различия, самоубийство является объектом осуждения со стороны всех известных культур. Христианство и ислам накладывают запреты, основывающиеся на трансцендентальных санкциях, в свою очередь, и культурные и юридические нормы христианских и исламских обществ предвидят строгие наказания за отнятие собственной жизни.

1.4.2 Концепция Дюркгейма

В Европе до конца XIX в. дискуссии о самоубийстве остаются в рамках моральной философии, перемена наступает с появлением социологических интерпретаций Durkheim и Tarde, которые дефинируют самоубийство как социологическую проблему.

Durkheim – один из первых, кто рассматривает самоубийство как социально значимый факт¹⁵⁴. Его основная заслуга в том, что он признает, что за устойчивыми пропорциями самоубийства (протестанты кончают с собой чаще евреев; предприниматели – чаще рабочих; неженатые мужчины – чаще женатых) лежат определенные структуры социальных отношений вариации в них определяют число самоубийств в данной социальной группе; скорее структура социальных отношений, а не столько религиозные нормы, заставляют индивида прибегнуть

151 **ROSENTHAL**, Franz. 1946. *On Suicide in Islam*. *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 66, N 3 (Jul.-Sept.), pp.239-259

152 **CHALEBY**, K. 1996. *Issues in forensic psychiatry in Islamic jurisprudence*. *Bulletin of the American Academy of Psychiatry and the Law* 24 (1), pp.117-124

153 **ROSENTHAL**, Franz. 1946. *On Suicide in Islam.. Journal of the American Oriental Society*, Vol.66, N 3 (Jul.-Sept.), pp.239-259.

154 **CRESSWELL**, P. 1972. *Interpretations of suicide*. *The British journal of sociology*, vol. 23, N2, (June) p. 134

к самоубийству¹⁵⁵. Durkheim рассматривает самоубийство¹⁵⁶ как результат действия двух факторов: интеграции и регуляции. На основании комбинации между ними разграничивает четыре типа самоубийственного поведения: эгоистического, аномического, альтруистического и фаталистического, дефинируя при этом эгоизм и альтруизм во всецело структурных понятиях. Эгоизм определен через отсутствие социальных отношений, а альтруизм – путем тотального их присутствия. Аномия, по его мнению, результат недостатка норм, наиболее неоднозначно дефинирован фатализм. Эгоистическое самоубийство характерно для высокоиндивидуализированного современного человека; альтруистическое – для начавшего индивидуализироваться.

Durkheim постулирует идентичную связь между каждой из двух независимых переменных и самоубийством: какой цены достигает интеграция и регуляция, такой цены достигает и отнятие собственной жизни. Критическое значение интеграции и регуляции очевидно, очевидна и нужда в их уточнении, несмотря на то, что ни одна, ни другая не используются однозначно¹⁵⁷ – согласно утверждений социолога, интеграция и регуляция концептуально различны, но эмпирически всегда существуют возможности их объединения. Неоднозначность у Durkheim рефлектирует на его интерпретаторов: специально посвященное этому вопросу исследование Pope¹⁵⁸ дает представление об этом. Parsonse считает, что интеграция относится к содержанию ценностей, а регуляция к силе социального контроля¹⁵⁹. Nisbet видит аномию как распад морального общества, а эгоизм для него означает распад социального общества¹⁶⁰, Coser дефинирует различие в понятиях структурной интеграции как отличающиеся от понятий нормативной регуляции¹⁶¹; Guiddens допускает, что эгоизм связан с моральным

155 **BERMAN**, Peter. 1991. *The Social Structure of Suicide*. *Sociological Forum* Vol.6, N3, (Sept.) pp. 501-524

156 *Объяснительный вариант Дюркгейма остается одним из самых влиятельных в социологической литературе, несмотря на сильную феминистическую критику как к «Разделению труда», так и против «Самоубийства»* (Jennifer M. Lehmann. *Durkheim's theories of deviance and suicide: a feminist reconstruction*. *The American journal of sociology*, vol. 100, N4 (Jan., 1995) pp.904-930, Gane, Mike. 1983. *Durkheim: women as an outsider. Economy and society*, 12, pp.227-270; Nancy Jay, 1981. *Gender and Dichotomy, Feminist studies*, 7, pp.38-56 и другие.

157 Более подробную интерпретацию этих вопросов можно найти у Besnard, Philippe. 1988. *The true nature of anomie*. *Sociological theory*, 6:91-95; Bjarnason, Thoroddur. 1994. *The influence of social support, suggestion and depression on suicidal behaviour among Icelandic youth*. *Acta Sociologica*, 37:195-206; Breault, Kevin D. and Karen Barkey. 1982. *A comparative analysis of Durkheim's theory of egoistic suicide*, *Sociological quarterly*, 32:321-331; Giddens Anthony. 1971. *Capitalism and modern social theory*. Cambridge. England, Cambridge university press; lehmann Jenifer M. 1993. *Reconstructing Durkheim*. London, England, Routledge; pope Whitney. 1976. *Durkheim's Suicide: a classic reanalyzed*. Chicago, University of Chicago press

158 **POPE**. Whitne. 1975. *Concepts and Explanatory structure in Durkheim;s theory of Suicide*. *The british Journal of sociology*, Vol, 26, N4, December, pp.417-434

159 **PARSONS**, T. 1949. *The Structure of social action*. Glencoe, Ill, The Free press, pp.327-38

160 **NISBET**.R. 1966. *The sociological tradition*. NY, Basic books, p.94; *The sociology of Emile Durkheim*, 1974. NY, p.233

161 **COSER**, L. 1971. *Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and scial context*. NY, Harcourt Brace Jovanovich

индивидуализмом, а аномия с нехваткой моральной регуляции¹⁶², и наконец Lukes утверждает, что интеграция относится к социальным реляциям, связывающим индивид с социально заданными идеалами и целями, а регуляция относится к тем, которые регулируют индивидуальные желания¹⁶³. Другая группа авторов очерчивает трудность социологического разграничения между обеими¹⁶⁴. Так как прослеживание споров в деталях превышает границы и задачи настоящего исследования, в нижеследующем тексте будет сделана попытка уточнить содержание «интеграции» и «регуляции» поскольку они могут служить как возможные объяснительные инструменты террористического самоубийственного поведения.

В «Самоубийстве» социальная интеграция рассматривается как относящаяся к желаемому состоянию хорошо устроенного общества, связывающему индивиды позитивными и взаимно усиливающимися связями¹⁶⁵. При относительном отсутствии интеграции возникает хаос, не хватает направления, реляция индивидов с обществом слабая, отсутствуют позитивные ценности. По мнению Durkheim, высокая степень интеграции усиливает социальные связи и разделенные ценности, а регуляция определяет значимость жизни для индивида. Слишком низкая интеграция ведет к состоянию одиночества и эгоистического самоубийства, так как индивид оставлен наедине с собственными ресурсами и может испытать чувство меланхолии и недостатка цели, а слишком высокая интеграция может стать причиной альтруистического самоубийства, так как при сверхинтеграции воспринятые интересы группы ставятся выше личных.

Интеграция имеет два основных элемента: социальную поддержку и социальный контроль. Первая показывает связь индивида с общими целями и разделенными общественными делами. Социальная поддержка предлагает «постоянный обмен идеями и чувствами в направлении от индивида к остальным и от группы к индивиду, что-то вроде взаимной моральной поддержки, которая не заставляет человека рассчитывать единственно на свои собственные ресурсы, а дает ему возможность делиться коллективной энергией и поддерживать свою собственную, когда она исчерпана¹⁶⁶. Высоко интегрированное общество «держит индивидов под своим контролем, рассматривает их как предоставляющих услуги, и, таким образом, не дает им возможности располагать собой по своему желанию¹⁶⁷. Оно характеризуется механизмами контроля и постоянным обменом идеями и чувствами, которые вместе препятствуют совершению самоубийства.

162 **GUIDDENS**, Anthony. 1971. *Capitalism and modern social theory: an analysis of the writings of Marx, Durkheim, and Max Weber*. Cambridge, Cambridge University press.

163 **LUKES**, S. 1972. *Emile Durkheim: his life and work*. NY, Harper and Row, p.206

164 К этой группе авторов принадлежат: P. Sainsbury, 1955. *Suicide in London: an ecological study*, Chapman and Hall Ltd. P.22; J.P. Gibbs and W. T. Martin. 1964. *Status integration and suicide: a sociological study*, Eugene, Oreon, pp.6-7; G. Poggi, 1972. *Images of society*, Standford, Standford university press, p.2000

165 **CRESSWELL**, P. 1972. *Interpretations of suicide. The British journal of sociology*, vol. 23, N2, (June) p.139

166 **DURKHEIM**, Emile. 1951. *Suicide, A study of sociology*. Glencoe, Illinois, p.210

167 **DURKHEIM**, Emile. 1951. *Suicide, A study of sociology*. Glencoe, Illinois, p.209

Это базисные социальные процессы, которые пробуждают у нас симпатию и солидарность с другими; наполняют нас религиозными, политическими и моральными убеждениями, которые контролируют нашу деятельность¹⁶⁸. В свою очередь, идея регуляции и аномии основана на концепции о человеческом роде как о носителе потенциально ненасыщенных желаний, которые могут уйти за пределы возможного, ставя, таким образом, людей в ситуацию разочарования и отчаяния. Durkheim подчеркивает, что так как индивиды не могут наложить границы своим желаниям и страстям, они должны ограничиваться внешними для них социальными и моральными силами. Ограничения нужно базировать на социально легитимированной власти-авторитете, воспринимаемой большинством людей как справедливой¹⁶⁹. Когда общество находится в переходном периоде или кризисе, важные социальные механизмы рушатся, а вместе с этим рушится и общественная регулятивная функция. Durkheim использует термин «аномия», чтобы описать эту ситуацию распада или дерегуляции, а термин «аномическое самоубийство», чтобы обозначить результат – «самопричиненная смерть». Аномия описывает специальный вид отношений между индивидом и обществом; она похожа, но и отличается от эгоизма. Она характеризуется импульсами, которые проистекают из социальной дезорганизации, создающей конфликт между средствами и целями, поощряющей нереалистические aspirations и ожидания и оставляющей у индивида чувство бессмысленности и безнадежности.

Аномия – одна из самых широко используемых концепций в социологии, хотя Durkheim не определяет ее ясно и не использует однозначно¹⁷⁰. Некоторые из его интерпретаторов сводят аномию единственно к отсутствию норм, и у этого видения сколько сторонников, столько же и противников. Автор этого исследования придерживается позиции, что в понятие вложено более широкое содержание, которое превышает наличие или отсутствие норм и включает двойственность целей, конфликт между двумя системами социальной организации в обществах в переходный период и отсутствие ясных правил поведения. Это в понятиях Durkheim создает социальную реальность, которая увеличивает бессмысленность и чувство несправедливости: «Таким образом, остаются незнакомыми границы между возможным и невозможным, справедливым и несправедливым, легитимными претензиями и надеждами и теми, кто неумерен в себе¹⁷¹. В состоянии аномии индивид лишен основных инструментов, с помощью которых конструирует социальный мир значимым способом. Общество не успевает осуществлять регуляции, так как недостает основных моральных фактов, и это заставляет индивида снова рассчитывать на свои собственные ресурсы¹⁷².

168 DURKHEIM, Emile. 1951. *Suicide, A study of sociology*. Glencoe, Illinois, p.211-12

169 DURKHEIM, Emile. 1951. *Suicide, A study of sociology*. Glencoe, Illinois, p.248-251

170 THORLINDSSON, Thorolfur, Thorrodur BHARNASON. 1988. *Modeling Durkheim on micro level: a study of youth suicidality*. *American sociological review*, vol. 63, N1, Feb., p.97.

171 Emile Durkheim, *Suicide, A study of sociology*, 1951. Glencoe, Illinois, p.271

172 THORLINDSSON, Thorolfur, Thorrodur BHARNASON. 1988. *Modeling Durkheim on micro level: a study of youth suicidality*. *American sociological review*, vol. 63, N1, Feb, p.97

Низкая регуляция приводит к аномическому самоубийству индивидов, потерянных в хаотическом универсуме, которые не имеют возможности тестировать свои желания, они осуждены на фрустрацию и одиночество. В свою очередь, сверхрегуляция ведет к фаталистическому самоубийству; Taylor считает, что оно характеризует ситуации безнадежности, возникающие в результате продолжительных политических и экономических репрессий¹⁷³. Как отмечает Stack, «фаталистическое самоубийство является результатом исключительной регуляции (которая заставляет людей чувствовать себя) с заблокированным будущим, с aspirations, остановленными репрессивной дисциплиной (и ставит их) в условиях психического и морального деспотизма» – «фаталистические самоубийства предполагают бегство от нормативной ситуации, из которой нет другого выхода»¹⁷⁴. Тот же автор считает, что фаталистические самоубийства происходят в зависимости от степени тоталитаризма и сверхрегуляции; он приводит доказательства, используя наличные данные ООН о 45 странах. В качестве меры политического тоталитаризма используется так названный индекс правительственных санкций, введенный Taylor и Hundson¹⁷⁵. В нем правительственная санкция определена как действие, предпринятое властями для уничтожения угрозы их власти и безопасности режима. Самая высокая категория таких санкций – это ограничение политического участия, которое можно выразить общими рестриктивными мерами как: объявление военного положения, введение полицейского часа, мобилизация войск для целей внутренней безопасности. Более специфические меры это - запрет политических партий, политической конкуренции, депортирование лиц, вовлеченных в политических действиях, выражающих оппозицию режиму, устранение правительственных деятелей из-за их взглядов, арест политических оппозиционеров, или арест и задержка людей, вовлеченных в политических акциях, наличие цензуры¹⁷⁶.

«В такой тоталитарной обстановке, маркированной сравнительно низкой свободой и уважением человеческого достоинства, у людей, которые уже предрасположены к самоубийству, есть дополнительная причина рассматривать жизнь как незначительную и быть склонными предпринять его»¹⁷⁷. Социологическая концепция Durkheim и его последователей была подвержена критике из-за слишком сильных позитивистических акцентов, несмотря на то, что, согласно некоторым мнениям, в своих крайних выводах он достигает идеи, что социальные значения могут быть причиной самоубийства¹⁷⁸, и таким образом

173 TAYLOR, Steven. 1982. *Durkheim and the study of suicide*. London. Hutchinson

174 STACK, Steven. 1979. *Durkheim's Theory of fatalistic suicide: a cross-national approach*. *The journal of social psychology*, 107, p. 162.

175 TAYLOR, C and HUNDSON, M. 1972. *World handbook of political and social indicators*. New Haven, Conn, Yale University Press

176 STACK, Steven. 1979. *Durkheim's Theory of fatalistic suicide: a cross-national approach*. *The journal of social psychology*, 107, p. 163.

177 STACK, Steven. 1979. *Durkheim's Theory of fatalistic suicide: a cross-national approach*. *The journal of social psychology*, 107, p. 163

178 DOUGLAS, J. 1967. *The Social Meaning of Suicide*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press

перебрасывает мост между структурой социальных отношений и индивидуальной мотивацией. Приоритет, который он отдает первым, как и сильный социальный элемент, введенный для объяснения отнятия собственной жизни, подпитывает обвинения в авторитаризме: утверждение, что даже путем самоубийства индивид не может избежать влияния общества, «поддерживает философию, которая ставит общество над индивидом»¹⁷⁹. Обоснованные или нет, эти соображения, наряду критиками феминистских и этико-философских позиций, ставят вопросы, которые напрямую относятся к исследованию женского самоубийственного терроризма: в какой степени на личный выбор влияют социальные структуры и отношения; если есть влияние, то каков механизм влияния и, наконец, возможно ли исследовать отнятие собственной жизни безотносительно к моральной точке зрения исследовавшего и релевантным для него культурным императивам.

Объясняет ли концепция Durkheim о четырех типах самоубийства поведение выбора в пользу самоубийственного терроризма? Ответ некоторых исследователей положителен. «Несмотря на мнение Durkheim и его последователей, Pedahzur & Perliger считают, что самоубийственное поведение не связано с терактами, в которых человек лишает себя жизни, чтобы этим убить других людей и, по-нашему, эти две категории могут быть связаны с феноменом самоубийственного терроризма»¹⁸⁰. Внимание авторов направлено на альтруистическое и фаталистическое самоубийства, поскольку эти две категории, по их мнению, подходят больше традиционным обществам, чем на эгоистический и аномический типы, которые подходят постиндустриальным¹⁸¹. В пользу подобного подхода и мнение Reimer, который считает, что палестинцы, совершающие террористические атаки, могут быть дефинированы, как осуществляющие альтруистическое самоубийство. Он основывается на мнении Durkheim, что человек прибегает к этой модели поведения тогда, когда глубоко интегрирован в социальную группу и склонен рассматривать самоубийство скорее как долг, чем что-то другое. Цель самоубийственного акта правильнее считать не удовлетворением субъекта, который совершает его, а группы, которой он принадлежит. Совершающие самоубийственный акт воспринимают собственную жизнь как что-то второстепенное по отношению к интересам коллектива. Следовательно, тенденция к самоубийству будет увеличиваться, если люди будут считать, что жертвуя собственной жизнью, они помогут обществу добиться своих целей.

Существуют основания рассматривать самоубийственный терроризм как сочетание, описанное Young следующим образом: «...эти два типа нужно рассматривать как сестер-близнецов, пребывающих в одинаковых социально-культурных системах». Разницу между ними можно искать только в субъективном значении самоубийственного акта. «Если человек совершает самоубийство,

179 CRESSWELL, Peter. 1972. *Interpretations of suicide. The British journal of sociology*, vol. 23, N2, (June), pp.133-145

180 Altruism and fatalism: the characteristics of Palestinian suicide terrorists. In *Deviant Behavior: An Interdisciplinary journal*, 24:2003. p.409

181 JOHNSON, Kathryn. 1979. *Durkheim revised: why do women kill themselves. Suicide and life threatening behavior* 9, pp.145-153

чтобы исполнить свой долг, его психологическое состояние можно определить как спокойную уверенность (альтруизм) или крайний страх и тревожность (фатализм)»¹⁸².

1.4.3 Концепция Tarde

Самая серьезная конкурентная теория самоубийства, известная как теория о суггестии и имитации, предложена Tarde¹⁸³, хотя ее развитие связывается еще и с именами Le Bon и Mead. Несмотря на то, что Durkheim принимает имитацию и суггестию как возможные частные объяснительные схемы, он в целом отбрасывает их¹⁸⁴, вероятно, его влияние является одной из причин, вследствие которой эта линия исследования остается на долгое время без внимания со стороны социологии, хотя известно огромное число литературы в области психологии, маркетинга и экономики, предоставляющая ряд убедительных эмпирических доказательств в пользу того, что поведение потребителей в очень высокой степени объяснимо именно с позиций суггестии и имитации.

Исследование национальных и международных суицидных статистик 1960-1990-х гг. и критические обзоры и анализ литературы, посвященной социальному значению смерти¹⁸⁵, дают основание утверждать, что теория суггестии и имитации небезосновательна, что существует каузальная связь между СМИ и уровнями самоубийств, что интенсивное медийное отражение реальных самоубийств может спровоцировать имитативные самоубийства¹⁸⁶ и, наконец, что возможно установить параметры и силу этой связи.

На основании анализа статистики самоубийств за период с 1947 по 1968 гг., опубликованного в прессе Англии и США, Philips устанавливает сильную корреляцию между получившими большую публичность через СМИ самоубийственными историями и состоянием реально совершенных самоубийств (эффект Вертера). Заключение сделано после исследования влияния мыльных опер, содержащих самоубийственный элемент, на самоубийства среди их аудитории¹⁸⁷, медийная огласка самоубийственных историй и уровень автомобильных катастроф, для части которых он допускает, что содержат самоубийственный элемент¹⁸⁸,

182 Цитировано по **JOHNSON, Kathryn**. 1979. *Durkheim revised: why do women kill themselves.*

Suicide and life threatening behavior 9, pp.145-153

183 **TARDE, Gabriel**. 1903. *The Laws of Imitation*. NY, Holt.

184 **DURKHEIM, Emile**. 1951. *Suicide, A study of sociology*. Glencoe, Illinois, p.141-143

185 **RILEY, John**. 1983. *Dying and meaning of death: sociological inquiries*. In *Annual Review of Sociology*, Vol. 9, pp.191-216

186 **Stack, Steven**. 1990. *Media impact on suicide*. Pp107-120 in *Current concepts of suicide*, ed ny D. Lester. Philadelphia, PA: Charles Press; Stack, Steven. 1992. *The effect of divorce on suicide in Japan: a time series analysis, 1950-1980*. *Journal of marriage and the family*, 54, pp.327-334

187 **PHILIPS, D.** 1974. *The influence of suggestion on suicide: substantive and theoretical implications of the Werther effect*. In *American sociological review*, 39, p. 340-354; *The impact of functional television tries on US adult fatalities: new evidence of the effect of the mass media on violence*. *American journal of sociology*, 87, 1340-1359; Philips, D.P and K.A. Feldman, 1973. *A dip in deaths before ceremonial occasions: some new relationships between social integration and mortality*. *American sociological review*, 38, p.678-696

188 **BOLLEN, K and PHILIPS, D.** 1981. *Suicidal motor vehicle fatalities in Detroit: a replication* *American journal of sociology*, 87 (2), pp.404-412

и, наконец, на основании установленной им корреляции между оглаской самоубийственных историй, опубликованных в прессе, и уровнем авиакатастроф пассажирской и торговой авиации¹⁸⁹. В заключениях указано, что после огласки историй убийств и самоубийств наблюдается невероятное увеличение катастроф гражданской и торговой авиации, что это продолжается до девяти дней, после чего возвращается к своим обычным уровням, и что чем шире огласка историй убийств и самоубийств со стороны масс-медиа, тем выше число катастроф. Автор, исследовавший альтернативные интерпретации, считает, что самой стоящей объяснительной концепцией оказывается та, согласно которой «огласка... отключает дополнительные имитативные убийства и самоубийства»¹⁹⁰. Philips допускает, что одна из возможностей создать современную теорию самоубийств с позиции суггестии и имитации, если рассматривать последние как тип социального заражения, сходного с биологическим, которое проходит через шесть этапов: наличие инкубационного периода, иммунизация, наличие специфического и диффузного заражения, податливость к заражению, каналы заражения и карантин¹⁹¹.

Именно заражение при терроризме исследуют Midlarsky, Creshnaw & Yoshida в одном из немногих, посвященных этому вопросу текстов под заголовком: «Почему насилие распространяется: заражение при современном терроризме», опубликованном в 1980 г. Авторы констатируют, что «нет всеобъемлющей теории причин терроризма или такой, которая ставит ударение на процесс заражения», фактор, о котором предполагают, что «может иметь большое значение для ответа на вопрос, почему терроризм распространяется из одной страны в другую» и почему «так трудно объяснить местные корни терроризма»¹⁹². Согласно их гипотезе, во время исследованного периода (1968-1974) идентифицируются «систематические примеры заражения» не только стран, но и регионов¹⁹³; доказательства последнего они ищут в сравнении частоты и времени совершения терактов в Латинской Америке и Западной Европе (Германии). За рассматриваемый период различные формы терроризма демонстрируют различную заразность, которая варьируется в зависимости от региона или страны – самый сильный эффект заражения показывают бомбовые теракты, за ними следует взятие заложников. Авторы заключают, что «террористические организации в Западной Европе, скопировавшие идеологию, риторику и методы наций третьего мира

189 PHILIPS, David. *Airplane accidents, murder and the mass media: towards a theory of imitation and suggestion. Social forces*, Vol. 58, N4, pp.1001-1024

190 PHILIPS, David. *Airplane accidents, murder and the mass media: towards a theory of imitation and suggestion. Social forces*, Vol. 58, N4, p1001

191 PHILIPS, David. *Airplane accidents, murder and the mass media: towards a theory of imitation and suggestion. Social forces*, Vol. 58, N4, pp.1014-1016

192 MIDLARSKY, Manusl. Midlarsky, Martha CRENSHAW, Fumihiko YOSHIDA. 1989. *Why violence spreads: the contagion of international terrorism. International Studies Quarterly*, vol. 24. N2 (Jun.), p.263

193 MIDLARSKY, Manusl. Midlarsky, Martha CRENSHAW, Fumihiko YOSHIDA. 1989. *Why violence spreads: the contagion of international terrorism. International Studies Quarterly*, vol. 24. N2 (Jun.), p.263

в виде перевернутой иерархии, демонстрируют рутинизирование насилия определенных моделей заражения, идущего по направлению Западная Германия – Италия и дальше, вероятно, к меньшим европейским странам». Высказывается предположение, что этот процесс возможно схож с моделями распространения терроризма в Латинской Америке¹⁹⁴.

Модель заражения получает дополнительные доказательства на материале совершенных впоследствии исследований Lawrence C. Hamilton, James D Hamilton, Mihael Carpini & Bruce Williams, Jeffrey Ian Ross¹⁹⁵, которые считают, что существует достаточно оснований предположить, что совершенные террористические инциденты «поощряют будущее насилие путем имитации или диффузии, причем этим порождают динамику терроризма, аналогичную наблюдаемой при заразных заболеваниях»¹⁹⁶. Они исследуют данные из 16 стран за период 1968-1978 гг. И доказывают, что существует тенденция, чтобы «теракты возбуждали насилие в менее демократических, более бедных и менее образованных обществах». Это показывает, что «эпидемический терроризм» «более вероятен в условиях репрессий, чем в условиях свободы»¹⁹⁷.

Сделанные Tarde и его последователями заключения можно оспаривать, генерализирование выводов, как их, так и любого другого исследования, рискованно. Соотнесенные к целям настоящей работы, они наводят на мысль, что если при «обыкновенном» терроризме существуют эффекты имитации, суггестии и заражения, то нет причин не находить такие эффекты и при самоубийственном терроризме. К сожалению, в рамках этого текста гипотеза останется гипотезой, так как ее проверка требует доступа к информации, которой я не располагаю, как и дорогой и трудной обработкой сравнительных данных, а для этого необходимы серьезные финансовые ресурсы.

194 **MIDLARSKY**, Manusl. Midlarsky, Martha CRENSHAW, Fumihiko YOSHIDA. 1989. *Why violence spreads: the contagion of international terrorism. International Studies Quarterly*, vol. 24. N2 (Jun.), p.295

195 **ROSS**, Jeffrey. 1993. *Structural causes of oppositional political terrorism: towards a causal model. Journal of peace research*, vol. 30, N3 (Aug., 1993), pp.317-328

196 **HAMILTON**, Lawrence and, James D. **HAMILTON**. 1983. *Dynamics of terrorism. International Studies Quarterly*, Vol 27 (Mar.), p.41

197 **HAMILTON**, Lawrence and, James D. **HAMILTON**. 1983. *Dynamics of terrorism. International Studies Quarterly*, Vol 27 (Mar.), p.41

ГЛАВА 2

**САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА**

2. САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА

2.1 Состояние проблемы, определение и уровни анализа

Будучи одной из глобальных угроз безопасности, самоубийственный терроризм является предметом увеличивающегося академического и политического интереса. Согласно некоторым мнениям, в последнее десятилетие именно он, больше любой другой в отдельности взятой формы (политического) насилия, оставил глубочайший след в глобальной политике¹. SFIBELMAN считает, что он исключительно важен для современной психо-политической войны². Этому способствует ряд факторов, один из которых – закрепляющееся понимание, что этот вид насилия изменяет в основном мнение о национальной и международной безопасности, доказывая, что сегодня массовое уничтожение вполне возможно и без наличия оружия массового поражения и что само понятие о нем нуждается в глубоком переосмыслении³. Не располагая высокими технологиями и дорогостоящими ресурсами, организации, способные мотивировать несколько десятков мужчин и женщин жертвовать своей жизнью добровольно и сознательно, причиняя смерть другим людям, утверждаются как эффективные актеры на сцене внутренних и международных отношений; актеры, которые не только привлекают внимание общественного мнения, но и заметно влияют на процесс принятия политических решений. Готовность террористов-смертников расстаться с собственной жизнью, отнимая жизнь других, вполне достаточна, чтобы превратить обыкновенные самолеты гражданской авиации в оружие массового поражения с огромным деструктивным эффектом: в атаках на Всемирный торговый центр и Пентагон погибли более 5000 людей, а сила удара по башням-близнецам была равна силе взрыва конвенциональной бомбы, чья мощность составляет 400000 фунтов в тротиловом эквиваленте, столько, сколько была мощность (0,2 килотонны) первой неуспешной ядерной бомбы, взорванной в Тринити, возле Аламо Гордо. Самоубийственные атаки заставляют переосмыслить концепцию о безопасности, так как формируют ситуацию без ясной демаркационной линии и идентифицированного противника, в которой, на деле, каждая точка может стать объектом нападения.

География самоубийственного терроризма традиционно охватывает Ближний Восток, Южную и Центральную Азию. Имея в виду одну из его особенностей, а именно ту, что страна происхождения не совпадает обязательно со страной совершения акта, под «географией самоубийственного терроризма» здесь будем понимать зону, охватывающую как страну происхождения, так и

1 **GUPTA, Dipakand Kusum MUNDRA.** 2005. *Suicide Bombing as a Strategic Weapon: An Empirical Investigation of Hamas and Islamic Jihad. Terrorism and Political Violence*, 17, pp.573–598

2 **SOIBELMAN, Mali.** 2004. *Palestinian Suicide Bombers. Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling* 1, pp.175–190

3 **RUYKICHI, Imai.** 2002. *Weapons of mass destruction: mayor wars, regional conflicts and terrorism. Asia Pacific Review*, Vol. 9, N 1, pp.88-99

страну осуществления самоубийственной атаки. В этом смысле география самоубийственного терроризма охватывает, кроме указанных районов, еще и Африку, Латинскую Америку, США и Западную Европу, а по существу может включить каждую точку мира. С начала 1980-х гг. до конца 2005 г. самоубийственные атаки были осуществлены в Афганистане, Аргентине, Великобритании, Египте, Индии, Индонезии, Ираке, Израиле, Кении, Ливане, Марокко, Пакистане, России, Саудовской Аравии, Шри-Ланке, Тунисе, Танзании, Турции, Хорватии, США, Узбекистане, на Западном берегу и полосе Газа, в Йемене.

Согласно различным данным, к 2006 г. примерно 13 религиозных и светских террористических групп используют конфессионально или идеологически легитимированный самоубийственный терроризм. Эти организации следующие: исламское движение сопротивления «Хамас» и «Палестинский исламский джихад» (оккупированные территории), «Народный фронт освобождения Палестины и Бригады мучеников Аль-Аксы», «Хизбалла» (Ливан), «Египетский исламский джихад и Исламская группа» (Египет), «Вооруженная исламская группа» (Алжир), «Barbar Khalsa Internatinal» (Индия), «Тигры освобождения Тамил-Илама» (Шри-Ланка), «Партия курдских рабочих» (Турция), чеченское сопротивление и международная террористическая сеть «Аль-Каиды». Согласно другим данным, их число варьирует от 10 до 17⁴. LAQUEUR считает, что их 16⁵.

Самоубийственные атаки – это самый летальный вид терроризма. Согласно докладу «Террористические и самоубийственные атаки», подготовленному в 2003 г. для Конгресса США, они составляют 3% из всех террористических миссий, но причинили почти половину всех потерь (смертельных случаев)⁶. За период 2000-2003 гг. совершено около 300 самоубийственных нападений, которые уничтожили 5700 человек в 17 странах, причем число раненых исчисляется тысячами⁷. Третий фактор, который определяет интерес к самоубийственным нападениям, – это обстоятельство, что они показывают тенденцию к увеличению – в 2003 г. осуществлено 98 самоубийственных миссий, что больше, чем в предыдущие годы. На четвертом месте следует отметить, что самоубийственный террор взывает к традиционным способам справиться с существующими террористическими организациями; он разворачивается с наибольшей силой там, где расходуются наибольшие средства на военное решение проблемы – больше всего самоубийственных атак в 2003 г. осуществилось в Ираке, несмотря на размер американского военного присутствия там и вопреки отсутствию культурных предпосылок и недавних исторических прецедентов⁸. Несмотря на

4 **SCHWEITZER**, Yoram. 2002. *Suicide Bombing: The Ultimate Weapon?* 7 August. <http://www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=373>; **ZEDALIS**, DEBRA. *Female suicide bombers*. 2004. <http://www.carlisle.army.mil/ssi/pdffiles/00373.pdf>

5 **LAQUEUR**, Walter. 2003. *La guerra sin fin*. Ediciones Destino. Madrid, p.125

6 **CRONIN**, Kurth. 2003. *Terrorist and Suicide Attacks*. CRS Report for Congress, RL32059, August, 28, www.fas.org/irp/RL32058.pdf

7 **ATTRAN**, Scott. 2004. *Individual Factors in Suicide Terrorism*. *Science*, April 2, www.sciencemag.org/cgi/data/304/5667/47/DC1/1 pp.47-49

8 *Последние самоубийственные атаки на территории страны датируются XIII веком, а совершали их assasins.*

значительный бюджет, предназначенный для борьбы с терроризмом (165 млрд долл.), десятки террористов-смертников в первые три месяца 2004 г. в Ираке отняли жизни свыше 400 человек и ранили сотни других, это самые большие потери из причиненных когда-либо⁹. На пятом месте надо отметить все более целенаправленный характер самоубийственных атак и все более закрепляющееся представление о них как о наказании или возмездии. Эта идея производит сильное воздействие на общественное мнение и его поддержку или нехватку поддержки определенных политических действий; основательная или нет, она делает его «самой дестабилизирующей в политическом, и отстающей в психическом отношении формой террора». В первые три месяца 2004 г. 26 успешных самоубийственных атак поражают мишени в шести странах-союзниках НАТО: 2 атаки были в Афганистане, 10 – в Ираке, 8 – в Израиле, 1 – в Турции и примерно 5 женских самоубийственных атак было организовано в Узбекистане (данные о той стране не могут считаться достоверными, так как не могут быть проверены). Далее следуют самоубийственные атаки, они оформляются как эффективное оружие, которое влияет на процесс принятия решения во внутреннем и международном плане. Теракты «Хизбаллы» в 1983 г. привели к тому, что из Ливана были выведены американский и французский контингенты; увеличивающиеся число и интенсивность самоубийственных миссий «Хамас» и «Палестинского исламского джихада» успешно подрывают мирный процесс, чьей основой является соглашение, подписанное в Осло, и противопоставляются увеличивающемуся влиянию ООП в качестве лидера процесса; самоубийственные атаки «Тигров освобождения Тамил-Илама» способствуют укреплению тамильской автономии; самоубийственные нападения весной 2003 г. в Саудовской Аравии сильно сократили военное и гражданское присутствие США в стране; теракт в Мадриде 11 марта оказывает решительное влияние на исход выборов, несмотря на то, что террористический аспект разделен во времени самоубийственным. Самоубийственные теракты утверждаются как опасный вызов безопасности вследствие увеличивающейся популярности и поддержки. Согласно данным исследования PewResearch-Center, проведенного в 2004 г., приблизительно половина пакистанцев, как и значительная часть населения мусульманских стран, которых традиционно принимают за умеренных (например Марроко и Иордании), поддерживает их как способ противопоставления военной интервенции США в Ираке и израильской в Палестине¹⁰. Исследование, проведенное в оккупированных территориях в 2001 г. среди 1348 респондентов, показывает, что 53% из анкетированных противопоставляются использованию терроризма в политических целях¹¹, но, в то же время, 62% считают, что самоубийственные атаки укрепляют намного больше

9 **ATTRAN, Scott.** 2004. *Individual Facotors in Suicide Terrorism.* Science, April 2, www.sciencemag.org/cgi/data/304/5667/47/DC1/1, pp.47-49

10 **PEW RESEARCH CENTER FOR PEOPLE AND PRESS.** 2004. *An Year After Iraq: Mistrust of America in Europe Even Higher, Muslim Anger Persist.* March, 16, <http://people-press.org/reports/display.php3?ReportID=2006>

11 **KRUGER, Alan and MALECKOVA, Jivka.** 2002. *Education, poverty, political violence and terrorism: is there a casual connection?* NBER Eorking papers series, <http://www.nber.org/papers/w9074>

права палестинцев, чем все дипломатические усилия; то же самое большинство противопоставляется «войне против терроризма, даже если ее подкрепит ООН». Не меньше 82% поддерживают атаки против израильских целей и верят, что самоубийственные атаки против израильских штатских граждан нельзя определять как террор, причем поддержка политического насилия не коррелируется позитивно ни с образовательным, ни с профессиональным статусами респондентов¹². Увеличение интереса к самоубийственному террору и дискуссия о способах, которые можно использовать, чтобы справиться с ним, привлекает внимание и потому, что традиционные инструменты, знакомые с эпохи «холодной» войны как, например, сдерживание, ныне неэффективны. Классическую парадигму ядерного противопоставления, основанную на понимании, что сдерживание будет успешным пока страны верят, что цена войны состоит в обеспеченном взаимном уничтожении, нельзя назвать эффективной на примере глобального терроризма. Не следовало бы пропускать и другого обстоятельства, которое провоцирует интерес к исследованию самоубийственного терроризма – полным пренебрежением к человеческой жизни, что является основной ценностью во всех известных культурах, он делает невозможным любой предполагаемый диалог. Кроме того, по словам Vonsignore, «в более широком, политическом смысле (если это слово вообще может быть подходящим в подобном контексте), террористы-смертники всецело разрушают традиционный баланс между эгоистическим интересом и страхом смерти, на которых власть при всех государственных или других формах управления, несмотря на свою природу и религию, основывается. Управляемость возможна только в случае, если аспирации субъектов и их желания ограничены страхом использования официальных репрессивных мер, последняя из которых является физическим уничтожением»¹³. Наконец, интерес к исследованию самоубийственного террора провоцируется и тем фактом, что его превенция, несмотря на то, что вполне возможна, очень трудна из-за того, что совершители обычно хорошо интегрированы в свои общности, мобильны и, как правило, могут выбрать подходящий момент для осуществления теракта, чтобы таким образом причинить наибольшие поражения и погубить наибольшее число людей¹⁴. Согласно Hoffman, защититься от человека, который решил взорвать себя, намного труднее, чем защититься от взрывного устройства с часовым механизмом, заложенным в многолюдном месте, так как «человеческая ружейная система» может изменить в последнюю минуту свои намерения и планы и, таким образом, преодолеть меры безопасности¹⁵. Самоубийственные операции проще и легче для осуществления, чем любой другой вид, так как они лишены основного вопроса, определяющего успех любого вооруженного действия: возможность легкого ухода с места действия совершителя и, благодаря этому, получаются

12 **HARRISON, Mark.** 2004. *An Economist looks at suicide terrorism, Draft 20 January, p.1.*

13 **BONSIGNORE, Ezio.** 2007. *Of Terrorists and Suicides. Military Technology, 10*

14 **DORON, Almong.** 2004. *Cumulative deterrence and war on terrorism. Winter-Spring. www.nbu.bg/PUBLIC/IMAGES/File/departments/mass%20communications/research/terror_dokladi.pdf*

15 **HOFFMAN, Bruce.** 2003. *The logic of Suicide Terrors. The Atlantic.com <http://www.theatlantic.com/doc/200306/hoffman>*

намного дешевле. Цена операции при участии одного человека редко превышает 150 долл.¹⁶; согласно вычислениям экспертов, расходы по операции взрыва бомбы во Всемирном торговом центре в 1993 г., где были убиты 6 человек и нанесен ущерб на полмиллиарда долларов, определены в 3000 долл.¹⁷; эксперты считают, что она стоила бы в разы дешевле, если бы была выбрана тактика самоубийственной атаки.

Определение

Как можно увидеть, понятием «самоубийственный терроризм» обозначается широкая гамма насильственных действий, связанных одновременно с отнятием собственной и чужой жизни.

Согласно Attran, самоубийственный террор характеризуется преднамеренным использованием саморазрушающихся человеческих существ против бойцов, в общем случае, против гражданского населения, с целью постижения политических перемен. Несмотря на то, что самоубийственная атака имеет целью уничтожить физически первоначально намеченную мишень, она используется, скорее всего, как оружие психологической войны, направленной на более широкую аудиторию. Основная мишень – это не убитые и задетые нападением, а его свидетели: «собственные информационные средства врага расширяют эффект атаки в направлении населения». «Путем индоктринирования и обучения и под руководством харизматических лидеров самоподдерживающиеся самоубийственные ядра создают чрезвычайные религиозные или политические чувства в людях эмоционально связанной группы через фиктивное родство, которые по своему желанию выбирают умереть зрелищно один за другого, и за то, что воспринимается как общее благо, направленное на облегчение политической и социальной реальности общества»¹⁸. Guanaratna считает, что самоубийственный терроризм можно идентифицировать наиболее широко, как готовность пожертвовать собственной жизнью, пытаясь разрушить одну мишень, чтобы добиться определенной политической цели: «...цель психологически и физически подготовленного к войне террориста – умереть, пока уничтожает мишени врага»¹⁹.

Согласно Hoffman, самоубийственный терроризм – это акт, который «вносит в генерализованную систему обмена, заслуживающую внимания особенность»; у него «цель радикализировать мир, используя жертву, в то время как цель системы – реализовать мир путем силы». Он считает, что самоубийственные теракты, в особенности когда актер принимает свою собственную смерть как данную величину, отправляют вызов нашему пониманию человеческой рациональности

16 **HOFFMAN**, Bruce. 2003. *The logic of Suicide Terrorism*. *The Atlantic.com* <http://www.theatlantic.com/doc/200306/hoffman>

17 **BERGEN**, Peter. *The Bin Laden Trial: what did we learned*. In *Studies in Conflict & Terrorism*, 24, November-December 2001, pp.429-434

18 **ATTRAN**, Scott. 2003. *Genesis of the suicide terrorism*. In *Review Social science*, 7 March, vol. 29, *Science*, www.sciencemag.org

19 **GUANARATNA**, Rohan. 2000. *Suicide terrorism: a global threat*. *Jane's Intelligence review*, 20, October, www.janes.com/security/international_security/news/usscole/iir001020_1_n.html

как таковой»²⁰. В свою очередь, Schweitzer определяет самоубийственный терроризм как политически мотивированное насильственное нападение, совершенное сознательным индивидом или индивидами, которые активно и целенаправленно убивают себя, взрываясь вместе с выбранной мишенью. Смерть совершителя является условием успеха его миссии²¹. Сам совершитель, в соответствии с преобладающими обстоятельствами, выбирает время и место осуществления взрыва таким образом, чтобы причинить наибольшее число жертв. Определение террористической атаки как самоубийственную зависит прежде всего от факта смерти самого совершителя. Его смерть является ключом успеха; он подготовлен к этому заранее. О подобном аспекте говорит и Bloom, определяя самоубийственный терроризм как насильственную, политически мотивированную атаку, преднамеренно осуществляемую в состоянии ясности со стороны субъекта, который самовзрывается вместе с выбранной целью, причем заранее обдуманная смерть является предусловием успеха атаки²². По определению специализированной в области безопасности организации Jane's, самоубийственный терроризм – это готовность пожертвовать собственной жизнью в процессе разрушения или, пытаясь разрушить данную мишень, чтобы добиться успеха на пути к достижению какой-нибудь политической цели. Цель психологически и физически подготовленных террористов умереть, разрушая вражескую мишень²³. Как можно было увидеть, вопрос о мишени имеет ключевое значение при определении сущности самоубийственного терроризма; притом в некоторых из указанных определениях она не специфицируется, в других – определена как гражданское население или сооружения, а согласно третьих, самоубийственный акт, в том числе и против военных мишеней, следует окачествлять как террористический: «Самоубийственный терроризм – это акт самодетонирования, при котором делается попытка убить (разрушить) или ранить (повредить) данную мишень. В целом, убийство и физическая деструкция менее важные, чем генерированный актом террор»²⁴. В этом тексте воспринят последний, третий взгляд, с уточнением, что самоубийственные теракты против военных лиц или сооружений в ситуации войны, гражданской войны или иностранной оккупации не будут рассматриваться как акты самоубийственного террора.

Если рассмотрим перечисленные позиции, можем увидеть несколько общих элементов. Во-первых, при самоубийственном терроризме смерть

20 **HOFFMAN, Bruce**. 2003. *The logic of Suicide Terrorism*. The Atlantic.com <http://www.theatlantic.com/doc/200306/hoffman>. p. 5.

21 **SCHWEITZER, Yoram**. 2000. *Suicide terrorism: development and characteristics*. A lecture delivered in the international conference on countering suicide terrorism at International policy institute for counter-terrorism, Herzeliya, Israel, February

22 **BLOOM, Mia**. 2005. *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror*, New York, Columbia University Press. p.76

23 **JANE'S**. *Suicide terrorism: a global threat* http://www.janes.com/security/international_security/news/usscole/jir001020_1_n.shtml http://www.janes.com/security/international_security/news/usscole/jir001020_1_n.shtml

24 **BUNKER, Robert and John SULLIVAN**. 2005. *Suicide Bombings in Operation Iraqi Freedom*. *Military Review*, January – February, pp.69-79

совершителя является условием успеха операции; во-вторых, самоуничтожение есть сознательный, ответственный и информированный выбор; в-третьих, миссия направлена против гражданских лиц или объектов, или против военных лиц и объектов в ситуации необъявленной войны. На основании этих общих элементов и в согласии с определением, сделанным в первой главе, здесь можно предложить следующее дополненное определение: самоубийственный терроризм представляет собой преднамеренное насилие, направленное против гражданских лиц или объектов, или военных лиц и сооружений в невоенное время с целью модифицировать в желанном направлении поведение мишени, когда смерть совершителя является предусловием успеха операции, а собственное уничтожение – сознательным, ответственным и информированным выбором.

Чтобы понять до конца сущность самоубийственного терроризма, необходимо анализировать его на трех уровнях: социальном, организационном и индивидуальном, имея в виду то, что в общем случае мотивация на каждом уровне будет различной.

2.2 Объяснительные концепции

В научной литературе существуют две основные объяснительные концепции: рационалистская и культуралистская. Их рассмотрим в следующих двух параграфах.

2.2.1 Рационалистские теории

Применимы ли теории рационального выбора к объяснению самоубийственного терроризма или, скорее, здесь в силе утверждение Olson, что это не «самый хороший способ теоретизировать относительно утопических и религиозных групп» и что «где нерациональное или иррациональное поведение лежит в основе, хорошо было бы искать объяснительную теорию не в экономике, а в психологии или социальной психологии»²⁵. Ответ проходит через специфицирование природы самоубийства как рациональный или, респективно, нерациональный поведенческий акт. Террористические самоубийственные миссии, однако, не простое действие, направленное на отнятие собственной жизни, а действие, направленное на отнятие чужой жизни отнятием собственной. Имея в виду эту разницу, вопрос можно задать следующим образом: во-первых, является ли рациональным поведением самоубийство из-за личных мотивов и, во-вторых, таким ли является любое другое самоубийство, руководимое мотивами, различающимися от личных? Наблюдения и исследования казусов клинической практики показывают, что ответ на первый вопрос может быть положительным. Рациональное самоубийство из-за личных мотивов или в ситуации, когда жизнь

25 Цитировано по GUPTA, Dipak. 2006. *Toward An Integrated Behavioral Framework for Analyzing Terrorism: Individual Motivations to Group Dynamics*. Paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Town & Country Resort and Convention Center, San Diego, California, USA, March

без значения потеряла смысл для совершителя или когда существует ожидание, что оно принесет ему что-то более ценное, чем жизнь: например, психологический комфорт, перемены в отношениях со значимыми для него/нее людьми в желанном направлении, приобретение статуса, которого постичь другим путем невозможно, облегчение боли и др. С этой точки зрения, клиническое самоубийство является рациональным актом, поскольку представляет собой выбранное поведение, направленное на достижение поставленных целей, как таковое оно имеет инструментальный характер.

Ответ на второй вопрос не настолько однозначен. Если предположить, что выбор в пользу самоубийственного терроризма сделан во имя общества, и как таковой включает элементы альтруизма, нужно принять, что последний не может быть понят как экономическая рациональность (несмотря на утверждения, что если эгоистический интерес можно принять за данный, альтруизм можно эксплицировать в понятиях стратегии его достижения)²⁶. В целом, альтруизм является интеллигибельной реальностью для теорий рационального выбора, которые в большинстве случаев констатируют, но не эксплицируют его, а в случаях, когда пытаются объяснить его, не поясняют, каким способом альтруизм можно рассматривать как рациональный выбор²⁷. Это следует интерпретировать не столько как вызов способности теорий рационального выбора предлагать объяснительные рамки, сколько их претензии предлагать универсальные объяснительные рамки и, как отмечает SHAPIRO, провал теории рационального выбора заключается в ее собственной уверенности, что она работает везде, где теория вообще работает.

Один из «самых рациональных» ответов на вопрос «Почему существует самоубийственный террор?» следующий: «Потому что существует спрос на этот вид политического активизма» – «...жертва, основанная на нанесение вреда, может быть моделирована как рыночное явление». Рыночные факторы определяют и его масштаб и степень использования: «...противно общепринятому мнению, рынок «мучеников» редко процветает, не из-за ограниченного предложения, а из-за ограниченного спроса»²⁸. Границы спроса зависят от нескольких факторов: люди, которые жертвуют жизнью, не действуют спонтанно или в изоляции, их нужно нанимать, а их самопожертвование нужно оформлять и вознаграждать в групповом контексте; только определенные виды групп (организаций) в состоянии организовать широкомасштабное производство социально-символических наград, необходимых для поощрения самоубийственных актов; террористические «фирмы» должны преодолеть многочисленные внутренние и внешние угрозы, и

26 **GANDHI, Debu.** *Rational Choice Theory in Political Science: Mathematically Rigorous but Flawed in Implementation.* 2006. Social Science Research Network. July.http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=902943

27 **BERMAN, Eli and David.LATINI.** *Rational Martirs vs Hard Targets: Evidence on the Tactical Use of Suicide Attacks. A text to be included in Eva Milgrom (ed) Suicide Bombers from Interdisciplinary Perspective,* Princetonn University Press. <http://economics.uchicago.edu/download/RatMartyrs6.pdf>

28 **IANNACCONE, Laurence.** 2006. *The Market of Martyrs* <http://faculty.arec.umd.edu/cmcausland/RALi/The%20Market%20for%20Martyrs.pdf>

даже когда они успешны, у них есть затруднения «продать» свои услуги, и наконец, многие социальные, политические и экономические патологии должны совпадать, чтобы поддерживалась доходность (и, следовательно, спрос) самоубийственных атак²⁹.

В свете этих ограничительных факторов оформляются несколько рационалистских объяснительных подконцепций о самоубийственном террористическом поведении: согласно первой, оно объяснимо само по себе, не вводя других дополнительных величин, как предрасположенность к психотическому состоянию, трансцендентные награды или преданность лидеру; согласно второй, оно объяснимо в его связи с групповой солидарностью и, наконец, согласно третьей, в рамках парадигмы рационального выбора оно не подлежит объяснению, вследствие чего сама парадигма должна глубоко переосмыслить свои основные предпосылки.

Первую тенденцию иллюстрирует модель Ferrero, в которой альтруизм к соотечественникам или членам собственной общности, как и трансцендентальные награды, имеют нулевую стоимость. Модель принимает, что люди обладают нормальными эгоистическими предпочтениями и заинтересованы единственно собственным потреблением в этом мире (таким образом, исключаются трансцендентальные аспекты) и что они различаются только своей склонностью к риску (характерной для последователей крайних методов). Согласно этой модели, группа или институты, которые практикуют самоубийственные миссии, предлагают своим членам двухступенный или двухэтапный «добровольный договор», который, во-первых, обеспечивает им определенные блага на начальный период и вероятные блага на конечный; во-вторых, включает высокую вероятность осуществления саморазрушительного акта во время конечного периода и, в-третьих, гарантирует выполнение путем ожидаемой стигмы, которую общность навязала бы в случае отклонения от выполнения договора, она является тем элементом, который предотвращает отказы от договорных обязанностей. Поэтому, как часть предохранительных мер, обычна практика, когда видеозаписи предсмертного завещания предшествуют теракту, это очень похоже на публичную декларацию, критический шаг, после которого назад почти нельзя вернуться – «стыд, который они пережили бы [от отказа самовзорваться], был бы невыносимым»³⁰. Hoffman описывает этот процесс следующим образом: «До операции охранник отводит будущего смертника в тайную квартиру и таким образом изолирует его от друзей и семьи, лишая его контактов с внешним миром. Это финальная фаза подготовки к мученичеству. Заранее подготовленный оператор снимает завещание, что предотвращает отказ, а также организацию в будущем процесса пропаганды и рекрута»³¹.

29 **IANNACCONE, Laurence.** 2006. *The Market of Martyrs* <http://faculty.arec.umd.edu/cmcausland/RALi/The%20Market%20for%20Martyrs.pdf>

30 Цитировано по **POST, Jerrold.** 2005. *The New Face of Terrorism: Socio-Cultural Foundations of Contemporary Terrorism. Behavioral Sciences and the Law* 23: pp.451-465

31 **HOFFMAN, Bruce.** 2003. *The logic of Suicide Terrorism. The Atlantic.com* <http://www.theatlantic.com/doc/200306/hoffman>

При такой интерпретации мученичество и терроризм можно рассматривать как предмет высокорисковых контрактов, которые при определенных условиях включают жертвование собственной жизнью. Человек может вступить добровольно в такой договор как рациональный индивид или из-за пользы, которую может получить в первый период. Предложенная интерпретация позволяет мученичеству найти свое место в континууме высокорисковых договоров, которые охватывают и другие, более обычные формы деятельности, связанные с конвенциональной войной, революцией, конфликтами низкой интенсивности и др.³². Модель Ferrero предлагает удовлетворительное объяснение случаев, когда риск собственной жизни реально компенсируется определенными материальными приобретениями – это случаи, касающиеся привилегий для полицейских и их семей, военных и их семей, как и для занятых в других высокорисковых производствах и процессах. Все эти ситуации, однако, не включают потерю любой ценой, а тем более – преднамеренное лишение себя жизни. Другая проблема, которая встает перед моделью Ferrero, касается отсутствия достаточно достоверных эмпирических фактов, подлежащих однозначной интерпретации, которые поддержали бы ее. В случае с японскими камикадзе, Ferrero утверждает, что польза на первом этапе для них выражается в получении разрешения практиковать деятельность, которую они не позволили бы себе в высоко иерархизированном и консервативном японском обществе: употребление алкоголя, установление сексуальных контактов и др. Исследователи дневников, писем и других письменных и мемуарных материалов, однако, ставят под вопрос подобное утверждение; более реалистично было бы допустить, что самопожертвование камикадзе является результатом групповой динамики, характерной для каждой военной деятельности и военного института, а не из-за некоторых специальных привилегий, которые оно предполагает. Каждая культура может указать на примеры личностей (героев), которые отдали свою жизнь во имя своего народа, за защиту его территории, независимости и способа жизни, нет основания считать, что в действительности располагали привилегиями на первом этапе, о коих шла речь раньше. Второй пример, указанный Ferrero, относится к иранской революционной гвардии, чьи члены известны как пасдараны. Согласно логике его модели, присоединение к революционной гвардии объясняется фактом, что вероятность достигнуть самопожертвования, по крайней мере в начале войны, сравнительно ничтожная – к началу 1981 г. из 150000 пасдаран только 11000 достигают мученичества, что представляет около 7,3% от их общего числа³³. По данным очевидцев и участников, однако, в Иране никогда не было нехватки добровольцев, включая и более поздние этапы развития войны с Ираком, когда тактика «человеческих волн» применялась с полной силой. Кроме того, модель Ferrero не в состоянии объяснить, почему при заранее известных казусах договора некоторые избирают вступить в него, а другие – нет, и почему, в конце концов, угроза стигмы для одних оказывается достаточной, чтобы предотвратить отказ от самопожертвования, а для других – нет.

32 **FERRERO**, Mario. 2006. *Martirdom Contract*. *Journal of Conflict Resolution*, 50, pp.855-877

33 **OMID**, Homa. 1994. *Islam and the Post-Revolutionary State in Iran*. NY, St., Martin's

Согласно другой версии (в рамках той же тенденции объяснения совершать, не вводя других величин, кроме личного эгоистического интереса), самоубийственное террористическое поведение объясняется ожиданием трансцендентальных наград, комбинированных с земными поощрениями – например, благодаря своему выбору, совершитель получает после своей смерти такой социальный статус, какой при жизни он вряд ли когда-то получит, а в результате его смерти его семья приобретает определенные материальные блага³⁴. Трансцендентальная награда может принять вид обещанного бессмертия в лоне Бога или в памяти общности (в случае самоубийственных актов, легитимированных светскими националистическими или другими идеологиями), или доступа к другому виду благ – например доступа в Рай и удовольствиям, которые он предлагает в качестве компенсации за самопожертвование. А что касается материальных поощрений близким, известно, что во время правления Саддама Хусейна Ирак предлагал семьям палестинских террористов-смертников компенсацию в размере 10000 долл., причем впоследствии сумма возросла до 25000 долл.³⁵, а как можно увидеть на официальном сайте саудовского правительства, семья каждого мученика получает от Саудовской Аравии³⁶ помощь в размере 5300 долл.³⁷ Существуют сведения, что подобные материальные компенсации выплачивают и другие источники, финансируемые иранскими, ливийскими, сирийскими или саудовскими правительственными и неправительственными фондами. Интервью с неуспешными самоубийцами, однако, показывают, что цель редко бывает экономической компенсацией для семьи (тем более в случаях, когда речь идет о семьях с хорошим материальным положением). Некоторые террористы-самоубийцы заявляют, что поступают таким образом, чтобы отомстить за близких и любимых им людей, но большинство утверждают, что делают это ради их группы и/или дела³⁸. Семьи в большинстве случаев являются ограничивающим фактором – почти во всех видеозаписях предсмертных обещаний совершители извиняются за причиненную скорбь и просят у них прощения³⁹.

Предположение, что получение материальных наград, предназначенных субъекту или субъектам, отличным от самоубийцы-террориста (например члену или членам их семей), является частью мотивации совершителя саморазрушительных актов, уже означает уход за границы личного эгоистического интереса, воспринимаемого понятиями экономической рациональности и, следовательно, отказ от «чистой» модели рационального выбора. Эта версия тоже имеет свой

34 **IANNACCONE, Laurence.** 2006. *The Market of Martyrs* <http://faculty.arec.umd.edu/cmcausland/RALi/The%20Market%20for%20Martyrs.pdf>

35 www.SBSnews.com. 2002

36 Саудовские официальные власти используют выражение «палестинцы, которые стали жертвой израильского террора и насилия», объясняя, что оказывают помощь палестинским мученикам, «не делая разницы – данный палестинец самовзрвался или был убит израильскими войсками». (*Arab news, Jidda, May, 27, 2002*)

37 **THE SAUDI ARABIA INFORMATION RESOURCE.** 2001. <http://www.saudinf.com/main/y2014.htm>, Dec, 1

38 **GAMBETA, D.** (ed) 2005. *Making sense of Suicide Missions.* Oxford, Oxford University Press, p.XII

39 **ELSTER, J.** 2005. *Suicide Missions: Motives and Beliefs.* In Gambeta, D. (ed) 2005. *Making sense of Suicide Missions.* Oxford, Oxford University Press, p.243

объяснительный капацитет и может служить в качестве объяснительной рамки в случаях, когда речь идет о получении совершителем материальной выгоды до осуществления самоубийственной операции.

Известен случай, когда чеченка (Зарема Мужахоева) соглашается совершить теракт в московском метро, получив обещание, что до этого ей выплатят денежную сумму, чтобы она могла отдать присвоенные ею деньги близким. Вот как описывает историю российский журналист Дмитрий Быков, который успел задать несколько вопросов Мужахоевой через ее адвоката при предварительном задержании: «1-го января 2001 г. Зарема родила девочку, которую назвала Рашиной. Семья мужа разрешила ей растить дочь только семь месяцев, после чего девочку забрали. Сама Зарема должна была уйти и найти себе нового мужа – «наши обычаи такие». Родные мужа не разрешали ей поддерживать контакт с дочерью: «Девочка не должна привыкать к этому. Ты выйдешь замуж, а она будет мешать тебе». Однажды Зарема посмотрела фильм о похищении ребенка и заразилась этой идеей. Решает похитить дочь и уехать с ней в Москву, где живет сестра ее матери... В Чечне у нее нет работы, денег осуществить побег у нее тоже нет. Зарема знает, что дома, в сундуке, хранятся изделия из золота рода ее бабушки. Забирает все золото, добавляет то, что у нее есть, и отправляется к семье мужа... Солгав [чтобы взять дочь], что едет к тете в Волгоград, просит денег, чтобы в последний раз погулять с ребенком. После долгих уговоров ей разрешили. ...Зарема берет дочь, отправляется в аэропорт и покупает билет в Москву. Здесь, к сожалению, ее настигли родные, ...которые обвиняли ее в краже и лжи – «это у нас считается позором».

Оставшись без всяких средств и отвергнутая близкими, Зарема связывается с ваххабитами, надеясь, что присоединение к ним и согласие участвовать в самоубийственной миссии «поможет ей погасить свои долги». В свою очередь, они связали ее с чеченскими боевиками, чей лидер Шамиль Басаев «предлагает ей остаться в лагере, выйти замуж за кого-нибудь из боевиков, причем обещает вернуть все ее долги и таким образом искупить ее позор за кражу»⁴⁰, а она должна согласиться самовзорваться.

Эта история могла бы рассматриваться как типичный случай рационального выбора (когда рациональный выбор воспринимается как чуждый альтруизму); здесь компенсацию получает лично совершитель, следовательно, объяснение можно дать именно на основании эгоистического экономического интереса, без введения дополнительных факторов, касающихся группового интереса и групповой солидарности.

Вторая рационалистская тенденция при интерпретации террористического самоубийственного поведения вводит дополнительные величины, такие как групповой интерес, трансцендентальные награды и внутригрупповая солидарность. Это расширяет охват концепции, но и прячет риск ухудшения ее объяснительных способностей: бесконечное увеличение предпосылок экономического человека (путем включения произвольных дополнительных факторов) может привести к

40 **БЫКОВ**, *Не везет мне в смерти* // *Огонек*. – 2004. – № 40. – <http://www.ogoniok.com/archive/2004/4830/03-12-16/>

невозможности их верифицирования, но это превратило бы объяснение в одну бесконечную тафталогию⁴¹.

Согласно одной из версий в рамках этой второй тенденции, рациональный интерес при самоубийственном террористическом поведении сводится к торгу и размене автономии на солидарность в рамках группы⁴². Стремление получить большее признание подталкивает члена группы участвовать активнее в ее деятельности; чем больше его участие, тем больше он солидарен с ней. В ходе этого процесса он отказывается от части своих ценностей, которые замещает ценностями группы, этим он отказывается от части своей идентичности и замещает ее групповой идентичностью, которая в некоторых случаях может персонифицироваться лидером и теряет способность принимать решения, основанные на других ценностях, различающихся от ценностей последнего. Чем больше он разменивает автономию на групповую солидарность (которая рассматривается как форма социального капитала), тем больше он склонен идентифицировать собственную выгоду с выгодой лидера, пока достигнет точки, в которой уже подготовлен «заменить» целиком всю свою собственную выгоду на выгоду лидера. Так как лидер предъявляет неограниченный спрос на добровольцев, то его последователь готов подчиниться этому спросу и пожертвовать своей жизнью (им управляет логика, что то, что полезно лидеру, полезно и ему самому). При наличии определенных условий этот самоусиливающийся процесс (который WINTROBE называет «мультипликатором солидарности») достигает такой цены, когда член группы начинает рассматривать солидарность как нечто самое важное, а выгоды для него всецело замещены выгодами лидера. В такой ситуации возможно рациональное самоубийство во имя группы.⁴³ То что солидарность является выгодой, доказывает ряд психологических и психиатрических исследований: известны случаи, когда симптомы дистресса уменьшаются до 37% после присоединения к группе, отличающейся сильным социальным единством и солидарностью⁴⁴; на этом принципе основывается и групповая терапия. Таким образом, по мнению WINTROBE, предмет сделки следующий: разменивается идентичность, независимость мышления или автономия (право принимать решения) за большую солидарность, социальное единство или принадлежность⁴⁵. Это обстоятельство хорошо знакомо на примере практики сект, присоединение к которым имеет точно определенную цену: воспринять данные убеждения, санкционированные соответствующим культом, участие в его деятельности с целью доказать лояльность и т. п. В свою очередь, секта создает и поддерживает у своих членов чувство принадлежности к общности,

41 LICHBACH, Mark. 1997. *Contentious Map of Contentious Politics. Mobilization*. 2(1)pp. 87-98

42 Wintrobe, Ronald. 2006. *Rational Extremism: The political Economy of Radicalism*. Cambridge, UK, CambridgeUniversity Press.

43 WINTROBE, Ronald. 2002. *Can Suicide Bombers be Rational. Paper presented at 2002 meeting of the Mc Arthur Preferences Network at the University of Pensilvania*

44 GALANTER, Marc. 1999. *Cults: Faith, Healing and Coercion*. 2nd edition, NY, Oxford University Press, 9, p.32

45 WINTROBE, Ronald. 2002. *Can Suicide Bombers be Rational. Paper presented at 2002 meeting of the McArthur Preferences Network at the University of Pensilvania*.

организуя деятельность, в которой индивид может принимать участие, встречаться с другими членами, или предоставляет набор убеждений, при помощи которых он может идентифицироваться. Чем более едины члены в своих убеждениях, тем больше у них желание жертвовать временем, энергией и другими ресурсами ради поддержки целей организации и тем больше ее способность к действию и власти⁴⁶. Из сказанного становится ясно, что человек, который придерживается иррациональных (по нашему мнению) убеждений, не демонстрирует с необходимостью иррациональное поведение: рациональность состоит не в содержании убеждений, а в причинах, из-за которых человек придерживается их⁴⁷; следовательно, крайность во взглядах не означает иррациональность, вследствие чего люди, которые рационально и почти целиком меняют свою идентичность за членство в группе, прибегая включительно и к самоубийству во имя дела, делают рациональный выбор. В рамках этой логики, вероятнее всего, будут совершать самоубийство лица, которые не располагают другим источником солидарности (одинокое и те, кто ищет друзей в рамках группы), такие, для которых автономия (право принимать решения) не имеет большого значения, и такие, которые не сформировали сильную идентичность⁴⁸ (последние не будут рассматривать замену своей идентичности как особую жертву), этими характеристиками обладают чаще молодые люди.

Представляет ли введение таких элементов, как групповой интерес, групповая солидарность и т. п., отступление от принципов рационального выбора? Некоторые считают, что ответ должен быть отрицательным. Согласно Gupta, вполне рационально принять, что «человеческие существа, будучи социальными животными, стремятся увеличить не только свое индивидуальное благосостояние, но и благосостояние группы, в которой претендуют на членство. С точки зрения человеческой эволюции, нет ничего иррационального в этой двойственной цели. Мы утверждаем, что этот расширенный взгляд на человеческую рациональность позволил бы нам объяснить ряд важных аномалий и, в то же время, связать ряд важных теорий участия в терроризме и других актах социального насилия»⁴⁹.

Berman и Laitin предлагают объяснение рационального выбора, основанного на теории о клубах. Они сначала рассматривают факт, что определенные общности (религиозные секты, радикальные организации), которые поощряют самоубийственное поведение, по правилу, организуют кооперативное производство другого вида, названного авторами «деятельность, направленная на взаимное обеспечение». Не обратив внимания на этот тип деятельности,

46 **HOWITT, Peter, and Ronald WINTROBE.** 1996. *The Political Economy of Inaction. Journal of Public Economics*

47 **WINTROBE, Ronald.** 2002. *Can Suicide Bombers be Rational. Paper presented at 2002 meeting of the McArthur Preferences Network at the University of Pennsylvania*

48 **WINTROBE, Ronald.** 2002. *Can Suicide Bombers be Rational. Paper presented at 2002 meeting of the McArthur Preferences Network at the University of Pennsylvania*

49 **GUPTA, Dipak.** 2006. *Toward An Integrated Behavioral Framework for Analyzing Terrorism: Individual Motivations to Group Dynamics. Paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Town & Country Resort and Convention Center, San Diego, California, USA, March*

нельзя объяснить, почему все же люди присоединяются к общностям, которые требуют от них определенных жертв, как, например: ограничение в способах еды, в поведении, в одежде, в сексуальных практиках, в отношениях с другими, а наряду с этим обязывают своих членов предоставлять им большую часть своего времени, ресурсов, лояльности. Объяснительная схема Верман и Латин в большой степени основывается на предположении Iannaccone⁵⁰, по мнению которого секты или общности являются эффективными институтами (клубами), которые предоставляют своим членам «услуги, полученные путем кооперативного производства» – исследование конкретных случаев доказывает, что в сектах, но также и в воинствующих религиозных группах (в том числе и в тех, которые используют самоубийственные атаки) образуются социальные сети и социальный капитал в качестве «ключевого элемента для эффективного рекрутирования и удерживания»⁵¹. Исследования секты Муна доказывают, что нанятие новых приверженцев является успешным при соблюдении условия – что за этим последует или одновременно с этим формируется сильная социальная связь типа семейных или узких дружеских отношений – «срочное крещение связано не столько с продажей убеждений, сколько с созданием связей, а таким образом уменьшаются социальные расходы и увеличиваются социальные выгоды, связанные с изменением религиозной ориентации». В свою очередь, принадлежность к секте подвержена риску, когда члены поддерживают сильные личные связи с членами других сетей. Можно заключить, что социальная связанность лежит в центре принятия другой веры, а принятие другой веры не состоится, пока вновь крещенный поддерживает более сильную связь с членами не-группы, чем с членами группы. Чем дольше остается человек в лоне одной религии, тем более плотными и густыми становятся эти сети, вот почему новые культы находят сторонников скорее среди лиц, которые до момента нанятия были не настолько религиозны или тесно связаны с новой религией⁵². Эти заключения подтверждаются исследованиями сект «Харе Кришна», «Миссия божественного света», «Храм солнца», «Мормоны», «Христианские сциентисты» и др.⁵³. Есть основания предполагать, что то, что верно для религиозных сект, верно и для групп, основанных на идеологических принципах – «социальная

50 Iannaccone развива идеята си в поредица от няколко статии: Iannaccone, Laurence. *Sacrifice and Stigma: Reducing Free-riding in Clubs, Communes and Other Collectives*. *Journal of Political Economy*, C (1992), pp. 271-291; *Introduction to Economics of Religion*, *Journal of Economics Literature*, XXXVI (1988), *The Market for Martyrs*, a paper presented at the 2004 Meeting of the American Economic Association, San Diego, CA, <http://www.religionomics.com/erel/S2-Archives/Iannaccone%20-%20Market%20for%20Martyrs.pdf>

51 IANACCONE, Laurence. 2004. *The Market for Martyrs*, a paper presented at the Meeting of the American Economic Association, San Diego, CA, <http://www.religionomics.com/erel/S2-Archives/Iannaccone%20-%20Market%20for%20Martyrs.pdf>

52 LOFLAND, John and Rodney STARK. 1965. *Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to the Deviant Perspective*. *American Sociological Review* 30, pp.862-875

53 ROBBINS, Thomas. 1985. *Thew Religious Movements, Brainwashing and Deprogramming – the View from the Law Journals*. *A Review Essay and Survey*. *Religious Studies Review*, 11, pp.361-370

взаимосвязь – это лошадь, которая тянет карету идеологической переменны»⁵⁴. Согласно Iannaccone, существует достаточно доказательств, чтобы принять, что это относится и к террористам-самоубийцам, для которых влияние критической роли группы давно доказано: Brooks описывает палестинский самоубийственный терроризм как «коммунитарное предприятие организаций, которые нанимают, обрабатывают, обучают и поощряют совершителей»⁵⁵, а Kramer обращает внимание на то, что «социальное измерение» имеет критически важное значение для совершителей самоубийственных миссий в Ливане в середине 1980-х годов⁵⁶. Таким образом, снова возвращаемся к идее «экономического клуба», согласно которой члены группы извлекают пользу от потребителей местных благ, посвящая определенную часть своего времени религиозной деятельности. Наибольший вызов его менеджменту – это найти рабочую руку, людей, готовых умереть. Так как речь идет о рациональной интерпретации, автор предлагает вопрос о самоубийственном терроризме рассмотреть с позиций спроса и предложения. Он считает, что проблему предложения можно легко решить, поскольку в каждом обществе есть люди, которые готовы красть, совершать вандализм, убивать и предпринимать другие акты насилия. Кроме того, число людей, которые должны совершить самоубийственный акт, намного меньше по сравнению с общим числом членов организации, ее рядовой член, как правило, не сталкивается с большими рисками, чем те, на которые натолкнулся бы уголовный преступник или солдат. Людям в целом нелегко рисковать богатством, здоровьем, а еще труднее – жизнью. Несмотря на это, многие из нас готовы на самопожертвование во имя семьи, друзей, близких и даже незнакомых. В то же время, нужно иметь в виду то, что все общества и культуры во все времена поощряли самопожертвование во имя ценностей, различных от материальных (примером тому служит обучение в казарме – самые эффективные воинские соединения не рассчитывают на деньги и выгоды, а на честь и статус в качестве основных мотиваторов, они, кроме того, создают сильные межличностные связи, основанные на доверии и привязанности). Рациональные актеры, которые жертвуют своей жизнью, ожидают пользы, которая является суммой их стандартной социальной и экономической деятельности и самоубийственного акта: слава, честь и признание, моральный статус, благодетельствование за счет унижения и ущербов, нанесенных врагу. Рациональный актер подсчитывает и потери: боль и страдание, муку, которую причинит своим близким, унижение после неуспеха, арест, пытки, экзекуцию и т. д. Одинаково важны как вопрос предложения, так и вопрос спроса, который считается намного ограниченной, чем предполагаемое – самоубийственные теракты, даже когда их не так много, приводят к широкому общественному осуждению. Спрос сосредотачивается на людей, которые в состоянии не только умереть, но

54 **ROBBINS**, Thomas. 1988. *Cults, Converts and Charisma: the Sociology of New Religious Movements*, London, Sage

55 **BROOKS**, David. 2002. *The Culture of Martyrdom*. *The Atlantic Monthly* June 2002 <http://www.theatlantic.com/doc/prem/200206/brooks>, pp.18-20

56 **KRAMER**, Martin. 1991. *Sacrifice and Self-Martyrdom in Shiite Lebanon*. *Terrorism and Political Violence* 3, pp.30-47

и убить, их, однако, нельзя просто нанять как всех остальных работающих, они должны быть «произведены» в социальном процессе, который включает рекрут, взаимодействие и обучение, и чья цель – достижение послушания, вовлечения в дело и предотвращение отклонений с намеченной миссии⁵⁷.

Gupta – один из последователей рационального выбора, который считает, что теория должна пересмотреть свои предпосылки, чтобы выработать убедительную интерпретацию самоубийственного террористического выбора, интерпретацию, какую в настоящем виде она не может предложить. Это и есть третья тенденция в поисках объяснения. Он считает, что политически мотивированный самоубийственный теракт 11 сентября показал, что теория рационального выбора не может объяснить политически мотивированное самоубийство понятиями экономического эгоистического интереса, следовательно, не может объяснить индивидуальное политическое поведение понятиями экономики, это означает, что «политически мотивированное самоубийство ставит под вопрос сами предпосылки теории рационального выбора». Кроме того, согласно его мнению, рациональный выбор не может эксплицировать и влияние идеологии, которую Dawns понимает как вербальный образ хорошего общества и основное средство для его создания. Если это так, то с позиции рационального выбора следует задать вопрос: каким способом поощрение хорошего общества попадает в охват моего эгоистического интереса? Ответ – снова с тех же позиций – следующий: «никаким». В силу этой логики, идеология бесполезна, несмотря на то, что практически ее воздействие на политический процесс, на индивидуальное и массовое политическое поведение огромно. Подобные видимые парадоксы, продолжает Gupta, накладывают переосмысление самой концепции рациональности: он еще считает, что «предложить строго функциональную модель человеческой мотивации понять основную причину терроризма не имеет фундаментальной важности. Если, однако, мы хотим иметь теоретическую структуру, мы должны расширить модель рационального выбора так, чтобы он включил примордиальную человеческую мотивацию принадлежности к группе»⁵⁸. Таким образом, рациональность не сводилась бы единственно к экономическим факторам, а, соображаясь с теорией человеческих нужд, была бы предопределена «эгоистическим индивидуальным интересом» в направлении «самоосуществления». В поисках прогнозирующего понимания, элементы, подлежащие анализу, должны включать как материальные, так и идеологические тезисы⁵⁹. В логике этой парадигмы находится и предложение Caplan об «иррациональной рациональности»⁶⁰.

57 **IANNACCONE**, Laurence. 2006. *The Market of Martyrs* <http://faculty.arec.umd.edu/cmcausland/RALi/The%20Market%20for%20Martyrs.pdf>

58 **GUPTA**, Dipak. 2006. *Toward An Integrated Behavioral Framework for Analyzing Terrorism: Individual Motivations to Group Dynamics*. Paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Town & Country Resort and Convention Center, San Diego, California, USA, March

59 **GUPTA**, Dipak. 2006. *Toward An Integrated Behavioral Framework for Analyzing Terrorism: Individual Motivations to Group Dynamics*. Paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Town & Country Resort and Convention Center, San Diego, California, USA, March

60 **CAPLAN**, Brian. 2000. *Rational Irrationality: A Framework for the Neoclassical-behavioral Debate*. *Esatern Economic Journal*, 26 (2) pp. 191-211

Он предполагает, что в добавление к материальному успеху у агентов есть и второе соображение: верность предпочитаемым убеждениям, они выбирают верить в них, несмотря на очевидные аргументы против этого. Извлеченная польза имеет чисто психологический характер: убеждения дают людям чувство значимости и персональной идентичности. Эта иррациональность имеет глубоко рациональный элемент: она оставляет человеку возможность верить вопреки логике доказательств. Поскольку для агентов важны как материальный успех, так и их убеждения, они должны сравнивать психологические и социальные выгоды иррациональности и материального интереса. Именно факт, что люди оценивают пользу и потери за счет иррациональности без тенденциозности, позволяет Caplan доказать, что люди рациональны – выбор быть иррациональным отражает рациональную оценку цены⁶¹.

Представляет ли рациональный выбор релевантную модель объяснения самоубийственного терроризма? Ответ может быть положительным – «несмотря на то, что совпадение между моделью и фактами несовершенно, оно остается «хорошим», и «даже когда не в состоянии объяснить факты, оно продолжает быть ценной аналитической исходной точкой зрения»⁶².

2.2.2 Культуралистские теории

Культуралистские объяснительные подходы концептируются на те дискурсы и практики, которые делают акт насилия значимым. Культура предоставляет ресурсы, необходимые для осуществления стратегического действия⁶³, и создает возможность, чтобы «коллективное действие, высокорисковый активизм или крайнее насилие, которые нарушают правила нормальности и подвергают испытанию обычный способ жизни участников, были рамкированы ... в качестве значимых актов спасения, а насилие было представлено «не просто как единственное средство достижения желанных целей», «но и легитимировано как выполнение долга к собственным ценностям, семье, друзьям, обществу или религии»⁶⁴. В этом смысле культура не только очерчивает рациональность, но задает контекст и критерии «признания и оценки рациональности, которая не может существовать в чистой форме вне социального контекста»⁶⁵. Как правило, культуралистский взгляд обращает внимание на два основных фактора: религию и идентичность. В этой главе будут проанализированы объяснительные возможности

61 **CAPLAN**, Brian. 2006. *Terrorism: the Relevance of the Rational Choice Model*. *Public Choice*, 128, pp. 91-107

62 **CAPLAN**, Brian. 2006. *Terrorism: the Relevance of the Rational Choice Model*. *Public Choice*, 128, pp. 91-107

63 **SWIDLER**, Ann. 1986. *Culture in Action: Symbols and Strategies*. *American Sociological Review*, pp. 273-286, pp. 273-286; **EMIRBAYER**, Mustafa and Jeff **GOODWIN**. 1994. *Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency*, *American Journal of Sociology*, 99(6), pp.1411-1454

64 **HAFEZ**, Mohammed. 2006. *Rationality, Culture and Structure in the Making of Suicide Bombers: A Preliminary Theoretical Synthesis and Illustrative Case Study*. *Studies in Conflict and Terrorism*, 29, pp.165-185

65 **JASPER**, James. 1997. *The Art of Moral Protest, Culture, Biography and Creativity in Social Movements*. Chicago, University of Chicago Press, p.83

теории идентичности, а в следующей – религии. Идентичность не случайно выбрана в качестве акцента в этом исследовании, посвященном женскому самоубийственному терроризму. Известно то, что социальные измерения пола и этноса лежат в основе конструирования идентичности и являются факторами, которые оказывают решающее влияние на человеческую жизнь. Исследования в области конфликтного анализа, вооруженного насилия и появления беженцев доказывают, что в подобных ситуациях «оба передоговариваются, приобретая новую тяжесть, значение и выражение в ходе одного постоянного взаимодействия»⁶⁶, причем «социальное измерение пола находится в центре реконструкции чувства собственного «Я» и человеческого достоинства»⁶⁷.

Теории идентичности иногда характеризуются как психологические, в другой раз – как культуралистские концепции. Вместо принятия этого взгляда как противоречивого, можно принять его как отражающий факт, что у этих концепций есть как психологический, так и культурный аспекты. Внимание, которое в настоящей работе обращается первому, обуславливается обстоятельством, что пропасть между психологизированным и социологизированным человеком не раз была в основе неполных интерпретаций политического человека, а пренебрежение его биологической природы и социально психологической динамики никогда не способствовало лучшему пониманию мира политики. Внимание ко второму определяется пониманием, что использование концепции персональной и социальной идентичности не означает ни отказа от политического осмысления самоубийственного терроризма, ни выхода за рамки политического анализа, а попытку перебросить мост между людьми как «физическими субъектами» и структурой политического действия, в котором они являются основными протагонистами. Даже если ее оставят в стороне, эта роль идентичности сама по себе имеет политический аспект и, следовательно, ее исследование является задачей политической науки, поскольку «идентичность как процесс (а не как проект) является «политикой снизу»: «она то, что случается в уме людей, несмотря на то, отражается ли оно в социальное пространство или нет» и, как таковой, создает предпосылки для того, чтобы «человеческий ум воображал и жил в различных социальных формах»⁶⁸. Идентичность – предмет исследования и со стороны политической науки путем идентичностных конфликтов, обычно отождествляемых, но далеко не исчерпываемых этническими.

В этом параграфе сделана попытка идентифицировать и оценить объяснительный потенциал теорий идентичности в рамках трехуровневого анализа самоубийственного терроризма, поэтому специальный акцент поставлен на связь между персональной и социальной идентичностями, между идентичностью и культурой, вполне осознавая как ее возможности, так и ее ограничения – «если

66 **SCHRIJVERS, Joke.** 1999. *Fighters, Victims and Survivors: Constructions of Ethnicity, Gender and Refugeeess among Tamils in Sri Lanka.* *Journal of Refugee Studies* Vol. 12, No. 3, pp.308-333

67 **SCHRIJVERS, Joke.** 1999. *Fighters, Victims and Survivors: Constructions of Ethnicity, Gender and Refugeeess among Tamils in Sri Lanka.* *Journal of Refugee Studies* Vol. 12, No. 3, pp.308-333

68 **ERKOSE, Yener.** *Identity Formation and Evolution During Israel-Palestine Conflict: Periods of Israeli and Israeli Palestinian Identity*

культурные концепции были бы в состоянии объяснить все, кто-то должен был бы написать книгу с заголовком «Патология культурного эссенциализма»⁶⁹.

В рамках различных тенденций идентичность понимается по-разному. Психодинамическая теория⁷⁰ связывает феноменологическое или субъективное чувство идентичности с внутренними структурами и организацией личности. Согласно психодинамической теории, *идентичность* используется, в первую очередь, в качестве феноменологической концепции, которая денотирует субъективную репрезентацию чувства «Я» как агента, человека и объекта перцепции и рефлексии⁷¹, а зрелая персональная идентичность рассматривается как важный ресурс регулирования когнитивных, аффективных и интерперсональных функций.

В свою очередь, большинство когнитивных теорий принимают, что эмоциональное единство и преемственность во времени и ситуациях являются условиями развития стабильного чувства идентичности: «люди формируют чувство самоидентичности путем самонаблюдений, как и на материале реакций других по отношению к ним. Большие несоответствия в поведении во времени и в ситуациях делают трудным конструирование «Я»-нарратива и чувства персонального континуитета»⁷².

Современная психодинамическая теория обращает внимание на важность идентичности для функционирования личности, используя мнение, что идентичность «задает психологическую структуру, которая определяет динамическую организацию характера». Согласно Clarkin, Yeomans, Kernberg, индивиды с консолидированной идентичностью легче адаптируются к различным контекстам, моделируют свое поведение, не теряя основополагающего чувства внутреннего единства и стабильности, и в своих действиях относительно когерентны и предвидимы. Здоровое чувство идентичности и собственного «Я» в качестве объекта делает личность компетентным (независимым) субъектом и актером⁷³. Его развитие имеет особенно важное значение для самопринятия и самооценки и является краеугольным камнем «способности чувствовать себя хорошо»⁷⁴.

Erikson считает, что основной вызов исследованию идентичности связан с обстоятельством, что мы поставлены перед «процессом, протекающим в ядре

69 SHAPIRO, Ian. 1998. *Can the Rational Choice Framework Cope with Culture? PS Political Science and Politics*, 31, pp.40-42

70 KERNBERG, O. 1976. *Object relations theory and clinical psychoanalysis*. New York: Aronson

71 JORGENSEN, René. 2006. *DISTURBED SENSE OF IDENTITY IN BORDERLINE PERSONALITY DISORDER*. *Journal of Personality Disorders*. New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6, pp.618-644

DEAUX, K. 2000. *Identity*. In: A. E. Kazdin (Ed.), *Encyclopedia of Psychology*, Vol. 4; pp.222-225 Oxford: Oxford University Press, p.225

72 LINEHAN, M. 1993. *Cognitive-behavioral treatment for borderline personality disorder*. New York: Guilford, p.61

73 CLARKIN, J. F., YEOMANS, F. E., and KERNBERG, O. 2006. *Psychotherapy for borderline personality: Focusing on object relations*. Washington: American Psychiatric Publishing

74 CRAWFORD, T. N., COHEN, P., JOHNSON, J. G., SNEED, J. R., and BROOK, J. S. (2004). *The course and psychosocial correlates of personality disorder symptoms in adolescence: Erikson's developmental theory revisited*. *Journal of Youth and Adolescence*, 33, p.374

индивида и, одновременно с этим, в ядре культуры его общности, процессом, который, по существу, устанавливает идентичность этих двух идентичностей»⁷⁵. Формирование идентичности предполагает одновременно процесс наблюдения и рефлексии; в его рамках «индивид самооценивается в свете оценки других, которые сравнивают его с собой понятиями значимой для них типологии; с другой стороны, оценивает способ, по которому его оценивают в свете самовосприятия, сравниваясь с другими и с людьми, которые важны для него». Этот процесс в большей своей части протекает на несознательном уровне, кроме моментов комбинации «внутренних условий с внешними обстоятельствами» и развивается постоянно «в той степени, в которой у индивида появляется сознание о все более расширяющемся круге значимых других, распространяющемся от матери до человечества»⁷⁶.

Erikson ставит идентичность в измерениях двухполюсного континуума, обозначенного синтезом, с одной стороны, и смущением идентичности – с другой. Синтез представляет переработку идентификаций с детства и настоящих в более широкий, самоопределяющийся набор самоидентифицированных идеалов, в то время как смущение можно охарактеризовать как неспособность развить работающий набор идеалов, которые могли бы превратиться в основу идентичности в зрелом возрасте. «Эгоидентичность является, следовательно, когерентной картиной, которую человек показывает как себе, так и внешнему миру»⁷⁷. Ее можно сравнить с мозаикой, составленной из предпочтений карьеры, романтических и политических предпочтений, религиозных убеждений. Чем полнее и когерентнее мозаика, тем человек находится ближе к синтезу эгоидентичности, и наоборот. В каждый момент своей жизни он размещается где-то между двумя полюсами, позиция близости к синтезу способствует делать полезные и внутриединные выборы. В более конкретных понятиях, синтез идентичности представляет синтез «настоящего с передвижением в будущее»⁷⁸.

Erikson рассматривает идентичность с четырех точек зрения, которые определяют разные, но тесно связанные значения: «сознательное чувство индивидуальной идентичности», «несознательное стремление к континьюитетам персонального характера», «критерий молчаливого эго-синтеза» и «поддержка внутренней солидарности с групповыми идеалами общности». Эти перспективы сгруппированы на трех уровнях в зависимости от степени укорененности в собственное «Я» или в контекст⁷⁹. В одной из точек пересечения находится персональная идентичность, воспринимаемая как набор целей, ценностей и убеждений, которые мы показываем миру и которые отличают нас от

75 **ERIKSON, Eric.** 1974. *Identidad, Juventud y crisis.* Editorial Paidos, Buenos Aires, p.19

76 **ERIKSON, Eric.** 1974. *Identidad, Juventud y crisis.* Editorial Paidos, Buenos Aires, p.19

77 **SCHWARTZ, Seth.** 2001. *The evolution of Eriksonian and neo-Eriksonian identity theory and re-search: a review and integration.* *Identity: an international journal of theory and research*, 1(1) pp. 7-58)

78 Эриксон приводит пример с Махатмой Ганди, чья идентичность отмечена твердой убежденностью в цели его жизни. (ERIKSON, Eric. 1969. *Ghandi's truth: on the origins of militant non violence.* NY, Norton).

79 **ERIKSON, Eric.** 1980. *Identity and life cycle: Areissue,* NY, Norton

остальных. Индивидуальная идентичность включает, но, по мнению Эриксона, не исчерпывается суммой идентификаций, сделанных в детстве, в конце этого периода личностного развития идентичность проявляется как уникальный продукт, противопоставляющийся кризису, который нужно разрешить путем новых идентификаций с друзьями того же возраста или лидерами за пределами семьи. «Когда самоидентификация оказывается особенно трудной, возникает чувство ролевого смятения: молодой человек больше противопоставляет, чем синтезирует свои сексуальные, этнические, профессиональные и типологические альтернативы и, иногда вынужден делать окончательный и тотальный выбор между теми и другими»⁸⁰.

Индивидуальная идентичность может быть подвергнута сильным потрясениям и даже потерям в случае появления радикальных социальных перемен. Кроме исторических обстоятельств, на нее может сильно влиять характер политического режима, несмотря на то, что Erikson не анализирует последнего обычными понятиями политической науки, а понятиями, как он сам выражается, «интегрированности» общества: «Только одно относительно интегрированное общество может передать ребенку через его мать внутреннюю убежденность, что все разбросанные соматические опыты и все путающие социальные предложения первых месяцев его жизни могут организоваться в единое чувство континюитета и самоидентичности, которые постепенно связывают внутренний с внешним миром»⁸¹. Это создает ощущение, что переходное существование «здесь» и «сейчас» поставлено на якорь⁸². Анализируя чисто политический феномен, каким является этнический конфликт, Антони Смит достигает до той же идеи: «Вопрос об индивидуальной идентичности всегда является вопросом социального и духовного ситуирования», так как касается «безопасности, настолько пекущейся об индивидуальности и уникальности людей и семейств; именно благодаря таким претензиям на уникальность легитимируются достоинство и власть в обществе. И когда говорим о кризисе идентичности, ...мы имеем в виду эту потерю безопасности и локирования в традиционной среде и ее стабильной ценностной системы»⁸³.

Связь между социальным и индивидуальным, указанная Эриксоном, получает эмпирические подтверждения в более новых исследованиях идентичности, которые воспринимают идею, что самоидентичность, хотя бы отчасти, является социально конструированной – «она основывается на социально разделенных значениях, которые постоянно договариваются в диалоге с другими». Стабильная идентичность представляет важный источник единства, структурирует их опыт, руководит и регулирует их поведение в социальных взаимодействиях: стабильная идентичность способствует существованию стабильной и когерентной социальной среды, которая, в свою очередь, стабилизирует идентичность индивида. Культурные перемены и ослабление социальных общностей предполагают, что

80 **ERIKSON**, Eric. 1974. *Identidad, Juventud y crisis*. Editorial Paidós, Buenos Aires, p. 73-74

81 **ERIKSON**, Eric. 1974. *Identidad, Juventud y crisis*. Editorial Paidós, Buenos Aires, p.68

82 **ERIKSON**, Eric. 1974. *Identidad, Juventud y crisis*. Editorial Paidós, Buenos Aires, p.35

83 **SMITH**, Anthony. 1999. *Myths and Memories of the Nation*. Oxford University press. p.59

будет труднее создать стабильную и когерентную среду, которая, в определенных случаях, предполагает развитие стабильной идентичности⁸⁴.

Несмотря на то, что заключения Erikson о персональной идентичности и о том, что он называет кризисом идентичности, основываются на широкой клинической практике, они часто оспариваются аргументами, что недостаточно хорошо эмпирически подтверждены – слабость, которая в большой степени преодолена его многочисленными последователями, чьи заключения даны в нижеследующем тексте⁸⁵. В основных линиях, однако, дебат об индивидуальной идентичности (самоидентичности), несмотря на то, с каких позиций ведется – психоаналитических, когнитивных или конструктивистских – остается в линиях очерченной им парадигмы. В зависимости от контекста, самоидентичность продолжает пониматься как субстанция, субъективный опыт и персональное «чувство о самом себе», как внутренняя структура, персональная конструкция, экзистенциальный проект или (никогда не заканчивающийся) процесс⁸⁶, как «особенность индивида, отражающая внутренний процесс самоопределения», и как конструкция, «появляющаяся в социальном контексте и сформированная как из непосредственных обстоятельств, так и из более широкого культурного контекста⁸⁷, как более или менее сознательная концепция человека о нем самом как об уникальном индивиде с собственными чертами, нуждами, определяющими характеристиками и историей»⁸⁸.

В 1970-х и 1980-х годах предположения Эриксона использовались его последователями в области психологии, а также специалистами в области политических наук и криминалистами для объяснения терроризма в Западной Германии⁸⁹, Ирландии⁹⁰ и некоторых других развивающихся странах⁹¹. Несмотря

84 **JORGENSEN, René.** 2006. *Disturbed sense of identity in borderline personality disorder. Journal of Personality Disorders.* New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6, pp. 618-644

85 Marcia, как один из последователей Erikson, понимает (его) идентичность как персональную структуру, которая впервые проявляется в юношеском возрасте. Эта структура состоит из «индивидуальной организации стимулов (нужд, желаний) и возможностей (умений, компетенций) в контексте ее или его особых культурных требований и поощрений (наград)». Greenacre доказывает, что термин идентичность имеет две значимые стороны: внешнюю и внутреннюю. С одной стороны, идентичность означает индивидуального человека, чьи составные части достаточно хорошо интегрированы в организацию целого так, что эффект является действительной целостностью (openess, aunit)... С другой стороны, идентичность относится к уникальным характеристикам индивидуального человека, «благодаря которым его можно разграничивать от другого в какой-то степени подобного человека». GREENACRE, P. 1958. *Early physical determinants in the development of the sense of identity, Journal of American Psychoanalytical Association*, 6, pp.612-627.

86 **JORGENSEN, René.** 2006. *Disturbed sense of identity in borderline personality disorder. Journal of Personality Disorders.* New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6, pp.618-644

87 **DEAUX, K.** 2000. *Identity.* In: A. E. Kazdin (Ed.), *Encyclopedia of Psychology*, Vol. 4; pp.222-225 Oxford: Oxford University Press p.225

88 **JORGENSEN, René.** 2006. *Disturbed sense of identity in borderline personality disorder. Journal of Personality Disorders.* New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6 pp.618-644

DEAUX, K. 2000. *Identity.* In: A. E. Kazdin (Ed.), *Encyclopedia of Psychology*, Vol. 4; pp.222-225 Oxford: OxfordUniversity Press; pp.222-225

89 Одно из самых ранних приложений идей Erikson в объяснении экстремистского поведения принадлежит Bollinger, который использует их в исследовании лево- и

на внимание, которое отводилось факторам среды, эти объяснения, однако, редко уходили дальше взгляда о терроризме как о проблеме смущения индивидуальной идентичности и, скорее всего, в качестве исключения, чем правила, связывают его с групповой динамикой и динамикой отношений между индивидуальной и социальной идентичностью.

Ближе к контексту, чем к собственному «Я», находится социальная идентичность, определенная Erikson как чувство внутренней солидарности с групповыми идеалами и результат консолидации элементов, интегрированных в индивидуальное чувство «Я» под воздействием группы, к которой принадлежит. Социальную идентичность, часто описываемую как групповую⁹², можно понять и как совокупность «основных способов организации группового опыта⁹³; чтобы объяснить связь между индивидуальным и групповым поведением, необходимо создать «концепции, которые освещали бы взаимное дополнение синтеза «Я» и социальной организации»⁹⁴. Согласно Erikson, нужда в психосоциальной идентичности заключается в социогенетической эволюции – «если утверждается, что принятие власти-авторитета является основной характеристикой социогенетической эволюции человека, я бы добавил, что формирование идентичности является неделимой частью этого процесса, так как настоящая власть-авторитет может существовать только в рамках одной хорошо определенной групповой идентичности»⁹⁵.

Ответ на вопрос «Кто я?», однако, предполагает и требует процесса локирования «Я» самого себя или кого-то другого в целостной системе социальной

правоориентированного терроризма в Западной Германии в 1970-х и 1980-х гг. Bollinger считает, что участники террористических групп были неуспешными в своих попытках преодолеть стадии развития, очерченные Erikson и в результате этого восприняли негативную идентичность. Именно негативная идентичность ориентировала их на коллективную идентичность экстремистской организации, которая помогает им найти цель и смысл своей жизни. BOLLINGER, L. 1981. The development of terrorist actions as a psychosocial process: encounters with participants. In H. Jagar. G. Schmidtchen, and L. Sullwold (eds) Analysis of Terrorism. Vol. 2., Opladen, Westdeutscher, pp. 175-231

90 Таково заключение и Knutson, после интервью террористов ИРА, находящихся в тюрьмах и вне их. Согласно ей, субъекты в негативной идентичности, когда воспринимают себя как оцетенными другими, склонны к членству в маргинализованных коллективах или общностях. **KNUTSON, Jane.** 1981. Social and psychodynamic pressures toward a negative identity & the case of an American revolutionary terrorism. In an Y. Alexander. J. M Gleason (eds) Behavioral and quantitative perspectives on terrorism., Elmsford, NY, Pergamon, pp 105-150

91 Crenshaw в своем исследовании Алжирского фронта национального освобождения предполагает, что тоталитаризм и тоталитарные движения привлекают главным образом индивидов, лишенных сильного чувства идентичности, так как они находят комфорт в авторитарной догме организации, Crenshaw, M. 1986. **CRENSHAW, Martha.** 1986. The psychology of political terrorism. Inm. Hermann, (ed) Political Psychology, San Francisco, Jossey-Bass, pp.379-413

92 **COTE, J.E.** 1996. Social perspectives on identity formation: the culture-identity link and identity capital. Journal of Adolescence, 19; Weigert, A. J., Teitge J.S. and Teitge, D. 1986. Society and identity: toward a social psychology. NY, Cambridge University Press, pp.419-430.

93 **ERIKSON, Eric.** 1974. Identidad, Juventud y crisis. Editorial Paidos, Buenos Aires, p.40

94 **ERIKSON, Eric.** 1974. Identidad, Juventud y crisis. Editorial Paidos, Buenos Aires, p.45

95 **ERIKSON, Eric.** 1974. Identidad, Juventud y crisis. Editorial Paidos, Buenos Aires, p.34

категоризации или в отдельных ее элементах. Согласно Tajfel, локирование в традиционной среде осуществляется путем социальных категоризаций, которые могут восприниматься как бесконечное распределение социального мира между разными классами⁹⁶. Они определяют человека, непрерывно включая или выключая его из одних или иных категорий, определяя в одно и то же время, что есть и чего нет⁹⁷. Рассмотренную в таком контексте идентификацию можно охарактеризовать как процесс, через который индивиды интернализуют какую-нибудь форму социальной категоризации таким образом, чтобы она стала элементом их «Я»-концепции, общая сумма социальных идентификаций, использованных нами, чтобы самоопределиться, показывает нашу социальную идентичность.

Следовательно, идентичность является результатом как социальной идентификации, так и социальной категоризации, воспринимаемых как два параллельных процесса или как две стороны одной и той же монеты. С этой точки зрения и на основании взгляда, что идентичность – это «познавание индивидом, что он принадлежит к определенным социальным группам одновременно с определенным эмоциональным и ценностным значением для него этого группового членства», Turner считает, что «идентичнос» концепция как набор психологических процессов и «Я»-концепция как когнитивная структура ...доступная человеку в любой момент, чтобы он мог дефинировать себя»⁹⁸.

Ценность группового членства в случае самоубийственного терроризма подтверждается рядом исследований. На основании интервью с 35 неуспешными террористами-самоубийцами Post констатирует сильное взаимопроникновение индивидуальной и коллективной идентичности, причем оно ясно выражено при более радикальных элементах; он считает эту закономерность характерной для всех эффективных организаций, независимо от их идеологической ориентации. Его заключение состоит в том, что когда индивидуальная идентичность отстает перед организацией, не остается никакого места для индивидуальности, понимаемой как автономные идеи и принятие решений, в то же время, собственный успех воспринимается все больше как функция организационного. Таким же образом индивидуальная самооценка воспринимается как связанная с престижем последней, от чего проистекает и мотивация работать за его повышение, причем результат этого процесса является индивидуализированием организационного дела, которое все больше воспринимается как личное – «налицо всеобъемлющее чувство коллективного, которое потребляет индивидуальное». «Таким образом, гордость и стыд представляют отражение группового действия, а не индивидуальных поступков, чувств или опыта»⁹⁹.

96 **TAJFEL**, H. 1972. *Social Categorization*, In S. Moscovici (ed) *Introduction a la psychologie Sociale*, vol. 1, Paris, Larousse, H. Tajfel. «Gruppi umani e categorie sociali», Mulino, Bologna, p.31

97 **TAJFEL**, H. 1972. *Social Categorization*, In S. Moscovici (ed) *Introduction a la psychologie Sociale*, vol. 1, Paris, Larousse, H. Tajfel. «Gruppi umani e categorie sociali», Mulino, Bologna, p.31

98 **GERGEN**, K. 1971. *The concept of Self*. NY Holt, Rinehart and Winston, pp.23-31

99 **POST**, Jerrold. 2005. *The New Face of Terrorism: Socio-Cultural Foundations of Contemporary Terrorism*. Behavioral Sciences and the Law 23

Социологическая категоризация в понятиях расы, этноса, пола, вероисповедания приобретает психологическое значение только тогда, когда она воспринимается как определяющая для индивида – «внешнее обозначение группы, как таковое, имеет очень небольшую связь, если вообще есть какая-нибудь, с развитием и существованием внутренних критериев членства»¹⁰⁰. Как и каким образом социальные категории становятся определяющими для собственного «Я»? Tajfel считает, что их интернализацию можно рассматривать как часть более общего процесса, в котором люди используют категории, чтобы «структурировать каузальное понимание внешнего мира» и дать себе отчет в том, что происходит вокруг них. Самоопределение собственного «Я» в социальном контексте приводит к созданию социальной идентичности, понимаемой как принадлежность к определенной группе. Теория социальной идентичности, и более специально – вариант Tajfel, предполагает, что человека можно изменить социальными категоризациями, причем это может привести к возникновению конфликта – когда данная социальная идентичность обуславливает негативное самоопределение или низкий социальный статус индивида, желание выработки более позитивной «Я»-концепции может провоцировать развитие и применение групповых стратегий, направленных на противопоставление.

В эпоху глобализации и постмодерности индивидуальная и социальная идентичности являются субъектами глубоких изменений. В какой-то форме человек всегда спрашивал себя: «Кто я и чему принадлежу?». Но во времена быстрых культурных перемен и социального размещения пластов вопросы подобного характера занимают первую позицию, а найти ответ на них оказывается одним из самых больших вызовов. Эпоха постмодерна не ставит вопроса идентичности и ее социального признания не потому, что у людей не было идентичности или потому что они не нуждались в признании, а потому, что обе являются неproblemатическими, следовательно, нет необходимости проблематизирования¹⁰¹. В этом смысле, «идентичность, как таковая, является модерной инвенцией»; она никогда «не становилась» проблемой; она может существовать только в качестве проблемы, она «проблема» с рождения»¹⁰². В рамках подобной логики, Lichtenstein, комментируя Лока, подчеркивает, что «проблема персональной идентичности может стать философской и психологической, когда перестанет подразумеваться само собой то, что у человека божественное происхождение, из которого он извлекает свою неизменную идентичность»¹⁰³. При модерности коллективные и институциональные рамки для выработки идентичности рушатся¹⁰⁴; прогрессивная индивидуализация ставит перед человеком задачу конструировать свою собственную уникальную идентичность; ее проблемы приватизируются и определяются как исключительно индивидуальные проблемы,

100 **TAJFEL, Henri.** 1982 (ed). *Social Identity and Intergroup Relations.* Cambridge, Cambridge university press, p.491-492

101 **TAYLOR, C.** 1991. *The ethics of authenticity.* Cambridge: Harvard University Press, p.48

102 **BAUMAN, Z.** 1995. *Life Infragments: Essays in postmodern morality.* London: Blackwell, p.81

103 **LICHTENSTEIN, H.** 1977. *The dilemma of human identity.* New York: Aronson, p.130

104 **BAUMAN, Z.** 2001. *The individualized society.* London: Polity, p.92

в результате чего «идентичность входит в модерный разум и практику, переодетую в виде индивидуальной задачи». Результатом становится утверждающееся понимание, что трудности при выработке персональной идентичности являются персональным вопросом, несмотря на то, что проблемы идентичности связаны с элементами модерности¹⁰⁵. Они такие, поскольку в современном обществе человек поставлен «между не подлежащей компромиссу индивидуальностью и тотальной принадлежностью и социальной интеграцией». Вот почему дорога к идентичности в нем похожа на «битву, она как непрерывающаяся борьба между желанием свободы (отделение, индивидуализация и автономия) и нуждой в безопасности (принадлежать, быть частью общности и быть связанным с другими), порожденной страхом одиночества и лишения прав¹⁰⁶.

По мнению Lichtenstein, значение идентичности настолько велико, что люди безудержно стремятся выработать ее или приобрести, причем в этом своем стремлении они зависят как от культуры, так и один от другого; в этом смысле культуру можно представить как коллективное усилие приобретения функционирующих идентичностей. Несмотря на то, что идентичность нельзя считать вполне врожденной, за такую можно принять способность развивать нашу идентичность и индивидуальность – способность, которая проявляется только во взаимодействии с другими и реализуется при поддержке культурных норм и социальных институтов¹⁰⁷. Персональная идентичность всегда проявляется как выражение концепций (и практик), которые стали нам доступны, благодаря обществу, культурному нарративу (в том числе трансцендентальному и религиозному), школе и другим социальным институтам, опосредованным влиянием семьи, властных фигур, равных нам и нашему ближайшему окружению¹⁰⁸. В исторической перспективе позднее современное общество предоставляет относительно неясно сконструированный контекст, необходимый для конструирования человеческой идентичности. Оно предоставляет индивидам множество возможностей развития идентичности, требуя от каждого определить ее¹⁰⁹. В то же время, развитие идентичности превращено в постоянные поиски и экспериментирование различными идентичностями. Самая важная психологическая задача в юности и раннем зрелом возрасте, когда пограничные расстройства типично диагностированы – это формирование персональной идентичности, которая будет уникальной, стабильной, гибкой и адаптивной. В традиционных культурах у человека есть доступ к ритуалам, которые в большинстве случаев всеохватны. У них переход от детства к зрелому возрасту и, следовательно, идентичности определен социальными нормами. В современном обществе западного типа в большой степени «идентичность является проектом

105 **JORGENSEN, René.** 2006. *Disturbed sense of identity in borderline personality disorder. Journal of Personality Disorders.* New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6, pp. 618-644 TAYLOR, C. 1991. *The ethics of authenticity.* Cambridge: Harvard University Press

106 **BAUMAN, Z.** 2005. *Liquid life.* London: Polity, p. 30

107 **LICHTENSTEIN, H.** 1977. *The dilemma of human identity.* New York: Aronson, p. 130

108 **APPIAH K.** 2005. *The ethics of identity.* Princeton: Princeton University Press, p.20

109 **BAUMEISTER, R. F.** 1986. *Identity: Cultural change and the struggle for self.* New York, Oxford University Press

типа «сделай сам»; это индивидуальная задача, которая требует индивидуального выбора и способности нести ответственность за него – «семья, общность, нация или народ, не определяют уже нашу идентичность, от которой мы не можем убежать. Современное общество относительно более фрагментарное – более плюральное и дифференцированное – чем традиционная общность, и «разделенное понимание» уже не представляет что-то важное, от чего мы можем восстановить какие-то специфические значения или нечто, что определяет идентичность»¹¹⁰. Модерность освобождает человека от внутриприсущей ему идентичности, превращая ее из вопроса аскрипции в индивидуальную задачу и постижение. Идентичность становится никогда не кончающимся рефлексивным проектом, над которым нужно работать, а индивид времен поздней модерности обязан найти самого себя¹¹¹. Это трудная задача, и только индивиды, располагающие ресурсами, могут разрешить ее успешно: «...индивиды без психологических ресурсов, которые необходимы для осуществления многочисленных выборов, могут быть тиранизованы вновь приобретенной свободой»¹¹².

В мире, где религия, государство, традиция и социальные институты потеряли значительную часть своей легитимности и власти, которые до этого имели, чтобы структурировать, регулировать и придавать значение индивидуальной жизни, человеческая идентичность превращается в наш внутренний дом. Персональная идентичность служит суррогатом общности того «предполагаемого «естественного» дома, который больше не существует»¹¹³ в индивидуализированном и глобализированном мире. В условиях новых, и в некоторых случаях тяжелых социальных и психологических проблем, порожденных изменяющимися социальными условиями, персональная идентичность рассматривается как вид частного лекарства от коллективного зла¹¹⁴. Персональная идентичность – важный внутренний ресурс в стремлении индивида ориентироваться во все более сложном мире, она, по словам Баумана, это наш опыт выбраться из неопределенности. Она функционирует как внутренняя референтная рамка и способствует тому, чтобы можно было мир и собственную жизнь прожить как когерентные, значимые и водимые внутренней логикой¹¹⁵. Вопрос о трансформациях идентичности в рамках постмодерности был затронут из-за обстоятельства, что, как это будет показано в следующих главах, традиционные общества, в лоне которых зарождается самоубийственный терроризм, тоже испытывают ее влияние, которое, тем или иным способом, связано с самоуничтожающим выбором.

В начале этой главы было выражено мнение, что индивидуальная мотивация выбора в пользу самоубийственного терроризма может быть

110 **SAYERS, Sean.** 1999. *Identity and Community. Journal of Social Psychology, Vol.30, N1, p. 147-160*

111 **GROSS, P.** 1999. *Ich-Jagd. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.*

112 **JORGENSEN, René.** 2006. *DISTURBED SENSE OF IDENTITY IN BORDERLINE PERSONALITY DISORDER. Journal of Personality Disorders. New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6, pp.618-644*

113 **BAUMAN, Z.** 2001. *The individualized society. London, Polity, p.151*

114 **JORGENSEN, René.** 2006. *Disturbed sense of identity in borderline personality disorder. Journal of Personality Disorders. New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6, pp.618-644*

115 **JORGENSEN, René.** 2006. *Disturbed sense of identity in borderline personality disorder. Journal of Personality Disorders. New York: Dec. Vol. 20, Iss. 6, pp.618-644*

объяснена как с культуралистских, так и с рационалистских позиций, и что оба объяснения не являются альтернативными, а скорее комплементарными. Самое распространенное возражение против этой позиции то, что акт террористического самоубийства нельзя рассматривать как рациональный, так как он отнимает последнее благо – жизнь, которая дороже всех остальных благ. Возражая против полезности рационалистской интерпретации, Hafez утверждает, что ни одно эмпирическое или логическое доказательство не подкрепляет тезиса, что мотивацию палестинских террористов-самоубийц можно совместить с инструментальными соображениями организаций, которые нанимают их. В эмпирическом плане анализ предсмертных записок показывает, что мотивы неизменно связаны с религиозными и нормативными, а не со стратегическими и инструментальными факторами. Кроме того, приложенный на индивидуальном уровне инструменталистский взгляд не может ответить, по крайней мере, на три вопроса: во-первых, если стратегическая логика самоубийственного терроризма очевидна, почему вооруженные организации расходуют так много ресурсов для глорифицирования дела совершителя? Во-вторых, если инструментальные соображения были бы достаточными, чтобы убедить общность в полезности самоуничтожительных миссий, радикальные организации приложили ли бы столько усилий для культивирования культуры мученичества?¹¹⁶ И наконец, как может рациональный подход объяснить решение индивидов принять роль мучеников, при положении, что они не будут живыми, чтобы воспользоваться плодами своей борьбы? Если бы они были действительно рациональными актерами, они желали бы участвовать в распределении наград, которые несет их действие, а не только его тяжести, это желание подтверждено исследованиями ряда авторов¹¹⁷. С этой точки зрения рациональность самопожертвования может быть понята единственно в контексте системы трансцендентальных верований, которая связывает смерть с наградами того света, а не с «инструментальностью человеческого мышления».

Существуют, однако, предположения, высказанные авторами, работающими в области экономики идентичности и экономики самоубийства, согласно которым эгоистический интерес не только исключает отнятие собственной жизни, но в определенных обстоятельствах может быть удовлетворен им¹¹⁸. Предпосылка в том, что ценность идентичности сравнима с ценностью жизни, а в некоторых случаях больше ее – «идентичность – это принцип, который организует наши социальные отношения или [конструкт], через который эти отношения организованы»¹¹⁹. Доказательством огромного значения идентичности является

116 HAFEZ, Mohammed. 2006. *Rationality, Culture and Structure in the Making of Suicide Bombers: A Preliminary Theoretical Synthesis and Illustrative Case Study*. *Studies in Conflict and Terrorism*, 29

117 Некоторые из этих авторов следующие: OLSON, Mansur. 1989. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge; Pamela Oliver, *Rewards and Punishment as Selective Incentives for Collective Action*, *American Journal of Sociology*, 85, pp. 1356-1375; MASON, David. 1984. *Individual participation in collective rational violence: a rational choice synthesis*, *American political science review*, 78; MAYER, Jean-Francois. 2001. *Cults* pp. 1040-1056; MULLER, Edward and Karl-Dieter OPP. 1986. *Rational Choice and Rebellious Clooective Action*, *American Political Science Review*, 80, (June) pp. 471-487

118 HARRISON, Mark. 2004. *An Economist looks at suicide terrorism*, Draft 20 January, p. 4

119 ERKOSE, Yener. *Identity Formation and Evolution During Israel-Palestine Conflict: Periods of Israeli and Israeli Palestinian Identity*. www.rz.uni-leipzig.de/~dip/doku/blocksem/yener-erkose.pdf

факт, что несмотря на давление социальных и биологических обстоятельств и ограничения, которые они накладывают, мы «в конечном счете, сами (хотя бы отчасти) выбираем свою идентичность¹²⁰; во имя идентичности мы готовы жертвовать временем, ресурсами и даже своей жизнью – примеры того бесконечны как в нашей, так и в чужой истории и политической жизни. Балканджи Иово подвергается нечеловеческим пыткам, потому что не желает предать красавицу Яну турецкой вере, то есть не может позволить близкой родственнице сменить национальную и религиозную идентичность; богатые болгары принимают участие в национально-освободительной борьбе и жертвуют жизнью, несмотря на то, что для них не в силе правило «ничего терять, кроме кандалов». Несмотря на то, что Каталония и Страна басков – одни из самых развитых районов Испании, существуют сильные националистические и сепаратистские движения, которые желают отделения двух автономий и их консолидирования как самостоятельных государств, причем в обоих случаях налицо влиятельные экстремистские организации, сделавшие выбор в пользу террористического насилия – Терра Юре и ЭТА. Референдумы в франкоязычном Квебеке показали, что число сторонников его отделения от Канады растет, несмотря на то, что если это осуществится, его жители будут платить большие налоги и их жизненный уровень снизится. В свою очередь, конфликт в Северной Ирландии демонстрирует силу религиозной и политической идентичности, их столкновение – один из факторов, которые привели к созданию террористической организации ИРА. Эти и предыдущие факты можно рассматривать как доказательство, что в определенных случаях идентичность оценивается больше, чем материальное благосостояние и стандарт жизни, а иногда и сама жизнь¹²¹. Язык создал и сохранил немало свидетельств в этом отношении, выражения типа «он умер как достойный болгарин» (немец, бразилец, доминиканец), «он готов броситься в огонь ради нее» (доказывая свою идентичность влюбленного и преданного мужчины), «он смыл бесчестие кровью» (своей смертью восстановил идентичность достойного человека, после того, как при жизни совершил недостойный поступок), «своей смертью она доказала свою невинность» (то есть восстановила идентичность невинной, живущей согласно законам и морали общества, лояльной, что для нее имеет большую значимость, чем ее физическое существование) могут быть найдены в каждой культуре и всегда означали одно и то же: идентичность ценнее жизни. «Торговать жизнью за идентичность – проблема романтики и трагедии любой культуры»¹²².

Возможно ли, чтобы цена жизни, которая всегда считалась последним благом, была ниже цены идентичности? Положительный ответ основывается на предпосылке «чтобы человек мог оценить свою жизнь, сначала он должен узнать, кто он»¹²³. Без идентичности невозможны социальные взаимодействия, которые

120 AKERLOF, George and Rachel KRANTON. 2000. *Economics and Identity*. *Quarterly Journal of Economics*, 115, 3, pp.715-753

121 HARRISON, Mark. 2003. *The logic of suicide terrorism*. *Royal United Services Institute Security Monitor*, 2(1), pp.11-13

122 HARRISON, Mark. 2004. *An Economist looks at suicide terrorism*, Draft 20 January

123 Эти и другие цитаты сделаны на основании драфта статьи Harrison, Mark. *An Economist looks at suicideterrorism*, Draft 20 January. 2004, который профессор Харрисон был так любезен предоставить мне.

придают ценность существованию, идентичность является тем инструментом, который позволяет нам функционировать в обществе, «без идентичности люди были бы не способны наслаждаться доходами, физическим здоровьем, женитьбой, дружбой». В определенных ситуациях идентичность можно укрепить способом, которым мы выбираем «умереть», и разрушаем тем, что продолжаем жить. Когда существуют такие обстоятельства, человек делает выбор в пользу отнятия собственной жизни, так как это ведет к сохранению самого важного его актива: идентичности, которую он выбрал и на которой он построил свою жизнь, но которой, если он продолжает жить, повредит непоправимо. Выбор в пользу жизни в этом случае означал бы отказ от идентичности¹²⁴; в этом контексте самопричиненная смерть может рассматриваться как стратегия сохранения идентичности. Подобная точка зрения объясняет выбор самоуничтожительной альтернативы, но не потому, что она связывается с уничтожением и отнятием чужой жизни. Моя предварительная гипотеза в этом отношении имеет несколько основных элементов, которые предстоит проверить и доказать (или отбросить).

Во-первых, случаи самоубийственного терроризма, которые мы знаем, произошли в более или менее традиционных обществах, где существующие культурные или религиозные нормы глорифицируют не самоубийство, а самопожертвование. Во-вторых, несмотря на то, что самопожертвование возможно и в области частного, как, например, самопожертвование во имя детей, самопожертвование для сохранения доброго имени семьи и т. п., признание общества можно ожидать лишь в том случае, когда самопожертвование имеет социальное измерение, когда оно осуществлено во имя добра этого общества. В-третьих, если признаем, что самопричиненная смерть, понимаемая как стратегия сохранения или восстановления идентичности, является рациональным выбором, при котором жизнь продается за идентичность, логически принять, что торгующий будет искать большую прибыль от сделки, жертвуя жизнью при самых выгодных условиях. Очевидно, что самопожертвование во имя дела общности является более благоприятным вариантом, чем самоубийство «по личным причинам», которое, несмотря на то, что может быть предписанным или разрешенным, но могло бы вызвать больший эффект, чем скорбь в сердцах близких. В отличие от него, самоубийство во имя общности предполагает общественное признание, приобретение статуса мученика или героя (за веру, при терроризме, легитимированном религией и за родину, в случае светски легитимированных проявлений террористического насилия), превращение в ролевую модель и пример подражания, бессмертия в памяти общности. Если нужно выбирать между двумя формами самоубийства, один *рациональный* актер, для которого самый ценный *актив* – это идентичность, выбрал бы вторую. Эта гипотеза, однако, не объясняет, что заставляет его выбрать самоубийство перед другими стратегиями, которые тоже принесли бы ему общественное признание и которые не связаны с отнятием собственной жизни – например, участие не в террористических формах вооруженной или невооруженной борьбы, индивидуальные экономические или

124 HARRISON, Mark. 2004. *An Economist looks at suicide terrorism*, Draft 20 January

политические достижения, которые способствовали бы делу его общности и др. Кроме того, не предлагает удовлетворительного объяснения вопроса, почему определенные люди выбирают самоубийственные теракты, а другие нет, какими являются те, которые их выбирают, и есть ли у их выбора гендер измерения? Может быть, самый общий правильный ответ был бы таким: в различных культурах мужчин и женщин, сделавших такой выбор, ведут различные мотивы. В четвертой и пятой главах данной работы, на базе анализа конкретных казусов, делается попытка ответить на вопрос – каковы именно эти мотивы.

ГЛАВА 3

**САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ,
ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ РЕЛИГИЕЙ.
ПРИРОДА, ПРЕДПОСЫЛКИ, ЭВОЛЮЦИЯ**

3. САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ, ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ РЕЛИГИЕЙ. ПРИРОДА, ПРЕДПОСЫЛКИ, ЭВОЛЮЦИЯ

3.1 Терроризм и религия

В научной литературе существует множество исследований, посвященных отношениям между насилием, религией и терроризмом; их систематизация и подробное исследование превышают цели этой скромной работы. Вот почему, не вдаваясь в детали дебатов, здесь будут идентифицированы его основные вопросы и очерчены самые важные направления в предложенных в качестве ответов вариантах; ответы, которые помогают понять *современный* терроризм, легитимированный религией.

Данная работа не делает детального теологического анализа, но воспринимает идею Fox & Sandler о том, что конкретизацию влияния религии можно искать хотя бы в пяти направлениях: во-первых, религия представляет одну из основных идентичностей; во-вторых, религия включает систему убеждений, которая влияет на поведение; в-третьих, религиозная доктрина или теология могут оказать влияние на поведение; в-четвертых, религия является источником легитимности; в-пятых, религия, как правило, отождествляется с религиозными институтами¹.

3.1.1 Спор о понятиях

В литературе, посвященной религии и терроризму, связь между ними обозначается разными понятиями: «религиозный терроризм», священный террор, террор во имя Бога, терроризм, мотивированный религией, и др. В настоящем тексте, исходя из нескольких соображений, выбран термин «терроризм, легитимированный религией». «Первое соображение относится к факту, что религиозный террор, священный террор, террор во имя Бога, исламистский терроризм – все эти понятия слишком суггестивные и внушают идею об определяющей роли религии при выборе в пользу террористического насилия, идею, которая не подтверждается результатами исследованных случаев. В свою очередь, широко использованное понятие «исламистский терроризм» страдает от недостатка идентифицирования терроризма исламом, что является неправильным, так как второе понятие гораздо шире и в его границах терроризм может рассматриваться лишь как одна из форм исламистского активизма. С другой стороны, определение «терроризм, мотивированный религией» выглядит в любом случае неточно, имея в виду обстоятельство, что понимание самоубийственного терроризма требует анализа на индивидуальном, организационном и социальном уровнях и что мотивации на этих уровнях могут значительно различаться. В противопоставление этому видению, воспринятому в настоящем тексте, можно выдвинуть контраргументы, и серьезнейший среди них

1 FOX, Jonathan and Chmuel SANDLER. 2005. *The quest of religion and world politics. Terrorism and Political Violence*, 17, pp.293-303

в резюме звучит следующим образом: из того, что «иногда религия используется чтобы оправдать немотивированные ею действия, не следует, что невозможны такие действия, которые мотивированы религией»². Подобные действия факт, на индивидуальном уровне возможно, чтобы религия была скорее мотивирующим, чем легитимирующим фактором. Если здесь отдается предпочтение понятию «терроризм, легитимированный религией», то это потому, что воспринятого (и, надеюсь, доказанного) взгляда, что терроризм не может быть понятым как индивидуально-психологический феномен, а должен быть осмыслен понятиями политического активизма и политического действия, как рациональный выбор групповых актеров и в тесной связи со стремлением индивидуальных свершителей к желанной ими идентичности. Исходя из этих соображений отброшен и термин «терроризм, инспирированный религией», который используется, прежде всего, в научной литературе на испанском языке. Терроризм, легитимированный религией³, при всех своих недостатках, способствует преодолению части упомянутых неточностей и постижению большей степени определенности, поскольку признает факт, что даже когда мотивация на определенном уровне не включает элемента «религия» или, по крайней мере, не включает его как первостепенное, то всегда подчеркивает его как ведущее при каждом публичном легитимировании самоубийственного выбора и как индивидуальное, организованное поведение.

По поводу понятия «терроризм, легитимированный религией» следует сделать еще одно уточнение. Предварительное исследование показало, что случаи чистого религиозного легитимирования скорее исключение, чем правило и что конструкция легитимирования кроме «религиозный» включает еще и «национальный», «этнический» или другой (например «политический») компонент. В этой связи, Sedgwick отмечает, что хотя религия и определяет много аспектов Аль-Каиды (как, например, ее последние цели, выбор аудитории, концепции, использованные для мотивации сторонники и активисты), то ее непосредственные цели «почти вполне политические, такие же как цели любой другой террористической группировки»⁴. Поэтому, возможно, более правильно было бы сказать этно- или национально-религиозно легитимированный или политико-религиозно легитимированный терроризм – выражение, которое, вопреки корректности, не употребляется из-за своей неуклюжей конструкции.

Несмотря на различия в объяснении связи между терроризмом и религией, в литературе на эту тему единодушно подчеркиваются впечатляющие масштабы, которые терроризм, легитимированный религией, приобретает в последнее десятилетие XX в. По мнению Rapoport, самое выдающееся развитие в упомянутый период – это использование теологических концепций оправдания

2 **FOX, Jonathan and Chmuel SANDLER.** 2005. *The quest of religion and world politics. Terrorism and Political Violence*, 17, pp.293-303

3 *Сходные формулировки используют некоторые англоязычные авторы: Hoffman, Bruce.* 1999. *Inside Terrorism*. NY, Colombia University Press, chapter 4, and «Revival of Religious Terrorism Begs for Broader US Policy», *Rand Review*, 22(2).Pp.12-17; *Ranstorp, Magnus*, «Terrorism in the name of Religion». In *Journal of International Affairs*, 50(1), (Summer, 1996), pp. 41-62

4 **SEDGWICK, Mark.** 2004. *Al-Qaeda and the Nature of Religious Terrorism. Terrorism and Political Violence*, Vol.16, No.4 (Winter), pp.795–814

террористической деятельности, которую он определяет как «священный террор»⁵. Священный террор, однако, не новое явление, тот же автор считает, что до Французской революции он, может быть, был единственной знакомой и практикуемой формой террора. Вопреки тому, современный терроризм, легитимированный религией, не может быть приравнен или отождествлен с существующими историческими прецедентами; ряд элементов, как в контексте, так и в самой его природе, отличает его от них, а метод исторических аналогий, по крайней мере в этой области, рискованный и ненадежный.

Восход религиозно и этно-религиозно легитимированного терроризма и заход светского – это две параллельные, ясно очерченные процессы, случающиеся после «холодной» войны. Они находят самое ясное отражение в меняющемся составе и пропорциях террористического движения. В 1968 г. все 11 групп, включенных в список международных террористических организаций США, имеют светский характер; в 1980 г. в нем фигурирует одна организация, мотивированная религией⁶; в 1995 г. из 49 террористических организаций 26 склонны дать религиозное оправдание осуществляемому ими насилию⁷; в 1998 г. половина из 30 самых опасных террористических организаций в мире легитимирована религией⁸, причем среди них есть связанные с иудейской, мусульманской и буддистской религиозными традициями, а в период 2000-2003 гг. из приблизительно 300 самоубийственных нападений 70% легитимированы религией⁹.

Рост терроризма, легитимированного религией, объясняется многими причинами, среди которых, как особые важные, следует отметить две: уменьшение влияния светских идеологий и нарастающее использование религиозных инструментов для политической мобилизации и осуществления политической активности. Причины эти возникли благодаря переменам и процессам социальной трансформации, наступившим с начала 1990-х гг.: развалу Советского Союза и концу «холодной войны»; переменам, которые лишают светские террористические организации типа «Фракции Красной армии» в Германии, «Красных бригад» в Италии и др. предыдущей идеологической поддержки. Крах системы реального социализма и последовавший за ним структурный кризис ведут к исчерпыванию их идеологического ресурса и редуцируют возможности быть эффективным инструментом политического действия. Появившийся вакуум быстро заполняется религиозно-националистическими или религиозно-этно-националистическими доктринами и движениями, которые набрались сил за короткий срок.

5 **RAPOPORT, D.** 1984. *Fear and Trembling: Terrorism in Three Religious Traditions.* *American Political Science Review*, 78 (September), pp.658-677

6 **JUERGENSMEYER, Mark.** 2001. *Terrorismo religioso. El auge global de la violencia religiosa.* Madrid, Siglo Veintiuno, p.6

7 **HOFFMAN, Bruce.** 1999. *B. A mano armada. Historia del terrorismo.* Espasa Calpe, Madrid, pp. 130-133

8 **JUERGENSMEYER, Mark.** 2001. *Terrorismo religioso. El auge global de la violencia religiosa.* Madrid, Siglo Veintiuno, p.6

9 **ATTRAN, Scott.** 2004. *Individual Factors in Suicide Terrorism.* *Science*, April 2, www.sciencemag.org/cgi/data/304/5667/47/DC1/1, pp.47-49

3.1.2 Терроризм и религия или терроризм и ислам

Один из вопросов, вызывающих оживленные споры, – связано ли современное террористическое насилие исключительно с одной лишь конфессиональной традицией или является частью глобального процесса, в рамках которого крайние интерпретации определенной религии представляют собой частное проявление общей тенденции. В академических дебатах существуют две основные позиции. Согласно первой, в эру глобализации все религии подвергнуты процессу радикализации, вследствие чего нет основания предполагать, что террористическое насилие характерно для определенной религиозной традиции¹⁰. Нельзя отрицать, что к террористическим действиям в определенные периоды прибегали представители всех мировых религий. Известны теракты против персонала и клиник для прерывания беременности в США, инспирированные радикальными протестантскими христианскими учениями и течениями, такими как Реконструкция теологии и Движение христианской идентичности, чьи политические доктрины состоят из пяти основных компонентов, создающих все предпосылки насильственного террористического действия: теории британского израилизма, искажение фундаменталистского христианства, антиправительственное, полувоенное, конспиративное сознание выживания, основывающееся на боязни исчезновения белой расы, полигенический взгляд на возникновение человечества, и идея превосходства белой расы¹¹. С другой стороны, один из самых продолжительных конфликтов, сопровождавшийся использованием террористического насилия, каким был конфликт в Северной Ирландии, имеет отношение к протестантству и католицизму. Не делает исключения и фундаменталистская интерпретация иудаизма – поселенец доктор Барух Гольдштейн, который 25 февраля 1994 г. расстреливает 67 мусульман-палестинцев и ранит более 300 при нападении на храм Авраама в аль-Халиле (Хеброне) на Западном берегу, является последователем радикальной иудаистской группировки, во главе которой был Меир Каханне, которая действует в Израиле под именем Ках, а в США – под именем Еврейская лига обороны. Теракт в марте 1995 г. в токийском метрополитене, во время которого были взорваны контейнеры с отравляющим газом зарин, отнял жизнь 12-ти и вызвал симптомы отравления у более 5000 человек, был спланирован и осуществлен фундаменталистской буддистской сектой «Аум Синрике» с предводителем Секо Асахара.

Существует, однако, и мнение, что насилие внутренне присуще одной религиозной традиции – исламу, который создает специальное отношение и предрасположенность к террористическим действиям. Основной аргумент сводится к обстоятельству, что огромная часть организаций, которые сегодня практикуют терроризм, который мотивирован религией и этно-религиозными отношениями, возникают и действуют в странах с преобладающим мусульманским

10 **RAPOPORT, D.** 1988. *Messianic Sanctions for Terror. Comparative Politics vol.20 N2, (Jan)*, pp.195-213

11 **SHARPE, Tanya.** 2000. *The Identity Christian Movement & Ideology of Domestic Terrorism. Journal of Black Studies, Vol.30, N4 pp.604-623*

населением – в списке террористических организаций Государственного департамента США за 2001 г. фигурируют 17 организаций, использующих религию, чтобы легитимировать свои террористические действия, и 15 из них связаны с исламом¹². В этом контексте Дейвид Мартин, профессор социологии в London School of Economics, заявляет: «Я бы хотел говорить более позитивно, но бомбовые теракты не представляют для меня никакой неожиданности. В исламе есть глубоко укоренившаяся идеология насилия – военная психология. Конечно, большинство мусульман не желают убивать людей, но немногие из них, которые делают это, способны найти оправдание своим действиям в Коране. Я предполагаю, что это не самое лучшее, что можно сказать, но оно выглядит бесспорным... Разве ислам не религия, проповедующая мир? Он ищет мира, но своим путем... Это хорошая религия, но она отдает слишком большое значение победе. Я думаю, что это верно и боюсь, что большинство молодых людей будут видеть в насилии средство победы. В исламе очень много воинственного настроения, и это реальная проблема. И она не появилась так скоро в качестве результата обиды из-за войн в Ираке и Афганистане: это проблема оформляется уже несколько десятилетий на Ближнем Востоке и в Пакистане»¹³. Подобно видение и Lewis, который утверждает, что ислам характеризуется врожденной предрасположенностью к воинствующей оппозиции: «Само появление ислама, – подчеркивает он, – было революцией. Пророк Мухаммед начинает карьеру в качестве оппозиционного лидера и на некоторое время оказывается вовлеченным в борьбу против власти, установленной среди его народа и в месте его поселения»¹⁴. Такой же позиции придерживается и Pellicani, который считает, что «призывы поднять оружие против иноверцев с Запада, отправленный международным терроризмом, нельзя рассматривать только как извращение послания Мухаммеда, несмотря на то, что его широко оспаривают в мусульманской среде, но и как проистекающий из его духа и слова»¹⁵.

Согласно Wintrobe, агрессивность ислама не имеет ничего общего с корнями его теологии, но тесно связана с социальной организацией, которую создает, организацией, основывающейся на сильном воздействии общности на индивида: «Обязанности мусульман можно понять исходя из трех центральных концепций: ислам, джихад и умма. *Ислам* обозначает обязанность мусульман всегда самоотдаваться Верховному существу; джихад означает, что они должны бороться против общего врага, а умма – это концепция о справедливой общности. Поскольку все религии проповедуют социальную справедливость, не будет, возможно, неправильным утверждать, что концепция о справедливой общности, которой человек посвятился, ассоциируется с исламом в большей степени, чем с

12 STATE DEPARTMENT. 2001. *Patterns of Global Terrorism*, www.state.gov/s/ct/rls/pgtrpt/

13 HOBSON, Тео. *Война, мир и ислам* // *Media Times review*. – 2007. – аеууу. <http://www.media-timesreview.com/july05/WarPeaceIslam.php>

14 LEWIS, Bernard. 1987. *The Shi'a in the Islamic History*. In Shiism. Martin Kramer (ed.), *Resistance and Revolution*. Boulder, CO, Westview Press, p.25

15 PELLICANI, Luciano. 2004. *Islamic Terrorism*. Telos; Fall/Winter, Issue 129, pp. 41-53

16 WINTROBE, Ronald. 2002. *Can Suicide Bombers be Rational*. Paper presented at 2002 meeting of the McArthur Preferences Network at the University of Pennsylvania.

другими религиями»¹⁶. Упомянутая концепция имеет три конкретные измерения: всеобъемлющая природа ислама предполагает с большей вероятностью жертвовать индивидуальной автономией во имя солидарности; посвященность справедливой общности более характерна исламу, чем другим монотеистическим религиям; общая убежденность не является единственным механизмом гарантирования групповой солидарности; другой механизм – это борьба против угрозы или врага. Оба источника в исламе объединены¹⁷, вследствие чего он в состоянии предоставить больше солидарности по сравнению с другими религиями и «оставить большой залог» в сделке «солидарность против автономии».

Было бы неправильным искать связь между религией и терроризмом лишь в рамках внутренней эволюции теологических норм и их интерпретаций. «Склонность к терроризму», приписываемая исламу, кроется, прежде всего, в социальных, экономических, политических и психологических обстоятельствах мусульманских обществ, которые делают социально приемлемой или, по крайней мере, социально терпимой радикальную реинтерпретацию определенных религиозных парадигм, не представляющих сами по себе мотива или источника вдохновения осуществления терроризма. Имея в виду эти обстоятельства, Snider считает, что социальные корни международного терроризма на Ближнем Востоке можно искать куда меньше в бедности и нарастающем недовольстве американской внешней политикой и куда больше в коллективных автократических ценностях и убеждениях, ассоциированных с клиентелистскими экономическими моделями, характерными для некоторых стран в регионе. Он считает еще, что мусульманская враждебность к западу интенсифицируется глубоким чувством гнева и несправедливости, возникающими в результате того, что в глобализирующемся мире у общности правоверных нет лидерской позиции. Этот конфликт возник, возможно, как столкновение ментальных моделей, одна из которых базируется на неолиберальных ценностях и капиталистических экономиках, а вторая – на исламском фундаментализме и клиентелистских моделях. Источником конфликта является социальная анархия, появившаяся в результате глобализации и распада, сопровождающих переход к рыночной экономике¹⁸.

Констатация, что ислам не несет ответственности за терроризм и что у него нет прямой связи с ним, не означает, что нет надобности в анализе и оценке относительной тяжести религиозно-культурных и социально-экономических факторов, характеризующих исламские общества. С этой целью в нижеследующем тексте наблюдаются классические интерпретации мученичества и джихада, после чего исследуются условия, которые привели к возникновению исламизма и, наконец, прослеживаются исламистские аргументы в пользу самоубийственного терроризма.

17 **FINNER**, Samuel. 1997. *The History of Government from the Earliest Times*. Oxford, Oxford University Press, p.29

18 **SNIDER**, Lewis. 2004. *Wellsprings of Holy Terror in an Era of Globalization: Neo-Liberalism versus Islamic Ideas in the Middle East*, http://www.allacademic.com/meta/p99967_index.html

3.2 Классические интерпретации мученичества и джихада

Проистекают ли мученичество и джихад, согласно интерпретации, которую отводят им современные радикальные группировки, из основных источников ислама или, напротив, из их ошибочной интерпретации? Предоставляет ли ислам в классическом понимании необходимые символические ресурсы легитимирования самоубийственных терактов, или их совершение, скорее всего, происходит в результате лишения этой религии основного ее содержания, которое, как и содержание всех остальных религий, означает «собрать в одно целое разбросанную человеческую экзистенцию в рамке мудрости и знания»; лишение, чей результат является трансформацией религий «или в закоснелую идеологию, или в набор зловещих ритуалов»?¹⁹ Лежат ли в основе «зловещего ритуала» самоубийственного терроризма, легитимированного религией, мученичество и джихад, две основные категории ислама? В поисках ответа ниже представлены классические интерпретации обоих понятий в суннизме и шиизме и мнения исламских и неисламских ученых относительно этих интерпретаций.

3.2.1 Мученичество

Согласно Корану и Сунне, у обоих основных источников суннитского ислама есть четыре идеальные ролевые модели, одна из которых – шахид (мученик, свидетель)²⁰. Шахид означает «быть свидетелем истины во всех аспектах жизни и человеческого поведения», включая и в «невидимом мире», который воспринимается через внутреннюю перцепцию. В Коране шахид используется для обозначения тех, кто так глубоко верит в истину, свидетелями которой являются, и что во имя этой истины не поколебались бы рискнуть жизнью²¹. Мученики идут по пути, очерченному Богом для верующих, по пути, который приведет их к божьей благодати.

В таком понимании мученичество не является исключительно исламской концепцией. Но если в христианстве мученик принимает свою смерть, потому что не желает уступить под внешним принуждением, которое заставляет его идти против собственных религиозных убеждений, в исламе мученичество появляется в результате борьбы против врагов веры²² – в отличие от христианства, которое не поощряет реципрокную реакцию на насилие, ислам легитимирует использование силы. В подобном контексте, мучеников определяют как людей, которые погибли или были убиты в борьбе за исполнение требований по пути к Всевышнему, защищая его ценности²³. Понятие «шахид» можно перевести еще как «блаженная

19 **KARLIGA, Bekir.** 2004. *Religion, Terror, War and the Need for Global Ethics.* In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.35*

20 **YUCEOGLY, Hikmet.** 2004. *Martyrdom – a definition. Can a terrorist be a martyr?* In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.67*

21 **YUCEOGLY, Hikmet.** 2004. *Martyrdom – a definition. Can a terrorist be a martyr?* In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.68*

22 **KHOSROKHAVAR, Farhad.** 2002. *Suicide bombers: Allah New Martyrs.* Pluto Press, London, p.11

23 **YUCEOGLY, Hikmet.** 2004. *Martyrdom – a definition. Can a terrorist be a martyr?* In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.69*

смерть», несмотря на то, что в Коране оно определено как «свидетельство»; предполагается, что оно приобрело свое второе значение лишь после завоевания Палестины мусульманами. Это только один из примеров, которые показывают, что концепция мученичества и связанные с ним категории, широко использованные радикальными организациями для легитимирования самоубийственного терроризма, перетерпели определенное развитие даже в классических исламских источниках.

Сама по себе потеря жизни во время войны от руки не-мусульманина не гарантирует успешного постижения мученичества, так как это, прежде всего, духовный ранг, при котором первостепенное значение имеет намерение. «Если бы это было не так (поставленные перед испытаниями жизни), верующие стремились бы погибнуть от руки не-мусульманина, вместо того, чтобы желать мученичества от Господа». Это поощряло бы волю к гибели, что противоречило бы запрету самоубийства, установленного как в этой, так и в других религиях. Поэтому (в состоянии войны) человек может стать мучеником, только если погибнет от действия врага, в то время как он боролся до конца, чтобы выжить. Следовательно, даже и при существовании стремления к мученичеству выбор смерти вместо борьбы за дело Аллаха означает самоубийство, которое ислам запрещает. ...Погибнуть на войне – это не цель для мусульман, и участие в войне с такой целью может привести к неудаче выбравших этот путь к мученичеству²⁴.

Основные теоретические постулаты относительно постижения мученичества представлены в определенных практических указаниях, с опорой на исторические прецеденты, отмеченные в исламских документах. Действия, ведущие к собственной смерти, могут предприниматься воином лишь тогда, когда нет такой надежды [выжить], но [его нападение] нанесет ущерб противнику, деморализует или поощрит его собственных бойцов, или когда чувствует необыкновенную силу, или когда попал в плен и боится, что выдаст важную информацию²⁵. Следовательно, статус мученика приобретается в состоянии войны, при наличии вражеских армий, которым предстоит вступить в бой; при мученичестве нет полной гарантии, что атакующий потеряет жизнь; и наконец, причинять смерть предоставлено другой стороне²⁶ – мученик не ищет смерти, он понимает, что самая большая ценность – это жизнь, и поэтому не может покинуть ее иначе, чем от руки угнетателя²⁷. Эти заключения основываются на характерном для ислама разделении прав на права Бога, права людей и составляющие права, право жизни причисляется к первой, а не ко второй категории. Следовательно, оно не может быть субъектом отпущения грехов или отказа в этом, не может

24 **YUCEOGLY, Hikmet.** 2004. *Martyrdom – a definition. Can a terrorist be a martyr? In Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.68*

25 Цитировано по **YUCEOGLY, Hikmet.** 2004. *Martyrdom – a definition. Can a terrorist be a martyr? In Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.74*

26 **YUCEOGLY, Hikmet.** 2004. *Martyrdom – a definition. Can a terrorist be a martyr? In Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.74*

27 **ЯРЕМЕНКО, В.А.** Шахиды, терроризм и самоубийство в исламе. 2004. <http://middleeast.org.ua/islamworld/7.htm>

также быть уничтожено или изменено инстанцией, различной от Бога²⁸. Вот почему человек не может стремиться к своей смерти, не преступив линию, которая разделяет блаженство от санкции самоубийства, деяние, которое ислам подвергает строжайшему осуждению. Так как жизнь принадлежит Всевышнему, который временно доверил ее простому смертному, – «нарушить это правило означает посягнуть на божественную власть». Именно по этому поводу Аль Бакара отмечает: боритесь во имя Всевышнего против тех, кто борется с вами, но не преступайте границу, Всевышний любит тех, которые не преступают ее»; а Саид Кутб, чьи интерпретации бесспорно радикальны, указывает, что проступок налицо, когда мишенями являются женщины, дети, старики и духовники любой религии, или какие-либо другие ранимые и достойные уважения люди, которые не представляют опасности для ислама и мусульманской общности.

Если в суннитском исламе мученик может рассматриваться как свидетель, вставший на дорогу к Всевышнему, в шиитской версии он занимает промежуточное место между героем и святым. Несмотря на то, что он не святой, который принял идею о блаженной смерти, он приобретает статус, сравнимый с тем же, что у святого, и в то же самое время становится объектом культа и страдания²⁹. Склонность шиитов к мученичеству имеет разные источники, один из которых – это интерпретация смерти Хусейна Ибн Али, внука пророка Мухаммеда, который погибает в битве под Кербелой, состоявшейся 9 или 10 мая 681 г. между его войском и войском Умайядов. Несмотря на то, что фигуру Хусейна чтят и в суннитском исламе, он никогда не имел такого фундаментального значения, как в шиитском, где продолжает быть референтной рамкой и ролевой моделью с огромным символическим значением. На протяжении всей истории шиизма, включая и наши дни, его мученичество продолжает рассматриваться как экзистенциальное событие и, несмотря на историческую отдаленность, в жизни каждого мужчины или женщины, принадлежащих к этой общности, оно имеет специальное значение³⁰. В духовном мире шиитов мученичество «трансцендирует историю и превращается в метаисторию, приобретая космические масштабы. Это ставит страсти Ашуры Хусейна во времени, которое «не время», и в пространство, которое «не пространство»³¹, т. е. делает их непереходными. Это объясняет, почему события, случившиеся под Кербелой больше 13 веков тому назад, стали постоянным элементом бытия современных шиитов, которые реагируют на них так, «как будто они произошли в настоящее время» и «рассматривают свою жизнь в их свете»³². Другое объяснение склонности шиитов к мученичеству может быть

28 **KARLIGA, Bekir.** 2004. *Religion, Terror, War and the Need for Global Ethics.* In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights,* New Jersey, p.38

29 **KHOSROKHAVAR, Farhad.** 2002. *Suicide bombers: Allah New Martyrs.* PlutoPress, London, p.4-5

30 **D'SOUZA, Diane.** 1998. *The Presence of the Martyrs: the Alam in Popular Shii Piety.* The Muslim World. Vol. LXXXVIII, pp.67-80

31 **CHELKOMSKI, Peter.** 1995. *Ashura.* Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World. Oxford. Oxford University Press, p.131

32 **CHELKOMSKI, Peter.** 1995. *Ashura.* Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World. Oxford. Oxford University Press, p.131

найден в древних иранских мистических традициях, связанных с искуплением³³, а также и с обстоятельством, что после того, как исчез двенадцатый имам в 874 г., возвращения которого шииты ожидают, веря, что он вернется как мессия, их часто преследуют, или они воспринимаются как преследуемые несоразмерно более многочисленной суннитской общностью.

3.2.2 Джихад

Как в научном, так и повседневном дискурсе бытуют неоднозначные интерпретации джихада, этому есть различные причины. С одной стороны, в рамках самой исламской традиции наблюдается отдаление от первоначального и закрепление нового значения, которое редуцирует понятие до «война во имя веры и проистекающие отсюда военная экспансия и завоевание территорий»³⁴. Не считаясь с тем, что последнее, безусловно, верно, следует подчеркнуть, что «отдаление» – понятный процесс; джихад интерпретируется разными способами даже в классической исламской традиции. Исследуя эволюцию взглядов о нем в период VII-XIII вв., Неск доказывает, что они не только ситуированы в определенный культурный контекст, но и сформулированы в зависимости от нужд и условий мусульманской общности³⁵. С другой стороны, джихад часто в неисламских, прежде всего в европейских и американских источниках, переводится как «священная война», что в большей степени искажает его содержание. В *The Free Dictionary* первое значение джихада обозначено как мусульманская священная война или духовная война против иноверцев³⁶; в *Webster's Revised Unabridged Dictionary* отмечено, что джихад – это священная борьба мусульман против иноверцев, религиозная борьба против иноверцев или мусульманских еретиков, любая война во имя принципа или убеждения³⁷. В *WordWeb Online* находим снова как первое значение понятие «священная война мусульман против иноверцев»³⁸. Такое понимание идентифицируется и в европейских, и в американских научных, аналитических и медийных дискурсах. Согласно Schact, «джихад – это священная война, которая расширяет границы Дар аль-ислама (земли ислама) против Дар аль-Харб (неисламские земли); она продолжится до тех пор, пока весь мир не начнет исповедовать ислам и не попадет под исламский суверенитет»³⁹; а Kruse определяет джихад как «продолжительную войну между исламской общностью и немусульманами»⁴⁰.

33 **ТЕОХАРОВ**, Цветан. В Кербеле убит внук пророка // *Стандарт*. – 2003. – 3 сентября.

34 **BULAC**, Ali. 2004. *Jihad*. In Aktan, Hamza. *Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p.50

35 **HECK**, Paul. 2004. *Jihad Revisited*. *Journal of Religious Ethics*, 32, pp.95-128

36 **THE FREE DICTIONARY**. <http://www.thefreedictionary.com/jihad>

37 **WEBSTER'S Revised Unabridged Dictionary**, <http://dict.die.net/jihad/>

38 *WordWeb Online*, <http://www.wordwebonline.com/en/JIHAD>

39 Цумуповано по **BULAC**, Ali. 2004. *Jihad*. In Aktan, Hamza. *Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p.56

40 Цумуповано по **BULAC**, Ali. 2004. *Jihad*. In Aktan, Hamza. *Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p.55

Подобные взгляды становятся объектом серьезной критики, прежде всего со стороны мусульманских ученых. По их мнению, концепция священной войны всецело западная, причем ее создатели и сторонники «вместо того, чтобы рассматривать ислам в рамках его настоящего значения и места ...пытаются ситуировать его в их собственную систему концепций и пониманий, поэтому переводят джихад как «священная война». Они считают, что даже вербальная конструкция «священная война» является нонсенсом, так как «целиком чужда политическим и военным видениям про мусульман», а исламский закон никогда не употребил бы (прилагательное) «*священная*» по отношению к существительному «*война*», поскольку война в исламе воспринимается как зло⁴¹.

Как понятие, «джихад» возник впервые в Аравии и является плодом исламского идеологизирования межплеменных войн; согласно Watt, его корни уходят во времена угонов верблюдов, следовательно, оно имеет экономический смысл⁴²; в Коране оно нигде не используется в смысле войны, а это означает, что становится частью исламской военной доктрины значительно позже⁴³. Этимологически слово «джихад» означает усилие, напряжение, проверка, наклон для стекания дождевой воды, взбивать масло (из молока), ощущение голода. В более узком смысле, джихад можно определить и как «усилие, действие или состояние, которое каждый мусульманин показывает, чтобы к нему «сошла божья милость». Он означает еще «форму обожествления», усилие заглушить желания плоти, усилие распространения исламской веры, усилие и постоянство хранить честь и неприкосновенность мусульман». Отсюда можно заключить, что джихад в классических источниках означает любое усилие, произведенное с целью устранить препятствия между человечеством и Богом⁴⁴.

Имея в виду существующие интерпретации, Karliga разграничивает четыре значения джихада⁴⁵: дефанзивное – эта концепция ассоциируется обычно с такими терминами, как джихад, газа и хараб; психологическое – исламские мыслители, в основном суфисты, используют родственный ему термин «муджахад», чтобы обозначить психологические измерения джихада: муджахад против врага – это джихад, муджахад против дьявола – taqwa, муджахад против плотских желаний – riyaḥa (суровость); интеллектуальное – оно выражено термином ijtihad (интерпретация) и tafakkur (созерцание); ijtihad можно перевести как «приложить большое усилие для достижения трудной цели»; и наконец, социальное измерение заключается в служении обществу и борьбе против несправедливости.

41 **BULAC, Ali.** 2004. *Jihad. In Aktan, Hamza. Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna. In Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jercey, p.50*

42 **MONTGOMERY, Watt.** 1999. *Islamic Political Thought. Edinburg. EdinburgUniversity Press, p.18-19*

43 **KHOSROKHAVAR, Farhad.** 2002. *Suicide bombers: Allah New Martyrs. Pluto Press, London, p.13*

44 **BULAC, Ali.** 2004. *Jihad. In Aktan, Hamza. Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna. In Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jercey, p.51*

45 **KARLIGA, Bekir.** 2004. *Religion, Terror, War and the Need for Global Ethics. In Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.39*

В этом смысле джихад означает помощь людям и стремление к предотвращению несправедливых действий⁴⁶.

Другие авторы разграничивают два значения термина: согласно первому значению, это духовные и моральные усилия с целью облегчить рестрикции и препятствия, проистекающие из внутреннего мира человека и его врожденной природы; согласно второму значению – это общая сумма всех действий, в которых должен участвовать верующий, чтобы сделать возможной ту физическую и социальную среду, в которой религиозная жизнь может быть свободно осуществляемой и практикуемой. В обоих случаях индивид должен приложить максимум усилий для освобождения, как во внутреннем, так и во внешнем мире⁴⁷.

Обоснованное представление, что джихад не всегда связан с войной, можно найти в ряде западных научных и аналитических текстов. Мусульманские авторы часто ссылаются на слова Пророка, который говорит, что муджахид тот, который ведет джихад против собственной плоти. Джихад может принять форму вооруженной борьбы, когда «на мусульман напали или когда они твердо уверены, что на них нападут, и следовательно, они обязаны нейтрализовать противника, чтобы устранить опасность и сохранить свою честь и неприкосновенность», но он не тождественен войне, хотя бы даже из-за обстоятельства, что в Коране можно найти четыре слова, которыми последняя обозначается⁴⁸.

Исламская традиция постулирует идею большого и маленького джихада. Под большим джихадом понимается борьба, которую человек ведет против внутреннего зла и желаний плоти. В качестве иллюстрации обычно цитируются слова Пророка, который после возвращения с победоносной битвы под Бадром, обращается к своим сподвижникам со следующими словами: «Сейчас вы возвращаетесь в маленький джихад», и на вопрос, что такое *большой джихад*, он отвечает: «Это борьба с внутренним злом»⁴⁹. Это дает многим основание заключить, что джихад означает, прежде всего, «максимум борьбы на пути к духовному очищению; контроль над внутренним злом и самодисциплиной, сопоставленной с моральными добродетелями». Поскольку эта борьба самая трудная, именно она считается большим джихадом⁵⁰. Как отмечает в защиту вооруженного джихада

46 **KARLIGA**, Bekir. 2004. *Religion, Terror, War and the Need for Global Ethics*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p.40

47 **BULAC**, Ali. 2004. *Jihad*. In Aktan, Hamza. *Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p.52

48 **AKTAN**, Hamza. 2004. *Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p.22

49 Цитировано по **BULAC**, Ali. 2004. *Jihad*. In Aktan, Hamza. *Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p.54

50 **BULAC**, Ali. 2004. *Jihad*. In Aktan, Hamza. *Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In Capan, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective*. Lights, New Jersey, p. 54

один из основателей организации «Мусульманских братьев» Гасан аль Банна, это не отменяет обязанность мусульман вести оба вида джихада⁵¹.

Интерпретаторы Корана подчеркивают еще одну разницу между джихадом и войной. Если джихад в его классическом понимании воспринимается как обязанность мусульман, то войну не следует рассматривать как таковую: «...когда границы исламских земель защищены, война перестает быть необходимостью; она больше не обязательна»⁵². Вопреки тому, однако, нельзя отрицать то, что в ранней классической эпохе рядом с фигурой аскета-мистика стоит и фигура исламского аскета-воина. Если первый рассматривает джихад как способ освободиться от суеты, то второй подтверждает очищение своей души через желание погибнуть: «...мистик рассматривает [джихад] как прелюдию к внутреннему просветлению, в то время как воин ведет джихад против другого как средство выиграть статус мученика»⁵³. Это объясняет, почему в IX, X и XI вв. на границах исламского мира формируются вооруженные группы исламских бойцов-добровольцев (обычно действующие вне контроля государства), готовых вести борьбу без ясно сформулированных политических и территориальных целей, чтобы только доказать свою преданность делу Всевышнего. Для них «джихад – не средство для урегулирования своего внутреннего состояния, а его драматизация», «смерть как доказательство благочестия является плодом крайне идиоматической апроприации откровения и его воспроизведения в качестве воинского подвига»⁵⁴.

Близко связан с сущностью и ролью этой основной для ислама категории вопрос, кто может объявлять джихад. По мнению последователей классического толкования Корана, «правила ислама ясны»: «Отдельные личности не могут объявлять войну. Группа или организация не может объявлять войну. Война объявляется государством. Война не может быть объявлена, если сначала президент или войска не скажут, что положение военное. Противное является терактом. ...Если было бы позволено объявлять войну индивидуально, в мире наступил бы хаос, маленькие противоречия приводили бы к войне даже трезво думающих людей. ...К счастью, объявление войны не простое дело. Если государство не объявит войну, никто не может вести войну»⁵⁵. Несмотря на то, что представители разных направлений исламской мысли рассматривают по-разному отдельные аспекты джихада, они единодушны в одном: оборона является частью функций государства и, следовательно, оборонительную войну следует однозначно обозначать как джихад. «Факт, что за джихад ответственно государство, означает, что прерогатива объявлять войну другому государству и, следовательно, начать

51 **AL BANNA**, Hasan. 1978. *five tracts on Hassan al Banna. (1906-1949). Berkeley, Los Angeles and London, California University Press, p.155*

52 Цитировано по **BULAC**, Ali. 2004. *Jihad. In Aktan, Hamza. Acts of terror and suicide attacks. In the light of the Qoran and the Sunna. In Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.56*

53 **HECK**, Paul. 2004. *Jihad Revisited. Journal of Religious Ethics, 32, pp. 95-128*

54 **BONNER**, Michael. 1992. *Some observations concerning the early development of Jihad along Arab-Vysantine frontier, Studia islamica 75, pp.5-31 (1992); Aristocratic Violence and Holy War. Studies in the Jihad and the Arab-Vysantine frontier, New Haven, American Oriental Society*

55 **CAPAN**, Ergun. (ed). 2004. *Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights, New Jersey, p.2*

джихад, может быть только в руках легитимной публичной власти; индивиды, гражданские группы, общности или политические группы не могут сами по себе объявлять войну под именем джихад»⁵⁶. В этом смысле, джихад при самозащите является легитимным инструментом: «Мусульманам позволено отвечать оружием на инвазию другой страны, эксплуатацию и угнетение, они должны бороться против них, это их самое естественное право и последняя ответственность», но всегда при условии, что имеется в виду основной принцип, характерный как для ислама, так и для любой другой правовой системы: легитимной цели нужно добиваться легитимными средствами⁵⁷. В практике мусульманского мира, однако, джихад используется далеко не только для оборонительных целей: еще во время первых мусульманских династий «джихад как инструмент государства превращается в инструмент ...территориальной экспансии, а не религиозной борьбы в понятиях верности Всевышнему»⁵⁸.

В заключение можно сказать, что классическая исламская доктрина сама по себе не является источником современного самоубийственного терроризма, применяемого радикальными мусульманскими организациями, но наряду с практикой джихада предоставляет достаточно много символических ресурсов, которые легитимируют его использование. Сама по себе она не поощряет ни терроризм, ни войну, ни самоубийственные миссии, идея скорее в том, что если религия «может быть использована, она будет использована, и окажется настолько выигрышной в самоубийственном бизнесе, что скоро оформится как господствующая [концепция] на рынке мучеников»⁵⁹.

3.3 Новые интерпретации: ислаимзм, фундаментализм, джихадизм

3.3.1 Ислаимзм и фундаментализм: радикальные версии

Объяснение самоубийственного терроризма, и особенно участие женщин в нем, проходит через понимание позиций исламизма – политическая тенденция, которая представляет кульминацию исламского активизма⁶⁰, и в то же время часто используется как средство в борьбе за власть среди политической элиты мусульманских обществ.

56 Цитировано по **BULAC, Ali**. 2004. *Jihad*. In *Aktan, Hamza. Acts of terror and suicide attcks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In *Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights*, New Jercey, p.55

57 **AKTAN, Hamza**. 2004. *Acts of terror and suicide attcks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In *Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights*, New Jercey, p.22

58 **AKTAN, Hamza**. 2004. *Acts of terror and suicide attcks. In the light of the Qoran and the Sunna*. In *Capan, Ergun. (ed). 2004. Terror and Suicide Attacks. An Islamic Perspective. Lights*, New Jercey, p.22

59 **IANNACCONE, Laurence**. 2006. *The Market of Martyrs*
<http://faculty.arec.umd.edu/cmcausland/RALi/The%20Market%20for%20Martyrs.pdf>

60 **SEDGWICK, Mark**. 2004. *The Islamic Leviathan*. Oxford scholarship on-line, <http://www.oxford-scholarship.com.chain.kent.ac.uk/oso/private/content/politicalscience/9780195144260/p047.html>

Исламизм может быть определен как набор «гибридных идеологий, которые смешивают концепции, характерные для исламской традиции с другими, более современными идеями»⁶¹. Термин был создан Вольтером, но он использовал его в значении, намного отличающемся от современного. Сегодня *исламизм* имеет, по крайней мере, две коннотации. Первая показывает связь между религией и политикой, в таком употреблении он схож с политическим исламом. Вторая относится к политико-религиозному течению с аспирациями к власти, «которое пытается оправдать возможное использование насилия, с целью добиться современности путем установления тоталитарных режимов, основанных на шариате, двусмысленной модернизации ислама и акцентирования на противопоставление Западу»⁶². Таким образом понятый его проект представляет «инструментализацию ислама индивидами, группами и организациями, которые преследуют политические цели» и ответ на социальные вызовы путем проектирования будущего, чьи основы лежат на реапроприированных, вновь открытых концепциях, заимствованных из исламской традиции»⁶³. Подобное понимание не освобождено от неточностей и внутренних противоречий, которые относятся, прежде всего, к двум аспектам: к разграничиванию ислама от политической доктрины ислама и специфицированию характера исламского движения.

Разграничение исламистских от исламских интерпретаций заключается в том, что в центре ислама – и как веры, и как религии – всегда стояли вопросы суверенитета, власти, справедливости, то есть не только исламизм, но и ислам всегда имел много общего с политикой. В этом смысле ислам – это и вера, и идеология; власть, авторитет, суверенитет и справедливость «имманентны (для него) способом, который не является характерным для других религий... и именно в этом заключается его политический призыв»⁶⁴. Несмотря на то, что использует культурный код традиционного ислама, исламизм является продуктом современности. Обсуждая условия, в которых формируется фигура его мученика, Khosrokhavar отмечает, что они иногда находятся в крайней и патологической формах, это новые фигуры освобождения от традиции, так как воспринимают формы легитимирования, которые претендуют следовать за традицией, но в то же время маргинализируют ее в реальном мире. По его мнению, исламизм выдвигает с новой силой классический парадокс социологии религии – про новую религиозность, которая расстается с традиционными формами коммунитарной жизни, и в то же время скрывает разрыв за «более аутентичными» версиями, в нашем случае – за ранним исламом.

Несмотря на свои претензии на возвращение к потерянной идентичности, исламизм представляет собой явление, чья сила может быть понята в контексте современности, а корни влияния уходят в «двойственный способ использования им

61 **DENOEUX, Guilain.** 2002. *The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam. Middle East Policy*, Vol. IX, N2, June, pp. 56-81

62 **KHOSROKHAVAR, Farhad.** 2002. *Suicide bombers: Allah New Martyrs. Pluto Press, London*, p.34

63 **KHOSROKHAVAR, Farhad.** 2002. *Suicide bombers: Allah New Martyrs. Pluto Press, London*, p.34

64 **MONDAL, Anshuman.** 2004. *The Complexity of Political Islam. The Political Quarterly*, pp.83-96

регистра религиозной традиции с целью подорвать ее»⁶⁵. В этом смысле исламизм является «продуктом модерности настолько, насколько и ее ответом»⁶⁶. Он, прежде всего, политическая идеология, а не теологическая конструкция, и поэтому предназначен не для того, чтобы предоставить духовное утешение, а «чтобы дать ответ на вопросы, связанные с современными политическими и социальными проблемами». В соответствии с оговорками, в этом тексте политический ислам и исламизм будут использованы как синонимы, каковой и является преобладающая тенденция в научном дискурсе на эту тему.

С целью избежать терминологические неточности, будет сделано еще одно уточнение. В последние годы, особенно после терактов 11 сентября и 11 марта, в научной литературе все чаще используется прилагательное «джихадский», что подчеркивает милитаристские аспекты джихада, и все больше используется как взаимозаменяемое с исламистским⁶⁷. По мнению Duran, это отражает реальность факта, что «первостепенная роль джихада, как насильственное средство установления теократии, является основной составной частью современной политической идеологии исламизма». «По этой причине термины «исламист» и «джихадист» в своей основе взаимозаменяемы. Незначительная разница между ними заключается в том, что джихадисты менее дипломатичны, они говорят при публике то, что исламисты говорят в частном плане»⁶⁸. Wiktorowicz определяет джихадизм как воинствующую фракцию салафизма, которая отличается от более умеренных интерпретаций последнего в четырех основных пунктах: он разрешает мусульманам называть своих лидеров вероотступниками и вести войну против них; он толкует различным способом дефанзивный от глобального джихада; он разрешает убийство гражданских лиц и, наконец, утверждает легитимность самоубийственных бомбовых терактов, называя их мученическими операциями⁶⁹.

Современный политический облик исламизма формируется под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. Он опирается на нечто большее, чем религия; в его основе лежит исторический и культурный опыт, который не связан с конфессиональной традицией. В большей степени он является политическим выражением социальных фрустраций, проистекающих из провала модернизационных проектов исламских обществ, фрустрации, которые Sardar описывает следующим способом: «Быть мусульманином сегодня означает жить постоянно с краю, постоянно терпеть обиды, быть битым и окровавленным, выживать в суровых условиях, быть вытесненным на окраину, истощаться воплями боли и агонией, которые никто, выходит, не слышит. Мы, мусульмане, живем в мире, в чьем сотворении не приняли участия, который систематически маргинализирует

65 KHOSROKHAVAR, Farhad. 2002. *Suicide bombers: Allah New Martyrs*. Pluto Press, London, p.5

66 AYOOB, Muhammed. 2005. *The Future of Political Islam: the Importance of External Variables*. *International Affairs*, 81, 5, pp. 651-961

67 BUNT, Gary. 2003. *Islam In The Digital Age: E-jihad, Online Fatwas And Cyber Islamic Environment*. Pluto press. *The Academic Library data base*, p.18

68 DURAN, Khalid. 2000. *Jihadism in Europe*. *The Journal of Counterterrorism and Security International*. Vol.7 N1, pp.12-15

69 WIKTOROWICZ, Quintan. 2005. *A genealogy of Islam*. *Studies in Conflict and Terrorism*, 28, pp.75-97

наше физическое, интеллектуальное и психологическое пространство, который занимает наши тела и мозги грубой силой – даже когда иногда эта сила приходит в виде стипендии или литературного вымысла. Мы несем исторический багаж упадка и колонизации, которому четыреста лет, мы мыслим понятиями и говорим про институты, которые давно стали окаменелостями истории, мы существуем в раздвоенных личностях, пряча свое настоящее «Я» от внешнего мира и претендуя быть учеными, технологами или социальными исследователями, неся символы модерности на своей груди, мы говорим на философском и этическом языках, которых господствующая идеология не понимает. Мы были развиты до смерти, модернизированы до исчезновения, ленинизированы до забвения, а сейчас мы выброшены из истории постмодернизмом»⁷⁰.

На консолидацию исламистской доктрины влияют демографические, культурные, экономические и политические факторы. Она отражает позицию значительных по численности и влиянию слоев, оформленных в результате незаконченной и неполной модернизации мусульманского общества. Один из ее видимых результатов – это неконтролируемый демографический прирост, в сочетании с нехваткой трудовых и социальных перспектив для молодых мужчин. Так, например, к концу 1990-х гг. число имеющих среднее образование в Саудовской Аравии достигло около 100000 в год, причем меньше одной трети могут найти себе работу⁷¹. Не случайно то обстоятельство, что оба района с наибольшим демографическим приростом (Газа – 7,9% и Саудовская Аравия – 7%) находятся среди самых больших центров нанятия террористов⁷². Другим фактором появления этого радикального течения являются фрустрации увеличившейся в численности молодой технической и гуманитарной интеллигенции, большая часть которой в специфических условиях процесса развития мусульманских стран, лидированного националистическими группами, остается без возможности профессиональной реализации. Исламизм также является продуктом распада традиционной семьи и кризиса классических для ислама авторитетов, вызванного усиленной урбанизацией городов и быстрой секуляризацией постколониального периода, которые приводят к формированию новой системы ценностей⁷³. Как можно увидеть, исламизм – это продукт как демографических и культурных противоречий, так и классовых конфликтов⁷⁴. Это объясняет, почему он привлекает разнородные, на первый взгляд, группы, среди которых: молодое городское поколение – плод «бейби бума», многочисленные мигранты в городах; представители среднего класса со сравнительно хорошими доходами, но без возможности служить во

70 **SARDAR**, Ziauddin. 2001. Выказано в персональном интервью, проведенном по электронной почте 23 октября 2001. Цитировано по книге Inayatullah, Sohail and Boxwell, Gail. (eds) 2003. *Islam, Modernism and Other Futures. A ziauddin Sardar Reader*, p.18

71 **KEPEL**, Gilles. 2003. *The Origins and Development of Jihadist Movement: From Anticommunism to Terrorism. Assian Affairs*, Vol. XXXIV, N II, July, pp.91-108

72 **LAQUEUR**, Walter. 2003. *La guerra sin fin*. Ediciones Destino. Madrid, p.22

73 **YAFEH**, H. 1988. *Contemporary Fundamentalism – Judaism, Christianity, Islam*. *Jerusalem Quarterly*, 47, pp.27-39

74 **KEPEL** G. 2002. *Jihad. The Trial of Political Islam*. London and New York, I.B. Tauris

власти; молодые и высококвалифицированные специалисты – безработные врачи, инженеры, агрономы и др., вдохновленные идеологией 1960-х гг.⁷⁵

Рожденный как «продукт религиозного кризиса авторитета и неуспеха авторитарных националистических правительств и социально экономических разделений, которые усложняются неолиберальной глобализацией»⁷⁶, в политическом плане исланизм ставит конец безраздельному влиянию арабского национализма, который доминирует на политической сцене региона после Суэцкого кризиса, несмотря на то, что, по мнению некоторых авторов, не теряет связи с леваческими и националистическими проектами. Он разрастается в атмосфере репрессии, коррупции и неэффективности, созданной светскими авторитарными и репрессивными режимами постколониального периода, которые сравнительно легко устанавливают контроль над светской оппозицией. Ее разгром ведет к созданию «оппозиционного вакуума», почти немедленно заполненного быстро набирающей сил и влияния альтернативой, легитимированной религией.

Возникновение исламизма нужно рассматривать и в свете специфических взаимосвязанных процессов, протекающих в арабском мире, где 1980-е гг. отмечены противостояниями между шиитской революцией Хомейни и суннитской монархией Саудовской Аравии, арабско-израильским конфликтом, процессом Осло и войной в Афганистане. Политический ислам испытывает влияние и внешних для исламских обществ факторов. Среди них следует подчеркнуть два: международную структуру власти и политику «великих сил», и прежде всего США, и перемены, привнесенные глобализацией, причем оба ставят мусульманский мир в позицию теряющего. С этой точки зрения исланизм можно рассматривать как стремление к улучшению положения мусульманских обществ в рамках международного порядка, установленного после Второй мировой войны, и перемен, наступивших в нем после конца «холодной войны».

Одна из трудностей перед исследователями исламизма – это идентифицирование его границ, имея в виду то обстоятельство, что он охватывает весь политический спектр от фундаменталистов и традиционалистов до модернистов и либералов. FULLER делает попытку найти общий знаменатель, к которому можно привести это идейное разнообразие, определяя исламистов как «убежденных, что исламу, как вере, есть сказать нечто важное относительно того, как надо урегулировать политику и общество в современном мусульманском мире и как должны быть применены на практике эти идеи»⁷⁷. Анализ политической доктрины и идеологии исламизма, по крайней мере, насколько вообще можно говорить о более или менее единой политической доктрине и идеологии, это вызов, который уходит за пределы скромных целей этой работы. Вот почему здесь будет обращено внимание на те аспекты, которые связаны с основной темой исследования, а именно, реинтерпретацией концепций мученичества, джихада и женского участия в сфере публичного, аспектам, которые приводят к

75 **KEPEL G.** 2002. *Jihad. The Trial of Political Islam.* London and New York, I.B. Tauris, p.6

76 **TURENR, Bryan.** 2003. *Class, generation and Islam: towards sociology of Political Islam.* *British Journal of Sociology*, Vol. 54, N1, March, pp.139-147

77 **FULLER, Graham.** 2003. *The Future of Political Islam.* New York, Palgrave, p.IX

конституированию исламистских версий в таком виде, в каком они используются организациями, практикующими самоубийственный терроризм, легитимированной религией. В этом контексте особую важность имеют два аспекта. Первый будет обозначен здесь как деконтекстуализация ислама, а второй – как дискредитация традиционной уллумы. Под *деконтекстуализацией* нужно понимать способность этой политической доктрины «реапроприировать прошлое», что означает «инвенцию традиции» в понятиях «романизованного представления о ...мифическом золотом веке»⁷⁸. Согласно Аюоб, именно это и есть инструмент деисторизирования и отделения ислама от конкретного временного и пространственного контекста его расцвета, позволяющего «игнорировать социальную, экономическую и политическую среду, в которой существуют мусульманские общества». Это легитимирует претензии и дает положительную санкцию попытке «очистить их от грязи и наслоений, естественного результата исторического процесса, которые рассматриваются как причины мусульманского упадка»⁷⁹. Деконтекстуализация ислама вряд ли была бы возможной без дискредитации традиционной уллумы (общности исламских ученых и теологов, которые по традиции являются интерпретаторами классических текстов) на основании обвинений в соотрудничестве с колониальными режимами и поддержке собственных коррумпированных и неэффективных, по мнению исламистов, правительств.

Означает ли «реапроприирование прошлого», «реинвенция традиции» и насаждение «романизованного представления о Золотом веке», что исламизм всецело деконтекстуализирован, и его радикальные интерпретации основываются лишь только на внутренней логике его эволюции? Один взгляд на исламистские организации показывает, что их деятельность, по крайней мере, определяется характерными национальными условиями и что «исламские политические формации руководствуются той же логикой времени и пространства, как их светские аналоги»⁸⁰. Обстоятельство, что используют один и тот же язык – «политика становится «мусульманской» через идеи и символы, которые мусульмане в разных контекстах идентифицируют как «исламские»⁸¹ – не означает, что выполняют один и тот же проект, использование разделенной политической вербальной и невербальной выразительности можно объяснить обстоятельством, что это понятная выразительность их социальной базы и подходящий способ мобилизации на политическое действие. На практике исламистские организации имеют сильно выраженную национальную повестку дня, что дает основание говорить не об активизме, легитимированном религией, а скорее всего об этно-или национально-религиозно легитимированном, частный случай которого и есть терроризм.

78 **АЮОБ**, Muhammed. 2005. *The Future of Political Islam: the Importance of External Variables. International Affairs*, 81, 5, pp.651-961

79 **АЮОБ**, Muhammed. 2005. *The Future of Political Islam: the Importance of External Variables. International Affairs*, 81, 5, pp.651-961

80 **АЮОБ**, Muhammed. 2004. *Political Islam: Image and Reality. World Policy Journal*, 21:3, Fall, pp.1-14

81 **DALE**, F. **EICKELMAN**, M. and James **PISCATORI**. 1996. *Muslim Politics. Princeton, New Jersey, Princeton University Press*, p.4

Доказательством этому является обстоятельство, что террористические кампании направлены на контроль над той территорией, которую террористы рассматривают как свою родину, и на принуждение иностранных сил покинуть эту территорию⁸².

Наряду с *исламом*, другие две категории – *фундаментализм* и *радикальный ислам* – неизбежно присутствуют в контексте анализа самоубийственных атак, а это требует как уточнения их содержания, так и выяснения отношения к терроризму, точнее, самоубийственному терроризму. Это настолько необходимо, если иметь в виду, что и в научном дискурсе использование понятий «исланизм» и «фундаментализм» сильно запутано – иногда они тождественны и используются как взаимозаменяемые, а в другой раз – как обозначающие разные политические и религиозные тенденции⁸³.

Термин «*фундаментализм*»⁸⁴ утверждается в лоне американского протестантства в XX веке, вследствие чего возникают глубокие сомнения, оправдано ли его применение в вполне различном культурном и политическом контексте, каким является ислам. Сомнения поддерживаются и другим обстоятельством. Если по отношению к исламу будет применяться буквально самое распространенное понимание фундаментализма, а именно, что он представляет собой возвращение к источникам веры путем дословного чтения религиозных текстов (американские протестанты-фундаменталисты отличаются от остальных протестантов тем, что настаивают на буквальном прочтении Библии), может оказаться, что вся мусульманская общность фундаменталистская, поскольку рассмотрение Корана, как записи безгрешного слова Всевышнего, заложено в самой сердцевине этой религии.

В рамках академического дебата существуют две основные позиции в объяснении корней и природы современного исламского фундаментализма. Первая рассматривает его как реакцию на «рационализацию общества, экономики и политики», как неотъемлемые характеристики модернизации, реакцию, которая идет за пределы политики и идеологии и которая показывает способ «конструирования напряжения и фрустраций»⁸⁵. Вторая предлагает его интерпретацию в контексте критики рациональности и модерности, критики, которая все больше очерчивается как тенденция и в западной политической мысли. С этой точки зрения, фундаментализм представляет нечто большее, чем критика политики западных и ближневосточных режимов со стороны неудовлетворенных модернизационным проектом общественных групп, он

82 **PAPE**, Robert. 2003. *The strategic logic of suicide terrorism*. *American Political Science Review*. Vol. 93, N3, August, <http://www.daniieldrezner.com/research/guest/Pape1.pdf>, pp. 1-19.

83 Так, например, Sami Zubaida в статье *Trajectories of Political Islam: Egypt, Iran and Turkey*, *The Political Quarterly* 2000, пишет, что во время иранской революции 1978-79 гг. ислам, или то, что называется исламским фундаментализмом, вероятно, выходит на мировую сцену, при положении, что иранская революция, согласно большинству исследователей, имеет не фундаменталистский, а исламистский характер.

84 Исламскому фундаментализму посвящена книга (на болгарском языке) – **ЧУКОВ**, Владимир. *Исламский фундаментализм*. – Издательство Изток-Запад, 2004.

85 **EUBEN**, Roxanne. 1997. *Comparative Political Theory: An Islamic Fundamentalist Critique of Rationalism*. *The Journal of Politics*, Vol. 59, N1, (February), pp. 28-55

морально обвиняет постпросветительские политические доктрины, которые исключают религиозный авторитет из сферы политического», и в то же время, является «вопросом легитимности политической власти и моральных оснований политических общностей»⁸⁶.

Нарастание влияния фундаментализма в условиях глобализирующегося мира имеет разные объяснения, здесь, как и в предыдущей главе, будут вкратце упомянуты рационалистское и культуралистское видения о причинах и развитии процесса. С точки зрения теории рационального выбора, в определенных условиях фундаментализм может рассматриваться как «товар широкого потребления первой необходимости» (commodity), доставленный религиозными институтами на конкурентный рынок⁸⁷. Люди подходят к религии тем же способом, как и к остальным товарам, а именно, сравнивая расходы и приходы, чтобы оценить свою общую прибыль. Так как религия не обыкновенный товар, люди встречают затруднения – придать ей «стоимостное выражение», религиозные институты приводят ее в вид, удобный для потребления путем формулирования понятных для потребителя постулатов. И так как есть спрос на этот товар, и он потребляется, то «поставщики» преспериируют – фундаменталистские организации увеличивают свою численность и влияние на политической сцене. Согласно второй группе теорий, сравнительный анализ фундаментализма в больших монотеистических религиях показывает, что он обычно усиливает свое влияние во время кризисов и вследствие быстрых и крутых социальных перемен, которые ведут к глубокой перестройке не только общественных отношений, но и способа жизни значимых групп людей. На субъективном уровне процесс трансформации может выражаться кризисом идентичности, вызванной опасностью, что враждебная среда «приведет к абсорбированию преобладающей культуры в такой степени, что собственная отличность будет ассимилирована во имя гомогенности»⁸⁸. Стремление к сохранению идентичности может принять форму возвращения к религии, в силу этой логики, религиозный фундаментализм рассматривается как незамедлительное лечение смятения, вызванного переменами, в особенности когда они вызваны извне, и в таком его виде на него есть спрос, и он развивается⁸⁹.

Фундаментализм, как и исламизм, несмотря на свою характерную ретрориторику, не представляет репродукцию прошлого, он типичный продукт модерности, хотя бы из-за обстоятельства, что национальное государство является центральным пунктом в его доктрине, в отличие от доктрины классического ислама, которая враждебна любой идее о национальном государстве, обозначенном географическими границами. В таком понимании фундаментализм имеет достаточно широкое содержание, которое не способствует его использованию

86 **EUBEN, Roxanne.** 1997. *Comparative Political Theory: An Islamic Fundamentalist Critique of Rationalism.* *The Journal of Politics*, Vol. 59, N1, (February), pp.28-55

87 **MONROE, Kristen and Linda KREIDIE.** 1997. *The Perspective of Islamic Fundamentalists and the Limits of Rational Choice Theory.* *Political Psychology* Vol 18, N1, pp.19-43

88 **MARTY, E and APPLEBY S.** (eds). 1991. *Fundamentalism Observed.* Chicago, pp.15-16

89 **SAHLYEH, E** (ed).1990. *Religious Resurgence and Politics in the Contemporary World.* NY, State University of New York Press, p.18

в качестве аналитического инструмента. В целях специфицирования его, Marty идентифицирует пять ключевых характеристик не самой доктрины, а ее носителей: он считает, что фундаменталисты отличаются тем, что сопротивляются вызовам, которые модернность бросает их основной идентичности, они борются, чтобы изменить гражданский характер государства, они используют селективное чтение «чистого прошлого», они противопоставляются умеренным, которые стремятся к золотой середине как в группе, так и вне ее; они борются во имя Бога (или какой-нибудь другой трансцендентальной конструкции, претендуя, что осуществляют таким образом божественные цели)⁹⁰.

Ни исламизм, ни фундаментализм не содержат прямого призыва к самоубийственным атакам в том виде, в котором они известны сегодня, а еще меньше – к участию женщин в них, религиозно-идеологическое легитимирование скорее является результатом радикальных интерпретаций существующих доктрин. Этимология слова связывает «радикальный» с «относящимся к корням», но также и с «использующим крайние методы», а это преобладающее современное значение. Etienne считает, что оба понятия отражают характерные черты радикального ислама⁹¹. С этой точки зрения, радикальные исламские группы могут быть описаны как «политико-религиозные движения, которые, используя крайние методы, стремятся вызвать крутые социально-политические перемены, основанные на революционной реинтерпретации исламской доктрины⁹². Радикальная позиция или, точнее, радикальные позиции (суннитский и шиитский радикализм имеют разные политические траектории, лидеров, членские массы, способы рекрута и источники, что объясняет и различия в их позициях) содержат имманентные предпосылки легитимирования насилия, как способ установления «настоящего» исламского политического и социального порядка. Эти предпосылки могут быть найдены как в текстах авторов 1950-1970-х гг., так и в деятельности политиков того же периода. Основоположники суннитского (Саид Кутб в Египте, Маудуди в Пакистане), а также и шиитского радикального ислама (Аятолла Хомейни в Иране и Шейх Фадлалла в Ливане) и в идеологическом и в практическом плане поощряют активизм, усиливают милитаристское измерение джихада и вменяют в долг мусульманам борьбу за трансформирование мира согласно требованиям веры путем революции. Согласно Кутбу, одно общество может считаться в полной мере мусульманским, если оно живет по законам Всевышнего, отраженным в Новой книге. Мусульманские страны, управляемые законами, составленными людьми, не являются вполне мусульманскими, а находятся в состоянии невежества или варварства – термина, который обычно используется для обозначения состояния предмусульманской эпохи. В такой ситуации настоящие мусульмане должны следовать примеру Пророка и его последователей, живя согласно требованиям Священной книги, но то же время, они должны укреплять свою веру, увеличивать

90 **MARTY, E and APPLEBY S.** 1991. *The Fundamentalist Project*. In **MARTY, E and APPLEBY S.** (eds). 1991. *Fundamentalism Observed*. Chicago, pp.VIII-X.

91 **ETIENNE, Bruno.** 1987. *L'Islamisme radical*. Paris, Hechette

92 **DENOEU, Guilain.** 2002. *The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam*. *Middle East Policy*, Vol. IX, N2, June, p.96

количество оружия и держать его в боевой готовности, чтобы трансформировать мир согласно законам Аллаха. В свою очередь, идеи шариата, которые многие определяют как смесь марксизма с фанонанством, прочтенные в контексте Корана и шиизма, воспринимаются тем поколением интеллектуалов и активистов, которые стремятся к революции и освобождению в рамках аутентичного культурного контекста. Идея джихада настолько центральна в мышлении Мухаммеда Абд Фараджа, что он провозглашает ее как «шестую колонну ислама»⁹³.

Как видно, и в шиитской, и в суннитской радикальной версиях джихад представляет собой санкционированное Всевышним легитимное средство борьбы, которая может быть направлена как против Израиля, США и коррумпированных правительств исламских государств, так и против любых других, лидеров которых обозначают как врагов ислама.

3.3.2 Джихадистские интерпретации

Несмотря на то, что исламистские доктрины легитимируют использование силы, они не подразумевают по определению самоубийственную версию джихада, которую мы знаем из современных терактов. Названные их совершителями «мученическими операциями», они, скорее всего, являются новым моментом в исламском способе ведения войны, которая все чаще ведется в последние 20 лет под влиянием джихадистски ориентированных салафистских течений. Strenski окачествляет самоубийственные атаки как «современное отклонение от ислама», которое часто отбрасывается большинством мусульман⁹⁴.

Дебат о «мученических операциях» в исламистской литературе начинается в середине 1990-х гг., когда увеличивается количество текстов, посвященных этому вопросу. Именно тогда усиливается внимание к пропагандистской стороне, т. е. к привлекательным аспектам мученичества, но уменьшается интерес к конструированию собственно теологических аргументов. Так, например, в своей книге «Добродетели мученичества по пути Аллаха» ее автор Azzam, не углубляясь в философско-религиозные аспекты, указывает на 27 выгод от него, и среди них: место в раю, избегание мук в могиле, встреча с 72-мя черноокими хуриями и, наконец, возможность мученика обеспечить место в раю 70-ти своим близким⁹⁵.

Согласно Соок, «мученические операции» (в отличие от классического джихада) не основываются на традиционных религиозных источниках (несмотря на то, что в какой-то мере они могли бы найти оправдание и в них), а «всеохватному коллективному мусульманскому чувству неполноценности, которое внушают исламисты, чтобы оправдать все тактики, которые применяют для одержания победы в данной войне или конфликте»⁹⁶. Некоторые авторы рассматривают

93 SINA, *Il I Nashar*. 1994. *Violence and Religious Discourse in Egypt*. Carimo, pp.36-38

94 STRENSKI, Ivan. 2003. *Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers»*. *Terrorism and Political Violence*, Vol. 15, N3 (Autumn), pp. 1-34

95 AZZAM, Abdullah. *Virtues of martyrdom at the path to Allah*. www.islamicawakening.org/viewarticle.php?articleID=1012&

96 COOK, D. 2004. «Implications of «Martyrdom Operations» for Contemporary Islam.» *Journal of Religious Ethics*, 32, pp.129-51

именно чувство неполноценности как одну из причин радикализации ислама и его агрессивности: «...доминантное радикальное настроение заключается в том, что несмотря на то, что другие могут существовать как меньшинство в мусульманских странах, мусульмане никогда не могут быть меньшинством в других странах или быть управляемыми иноверцами. В большей степени это объясняет огромное число сепаратистских мусульманских движений в нынешнем мире. Сомнительно мнение, что мусульманское общество сегодня более или менее репрессировано любым другим обществом в мире: современные радикальные мусульмане преувеличивают их относительное «притеснение» из-за коллективного исторического сознания о необходимости быть на позиции превосходства»⁹⁷. В этом смысле джихадизм – «скорее всего результат нового понимания контекста, а не нового чтения религиозных текстов и сопутствующих принципов: «Иновативность» основана на концепциях защиты от агрессора и гражданских лиц, и они различаются от традиционных концепций, следовательно, «эволюция джихада меньше выражается в изменении принципов, воплощенных в религиозных текстах и больше в способах, по которым последние осуществляются, способах, которые расширяют сферу разрешенного насилия»⁹⁸.

Драматический дебат о бомбовых терактах концентрируется на двух основных аспектах: первый касается того, можно ли окачествить бомбовые атаки, которые предполагают убить совершителя, самоубийственными, а второй – легитимно ли убийство гражданских лиц в них.

В отличие от христианства, где существовала традиция «благородного самоубийства» (библейским примером тому является Самсон) и широкая терпимость к отнятию собственной жизни (например, в результате стыда от допущенной ошибки или проступка, из-за страха пыток и др.), в европейской культуре (а также и в некоторых азиатских культурах), в исламе почти не может быть найдена публичная фигура, воспринявшая альтернативу самоубийства как выход из неблагоприятного положения. Даже после того, как «Хизбалла» начинает применять самоубийственные атаки против израильской оккупации (1982-2000 гг.), они продолжают рассматриваться в качестве маргинального шиитского оружия, которое не имеет никакой легитимности для суннитов. Ни один суннитский мученик, посвятивший себя войне в Афганистане, не говорит о мученических операциях, несмотря на то, что такие, наверное, осуществлялись в ходе вооруженных действий⁹⁹. К середине 1990-х гг., однако, практика самоубийственных терактов проникает через Палестину (благодаря «Палестинскому исламскому джихаду» и «Хамасу») в Алжир, Кашмир, Индию и Чечню, заставляя как противников, так и их сторонников найти связанные с религией аргументы.

97 Цитировано по **COOK, D.** 2004. «Implications of «Martyrdom Operations» for Contemporary Islam.» *Journal of Religious Ethics*, 32, pp.129-51

98 **WIKTOROWICZ, Quintan.** 2005. *A genealogy of Islam. Studies in Conflict and Terrorism*, 28, pp75-97

99 **COOK, D.** 2004. «Implications of «Martyrdom Operations» for Contemporary Islam». *Journal of Religious Ethics*, 32, pp.129-51

Часть уллады отбрасывает бомбовые теракты, сопровождаемые отнятием собственной жизни, аргументируя тем, что «находиться с взрывным устройством среди иноверцев, которое должно быть взорвано, означает совершить самоубийство». По этой причине «кто бы ни был совершителем, он будет отправлен в ад и останется там навсегда». В то же время, появляются тексты мусульманских духовных лидеров, как, например, Muhammad Sayyid al Tantawī¹⁰⁰, главного муфтия Саудовской Аравии и шейха Yusuf Al Qaradawī, которые признают легитимность самоубийственных миссий, но ограничивают их в рамках палестинско-израильского конфликта¹⁰¹. Подобного типа аргументация основывается на оценке намерения совершителя и его мотивов: «Тот, кто совершает самоубийство, убивает самого себя в свою пользу, тот, кто приступает к мученичеству, жертвует собой во имя своей религии и своей нации. В то время как самоубийца теряет веру в себя и в Аллаха, муджахид исполнен надежды на дух и милость Аллаха. Он борется со своим врагом и врагом Аллаха этим новым оружием, которое судьба вложила в руки слабых, чтобы таким образом они могли сражаться со злыми и arrogantными. Муджахид становится «живой бомбой», которая взрывается в определенном месте и в определенное время, среди врагов Аллаха на его родине. Они беспомощны перед смелым шахидом, который посвящает свою душу Аллаху и стремится к мученичеству во имя Аллаха»¹⁰².

После 11-го сентября дискуссия о самоубийственных миссиях входит в новый этап. Некоторые духовные лидеры осуждают атаки, используя аргумент, что шариат «отбрасывает все посягательства против человеческой жизни», вследствие чего подлежат осуждению «все нападения на гражданских лиц, какой бы не была ответственность их общества или государства»¹⁰³. Muhammad bin Abdallah as Sabil считает, что мусульмане «должны беречь жизнь, честь и собственность христиан и евреев, потому что нападения на них противоречат исламскому закону»¹⁰⁴. Гораздо больше отличается позиция шейха Yusuf al Qaradawī, руководителя департамента по суннитским исследованиям Университета Катара и известного как своей антиамериканской позицией, так и тем, что в середине 1990-х гг. был одним из первых, кто дал свое благословение на самоубийственные атаки «Хамасу»; он не снял свою поддержку и после 11-го сентября: «Я удивлен, – подчеркивает al Qaradawī, – что некоторые из шейхов издаю фетвы, которые совершают предательство по отношению к муджахедам, вместо того, чтобы поддержать и поощрить их к совершению самопожертвования и мученичества». Одобрение самоубийственных атак на израильской территории дается на основании того, что там нет невинных,

100 Взгляды Tantawī впоследствии развились в принятии права на самоубийственные операции

101 Цитировано по COOK, David. 2005. *Radical Islam and Martyrdom operations: What USA should do?* The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University

102 Цитировано по MEMRI. 2001. *Debating the Religious, Political and Moral Legitimacy of Suicide Bombing. Part 1: The debate over Religious legitimacy. Inquiry and Analysis Series N53, May, www.memri.org*

103 Слова Шейха Мухаммада Сауда Тантауи, лидера храма и университета AlAzharca цитированы по AlAkhdar, Cairo, Dec. 16, 2001

104 SPA, Dec, 4, 2001

а есть только военные, которые участвуют в оккупации Палестины: «Израильское общество вполне милитаризовано, и в нем нет почти штатских лиц. ...Как может глава (церкви и университета) Al Azharda обвинять муджахедов, которые борются против агрессоров? Как он может считать их невинными гражданами?»¹⁰⁵ Несмотря на то, что он осуждает атаки против башен-близнецов – «такие мученические операции не должны проводиться за пределами палестинской территории», al Qaradawi не считает, что действия палестинских радикальных организаций террористические: «Палестинец, который взрывает себя, является человеком, который защищает свою родину. Когда он атакует врага-оккупанта, он атакует легитимную машину. Это отличается от [действия] того, кто покидает свою страну и идет нападать на мишень, с которой у него нет никакого диспута»¹⁰⁶, «палестинцы имеют право защищать свою землю и собственность, которых лишили несправедливым путем. ...Палестинцы имеют право сопротивляться против узурпирующего колониализма всеми средствами и методами. Это легитимное право, согласно божьим законам, международным законам и человеческим ценностям»¹⁰⁷. На этом основании al Qaradawi не одобряет определение «самоубийственные миссии» и настаивает называть их «мученическими атаками». По его мнению, самоубийство – это акт, совершенный по личным мотивам; действия же палестинцев совершены во имя всей мусульманской общности, вследствие чего их нужно рассматривать как мученичество». Того же взгляда придерживается и другой мусульманский духовник и ученый Abdal Azimal Mitani, который определяет Израиль как «один большой военный лагерь», в котором нет штатских граждан; следовательно, «у палестинцев есть право наносить удары по стольким израильтянам, по скольким у них есть возможность». Отсутствие гражданских лиц в Израиле аргументируется фактом, что там введена военная служба как для мужчин, так и для женщин.

Одна из линий аргументаций в пользу самоубийственных атак против мусульман основывается на различном толковании определенных классических текстов. Согласно некоторым, требование защиты их жизни и собственности валидно только в случае, если они находятся под мусульманским управлением, вне его границ не может пользоваться защитой. По этой логике, евреев в Израиле, которые живут в собственном государстве и на территории, которая была отнята у мусульман, можно убивать, и это касается не только мужчин. Al Mitani говорит, что запрет Пророка убивать женщин, детей и стариков не относится к палестинскому случаю, а к «обыкновенной войне» между двумя армиями. Ситуация в оккупированной Палестине, однако, другая: «...мы сталкиваемся с безразборными атаками», которые дают право палестинцам отвечать тем же способом»¹⁰⁸. Кроме того, убийство мирного населения интерпретируется как побочный эффект боевых действий, так как принято считать, что Израиль и палестинцы находятся в состоянии вооруженного конфликта: «...мы в войне, какой

105 AFP. 2001. Dec., 4

106 AL RAYAH, 2002, Doha, Oct. 26

107 ASH-SHARQ AL AWSAT. 2001. Dec, 12. London

108 Цитировано MALKA, Haim. 2003. Must Innocents Die? The Islamic Debate Over Suicide Attacks. The Middle East Quarterly, Spring, Vol. X, N2, <http://www.meforum.org/article/530>

наша история не знает. Если в палестинских операциях погибают гражданские лица, это не преступление»¹⁰⁹.

При анализе позиций ведущих исламских лидеров нужно иметь в виду то, что в течение времени они меняются, в большинстве случаев – к одобрению самоубийственного терроризма. Таков случай с Tantawi, который через несколько месяцев после того, как осудил самоубийственные атаки, объявил, что его неправильно поняли: «Мои слова были точными... человек, который детонирует себя среди бойцов противника, является мучеником, повторяю мучеником. То, чему не можем найти оправдания, это когда кто-то взрывает себя среди детей и женщин. Но если взорвет себя среди израильских женщин на армейской службе, то он мученик, поскольку эти женщины бойцы. ...Повторяю, что те, кто защищает свое право взрывать себя среди врагов, убивающих их народ, оккупирующих их землю и уничтожающих их народы – мученики, мученики, мученики»¹¹⁰. На этой основе Tantawi разграничивает терроризм от джихада: «Джихад в исламе ориентирован на поддержку угнетенных и защиту святых мест, человеческой жизни, личного имущества, гражданских лиц и мирных людей»¹¹¹.

Вопреки преобладающему в академическом дебате мнению, что террористические самоубийственные атаки могут быть лучше понятыми в рамках джихадских интерпретаций традиционных категорий ислама, существуют и мнения, что это едва ли достаточно, чтобы объяснить самопричиненную смерть, посредством которой отнимается чужая жизнь. Strenski¹¹² утверждает, что чтобы понять самоубийственные теракты во всех их аспектах и в глубине, нужно рассматривать их в парадигме самопожертвования¹¹³. По его мнению, несмотря на то, что самопожертвование вплетено в дискурс джихада, оно – дистинктивное понятие. Доказательством этому служит факт, что совершители рассматривают самоубийственный акт именно как самопожертвование во имя других: «Если в израильско-палестинском конфликте одна из целей – атаковать [израильтян] в форме джихада, другая, существующая одновременно с ней, – способствовать созданию палестинской политической общности путем самопожертвования во имя Аллаха, но и ради своей уммы. ...Значение действия «человеческих бомб» заключается хотя бы частично в сети человеческих взаимоотношений с Богом, в которых они живут, и в той, которую они представляют себе, что оформится в будущем»¹¹⁴. Мученичество целиком вписывается в контекст отношений с Богом:

109 Позиция Алд ас Сабур Шахина цитирована по **MALKA, Haim. 2003. Must Innocents Die? The Islamic Debate Over Suicide Attacks. The Middle East Quarterly, Spring, Vol.X, N2, <http://www.meforum.org/article/530>**

110 Цитировано по **MALKA, Haim. 2003. Must Innocents Die? The Islamic Debate Over Suicide Attacks. The Middle East Quarterly, Spring, Vol.X, N2, <http://www.meforum.org/article/530>**

111 **ARAB REPUBLIC OF EGYOT RADIO CENTRAL SERVICE, 2002.Cairo, February, 1**

112 Статья **STRENSKI, Ivan. 2003. Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers».** *Terrorism and Political Violence*, Vol.15, N3 (Autumn), pp. 1-34, единственный анализ в деталях, который я знаю о вопросе и месте джихада и самопожертвовании в структуре самоубийственных миссий. Вот почему текст в этом коротком параграфе будет основан главным образом на его статье.

113 **STRENSKI, Ivan. 2003. Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers».** *Terrorism and Political Violence*, Vol.15, N3 (Autumn), pp.1-34

«...мученичество – не статус, который может быть постигнут отдельным воином, и осуществлен таким образом, как будто это частный акт борьбы. Мученичество – это нечто, что Аллах дает воину за его самоотречение и посвящение защите общества», но никак не индивидуальный акт, предпринятый по собственной воле¹¹⁵. Инновативный характер окачествления самоубийственных актов как мученических заключается в обстоятельстве, что мученичество все больше рассматривается как «человеческий ответ на призыв Аллаха пожертвовать собой во имя ислама и нанести потери его врагам» и «чистый акт борьбы, который должен понравиться Аллаху, но в то же время, он не должен зависеть от его специфической санкции»¹¹⁶, что всецело противоречит традиции и создает основание тем, кто придерживается более традиционных толкований окачествлять его как проявление религиозного нигилизма. Strenski считает, что если отдача собственной жизни рассматривается как подарок (как одна из форм самопожертвования), то тогда теологическая проблема заключалась бы в обстоятельстве, что подарок превышает то, чего Аллах ожидает от благочестивого мусульманина: «...самопожертвование мусульманина, скорее всего, дать что-то, чем отдаться»¹¹⁷. Если самопожертвование воспринимается как подарок, который Аллах не должен принимать, то тогда реципиентом является национальное общество, которое должно вернуть его реципрокным способом. По мнению автора, это и есть та точка, где осуществляется переход от религиозного к светскому или где осуществляется замена религиозного светским, замена, которая с целью сохранения своей легитимности продолжает вербализоваться через джихадский дискурс. Если я правильно поняла, эта идея не чужда Strenski, несмотря на то, что он не формулирует ее понятиями перехода или перемены, в контексте анализа палестинских террористов-самоубийц он отмечает следующее: «Вопреки тому, эти самоубийства или убийства являются жертвенным подарком экстремального порядка, использованные, чтобы добиться чего-то взамен: Палестину. Палестину, которую нужно сохранить живой, создавать взамен самопожертвований молодых людей»¹¹⁸. Воспринимаемые в таком контексте, нация и религия становятся реальностью, создающей значения, на которые переносят свою сакральность и легитимируют право требовать жертв; само существование нации становится ответным подарком за отданную жизнь. Концепция жертвенного подарка не только объясняет связь между секулярным и сакральным, его врожденная социальная природа трансформирует его из иррационального в понимаемый¹¹⁹, а не просто из иррационального в рациональный постулат.

114 **STRENSKI, Ivan.** 2003. *Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers»*. *Terrorism and Political Violence*, Vol. 15, N3 (Autumn), pp.1-34

115 **MARGALIT, Avishai.** 2003. *The suicide bombers*. *The New York Review of Books*. January, 16th p.38

116 **STRENSKI, Ivan.** 2003. *Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers»*. *Terrorism and Political Violence*, Vol. 15, N3 (Autumn), pp.1-34

117 **STRENSKI, Ivan.** 2003. *Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers»*. *Terrorism and Political Violence*, Vol. 15, N3 (Autumn), pp.1-34

118 **STRENSKI, Ivan.** 2003. *Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers»*. *Terrorism and Political Violence*, Vol. 15, N3 (Autumn), pp.1-34

119 **HECHT, Richard.** *Deadly history, deadly actions, and deadly bodies: a response to Ivan Strenski's «Sacrifice, gift and social logic of Muslim «human bombers»*. *Terrorism and Political Violence*, Vol. 15, N3 (Autumn), pp.35-47

3. 4. Дебаты и практика женского участия

3.4.1 Состояние современного дебата о женском участии

Schalk утверждает, что когда налицо разрыв с конвенциональным поведением, включающим гендерные отношения (например, когда женщины совершают насилие и таким образом апроприируют мужской статус), террористические группы, как светские, так и религиозные, поставлены перед необходимостью историцизировать эти действия таким способом, чтобы они не выглядели так, как будто рвут с «почтенным» поведением, а скорее всего как проявление старых гендерных ценностей в новой форме¹²⁰. Хорошим примером этому является исламская традиция, которая не поощряет участия женщин в джихаде и мученичестве, несмотря на то, что ясно выражено, что посещение Мекки (из-за существующих опасностей) равнозначно джихаду для женщин. Появляющийся исламский феминизм, как и некоторые тенденции в ислаимизме, однако, не перестает искать прямых аргументов в пользу женского участия, укорененных в истории и религии, – «чтобы данная проблема могла приобрести легитимность в глазах религиозных мусульман, она должна иметь очевидную историческую глубину»¹²¹.

В прошлом исламских обществ, так же как и в прошлом всех других обществ, можно найти имена женщин, которые принимали участие в боевых действиях.

Исламистские интерпретации роли женщин, однако, не ограничиваются историческими примерами. Все более сильный акцент ставится на утверждении, что мусульманская традиция не обязывает женщин, но и не запрещает им участвовать в мученических операциях.

События 11 сентября, и в особенности объявление со стороны президента США «крестового похода против терроризма», ведут к радикализации взглядов определенных мусульманских клерикальных секторов по отношению права и роли женщин на джихад. Так, например, Шейх Абу аль-Гасан, глава Комитета по фетвам, дает позитивную санкцию участия женщин следующими словами: «В этой войне сын может включиться без разрешения своего отца, женщина без разрешения своего супруга, раб без согласия своего владельца. Ислам призывает нас присоединиться к джихаду во имя Аллаха, пока не осуществится одна из двух альтернатив: мученичество или победа. ...Когда нападают на ислам, границы перестают существовать. В этом случае джихад обязателен для всех мусульман»¹²². Шейх Умар аль-Бакри, сириец по происхождению, проживающий в Лондоне, где он получил убежище после нападения на Афганистан, выдает фетву против пакистанского президента Мушаррафа (за его разрешение на использование США территории страны в своих действиях против соседнего

120 SCHALK, Peter. 1994. *Women fighters of the Liberation tigers in Illiam: the martial feminism of Atel Palac. South Asia Research*, 14 (2), Autumn, pp. 1-22, SCHALK, Peter. 1997. *The revival of Martyr cults among Ilavar. Temenos*, 33, pp.151-190

121 COOK, David. 2005. *Women fighting in Jihad? Studies in Conflict and Terrorism*, 28, pp.375-384

мусульманского государства), в которой он коснулся и равного права женщин предпринимать джихад¹²³.

Несмотря на это, религиозные документы, которые посвящены исключительно участию женщин в джихаде, сравнительно немногочисленны, до 2004 г. появилось всего шесть таких. Независимо от того, что была подобная официальная (пусть и не бесспорная) санкция, женское участие продолжает быть щекотливой проблемой: с одной стороны, из-за необходимости, чтобы при совершении бомбового теракта женщины переступали через многие традиционные запреты, а с другой – из-за неясного характера компенсации, которую получают за это. Для мужчин-мучеников награды ясно определены, и гендер дифференцирован; именно этому обстоятельству посвящена одна из эффективных техник зачисления кандидатов. В статье, посвященной женскому самоубийственному терроризму палестинских радикальных организаций, Israeli цитирует часть телевизионного интервью от 19 августа 2001 г., в котором инструктор «Хамас» подчеркивает, что часть обучения будущих террористов-смертников связана с подробным описанием того, как их вознаградят, «дав им 70 девиц, 70 супруг и бесконечного счастья». Рассказ о девицах всегда сопровождается прилагательным «чернооких», и таким образом обрисовывается их вполне конкретный и плотский образ, несмотря на то, что, согласно мнению теологов-мусульман, живущих вне мусульманского мира, хурию следует понимать как ангела или райское существо.

Награды для женщин-кандидатов принять участие в мученических операциях, однако, не настолько однозначно определены, поэтому и вопрос о них ставится сравнительно часто. Вот как оформил свой вопрос посетитель сайта «Хамас» от 18 января 2002 г.: «Я хочу знать: какова награда женщине, которая совершает мученическую операцию; она тоже выходит замуж за семьдесят двух хурий?» Ответ был следующим: «Женщина, совершившая мученические операции, получает те же награды, что и мужчина, за исключением одной: хурий. У нее будет тот же супруг, который был у нее в момент ее смерти. ...А если она была незамужем, ее выдадут замуж за одного из мужчин в Раю». Другой вариант ответа дает Шейх Абд аль-Фаттах Джанам, проректор университета Al Azhar. Он говорит, что женщины, совершившие мученические акты, после вознесения в рай, переродятся в хурий, несмотря на свой возраст и внешность. У них будут те же супруги, какие были на земле, если супруги уже в раю, а если нет, получают кого-нибудь другого из его обитателей. Это случится даже в том случае, если женщина при жизни была замужем за иноверцем¹²⁴.

Дебаты о женском участии, как и дебаты о самоубийственных атаках в целом, к сожалению, нельзя рассматривать только в теологическом плане

122 **SHEIKH ABU AL HASSAN**. 2001. 18 October. MEMRI: Special Dispatch Series - No. 296, <http://www.memri.org/bin/articles.cgi?Area=sd&ID=SP29601>

123 Цитировано по **ISRAELI, Raphael**. 2004. *Palestinian women: the quest for a voice in the public square through «islamikadze martyrdom»*, *Terrorism and Political Violence*, Vol.16, N1, (Spring), pp.66-96

124 Цитировано по **ISRAELI, Raphael**. 2004. *Palestinian women: the quest for a voice in the public square through «islamikadze martyrdom»*, *Terrorism and Political Violence*, Vol.16, N1, (Spring), pp.66-96

вне национальной повестки дня и собственной повестки дня практикующих его организаций. Как будет видно из нижеследующего текста, он тоже высоко контекстуализированный, и имеет прямое отношение к непосредственным планам политического действия и мобилизации.

3.4.2 Война между Ираном и Ираком (1980-1988 гг.) и практика самоубийственных миссий в Иране

Осуществление самоубийственных атак в исламистской шиитской политической практике связано в основном с революцией в Иране и войной между Ираном и Ираком (1980-1988 гг.) и с тактикой «человеческих волн», применяемой Ираном в качестве компенсации за иракское военное превосходство. Во время войны женские самоубийственные миссии не осуществляются. Несмотря на это, тактика человеческих волн имеет прямое отношение к ним хотя бы по двум причинам. Во-первых, она доказывает эффективность саморазрушительных операций как средство достижения определенных целей национальной повестки дня (в случае с Ираном – вытеснения иракских войск и победы в войне) и, во-вторых, поощряет интеграцию женщин в военные действия или действия, поддерживающие военных, интеграцию, одобряемую исламистской революцией и ее правительством на официальном уровне, но отрицаемую традиционной улламой.

Тактика «человеческих волн» впервые была применена в сражении при Бостане 29 ноября 1981 г.¹²⁵. С военно-стратегической точки зрения, многие оценивают ее как основной фактор, который способствовал тому, чтобы иранские войска перешли в наступление еще в начале следующего года, несмотря на потери, понесенные после 22 сентября, но также как самый ужасающий случай массового человеческого самопожертвования и самая высокая цена, заплаченная когда-то в военной истории территориальных побед – специалисты считают, что только 5% из принявших участие в «человеческих волнах» выживают после атаки¹²⁶. Арабский журналист Мохаммад Салам описывает применение тактики «человеческих волн» в битве при Аль-Усаире в 1984 г. следующим образом: «В начале был слышен высокий грохочущий звук, как будто приближалась стая саранчи. Звук усиливался, это были тысячи человеческих горл, которые громко кричали: «Иа Кербела», «Иа Хусейн», «Иа Хомейни». Как человеческая волна, они поднимались из окопов и землянок, с оборонительных позиций и холмов, тысячи, десятки тысяч, подходящих все ближе и ближе. И почти все они были детьми, юношами, которые с трудом несли автоматы Калашникова, другие просто шли со сжатыми кулаками. Среди них можно было увидеть немногих взрослых, которые побуждали их идти вперед. Один пулеметчик [иракчанин] начал стрелять. Он стрелял и стрелял. Он просто не останавливался. Он стрелял по этим детям, как будто по поставленным в ряд пустым бутылкам. Но они продолжали бежать, они перепрыгивали через мертвых,

125 WRIGHT, R. 1991. *In the Name of God*. London, Bloomsbury

126 Цитировано по Reuter, REUTER, Christopher. 2004. *My Life is a Weapon. A Modern History of Suicide Bombing*. Princeton and Oxford, PrincetonUniversity Press, p.34

падали на них, а пулеметчик продолжал стрелять. ...В один момент они подошли так близко к пулеметчику, что он выскочил, взялся за «Калашников» и перебрался за защитную линию, недалеко от нас»¹²⁷. Тот же журналист свидетельствует, что после иранского наступления с кодовым наименованием «Кербела IV» недалеко от Шатт-Эль-Араба, в устье Тигра и Евфрата, он вместе с югославским представителем СМИ насчитал на месте сражения 23000 погибших, причем у всех на шее висели цепочки с маленьким ключиком – символом вознесения в рай после мученической смерти¹²⁸. Лишь после этой битвы тактика «человеческих волн» перестала использоваться.

Идеология таким образом понятого джихада не могла бы привести к появлению огромного числа желающих пойти по пути мученичества, если бы ислам не повлиял так решительно на характерные для традиционного иранского мусульманского общества образы и модели семейных и межпоколенческих отношений. Их эрозия привела к глубокому кризису двух традиционных авторитетов: возраста и отца, который в большой степени был замещен авторитетом лидера; при столкновении между авторитетами отца и лидера официально установленная исламистская идеология поддерживает авторитет второго. Доказательством тому являются изданные в 1982 г. инструкции, согласно которым молодые люди, желающие записаться в добровольцы, не должны просить согласия у своих родителей¹²⁹.

Практика исламской революции отправляет вызов и системе гендер-ролей иранского общества. Несмотря на то, что традиционная версия ислама не допускает участия женщин в джихаде и исключает их из мученичества, иранский шиитский радикальный исламизм поощряет их на участие в обоих¹³⁰: «Мы горды, – подчеркивает Хомейни в одной из своих публичных речей, – что наши жены, молодые и пожилые, присутствуют и активны, в зависимости от своих возможностей, плечом к плечу со своими мужьями, а иногда и больше их во всех областях, включая культурную, экономическую и военную. Борются за пропагандирование и обучение в исламе, иногда с гораздо большим результатом по сравнению со своими мужьями. Женщины, которые в состоянии воевать, получают военное обучение, которое представляет собой основную предпосылку защиты ислама и исламского государства. Ограничения нашим женщинам навязаны врагами ислама. Те, кто не в состоянии воевать на фронте, служат на второй линии с таким пылом и отвагой, что заставляют сердца мужчин биться от восхищения, и одновременно с этим будят страх в сердцах врагов, а непосвященные, которые куда хуже врагов, начинают дрожать от гнева и злости»¹³¹.

127 Цитировано по Reuter, **REUTER**, Christopher. 2004. *My Life is a Weapon. A Modern History of Suicide Bombing*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, p.34

128 Цитировано по **REUTER**, Christopher. 2004. *My Life is a Weapon. A Modern History of Suicide Bombing*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, p.35

129 **GHALANDARAN**, Wiebke. 1997. *Die Mutter der Martyrer*. Bonn, University of Bonn, p.76 (thesis)

130 В музее мучеников в Тегеране зарегистрированы имена 69 женщин-мучениц.

131 Цитировано по **DAVIS**, Joyce. *Mi cuerpo es un arma*. 2004. Ediciones B, Barcelona, p.96

3.4.3 Дебаты о женском участии в Ливане

В начале 1980-х годов идеология и практика мученичества распространяется в регионе главным образом через иранских революционных гвардейцев, которые проникают в Сирию и Ливан. Она воспринимается сначала ливанскими шиитами и проявляется в серии самоубийственных терактов, организованных местными актерами, но при прямом или косвенном участии Ирана. Факторов, которые способствуют восприятию этой «субкультуры смерти», несколько, и у них сложные отношения между собой. Во-первых, ливанские шииты находятся среди самых маргинализированных групп в стране, в психологическом плане появление сильного и мощного союзника в лице Ирана воспринимается ими исключительно положительно. Во-вторых, страна находится в состоянии гражданской войны и хаоса, при котором у государства нет ни политической роли, ни ресурсов предпринять действия для ограничения джихадистского шиитского исламизма как в Иране, так и в Саудовской Аравии. Подобный контекст создает благоприятные предпосылки увеличения влияния идеологий, проповедующих насилие. В-третьих, после вмешательства ливанской армии в конфликт между фалангистами и шиитской партией «Амал» и поддержки, которую она получила из США, чей средиземноморский флот целиком концентрируется на ливанское побережье, американское военное присутствие теряет свой нейтральный характер, а США превращаются в одну из сторон конфликта. Это создало образ подходящего внешнего врага, против которого мобилизуются для политического участия патриотические, националистические и религиозные чувства. В этом контексте нужно рассматривать и самоубийственные атаки¹³² 11 ноября 1982 г.¹³³ (когда взрывное вещество разрушает восьмизэтажное здание¹³⁴), использованные израильскими оккупационными силами в Туге, Южном Ливане, причинив смерть 74 израильским солдатам и 14 другим служащим¹³⁵, и два почти одновременных теракта 16 октября 1983 г. против базы американской морской пехоты (241 погибший солдат и офицер) и против казарм французских парашютистов (58 убитых солдат и офицеров) в Ливане¹³⁶.

Новый толчок шиитской политической мобилизации дает фетва Высшего исламского шиитского совета (после теракта от 16 октября 1983 г.) о сопротивлении

132 *Первая широкомасштабная самоубийственная миссия в Ливане осуществлена 15 декабря 1981 г. против Иракского посольства в Бейруте; убит 61 человек, среди которых и посол Абдул Раззак Лафта, около 100 человек ранены*

133 *AI MANAR TV. 1999. 11.11*

134 *Первоначально ответственность за атаку приняла на себя группа «Исламский джихад»; однако, 19 мая 1985 г. «Хизбалла» объявила публично, что взрыв был сделан машиной-бомбой, управляемой 15-летним Ахмадом Касиром из Даира Кануна аль-Нахра, шиитского города, находящегося в десяти километрах от Туге в Южном Ливане, Al-Ahd (Beirut) 24 May 1985. Считается, что это первая самоубийственная атака, совершенная от имени «Хизбаллы».*

135 *KRAMER, Martin. 1991. Sacrifice and Self-Martyrdom in Shiite Lebanon. Terrorism and Political Violence 3, pp.30-47*

136 *Согласно одним авторам, атаки организовывались и руководились шиитской радикальной организацией «Амал», согласно другим – «Исламским джихадом»*

против израильской оккупации Южного Ливана. Увеличению самоубийственных атак способствует и появление на ливанской политической сцене нового шиитского актера в лице «Хизбаллы», который воспринимает как свою идеологию джихадский вариант исламизма и предоставляет необходимые организационные и человеческие ресурсы для осуществления атак. Наряду с ним продолжает действовать и партия «Амал», которая, согласно некоторым мнениям, осуществила свою первую самоубийственную атаку 16 июня 1984 г., когда машина с ливанским регистрационным номером, подъехав близко к израильскому военному патрулю, взорвалась, убив водителя и несколько израильских солдат. Источники «Амала» информировали, что машиной управлял 17-летний Билял Фахс из г. Джебшит (провинция Набатия, Южный Ливан)¹³⁷.

Религиозный дебат о самоубийственных атаках в Ливане более чем драматичен, в его рамках сталкиваются традиционный исламистский взгляд на мученичество и джихад, а также и мнение о месте женщин в них. В рядах «Хизбаллы» первая позиция защищается духовным лидером организации шейхом Фадлаллахом, а вторая – вторым в религиозной иерархии, шейхом Наимом Кассемом, который в ответ на непризнание самоубийственных атак в качестве мученического акта со стороны Фадлаллаха аргументирует свою позицию следующими словами: «Джихад фундаментален для нас. Мы используем его не как средство навязывания наших взглядов другим, а чтобы защитить наши права. Когда мусульманин умирает в дефанзивном джихаде, он выполняет свой религиозный долг и удовлетворяет Всевышнего своим самопожертвованием. ...Поскольку мы верим, что момент нашей смерти определен Богом, мы считаем, что нет значения, будет человек находиться под собственной крышей, будет переходить через улицу или бороться против своего врага. Отсюда следует, что когда борец предпринимает джихад, он не берет больше рисков, чем любой другой, который не делает этого и, таким образом, не находится ближе к смерти. Все, что он делает, это выбирает способ и метод, по которому он умрет, в случае, когда знает, что ему суждено умереть. Если вы понимаете ислам, вы отдаете себе отчет в том, что этого человека не убили раньше его срока. Вот почему мы рассматриваем мученичество как мусульманский выбор способа, по которому человек желает умереть»¹³⁸.

На сопротивление традиционного ливанского духовенства наталкивается и исламистская идея участия женщин в самоубийственных миссиях. Шейх Обеид, один из представителей местного южно-ливанского клерикального слоя, который горячо проповедует и поддерживает дело «Хизбаллы», отбрасывает женское участие следующими аргументами: «Одна националистически настроенная

137 **KRAMER, Martin.** 1991. *Sacrifice and Self-Martyrdom in Shiite Lebanon. Terrorism and Political Violence* 3, pp.30-47

138 *Interview with Fadlallah in the Hezbollah Weekly Paper Al Ahd, November, 14, 1996, цитируано по KRAMER, Martin.* 1997. «The Oracle of Hezbollah: Sayyid Muhammad Husain Fadlallah. In *Spokesmen of the Despised: Fundamentalist Leaders of the Middle East.* Ed. Scott Appleby, Chicago, University of Chicago press, *Interview with Fadlallah in the Hezbollah Weekly Paper Al Ahd, November, 14, 1996, p.129*

женщина спросила меня, позволяет ли ислам женщине принять участие в военных операциях в рамках сопротивления против оккупации, и в таком случае – женщина сможет попасть в рай, если она вступит на дорогу мученичества? Джихад в исламе запрещен для женщин, исключая случаи самозащиты и отсутствие мужчин. В присутствии же мужчин джихад не разрешается женщинам. Я ответил этой женщине, что ее джихад запрещен, несмотря на мотивы или причину. Если ее убьют, ее не будут считать мученицей, потому что мнение закона ясно. Нет другого мученичества, кроме дороги к Богу. Это означает, что мученик будет введен в рай. Я не отбрасываю ценностей националистической борьбы (nidal) против Израиля, но джихад не разрешается женщинам в присутствии мужчин. Не отрицаю право женщин бороться против врага, но мы должны спросить себя, разве все мужчины-националисты ушли и остались одни только женщины и разве их мужья превратились в женщин, а женщины – в мужчин?»¹³⁹ Традиционная позиция насчет женского участия еще раз была подтверждена несколькими годами позже, когда невеста Биляля Фахса, несмотря на свое аргументированное желание присоединиться к нему в мученичестве, не получила на это религиозной поддержки¹⁴⁰.

Несколькими годами позже исламистская позиция в отношении женского участия была защищена шейхом Фадлаллахом, который, изменяя свою первоначальную позицию, оправдал его всецело инструментальными аргументами: «Верно то, что джихад не является долгом женщины, но ислам позволяет женщинам бороться, если нужды дефанзивной войны требуют, чтобы конвенциональные или мученические операции осуществляли женщины. Следовательно, мы верим, что эти женщины-мученицы пишут новую славную историю арабских женщин. Мы отбрасываем всякие резервы по поводу мученических операций, проводимых женщинами»¹⁴¹.

И в Ливане исламская идеология следует той же логике, что в Иране, и эрозирует традиционные образцы и модели семейных и межпоколенческих отношений. Так, например, вдова мученика, которая желает жить отдельно от семьи родителей своего мужа, может это сделать, при этом «Хизбалла» оплачивает расходы¹⁴², а разрешение родителей не рассматривается как решающее для участия детей в самоубийственных терактах.

Является ли все это доказательством в пользу утверждения, что существует связь между исламом и терроризмом? Не прибегая к некорректно упрощенным однозначным ответам, можем сказать, что если такая связь существует, то вряд ли она прямая. Как было видно, ни классическая интерпретация

139 **AI SAFIR**. 1986, 28 July, цитировано по **KRAMER, Martin**. 2004. *Sheikh Obeid, Now Free, on Women Suicide Bombers*. Friday, January 30, http://www.geocities.com/martinkramerorg/2004_01_30.htm

140 **KRAMER, Martin**. 1991. *Sacrifice and Self-Martyrdom in Shiite Lebanon. Terrorism and Political Violence* 3, pp.30-47

141 **KRAMER, Martin**. 2004. *Sheikh Obeid, Now Free, on Women Suicide Bombers*. Friday, January 30, http://www.geocities.com/martinkramerorg/2004_01_30.htm

142 **REUTER, Christopher**. 2004. *My Life is a Weapon. A Modern History of Suicide Bombing*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, p.65

мученичества, ни интерпретация джихада сами по себе не могут побудить к самоубийственному террористическому акту. Несмотря на это, нельзя обойти вниманием факт, что огромное большинство организаций, которые нанимают женщин для самоубийственных операций, действуют в странах, где ислам является преобладающей религией, или сами они определяются и объявляются как связанные с исламом. Скорее всего, можно было бы сказать, что если существует реляция между религией – в данном случае исламом – и терроризмом, то она выражается фактом, что религия – тот фактор, который «определяет выбор в пользу или против использования насилия; «Религия может дефинировать идентичности и мобилизовать гораздо больше, чем любая другая современная сила; и ее комбинация с национализмом производит чрезвычайно пугающие последствия¹⁴³. Объяснение мобилизующего потенциала отчасти можно найти в обстоятельстве, что религиозные доктрины чаще всего идентифицируются их приверженцами – религиозными институтами, которые, в свою очередь, в состоянии «осуществить мобилизацию [среди верующих] независимо от того, религиозны причины конфликта или нет.» Не имея ничего общего с теологической стороной, это связано скорее с социальной организацией, которую ислам, как все религии, создает; религиозные институты – это «место для встреч, средство коммуникации и основа для организации»; другими словами, они являются поставщиками инфраструктуры, которая «поддерживает групповую мобилизацию и организацию, несмотря на мотив, который лежит в основе первой¹⁴⁴. Мобилизирующий ресурс религиозных институтов, особенно фундаменталистских интерпретаций¹⁴⁵, по своему характеру такой же, что и у социальных движений и их организаций¹⁴⁶ – «способность фундаменталистов мобилизовать массы базируется на их способности направлять недовольство людей [и превращать его] в поддержку фундаменталистских организаций, которые претендуют на то, чтобы заниматься этим¹⁴⁷. Подобную позицию разделяет и Juergensmeyer, который считает, что религия может предоставить – и предоставляет – совершителям не только идеологию, но и мотивацию, и организационную структуру¹⁴⁸. Терроризм, однако, имеет не религиозные, а политические (или, по

143 **JOHANSEN, Robert.** 1997. *Radical Islam and Non violence: a Case-study of Religious Empowerment among Pashtuns.* *Journal of Peace Research*, Vol.34, N1, pp.53-71

144 **FOX, Jonathan.** 1999. *Do religious institutions spuort violence or the Status Quo?* *Studies in Conflict & Terrorism*, 22, pp.119-139

145 **McNEIL, W.** 1993. *Epilogue: Fundamentalism and world of the 1990s.* In *Fundamentalism and Society: Reclaiming the Sciences, the Family and Education*, ed by Marty, M. and R. Appleby, Chicago, University of Chicago Press, pp. 578-573; **PISCATORI, J.** 1984. *Accounting for Islamic fundamentalism.* In *Accounting for Fundamentalisms: The Dymanic Character of Movements*, ed, by Mart, M and Appleby, S. Chicago, University of Chicago Press, pp.361-374.

146 **LINKOLN, B.** (ed) 1985. *Religion, Rebellion and Revolucion.* London, Macmillin; **OBERSCHALL, A.** 1993. *Social Movements Ideologies, Interests and Identities.* New Brunswick, Transaction Publishers; **WILLIAMS, R.** 1996. *Religion as a political resource: Culture or Ideology.* *Journal for the Scientific Study of Religion*, 35 (4), pp.368-378

147 Цитировано по **FOX, Jonathan.** 1999. *Do religious institutions spuort violence or the Status Quo?* *Studies in Conflict & Terrorism*, 22, pp.119-139

148 **JUERGENSMEYER, Mark.** 2001. *Terrorismo religioso. El auge global de la violencia religiosa.* Madrid, Siglo Veiniuno, p.5

крайней мере, отличающиеся от религиозных – прим. авт.) цели¹⁴⁹, он не является основной причиной конфликта, а скорее средством, используемым террористами для осуществления своих намерений; религиозная вера, ритуалы и институты конституируют механизм, который облегчает достижение результатов, которые в противном случае не были бы достижимыми¹⁵⁰. По мнению Sosis and Alcorta, это возможно в результате обстоятельства, что религия создает подходящую рамку для конфликта, обеспечивает моральное оправдание, гарантирует награду на вечные времена и, наконец, при помощи своих символов, мифов и ритуалов в состоянии мобилизовать значительное число людей во имя дела. Создание подходящей рамки, по мнению Juergensmeyer, означает, что религия трансформирует политический конфликт в космический, что, в свою очередь, создает представление об участии в трансцендентальном событии, уходящем за эгоистический интерес, и стимулирует готовность к самопожертвованию. Кроме того, что создает исключительно сильную индивидуальную мотивацию¹⁵¹, оно конструирует моральное оправдание и для организаций, которые используют терроризм, отбрасывая при этом всякое подозрение, что в основе их деятельности лежат политические или экономические интересы, и откладывает во времени победу, создавая готовность к отказу от стремления к победе в этой жизни. Моральное оправдание через религию основывается на дихотомии «свои-чужие» и является одним из факторов, которые объясняют высокую летальность при легитимированных религией самоубийственных актах. Согласно Verman и Latini легитимированные религией самоубийственные акты наносят больше жертв, чем светские, причем 90% из них направлены на представителей других религий. Эту позицию поддерживают и другие авторы, которые допускают, что когда религиозные убеждения используются для оправдания насилия, то «последнее ничем не может быть ограничено»¹⁵².

Если сделанные в этой главе предположения о роли религии, а в данном случае – ислама, верны, то следовало бы ожидать следующее. Во-первых, при женском самоубийственном терроризме религия является одним, но не единственным фактором выбора на индивидуальном уровне; возможно, что он не самый важный. Во-вторых, на организационном уровне, религия – не тот фактор, который определяет выбор в пользу самоубийственного терроризма, фактором являются цели, которые организация ставит перед собой, причем эти цели могут включать не только национальную эмансипацию, претензию на контроль над территорией или уход иностранных оккупантов (цели национальной повестки дня), но и такие, которые относятся к укреплению и увеличению ее собственного влияния

149 **PAPE**, Robert. 2005. *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*. New York, Random House

150 **SOSIS**, Richard and Candace **ALCORTA**. 2008. *Militants and Martyrs: Evolutionary Perspectives on Religion and Terrorism*, In *Natural Security: A Darwinian Approach to a Dangerous World*, eds. R. Sagarin and T. Taylor, Berkeley: University of California Press. pp.4-24

151 **DAVIS**, Paul and **JANKINS**, Brian. 2001. *Deterrence and Influence in Counterterrorism*. RAND National Defence Research Institute, NY, pp.1-99

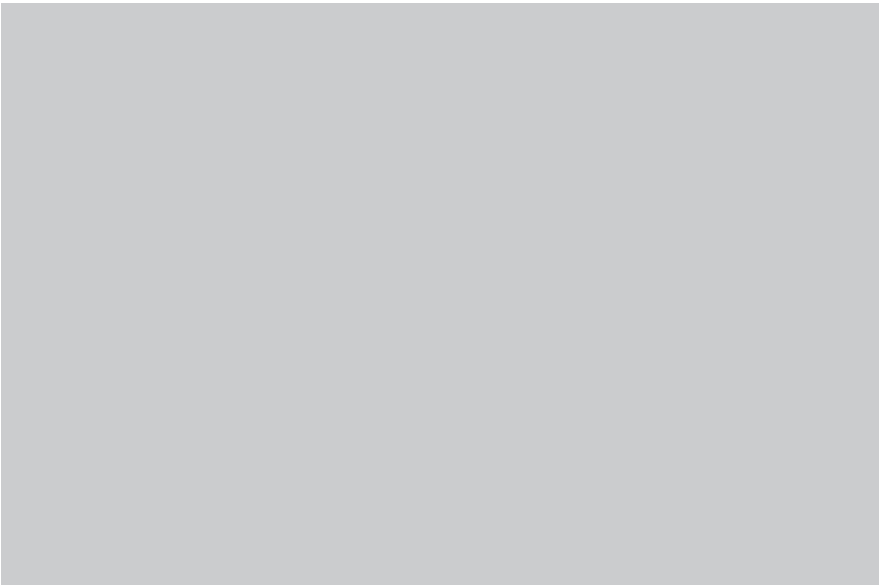
152 **MAYER**, Jean-Francois. 2001. *Cults. Violence and Religious Terrorism: an International Perspective*. *Studies in Conflict and Terrorism*, 24, pp.361-376

и развития, а именно: достижение успеха в политической конкуренции, завоевание лучших позиций на рынке политической лояльности, достижение большей внутренней сплоченности. Если, в свою очередь, это второе предположение верно, то увеличение самоубийственных терактов следовало бы ожидать не только в контексте борьбы за достижение целей национальной повестки дня, но в контексте изменения конфигурации отношений между организациями, соперничающими за лидерскую позицию. И в-третьих, на социальном уровне, самоубийственный терроризм может развиваться и в нерелигиозных обществах или в обществах, где традиционные кодексы обычного права более сильны на уровне влияния, чем религиозные регламентации. Эти предположения будут раскрыты дальше в тексте.

ГЛАВА 4

**ЖЕНСКИЙ САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ,
ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ ЧЕРЕЗ СВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГИИ.
САМОУБИЙСТВЕННЫЕ МИССИИ В ЛИВАНЕ (1985-1987 гг.).
СЛУЧАЙ ШРИ-ЛАНКИ (1987-2008 гг.).
САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ РКК
(РАБОЧЕЙ ПАРТИИ КУРДИСТАНА) В ТУРЦИИ (1996-1999 гг.)**

4. ЖЕНСКИЙ САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ, ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ ЧЕРЕЗ СВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГИИ. САМОУБИЙСТВЕННЫЕ МИССИИ В ЛИВАНЕ (1985-1987 гг.). СЛУЧАЙ ШРИ-ЛАНКИ (1987-2008 гг.). САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ РКК (РАБОЧЕЙ ПАРТИИ КУРДИСТАНА) В ТУРЦИИ (1996-1999 гг.)

4.1 Ливан

Женские самоубийственные миссии в Ливане настолько разнородны, что вряд ли могут рассматриваться как единый феномен. Их совершители принадлежат как к партиям различной ориентации и различных идеологических доктрин, так и к различным вероисповеданиям. Кроме того, их нельзя однозначно привести к знаменателю самоубийственного терроризма, так как некоторые из них совершены во время иностранной оккупации и направлены на военные или связанные с военной инфраструктурой объекты.

Ливан – первая страна, в которой имеет место массовая практика самоубийственных терактов. Согласно израильским источникам, только в 1985 г. в результате 14 самоубийственных терактов убиты 34 ливанца и 6 членов южно-ливанской милиции, причем теракты организованы леваческими или мусульманскими группировками, стремящимися принудить Израиль уйти из зоны безопасности. До середины ноября 1987 г. при совершении 18 взрывов убито примерно 62 человек¹. Среди совершителей есть представители различных вероисповеданий, причем 70% из них христиане². Эта тенденция ясно проявляется и в женских самоубийственных атаках.

Первая женщина, совершившая успешную самоубийственную миссию, это Sana Khyadali (Mehaydali). Она действовала от имени светской Сирийской социально-националистической партии, к которой присоединилась за три месяца до теракта. В момент атаки (8-го или 9-го апреля 1985 г.) ей было 16 лет (родилась 14-го августа 1968 г.). Она взорвалась на управляемой ею машине марки «Пежо», полной взрывного вещества, в израильский конвой недалеко от города Джеззин (Южный Ливан), в результате теракта погибли два солдата, двое были ранены. Мотив, по ее собственным словам, записанным на камеру – мщение зововетелям. По вероисповеданию она была православной христианкой³.

Девятнадцатилетняя Lula Abbud, лидер вооруженной группы сопротивления против израильской оккупации долины Бекаа, тоже была христианкой. 20-го апреля

1 **ANONIMOUS**. 1987. Killed by bomb at Beirut airport. *The Ne York Times*. 12th November <http://www.lexisnexis.com.chain.kent.ac.uk/uk/business/search/newssubmitForm.do>

2 **PAPE**, Robert. 2005. *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*. New York, Random House

3 **BEYLER**, Clara. 2003. *Messengers of Death - Female Suicide Bombers*. <http://www.ict.org.il/index.php?sid=119&lang=en&act=page&id=10728&str=female%20suicide%20terrorism>

1985 г. она самовзрывается в родном городе, прикрывая этим отступление группы, сражающейся с нахлынувшими израильскими воинскими частями⁴. По словам ее близких и родных, родители Лулы были членами Ливанской коммунистической партии, а она была не первой в ее семье, кто совершил самоубийственную миссию.

Другой женский самоубийственный теракт в Ливане осуществлен в «зоне безопасности» на контрольно-пропускном пункте у Рас аль-Байды 9-го июля 1985 г. 28-летней женщиной по имени Kharib Ibtisam. Согласно сведениям, были ранены 6 израильских солдат. На оставленной видеозаписи, где она в форме и с красным беретом на голове, она просит у своих родителей прощения и заявляет свое желание «убить как можно больше евреев и их помощников»⁵.

17-го июля 1986 г. на центральной площади в самом большом христианском городе Южного Ливана Джеззин, который находится в 25 милях от Бейрута и насчитывает около 50000 жителей, самовзорвалась Norma Abu Hassan. Женщине было 26 лет, по профессии она учительница, родом из Zghorta (Северный Ливан), она присоединилась к Сирийской социально-националистической партии в 1984 г. Использовала машину-бомбу. Были ранены 7 штатских лиц, уничтожены две машины и нанесен ущерб нескольким магазинам. Теракт был направлен на ливанцев-коллаборационистов, которые сотрудничали с израильянами.

Другой теракт был совершен и 14-го ноября 1987 г. 37-летней Shagir Karima Mahmud. Она несла взрывное вещество в сумке, и оно взорвалось в AUB Hospital в Бейруте, причинив смерть 7 гражданам и ранив 20. Теракт совершен от имени Сирийской национально-социалистической партии.

11-го ноября 1987 г. около 900 гр. спрятанной в чемодане взрывчатки взорвалось на пассажирском терминале аэропорта в Бейруте. Были убиты 5 человек, а раненых было около 70. Совершительница Sahyouini Soraya принадлежала к группе ливанских суннитов. Так как взрыв был произведен дистанционно, возможно, что женщина не была уведовлена о запланированной операции.

При других двух миссиях были найдены только имена совершителей и возраст одной из них.

Имеющаяся в наличии информация обобщена в трех таблицах и размещена таким образом, чтобы было можно тестировать введенные автором переменные. Результаты следующие.

5 ZEDALIS, Debra. 2004. Female suicide bombers. Strategic Studies Institute, US Army War College, June . <http://www.carlisle.army.mil/ssi/pdf/files/00373.pdf>

Таблица 2 – Успешные женские самоубийственные миссии в Ливане (апрель 1985 г. – ноябрь 1987 г.)

№	Имя	Дата миссии	Место миссии	Раненые	Убитые	Средство	Мишень
1	Sana Khyadali	8 или 9 апреля 1985	Джеззин, Южный Ливан	2	2	Машина с взрывным веществом	Израильский конвой
2	Lula Abbud	20 апреля 1985	Южный Ливан	-	-	Самовзрывается в сражении	Израильские солдаты
3	Kharib Ibtisam	9 июля 1985	Зона безопасности у Рас Аль- Байда	2-6	-	Нет информации	Пропускной пункт
4	Khaierdin Miriam	11 сентября 1985	Хацбайа	2	-	Нет информации	Пропускной пункт
5	Taher Hamidah	26 ноября 1985	Джеззин, Южный Ливан	Нет информации	Нет информации	Машина, примерно со 100 кг взрывного вещества	Пропускной пункт
6	Norma Abu Hassan	17 июля 1986	Джеззин, Южный Ливан	7 штатских	-	Машина с взрывным веществом	Ливанцы, штатские, обвиненные ею в сотрудничестве с Израилем
7	Shagir Karima Mahmud	14 ноября 1987	AUB Hospital в Бейруте	7	20	Врывное вещество в сумке	Больница
8	Sahyouuni Soraya	11 ноября 1987	Международный аэропорт в Бейруте, пассажирский терминал	5	Около 70	Врывное вещество в чемодане	Штатские

* По совершителям, которые фигурируют в верхней таблице под номерами 4 и 5, не было найдено никакой дополнительной информации.

Как видно, успешные женские самоубийственные миссии совершены в период между 1985 и 1987 гг. Начало их использования совпадает с новой расстановкой израильских сил в Ливане в январе 1985 г., официальным объявлением «зоны безопасности» и политикой Iron Fist, которая «оставляет десятки разрушенных сел и тел убитых в назидание всем, кто пытался сопротивляться оккупации»⁶. Это дает основание предполагать, что тактика самоубийственных миссий на организационном уровне используется для достижения целей национальной повестки дня, а именно, прекращения израильской оккупации. Большинство операций осуществлены в Южном Ливане и Бейруте, где последствия от присутствия иностранных оккупантов ощущаются наиболее сильно. В результате терактов ранено 27 человек, а число убитых, среди которых и сами совершители миссий, приближается к 97. Большинство миссий осуществлено с помощью

6 **NORTON**, Augustus. 2000. Hizbullah and the Israeli Withdrawal form Southern Lebanon. *Journal of Palestinian studies*, Vol.30, N 1, (Autumn)

взрывных веществ, скрытых в сумке, одна совершена во время сражения путем самовзрыва, другая – при использовании машины с взрывным веществом. В четырех случаях мишенями являются штатские лица, следовательно, миссии могут быть определены как террористические, несмотря на то, что нет ясности, все ли совершители знали о характере действия.

Являются ли демографические характеристики при самоубийственном выборе значимым фактором – это один из вопросов, на которые настоящее исследование стремится ответить. Их анализ показывает следующие результаты:

Таблица 3 – Успешные женские самоубийственные миссии в Ливане – демографические данные (апрель 1985 г. – ноябрь 1987 г.)

№	Имя	Возраст	Семейный статус	Дети	Образование	Профессиональный статус	Религия
1	Sana Khyadali	16	Незамужем	нет	Средняя школа	Не работает	Христианка
2	Lula Abbud	19	Незамужем	Нет	Средняя школа	Не работает	Христианка
3	Kharib Ibtisam	28	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Мусульманка
4	Khaierdin Miriam	18	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
5	Taher Hamidah	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
6	Norma Abu Hassan	26	Нет информации	Нет информации	Образование выше среднего	Учительница	Христианка
7	Shagir Karima Mahmud	37	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Мусульманка
8	Sahyouni Soraya	20	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Мусульманка

Все совершители в возрасте до 40 лет (между 16 и 37). Пять из них совершеннолетние, одной нет еще 18 лет. Двое из них не замужем, об остальных не было обнаружено сведений. Образовательный уровень относительно высокий – у четырех законченное среднее образование или выше среднего, об остальных информация не найдена. Известен профессиональный статус только одной из авторов терактов – учительница в начальной школы; о других не было найдено сведений. Трое из совершивших успешные самоубийственные миссии – мусульманки, другие три – христианки, о двух не было информации.

За исключением Lula Abbud неизвестно, были ли другим женщинам нанесены потери или травмы (связанные с войной или нет).

Одним из предположений было то, что самоубийственный терроризм в целом и женский в частности являются организованными фономенами. Данные, связанные с ливанским случаем, подтверждают это.

Таблица 4 – Организационное рекрутирование и связь

№	Имя	Связь с организацией	Способы рекрутирования	Обучение
1	Sana Khyadali	Сирийская национально-социалистическая партия	Нет информации	да
2	Lula Abbud	Семья связана с Ливанской коммунистической партией	Нет информации	да
3	Kharib Ibtisam	Просирийские группировки	Нет информации	да
4	Khaierdin Miriam	Нет информации	Нет информации	Нет информации
5	Taher Hamidah	Нет информации	Нет информации	Нет информации
6	Norma Abu Hassan	Сирийская национально-социалистическая партия	Нет информации	Да
7	Shagir Karima Mahmud	Просирийские группировки	Нет информации	Да
8	Sahyouni Soraya	Просирийские группировки	Нет информации	Да

Доступные сведения позволяют заключить, что все перечисленные совершители самоубийственных миссий, о которых была найдена информация, связаны с националистическими партиями. Несмотря на то, что нет сведений о способах рекрутирования четырех женщин, после оценки использованных ими методов, требующих сравнительно высокие технические умения, можно утверждать, что они прошли обучающий тренинг.

Анализ женских самоубийственных миссий в Ливане дает основание сделать следующие заключения. Хотя бы четыре из них можно считать террористическими, так как направлены они на уничтожение гражданских лиц и сооружений. Совершителям под 40 лет, в большинстве случаев они были совершеннолетними, родились преимущественно в Южном Ливане и Бейруте, имели сравнительно высокий образовательный ценз, были связаны с определенными националистическими партиями, среди них есть как мусульманки, так и христианки. Индивидуальная мотивация у них связана главным образом с националистическими факторами, причем заявленный мотив чаще всего – вытеснение израильских войск за пределы страны. Организационный выбор в пользу этой тактики сделан с перспективой на достижение целей национальной повестки дня. Общественная поддержка генерируется разными факторами, преимущественно национально-патриотического характера.

4.2 Турция

4.2.1 Самоубийственные теракты РКК

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ КУРДИСТАНА (РКК) – не единственная организация, которая практикует сегодня самоубийственные террористические миссии в Турции, но ее признают ответственной за большинство из них.

Предметом исследования в этой главе являются женские самоуничтожительные миссии, осуществленные в период между 1996 и 1999 гг. Период определен двумя событиями: первой самоубийственной атакой,

осуществленной женщиной от имени РКК (30-го июня 1996 г., несмотря на противоречивые данные об атаке и совершителе) и последней (5-го июля 1999 г.), реализованной через несколько дней после вынесения смертного приговора Абдулле Оджалану, который впоследствии был заменен на пожизненное заключение. Вскоре после этого лидер партии объявил о прекращении ее существования.

4.2.2 История конфликта: курдский вопрос в Турции

Согласно ряду мнений, курдский вопрос – самый серьезный в почти 90-летней истории Турецкой Республики⁷. Гражданская война в восточной части страны не только ставит под сомнение функционирование турецких демократических институтов, но приводит и к грубому нарушению основных прав и свобод (во время пребывания в юго-восточной части Турецкой Республики почти половину времени курды жили в состоянии военного или чрезвычайного положения). По официальным данным турецкой армии, с 1984 по 1998 г. были убиты 23638 курдов, 5555 бойцов сил безопасности и 5302 штатских лица⁸. За время всего конфликта отнято около 35000 человеческих жизней, приблизительно 3500 курдских населенных пунктов были разрушены⁹, а число внутренних и внешних беженцев достигло 3000000 людей.

Причины конфликта между частью курдской общности и турецким государством следует искать в контексте истории их взаимоотношений, в кемалистском проекте национального строительства Турецкой Республики и, наконец, в процессе конституирования дистинктивной курдской этнической идентичности.

4.2.2.1 Курды – самый большой безгосударственный этнос

Считается, что курды являются наследниками народа, известного под именем кардучи, который (по Ксенофону) к IV веку до н. э. населял горы севернее реки Тигр. Другие авторы считают, что курдский народ возник в результате смешивания различных индоевропейских племен, которые 4000 лет назад мигрировали к горам Загрос¹⁰. (Границы обитаемого курдами ареала менялись со временем, но до сегодняшнего дня горы Загрос, находящиеся между Ираном, Ираком, Турцией и Сирией, остаются фактически его символической сердцевиной). Название курд впервые встречается в VII в., а Курдистан (сегодня используется как географическое понятие) – в XII в., когда сельджукские турки создали провинцию под этим именем, охватывающую часть земель нынешнего Ирана. Курдский язык принадлежит к индоевропейской лингвистической группе, причем два самых

7 CORNELL, Svante. 2001. *The Kurdish question in Turkish politics*. Orbis, Winter 2001, Vol. 45 Issue 1. http://www.cacianalyst.org/Publications/Cornell_Orbis.htm

8 NEW YORK TIMES. 1999. *Nationalism Is Mood in Turkey's Kurdish Enclaves*, 16 May

9 BERMEJO, Laura. 2006. *La trayectoria del terrorismo separatista en Turquía: el partido de los trabajadores turcos (PKK) N°11*, Mayo. UNISCI DISCUSSION PAPERS, pp.1-16. www.fpsobreorientemedio.wordpress.com/2008/02/28/turquia-y-los-kurdosturkey-and-the-kurds/ - 57k

10 YILDIZ, Kerim. 2005. *The Kurds in Turkey*. Pluto Press, p.4

распространенных диалекта – это курмантджи и сорани; курды в Турции говорят в основном на курмантджи, но также и на языке заза. Ислам курды принимают в период между XII и XVI вв., большинство из них сунниты, но есть и шииты и приверженцы алевизма (радикальной шиитской интерпретации ислама, которая, по мнению некоторых исследователей, содержит ряд неисламских элементов). Существуют и незначительные еврейские и христианские курдские общности. 85% курдов проживающих в Турции – сунниты, а остальные 15% – алевиты.

После XI в. курдские княжества присоединяются то к турецкой, то к иранской империям, и таким образом они существуют до 1638 г., пока на основании договора в Касре Ширин Курдистан официально не разделили между двумя империями.

Курдский вопрос приобретает важность после Первой мировой войны, когда Османская империя распалась и на ее месте появились новые государства. Севрский мирный договор (от 10-го августа 1920 г.) предусматривает создание независимого государства Курдистан, которое должно было обособиться до года после его подписания (ст. 64). Он, однако, не входит в силу из-за сопротивления движения во главе с Камалом Ататюрком, которое успело сохранить территориальную целостность обитаемых турками территорий в Анатолу.

На заре своего становления Турецкая Республика не отрицает существования курдского этноса, напротив, она идентифицируется как «национальный договор, включающий районы, в которых живут турецкое и курдское большинство», а в первом Великом национальном собрании есть значительное число курдов, которые официально считаются «курдскими представителями». Хотя бы на словах, если не на деле, воспринимается позиция, что «курды не меньшинство, а нация», вследствие чего «анкарское правительство является насколько турецким, настолько и курдским»¹¹. Сам Камал Ататюрк неоднократно пользовался помощью курдов, подчеркивая, что это «общность борьбы и братства между двумя народами», а в интервью заявил, что «там, где курдов большинство, они будут самоуправляться, если желают этого»¹².

Подписание Лозанского мирного договора (от 24-го июня 1923 г.) отменяет Севрский и разделяет Курдистан между Ираном, Ираком, Сирией и вновь созданной Турецкой Республикой¹³. Сегодня курдов в Иране приблизительно 6,5 млн., в Ираке – 5,5 млн., в Сирии – 360 000, в Турции – 15 млн. (согласно различным оценкам, составляют от 20 до 23% всего населения страны¹⁴), в Армении – 75 тыс.; в Азербайджане – около 200 тыс. и в Грузии – около 40 тыс.¹⁵. В Турции их не признали меньшинством, так как они мусульмане, а в силу этого договора за меньшинство признают только различающиеся в религии группы. Они

11 Цитировано по <http://web.hit.bg/azadi/>

12 Цитировано по **BARKEY, Henri and Graham E. FULLER**. 1988. *Turky's Kurdish question*. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflicts. Rowman & Littlefield Publishers. <http://wwics.si.edu/subsites/ccpdc/pubs/kur/kurfr.htm>

13 **БНТ**. Курды – историческая справка. <http://infocenter.bnt.bg/content/view/full/2082>

14 **YILDIZ, Kerim**. 2005. *The Kurds in Turkey*. Pluto Press, p.2

15 **KURDISH HUMAN RIGHTS PROJECT**. *The Kurds Today*. <http://www.khrp.org/content/view/279/128/>

живут в самой юго-восточной части страны, где доход на душу населения в два раза меньше, чем в остальной части Турции¹⁶.

Курдское националистическое движение развивается сравнительно поздно. Во-первых, это произошло вследствие специфического характера обитаемого курдами ареала. Он преимущественно горный, со слабо развитыми коммуникациями и дорогами и изобилует природными препятствиями, которые физически трудно преодолимы. Продолжавшийся веками кочевнический образ жизни привел к возникновению и оформлению различных курдских диалектов, которые сильно отличаются друг от друга и не всегда понятны всем членам этнической группы. Кроме того, историческая судьба курдов такова, что большая их часть живет изолированно от больших центров империй, чью часть составляет. Все эти обстоятельства, наряду с устойчивыми патриархальными структурами, способствуют созданию общественной организации, основанной на кланах и племенных связях. С полным осознанием этих препятствий турецкое государство прилагает целенаправленные усилия модернизировать курдскую общность; среди предпринятых мер можно отметить: введение стандартизированных образовательных норм и обязательной воинской повинности и распространение основных национальных масс-медиа.

В поисках лучших жизненных альтернатив для себя и своих семей часть курдов оставляет родные места и мигрирует в другие районы страны, иных же насильственно выселяют. Миграционные процессы (добровольного или принудительного они характера) привели к появлению значительных курдских масс (составленных преимущественно из молодых людей) в городах, где они столкнулись с чужим для себя, часто непонятным образом жизни. В этом контексте, леваческие идеологии приобретают специфическую привлекательность для большинства из них, особенно для тех, кто в 1960-х годах учился в турецких университетах¹⁷.

Среди исследователей курдской проблемы существует единодушие, что возникновение РКК отмечает новый этап в движении за национальную эманципацию курдов в Турции. РКК появляется в 1977 г. (согласно некоторым авторам, на год позже) на основе группы вокруг Оджалана, конституированной в 1973 г. В это время ее лидер учился на факультете политических наук Анкарского университета. В учреждении, которое было образовано в деревне Уфа, участвуют, главным образом, студенты курдского происхождения. Первоначально партия имеет облик молодежной, этнической, радикальной организации с несколькими десятками членов (большинство из них из сельских районов, населенных курдами), преимущественно мужчин, что оправдывает применение насильственных действий с марксистско-ленинской идеологией. Партия декларирует, что она борется за марксистское курдское государство и за устранение трайбалистической социальной структуры курдского общества. Рассматривает населенный курдами

16 **YILDIZ**, Kerim and Max **MULLER**. 2008. *The European Union and Turkish Accession*. Pluto Press, p.17

17 **CORNELL**, Svante. 2001. *The Kurdish question in Turkish politics*. Orbis, Winter2001, Vol. 45 Issue 1. http://www.cacianalyst.org/Publications/Cornell_Orbis.htm

регион как находящийся в колониальной зависимости от турецкого государства и объявляет племенных лидеров и компрадорскую буржуазию сотрудниками и помощниками в эксплуатации бедных классов. Защищает революцию как способ «устранения средневековых противоречий в обществе», основанных на феодализме, трайбализме и религиозном сектантстве¹⁸. Ее конечной целью было создание объединенного, независимого курдского государства, которое объединит регионы, населенные курдами в Иране, Ираке, Сирии и Турции. В созвучии с воспринятой ею марксистской идеологией партия декларирует, что стремится к политической и социальной революции с целью трансформирования феодальных структур курдского общества¹⁹. Начинает вооруженные действия в августе 1984 г., причем к этому времени она устанавливает превосходство над остальными курдскими организациями. В целях достижения поставленных задач в 1985 г. создается Фронт национального освобождения Курдистана (Ernk), который должен был рекрутировать бойцов для осуществления разведывательных операций и пропаганды в стране и за ее границами; годом позже закладывает основы Народной освободительной армии Курдистана (Argk)²⁰. Престиж партии увеличивается и благодаря тому, что она противопоставляется традиционному делению и формациям, которые разъединяют курдское население и увеличивают его отсталость. В этом смысле «бунт РКК не только против официальной репрессии, но и против курдской традиции, характеризующейся традиционализмом, феодализмом, трайбализмом и отсталостью»²¹. Несмотря на это, она так и не получила добровольную массовую поддержку населения, часть которого не принимало ее тоталитарный способ действия. Согласно Philips, между 1984 и 1987 г. РКК насильственно уводит и убивает 217 учителей, сжигает сотни деревенских школ, разрушая этим образовательную систему в юго-восточной части; нападает на больницы и разрушает их, убивая медицинских сестер и врачей. В июне 1987 г. уничтожает жителей деревни Пирачрик, среди которых 12 детей, из-за того, что не поддерживали ее деятельности. В свою очередь, так называемый «партизанский самоубийственный отряд» берет на себя ответственность за 21 самоубийственную атаку, осуществленные в период 1995-1999 г., во время которых погибают и штатские лица. Такие же крутые нарушения человеческих прав допускают и силы правительства. В 1995 г. в юго-восточной части расположены 150000 военнослужащих и служащих служб безопасности. Спонсированные государством «эскадроны смерти» причиняют смерть сотням сторонникам РКК²². Между 1989 и 1996 г. около 1500 человек, связанных с курдской оппозицией, стали жертвами нераскрытых убийств; за период с 1991 по 1997 г. число бесследно исчезнувших

18 Цитировано по **GUNTER, Michael**. 1990. *The Kurds in Turkey.. A Political Dilemma*. Boulder, Colo. Westview Press, 1990, p. 60.

19 **BARKEY, Henri and Graham E. FULLER**. 1988. *Turky's Kurdish question*. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflicts. Rowman & Littlefield Publishers. <http://wwics.si.edu/subsites/ccpdc/pubs/kur/kurfr.htm>, p. 23

20 **GUNTER, Michael**. 1997. *The Kurds and the Future of Turkey*. New York: St. Martin's Press, 1997, pp. 29-35

21 **ERGUL, Dogu**. 2000. *Suicide terrorism in Turkey. Civil wars, Vol.3, N1*, pp. 37-54

22 **KINZER, Stephen**. 2006. *The Big Change*. *The New York Review of Books*. January 12

приблизилось 500 человек, и многие из них курды²³. Как показывают исследования общественного мнения, большинство курдов предпочитают жить в мире с турками в границах государства и убеждены, что курдская общность может добиться своих целей политическими средствами²⁴.

К началу 1990-х гг. РКК уже располагает около 20000 хорошо обученных (согласно другим сведениям – около 17000) боевиков, причем предполагается, что одна треть их были женщины²⁵. Ее политическая элита почти целиком подменена – большинство ее учредителей были или убиты в военных операциях, или уничтожены самим Оджаланом. Партия достигла пика своей деятельности в период 1991-1993 гг., который совпал с приходом во власть и началом управления Партии верного пути.

К середине 1990-х гг. наступили перемены в политической ориентации РКК. Партия рассталась с марксистской риторикой, и ее дискурс приобрел почти целиком националистический характер. Осуществленная трансформация может иметь хотя бы два объяснения. Первое имеет в виду опыт РКК привлекать больше молодежи в свои ряды, предлагая им понятную и доступную идеологическую перспективу (для большинства из них марксизм чужд и непонятен). Второе объяснение, вероятнее всего, связано с желанием разграничиться от потерпевших крах в конце 1980-х гг. коммунистических режимов. РКК отказывается от своей конфронтации с исламом, много лет определяемым ею как «опиум для народа» и декларирует, что воспринимает его как часть идентичности курдов; в то же время, в ее публичном дискурсе появляются предложения, направленные на урегулирование курдского вопроса на границах Турции и отказ от утверждения, что она является единственным законным представителем курдского народа в стране. Многие из указанных перемен институционализированы на состоявшемся в 1995 г. партийном съезде²⁶. Несмотря на это, партия не отказывается от вооруженного насилия и продолжает осуществлять как партизанские нападения, так и теракты, такие как: насильственный увод и похищение иностранных туристов, убийства турецких и умеренных курдских лидеров, самоубийственные теракты и нападения на полицейские объекты и штатских лиц.

16-го февраля 1999 г. лидер партии был захвачен в Найроби (Кения²⁷) и посажен в тюрьму строгого режима на острове Имрали в Мраморном море. Там он отказался публично от идей, которые в течение десятилетий вдохновляли курдское вооруженное сопротивление. Годом позже из тюрьмы он отправил призыв к партии

23 **TURKISH HUMAN RIGHTS ASSOCIATION**. 2004. *Annual Report 2004*.

24 **PHILIPS, David**. 2007. *Disarming, demobilizing and reintegrating the Kurdistan Worker's Party*. National Committee on American Foreign Policy. <http://www.ncafp.org/aboutus/pressreleases/articles/PKKFINALReport10-15.pdf>

25 **OZCAN, Nihad**. 2007. *PKK Recruitment of Female Operatives*. *Terrorism Focus*. Volume 4, Issue 28, September 11, <http://www.jamestown.org/terrorism/news/article.php?articleid=2373638>

26 **BARKEY, Henri and Graham E. FULLER**. 1988. *Turky's Kurdish question*. *Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflicts*. Rowman & Littlefield Publishers. <http://wwics.si.edu/subsites/ccpdc/pubs/kur/kurfr.htm>, p. 25

27 **CORNELL, Svante**. 2001. *The Kurdish question in Turkish politics*. *Orbis*, Winter 2001, Vol. 45 Issue 1. http://www.cacianalyst.org/Publications/Cornell_Orbis.htm

о прекращении огня, который в феврале 2000 г. принял форму официальной декларации. Считается, что с этого момента PKK перестает существовать как вооруженная организация трансформируется в легальную партию, меняя свою структуру и название на Kadek – Конгресс свободы и демократии Курдистана. Основы этого процесса были заложены во время ее VIII съезда, состоявшегося в апреле 2003 г. Ее лидером становится Оджалан, который по этому поводу заявляет в суде, что PKK боролась за справедливое дело, но оказалась неспособной обновиться и была вовлечена в террор, развернувшийся во время войны. После четырехлетнего перерыва в борьбе, к концу 2003 г., курдское вооруженное сопротивление активизировалось, и в июне 2004 г. был положен конец перемирию. С того времени до мая 2005 г. из тренировочных лагерей Северного Ирака в Турцию перебросились около 500 партизан и, таким образом, число курдских вооруженных милиций приближается к 5000²⁸. Несмотря на это, согласно BRANDON, партия не перестала отправлять послания, что стремится к участию в мирном политическом процессе, который гарантировал бы гражданские права и в какой-то степени автономию, как и право самоуправления курдов на границе турецкого государства²⁹. Приглашение Турции начать переговоры об ассоциировании в ЕС усложнило ситуацию, в которой действует PKK, и ставит перед страной новые вызовы.

4.2.3 Анализ на организационном уровне

Одни из главных вопросов, которые ставит исследование самоубийственного терроризма PKK, это – почему партия выбрала эту форму насилия; в чем заключается ее влияние на индивидуальный выбор ее членов и каковы рычаги, которые она использует, чтобы создать необходимую мотивацию. На все эти вопросы есть много ответов. Существуют свидетельства, что некоторых из женщин принуждали выполнять подобные миссии, а отказ от исполнения наказывался смертью. Ergil утверждает, что ни один из совершителей самоубийственных терактов не был добровольцем. Такую вероятность нельзя исключать. Несмотря на это, вряд ли санкция и насилие в состоянии объяснить индивидуальное решение во всех известных случаях. Скорее всего, налицо основания принять, что партия в состоянии была воздействовать на своих членов, большинство из которых были уроженцами деревень и, используя групповую динамику, предефинирует их жизнь, ценности и ориентацию и санкционирует групповые нормы и солидарность. В подобной ситуации любая другая моральность, за исключением групповой, не имеет значения, а в рамках этой моральности член группы является невинной жертвой, у которой есть все права отомстить за тех, кто виктимизирует ее. Таким образом, группа становится убежищем, а угроза быть лишенным его воспринимается как более страшная, чем физическое уничтожение. Ergil заключает, что в подобных обстоятельствах самоубийственные теракты могут

28 **БЕЗ АВТОРА**. 2005. Новая курдская угроза // *Капитал* – № 20. от 21 мая.

29 Цитировано по **BRUNO, Greg**. 2007. *Inside the Kurdistan Workers Party (PKK)*. 19 October. Council on Foreign Relations. http://www.cfr.org/publication/14576/inside_the_kurdistan_workers_party_pkk.html

быть всего-навсего ответом на призыв харизматического лидера, чьи приказы не подлежат сомнению³⁰.

Существуют разногласия по вопросу, когда РКК решила начать использовать самоубийственные теракты. Одни считают, что решение было принято на V съезде, который состоялся в Северном Ираке с 8-го по 27-е января 1995 г. и подтверждено на встрече в марте следующего года³¹. По мнению других, это произошло в середине 1996 г., несмотря на то, что призывы к самоубийственным терактам слышались в изъяснениях ее лидера несколькими месяцами раньше³². Реализация в практике этого решения привела к 21 самоубийственному теракту, 15 из которых были успешными, причем 11 из них осуществили женщины, а 6 были предотвращены. В результате 19 человек было убито, ранено 138³³.

Решение РКК обусловлено разными факторами. Первый относится к спаду деятельности организации, ухудшению связи с симпатизантами, множеству случаев дезиртирства и задержания большого числа активистов полицией и силами безопасности. Пятый съезд укрепляет новую позицию, что тактика самоубийственных терактов приведет к изменению этого неблагоприятного положения и будет способствовать возвращению стратегического преимущества, которое было у курдской милиции в регионе в период 1991-1993 гг.³⁴.

Вторая причина связана с углублением силовых асимметрий между РКК и турецкой армией, причиненными начавшимся процессом реформ и перевооружения последней. Это принудило РКК прибегнуть к изменениям своей боевой тактики, поскольку старые методы ведения партизанской войны, такие как атаки, засады и похищения оказываются все менее результативными в измененных условиях. Таким образом, самоубийственные теракты начинают рассматриваться как новость, которая внесла бы новый импульс в ее философию и деятельность. Первоначально ожидания относительно этой инновации оправдываются, так как ни армия, ни силы безопасности не были подготовлены реагировать, а еще меньше – эффективно действовать против этой формы экстремального насилия.

Боевые поражения, однако, оказывают отрицательное влияние на дух организации и на общество, чьи интересы она претендует представлять. Вот почему Schweitzer не без основания считает, что РКК, возможно, выбирает самоубийственные теракты в качестве «способа повернуть обратно эту тенденцию и повысить дух своих бойцов. Следовательно, самоубийственные миссии используются как консолидирующий инструмент»³⁵.

30 **ERGIL, Dogu.** 2003. *Suicide terrorism in Turkey. Civil Wars. Vol3, N1, (Spring), pp.37-54*

31 **ANONIMOUS.** 2008. *Suicide Attacks: A Case Study in Turkey. TIPS Connections* http://www.tipsconnections.org/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=1072

32 **ANONIMOUS.** 1996. *Patterns of global terrorism 1996.* http://fas.org/irp/threat/terror_96/europe.html

33 **ERGIL, Dogu.** 2000. *Lecture at ICT Conference: Countering Suicide Terrorism. February.* <http://www.ict.org.il>

34 **ANONIMOUS.** 2008. *Suicide Attacks: A Case Study in Turkey. TIPS Connections* http://www.tipsconnections.org/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=1072

35 **SCHWEITZER, Yoram.** 2000. *Suicide terrorism: development and characteristics. A lecture delivered in the international conference on countering suicide terrorism at International policy institute for counter-terrorism, Herzeliya, Israel, February.* <http://www.ict.org.il/Articles/tabid/66/Articlsid/42/currentpage/19/Default.aspx>

Выступая в пользу самоубийственного терроризма, РКК, вероятно, рассчитывала на шоковый эффект на общественное мнение Турции – страны, где традиций самоубийственных миссий не существует – и на его давление на либерацию политических отношений с курдской общностью³⁶. Выбор, однако, не принес ожидаемой поддержки. Это связано как со специфичностью культурного контекста (курды – мусульмане, а ислам не одобряет самоубийства), так и с гибкой политикой турецкого правительства, сочетающей применение силовых методов с осуществлением широкой программы социально-экономического развития. В юго-восточную часть страны инвестируются приблизительно 32 млрд. долл., что намного больше инвестиций в любой другой регион страны³⁷.

4.2.3.1 Женщины в РКК

Как и другие террористические организации, РКК прибегает к использованию женщин из-за стратегических и пропагандных преимуществ, которые их участие несет. Позиции, которые они занимают, ясно видны в неоднократных декларациях Оджалана о том, что партия должна бороться за их социальное освобождение, за свободу и равноправие. Следует признать, что осуществление подобных намерений в традиционном обществе – задача не из легких. В них «лояльность к партии и равенство полов не означает ничего», и люди не видят смысла в том, «чтобы присоединиться к нелегальной организации, совершать преступления и изменять социальный порядок», а предпочитают «безопасность их племен и семейств»³⁸. Эти реальные трудности объясняют, почему до конца 1980-х гг. женское присутствие в партии скорее исключение, чем правило. Они ставят организацию перед огромным вызовом, с которым она успешно справляется, противопоставляясь, с одной стороны, установленным культурным нормам, а с другой – своевременно адаптируясь к ним. По мнению Ozcan, нужда в подобной культурной гибкости объясняет некоторые тактические действия организации и ее лидера: «Он (Оджалан) признает, что феодальные и трибальные структуры должны быть разрушены и обессилены, чтобы можно было рекрутировать новых членов. Это можно сделать, с одной стороны, путем увеличения эвакуации деревень, а с другой – изменив социальный статус женщин, которые находятся на дне социальной племенной иерархии. Это привело бы к исчезновению традиционной племенной и семейной систем и, следовательно, лояльности людей к ним. Так как партия замещает племя, Оджалан, в качестве лидера партии, замещает племенного вождя»³⁹. Анализ деятельности РКК и механизмов принятия решения показывает, что именно использование традиционных

36 **MERRI, Ariel.** 2000. «*Terrorism and Threats to U.S. Interests in the Middle East*» House Committee on Armed Services, July 13

37 **ZAKARIA, Fareed.** 2003. *Suicide Bombers Can Be Stopped*, Newsweek, August 25

38 **ANONIMOUS.** 2002. *Tribal and Kinship Relations of Kurds*. Istanbul, Iletisim. (на турецку език). Цитирано по **OZCAN, Nihad.** 2007. *PKK Recruitment of Female Operatives*. *Terrorism Focus*. Volume 4, Issue 28, September 11, <http://www.jamestown.org/terrorism/news/article.php?articleid=2373638>

39 **OZCAN, Nihad.** 2007. *PKK Recruitment of Female Operatives*. *Terrorism Focus*. Volume 4, Issue 28, September 11, <http://www.jamestown.org/terrorism/news/article.php?articleid=2373638>

механизмов представляет непоколебимую основу культа личности вожака, установленного в одной претендующей быть современной партии. Если принять во внимание то обстоятельство, что члены РКК живут относительно изолированно, в закрытой среде и без контактов с внешним миром, становится ясно, почему они воспринимают беспрекословно внушения своего руководителя о том, что делать, как жить и как умереть⁴⁰.

Другой важный вопрос анализа на организационном уровне – это идентификация социальных групп, из которых рекрутируются женщины. Обзор социального состава партии и ее вооруженного крыла дает основание заключить, что по своему происхождению женщин можно разделить на три группы. Первые – выходцы из сельских областей с феодальной и доминированной мужским началом культурой, в которой женщин «определяют как людей второго сорта». Во вторую группу входят обычно дочери семей из западных турецких городов или переселенки в них и, будучи таковыми, они являются носителями современной, эмансипированной от традиции и культуры. Наконец, представительницы третьей группы происходят из семейств, эмигрировавших в начале 1960-х годов за границу. Некоторые исследователи утверждают, что есть и четвертая группа, в которую входят похищенные женщины, которые были насильственно уведены из их семей, причем сами семьи на этом основании были вынуждены сотрудничать с партией.

Пропагандный эффект женского самоубийственного участия является другим фактором, который определяет организационный выбор в пользу самоубийственного терроризма. Некоторые считают, что использование женщин стимулирует рекрутирование мужчин: «...образ воюющей женщины внушает идею, что нет достаточно много отважных мужчин и, таким образом, подталкивает вторых принимать роль будущего самоубийцы... Женщины делают страшную пропаганду»⁴¹. В этом смысле, вполне понятно, почему, по мнению лидеров РКК, женская квота в вооруженных милициях не меньше 40%⁴².

4.2.4 Индивидуальная мотивация

Кульминация самоубийственных миссий, в том числе и осуществленных женщинами, наблюдается в период между арестом Оджалана в Кении и вынесением ему смертного приговора 29-го июня 1999 г., причем, последняя самоубийственная миссия протестной волны была совершена 5-го июля 1999 г., незадолго до прекращения существования партии в феврале 2000 г. К сожалению, только о 7 из 11 самоубийственных терактов была найдена доступная информация, которая дает известное представление о личности совершителей и их мотивации.

Существуют споры насчет того, кто и когда совершил первый самоубийственный теракт от имени РКК. Согласно некоторым мнениям, такой

40 **ERGIL**, Dogu. 2003. *Suicide terrorism in Turkey. Civil Wars. Vol3, N1, (Spring), pp.37-54*

41 **ANONIMOUS**. 2008. *Increase in female bombers rises concerns. 4th January, CBS News, http://www.cbsnews.com/stories/2008/01/04/iraq/main3677485.shtml?source=related_story*

42 **HAYNES**, Debora. 2007. *The women rebels who are ready to fight and die for the Kurdish cause. 23rd October. Tmesonline, <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/iraq/article2719702.ece>*

осуществлен в мае 1996 г. (другие же источники отмечают, что в июне или даже в октябре). Одна из версий сообщает, что совершителем была 17-летняя Leyla Kaplan. Мишенью явилась военная база, где было убито 8, ранено 29 военнослужащих. Девушка была из многодетной семьи, она окончила гимназию, у нее было семь братьев и сестер. Школьные друзья говорили, что она отличалась затрудненной коммуникацией. До этого ее арестовывали несколько раз за укрытие террористов. К моменту теракта ее супруг отбывал тюремное заключение за террористическую деятельность. После его задержания она присоединяется к РКК и принимает участие в ее действиях в сельских районах. Считается, что ее основным мотивом было месть, а также и желание укрепить свое имя и позицию в организации⁴³. Согласно другой версии, первый самоубийственный теракт был совершен женщиной по имени Зейнаб Киначи (можно читать и как Кинаси или Кинали). К моменту миссии ей было 24 года. Турецкие СМИ, основывающиеся на рассказах двух медицинских сестер, которые утверждали, что жили с ней в одном доме в Малатьи (Восточная Турция), сообщают, что она находилась под медицинским наблюдением как душевнобольная, и к моменту совершения самоубийственного теракта была беременной. Медсестры утверждали, что не знали о ее связях с РКК⁴⁴. По данным курдских источников и специального агентства DEM, находившегося в Германии, девушка была студенткой, а ее супруг – членом РКК и заключенным в южном городе Адана⁴⁵. Очевидец, цитированный СМИ, рассказывал, что в момент миссии девушка, одетая как беременная женщина, выкрикивая националистические лозунги, бросилась на солдат во время военной церемонии, связанной с поднятием национального флага пред памятником Ататюрку в парке, носящем его имя. Бомба сработала почти мгновенно⁴⁶. Она была прикреплена к ее телу, которое разорвалось от взрыва. По словам официального представителя турецкой армии, через 15 минут взрывается вторая бомба, которая была у нее в руке⁴⁷. Согласно упомянутому курдскому новостному агентству, совершительница оставила послание, в котором она просит, чтобы мир поддержал курдское сепаратистское дело: «Я обращаюсь ко всему миру. Откройте глаза! Этим своим действием я попытаюсь выразить желание моего народа добиться свободы и совершить покушение против врага». По курдским источникам, она была членом РКК. Но так как оба описания имеют мало общего, есть мнение, что речь идет о двух разных самоубийственных миссиях.

29-го октября 1996 г. совершен женский самоубийственный теракт, причинивший смерть совершителю и ее сопровождающему, трем полицейским и

43 **ANONIMOUS.** 2008. *Suicide Attacks: A Case Study in Turkey.* TIPS Connections http://www.tips-connections.org/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=1072

44 **ANONIMOUS.** 1996. *Kamikadze kills 9 Turkish soldiers.* QNP, Copyright 1996, Nationwide News Pty Limited Courier Mail (Queensland, Australia), July 2, Tuesday

45 **ANONIMOUS.** 1996. *Suicide bomber leaves final message.* QNP, Copyright 1996 Nationwide News Pty Limited Courier Mail (Queensland, Australia), July 3, Wednesday

46 **ANONIMOUS.** 1996. *QNP, Copyright 1996, Nationwide News Pty Limited Courier Mail (Queensland, Australia), July 2, Tuesday*

47 **KAMIKAZE KURD KILLS 9 TURKISH SOLDIERS,** QNP, Copyright 1996 Nationwide News Pty Limited, Courier Mail (Queensland, Australia), July 2, 1996, Tuesday

одному гражданину и ранивший 10 человек. Теракт произошел в г. Сивас перед полицейским участком во время чествования Дня республики⁴⁸. Женщина вместе с ее двумя партнерами задержана и отвезена в полицейский участок, откуда их транспортировали в отдел по антитерроризму. Она взрывается во время перевозки в полицейской машине, задействовав взрывной механизм, прикрепленный к ее телу. Это первая атака, в которой мишенью были высокопоставленные офицеры, а не штатские лица, военнослужащие или служащие сил безопасности⁴⁹.

В ноябре 1998 г. женщина совершила самоубийственный теракт перед командованием жандармерии в квартале Hakkari's Yuksekova. Смертница умирает на месте, а один офицер и 12-летний мальчик тяжело ранены, причем офицер увезен в больницу в критическом состоянии. Комментируя инцидент, местные военные утверждали, что террористка планировала самовзорваться поблизости командования жандармерии в момент, когда жандармейская часть готовится уйти из здания. Именно преждевременное выполнение миссии позволило избежать более серьезного кровопролития. Считается, что женщина самовзорвалась в знак протеста против задержания Оджалана в Италии⁵⁰.

24-го декабря 1999 г. в Ване, городе, расположенном на границе с Ираном и Ираком, осуществлен женский самоубийственный теракт, чьей мишенью был военный автобус, перевозивший персонал. Убит один человек и 24 ранены. Совершителем была студентка, которая бросила университет, чтобы присоединиться к РКК. Один из ее братьев был тоже членом партии⁵¹. Предполагается, что таким образом она протестовала против задержания Оджалана⁵². 4-го марта 1999 г. в Батмане, перед полицейским управлением была замечена подозрительного вида беременная женщина. Она задействовала взрывчатку, прикрепленную к ее телу, когда выяснилось, что не сможет проникнуть в полицейский участок. Через три дня после теракта РКК принимает ответственность за него⁵³.

28-го марта 1999 г., накануне мусульманского праздника Idal-Adha⁵⁴, Saime Kiliç совершает самоубийственный теракт в престижном стамбульском квартале Тасим. Этот теракт тоже был выражением протеста против задержания Оджалана.

По данным корпорации РАНД, 4-го или 5-го июля 1999 г. 19-летняя девушка самовзорвалась от имени КРП (*Курдская рабочая партия*) перед полицейским участком в г. Адана. От взрыва пострадали 14 человек – 11 служащих сил

48 **TURKISH PRESS REVIEW**. 1996. 30th October. <http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/CHR/ING/10/96x10x30.TXT>

49 **ANONIMOUS**. 2008. *Suicide Attacks: A Case Study in Turkey*. TIPS Connections http://www.tips-connections.org/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=1072

50 *Global News Wire*. *Turkish Daily News*. November 18, 1998

51 **ANONIMOUS**. 2008. *Suicide Attacks: A Case Study in Turkey*. TIPS Connections http://www.tips-connections.org/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=1072

52 **ANONIMOUS**. 1998. *Kurdish rebel blows up Turkish military bus, two killed, 21 wounded*, Associated Press Worldstream, December 24, Thursday

53 **ANONIMOUS**. 2008. *Suicide Attacks: A Case Study in Turkey*. TIPS Connections http://www.tipsconnections.org/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=1072

54 **ANATOLIA NEWS AGENCY**. 1999. *Istanbul governor say Kurdish rebels' intentions filed*. Ankara, 28th March

безопасности и трое штатских. Полицейскому участку тоже был нанесен вред. Это была первая террористическая атака после того, как Оджалана приговорили к смерти в конце июня 1999 г. По словам очевидцев, в теракте участвовал и второй человек, помощник совершителя⁵⁵.

На основании описанных выше казусов можно сделать определенные выводы относительно мотивации совершителей женских самоубийственных миссий. Первый касается обстоятельства, что в курдском вопросе религиозный фактор не имеет решающей роли для индивидуального выбора; существуют, однако, различия в мнении, есть ли вообще такая, и если есть, какая она. Согласно Merari, религия и религиозность, как и вера в жизнь после смерти, не валидны при объяснении самоубийственных атак, осуществленных членами РКК, которые скорее руководствовались националистическими, патриотическими или другими не религиозными мотивами⁵⁶.

Этот взгляд разделяют и другие авторы, среди которых Hudson⁵⁷. По мнению Ergil, однако, макрорелигия не является основным фактором в казусе РКК, потому что ее элементы наряду с готовностью умереть за священное дело представляют часть «культурной инфраструктуры» самопожертвования. Ergil, скорее всего, имеет в виду религиозную концепцию мученичества в состоянии войны, которой и турки, и курды, как мусульмане, придерживаются. Его идея заключается в том, что, оба влияния взаимно усиливаются и подготавливают почву принятия самопожертвования во имя коллективной борьбы за более высокие идеи⁵⁸. Второе предположение не лишено оснований, имея в виду то, что, несмотря на светский характер организации, на индивидуальном уровне нет данных об антирелигиозных или исключающих религиозный мотив изъявлениях.

Согласно одной из существующих гипотез, индивидуальный выбор в пользу самоубийственного терроризма является результатом специфической партийной пропаганды и способов индоктринирования. С начала 1990-х гг. РКК проводит огромную работу по привлечению женщин к вооруженным формам борьбы, работу, которая скоро дала свои плоды. Женщины откликнулись на призыв партии стать членами вооруженной милиции, с одной стороны, потому что это был один из немногих шансов занять лидерские позиции в политической организации или вооруженной структуре⁵⁹, которая помогла бы им добиться такой позиции среди своей общности, какую ни в каком другом случае не смогли бы занять. В этом отношении героизирование актов самоуничтожения и ресурсов, которыми РКК располагает, чтобы осуществить их, имеют первостепенную важность. В качестве

55 www.tkb.org/incident

56 **MERARI**, Ariel. 2000. «*Terrorism and Threats to U.S. Interests in the Middle East*,» House Committee on Armed Services, July 13

57 **HUDSON**, Rex. 1999. *The sociology and psychology of terrorism: who becomes terrorist and why? Report prepared under Interagency agreement by the Federeal Research Division, Library of Congress, Washington, DC*

58 **ERGIL**, Dogu. 2003. *Suicide terrorism in Turkey. Civil Wars. Vol3, N1, (Spring), pp.37-54*

59 Журналист Paul Schemm свидетельствует о наличии женщин-лидеров в боевых соединениях РКК. **SHEMM**, Paul. 2006. *The women of the PKK. 28th November, <http://rastibini.blogspot.com/2006/11/women-of-pkk.html>*

примера можно отметить случай с Vian Jaf, иракчанкой курдского происхождения, которая в феврале 2006 г. совершила акт самосожжения недалеко от иракско-турецкой границы в знак протеста против плохого отношения к курдам в Турции. Несмотря на утверждения лидеров РКК, что они не поощряют подобных действий, организация подготавливает и издает плакаты с изображением Jaf, которые распространяет среди турецкой курдской общности⁶⁰.

Тезис о силе пропаганды широко поддерживается официальными турецкими властями и не лишен основания. В то же время, вряд ли можно предположить, что сами по себе прапаганда и индоктринирование в состоянии довести до преодоления одного столь мощного инстинкта, каким является инстинкт самосохранения, несмотря на то, что, как выяснилось в одной из предыдущих глав, имитация имеет свое место в осуществлении самоубийственного выбора. Техники воздействия эффективны, если они активируют аспекты уже приобретенного жизненного опыта, связанного с причиненными страданиями, унижениями и другими ранящими идентичность событиями. Это ведет к следующей объяснительной гипотезе – гипотезе мести.

Концепцию мщения можно принять в качестве основной, отметив то, что в трех из рассмотренных случаев налицо близкородственная или брачная связь с лицами, репрессированными турецким государством. В то же время, она не объясняет, почему женщины выбирают именно этот способ мщения, имея в виду то, что членство в РКК открывает широкие возможности такого действия – от масштабных вооруженных партизанских акций до политических убийств турецких и курдских лидеров, и к тому же активно поощряет участие женщин в них.

Перед теми же вызовами встает и объяснительная рамка, конструированная на основе националистического мотива, который, без сомнения, занимает важное место в решении присоединиться к РКК и участвовать в применяемых ею формах борьбы. Это предположение подтверждается данными интервью Memri, в котором корреспонденты упоминают неоднократно о «суровых страданиях курдских женщин в Турции», о «систематической политике турецких властей не выпускать женщину из дома, лишить ее возможности учиться и ограничить ее социальные права», о запрещении употреблять родной язык, об ограничении образовательных прав и т. д. Одна из интервьюированных женщин подчеркнула следующее: «Будучи молодой женщиной курдского происхождения, вместе с миллионами таких как я, я страдаю от запрета говорить на родной земле на родном языке. В гимназии я училась на «отлично»; мои знания позволяли мне поступить в медицинское училище, но турецкие власти подвергли меня такому невыносимому давлению из-за моей курдской национальности, что я была вынуждена отказаться учиться дальше»⁶¹. В индивидуальной мотивации женщин-членов РКК, однако, относительно ясно видна связь этно-национальных с социальными мотивами, которая связывает борьбу за национальную эманципацию с борьбой за

60 **SHEMM**, Paul. 2006. *The women of the PKK*. 28th November, <http://rastibini.blogspot.com/2006/11/women-of-pkk.html>

61 **MEMRI**. 2007. *Kurdish women PKK fighters: The Turks refuse to speak to us* 21st November. <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2007/11/turkeykurdistan1542.htm>

социальную. Другая из интервьюированных женщин, Memgi, заявила следующее: «Курдские женщины, живущие в Турции, находятся под тремя видами давления. Первое – из-за их курдской этнической принадлежности, второе – из-за того, что они женщины, третий вид давления порождается отсутствием социальной справедливости и равенства между полами. Присоединившись к РКК, мы сможем корректировать эти несправедливые аспекты нашей жизни. ...Речи и лекции нашего лидера Оджалана глубоко впечатлили меня, наполнили надеждой, что когда-то мы обогатимся добродетелями партии...»⁶².

Ясно осознаваемая связь между националистическим и социальным аспектами дела снова ставит вопрос, можно ли рассматривать женские самоубийственные акты как выражение стремления курдских женщин к большему равноправию и свободе. Как и в остальных рассмотренных случаях женского самоубийственного террора, феминистский объяснительный тезис один из самых оспариваемых. Горячо защищаемый одними, и с не меньшей страстью отбрасываемый другими, он ставит нас перед вызовом «расшифровки» восприятия равенства полов и жизненных шансов в контексте различных культур и границ женской свободы, такой, какую понимают ее в современной западной интерпретации. Не впадая ни в какую из этих крайностей, можно утверждать, что участие в вооруженных формах борьбы, хотя бы в отношении курдского вопроса, на первый взгляд, расширяет поле женской свободы. Присоединение к вооруженной милиции РКК позволяет женщинам избежать давления семьи, связанного с урегулированием полигамных браков, которые принуждают их к сожительству с более взрослыми мужчинами⁶³ и ставят их в рамки культурной парадигмы, где единственная существенная функция женщин – репродуктивная. По свидетельствам Shemm, РКК внушает идею о защите прав женщин и расширении их свободы разными способами, в том числе и путем создания женских академий человеческих прав, причем таким образом он создает собственный военный феминизм⁶⁴.

Подтверждают ли наличные факты, что женщины-члены РКК действительно воспринимают свое участие в организации как расширение границ своей свободы? На основании доступных материалов можно было бы утверждать, что, по крайней мере, в некоторых случаях ответ положительный. Г-жа Arshem Kurman, одна из военных и политических лидеров организации, описывая трудности общественной реализации женщин в традиционном обществе, каким является курдское, подчеркивает: «Когда женщина уходит из дома и берет ружье, это не шутка, это уже социальная революция. Мы открываем глаза курдскому обществу. ...В этом заключается важность самоубийственных актов – они придают тяжесть нашему

62 **MEMRI**. 2007. *Kurdish women PKK fighters: The Turks refuse to speak to us* 21st November. <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2007/11/turkeykurdistan1542.htm>

63 Без автора. Доклад о деятельности и послание Первого женского съезда, Северный Ирак, 1995. цитировано по OZCAN, Nihad. 2007. *PKK Recruitment of Female Operatives*. *Terrorism Focus*. Volume 4, Issue 28, September 11, <http://www.jamestown.org/terrorism/news/article.php?articleid=2373638>

64 **SHEMM**, Paul. 2006. *The women of the PKK*. 28th November, <http://rastibini.blogspot.com/2006/11/women-of-pkk.html>

делу и заставляют мужчин воспринимать нас всерьез. ...Женщины умирают каждый день – какой лучший повод, чем этот можно найти, чтобы отправить послание?» Она считает, что это показывает, на что способны женщины, а путем предоставления возможности образования и равенства партия создает в глазах курдского общества альтернативную модель женщины зоны Ближнего Востока. Кроме того, она считает, что женщины, осуществившие самоубийственные акты, должны стать символами гордости для курдов как за их моральное превосходство, так и за поражения, которые они в состоянии нанести неприятелю. Подобное мнение существует не только среди лидеров, но и среди некоторых рядовых членов вооруженной милиции. «Никто из нас, – говорит одна из вооруженных боевиков, – не может добиться свободы в одиночку. Здесь, среди гор и равнин, течение нашей жизни какое-то замедленное. Несмотря на все это, я чувствую огромную свободу. Женщины, которые живут в окрестных деревнях, не имеют и сотой части нашей свободы, которой мы, молодые женщины, радуемся. Оружие, которое мы носим постоянно, чтобы отвоевать свою свободу, наполняет наши сердца смелостью. ...Я готова посвятить всю свою жизнь борьбе за освобождение других таких женщин как я»⁶⁵. Феминистический тезис в курдском вопросе, однако, сталкивается с теми же проблемами, что и предыдущие два: а именно, с неспособностью объяснить, почему равноправие и расширение женской свободы нужно искать в самоубийстве, а не другой форме сопротивления.

Если проследить динамику женских самоубийственных терактов, осуществленных РКК, то становится ясно, что они нарастают в численности и когда репрессии неприятеля самые сильные, и когда военные действия находятся в самой напряженной фазе, и когда угнетение общества самое нетерпимое. Их механизм запускается в действие тогда, когда позиции организации ослабевают или когда нужна политическая мобилизация для достижения целей ее лидера. Это дает основание предполагать, что чтобы объяснить курдский вопрос, нужно иметь в виду националистический и феминистический мотивы, а также и мотив мщения, но в то же время, не упускать из внимания обстоятельства, что это политическая тактика, напрямую обслуживающая интересы элиты, относящиеся к осуществлению политического действия или мобилизации. Подобный вывод подтверждается, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, за исключением терактов 1996 г., все остальные являются выражением протеста против преследования и ареста партийного лидера, и у них нет прямой корреляции с увеличением репрессий или циклов насилия. И во-вторых, РКК, несмотря на свои новые модификации, не прекратила самоубийственных терактов после 2004 г., когда Турция получила приглашение на членство в ЕС и совершила самые решительные демократические реформы со дня создания республики. Как раз утверждение мирной альтернативы и увеличившаяся поддержка курдской общности, можно считать, лежат в основе возобновления использования РКК самоубийственных терактов; этим она, вероятно, рассчитывает привлечь новые и укрепить старую политическую лояльность.

65 MEMRI. 2007. *Kurdish women PKK fighters: The Turks refuse to speak to us* 21st November. <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2007/11/turkeykurdistan1542.htm>

4.3 Шри-Ланка

Шри-Ланка, наряду с Индией (штаты Джамму и Кашмир) и Пакистаном, одна из трех стран-жертв самоубийственных действий в Южной Азии⁶⁶, притом, эта страна наиболее сильно претерпела от них – из 118 самоуничтожительных атак в регионе в период 1990-2000 гг. 88 из них были совершены на ее территории⁶⁷.

Этническое противопоставление на острове вследствие одной из самых кровопролитных современных внутренних войн нанесло огромные гуманитарные и экономические ущербы, как стране в целом, так и двум вовлеченным в нее этническим обществам. С 1983 по 2002 гг. она отняла 60000 человеческих жизней⁶⁸ (согласно другим источникам – 70000)⁶⁹; из них 8000 тамиллов были убиты сепаратистами по подозрениям в коллаборационизме⁷⁰. С 1982 по 2000 гг. другие 18000 тамиллов-бойцов тоже находят смерть от действий сепаратистских сил. Из них 241 человек – это «черные тигры» (подготовленные самоуничтожаться вместе с мишенью). Приблизительно полмиллиона людей покинули страну, а около 600000 были вынуждены бросить родные места, причем свыше 75000 чел. пришлось жить в лагерях для внутренних беженцев⁷¹. (По сведениям международной правозащитной организации HRW, число достигает 800000, и при этом диаспора устанавливается, в основном, в Канаде, Англии и Индии (у последней есть свое тамильское население⁷²). Есть предположение, что около 30% находятся в эмиграции и приблизительно таков и процент перемещенных⁷³. Около 60000 человек бесследно исчезли. Кроме гуманитарной, конфликт имеет и высокую экономическую цену, чье денежное выражение (по данным Института политических исследований) с 1984 до 1996 гг. равняется удвоенному годовому валовому внутреннему продукту за 1996 г., а по данным Центрального банка Шри-Ланки внутренняя война «съедает» каждый год от 2 до 3% ВВП⁷⁴.

Ожесточенное этническое противопоставление в Шри-Ланке привело к созданию одной из самых бессмысленных радикальных организаций – «Тигры освобождения Тамил-Илама» – которая до этого момента организовала больше

66 **CHANDRAN**, Suba. 2003. «Suicide Terrorism in South Asia: From Promised Land to Presumed Land», *Peace & Conflict*, vol. 6, no. 5, p.8

67 **GUNARATNA**, Rohan. 2001. «Suicide attacks», in Michael Green (Edt) «Global Rebels: Terrorist Organizations as Trans-National Actors», *Harvard International Review*, (Fall), p.64

68 **HRW**. 2006. *Funding the «Final War» LTTE Intimidation and Extortion in the Tamil Diaspora*. <http://hrw.org/reports/2006/ltte0306/>

69 **ALISON**, Miranda. 2003. *Cogs in the Wheel? Women in the Liberation Tigers of Tamil Eelam*. *Civil Wars*, Vol. 6, No.4 (Winter), pp.37-54

70 **MANORANJAN**, S. 2002. *The making of a suicide bomber. Shri Lanka - living without terror*. May, <http://www.pbs.org/frontlineworld/stories/srilanka/feature.html>

71 **ALISON**, Miranda. 2003. *Cogs in the Wheel? Women in the Liberation Tigers of Tamil Eelam*. *Civil Wars*, Vol.6, No.4 (Winter), pp.37-54

72 **HRW**. 2006. *Funding the «Final War» LTTE Intimidation and Extortion in the Tamil Diaspora*. <http://hrw.org/reports/2006/ltte0306/>

73 **BRUN**, Katherine. 2005. *Women in the global/local fields of the war and displacement in Sri Lanka*. <http://gtd.sagepub.com/cgi/content/abstract/9/1/57>, pp.56-80

74 **WORLD BANK**. 2007. *Sri Lanka Poverty Assessment, Engendering Growth with Equity: Opportunities and Challenges*, p.71.

всего самоубийственных актов (в том числе и осуществленных женщинами), чем любая другая⁷⁵; их число достаточно примерно 243, причем 53 являются делом «черных тигриц»⁷⁶, но точное число не может быть названо⁷⁷. Таким образом, радикализация политической жизни производит «смертельное оружие, против которого нет противодействия»⁷⁸ и которое поражает остров больше трех десятилетий.

4.3.1 Конфликт в Шри-Ланке

Самоубийственный террор Ltte трудно понять вне контекста сложных отношений между двумя этническими группами; отношения, которые имеют различные интерпретации и все еще много неясных аспектов⁷⁹. Некоторые ищут их объяснение в X в., иные считают, что конфликт возник во время колониальной зависимости, а третьи, среди которых и автор этой книги, видят в нем продукт современных отношений и конфигураций.

Согласно существующим сведениям, первыми поселенцами на острове были сингалцы. В V в. они создают собственное государство, а слово Sinhala возникает как обозначение основополагающей королевской династии, под владичеством которой общность постепенно начинает консолидироваться⁸⁰. Сингалцы, однако, как и остальные этнические группы, являются переселенцами из Индии, точнее, из южной ее части. Этот факт нашел отражение в мифах о происхождении – сингалцы верят, что они арийцы из Бенгала, тамилы считают себя чистыми дравидами, а мусульмане – наследниками арабов⁸¹.

До захвата острова с территорией в 65610 кв. км. здесь существовали три королевства, в которых жили отдельные и этнически разные группы. За четыре с половиной века на территории Шри-Ланки сменились три колониальных режима: португальцы ступили в Цейлон в 1505 г. и остались на острове приблизительно до 1658 г., их заменили голландцы, которых, в свою очередь, вытеснили англичане (1795-1948 гг.), они и довели до конца уже начавшиеся усилия объединить различные по происхождению и культуре народности в одну единую нацию. Многие считают, что источник проблем кроется именно в недобровольной унификации, которая не только не создает механизмов аккомодации различий, но и наоборот, открывает глубокие противопоставления, базирующиеся на этносе, религии, языке, культуре, происхождении и времени заселения.

75 **GUNARATNA, Rohan.** «Suicide terrorism: a global threat».

http://www.janes.com/security/international_security/news/usscole/jir001020_1_n.shtml

76 Женщины-бойцы организации, подготовленные к совершению самоубийственных миссии

77 **RAMASUBRAMANIAN, R.** 2004. *Suicide terrorism in Sri Lanka*. Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi, pp.6-26

78 **PERERA, Amantha.** Perera, «Suicide bombers feared and revered», *Asia Times*, 17 July 2003. http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/EG17Df03.html

79 **SINGER, Marshall.** 1990. *Shri Lanka: the ethnic strife continues*. *Asian survey*. Vol.31, N2, (Feb.) 140-145

80 **GUANAWARDENA, R.A.L.H.** 1985. «The People of the Lion» *Sinhala Consciousness in History and Hystography in «Ethnicity and Social Change»*, Colombo, pp.55-107

81 **JAYAWARDHANA, Kumari.** 1987. *Ethnic conflict in Shri Lanka and regional security*. <http://www.infolanka.com/org/srilanka/issues/kumari.html>

Конституированный как унитарное государство с центральным правительством, расположенном в Коломбо, остров получает независимость в 1948 г. Государство Цейлон обособляется без кровопролитий, унаследовав от британского колониального господства одну более или менее сформированную демократическую систему (1924 г.) с всеобщим избирательным правом (1931 г.). Сегодня Шри-Ланка – одна из немногих функционирующих демократий в Третьем мире с неоднородным в этническом отношении населением. Большая часть – это сингалцы-буддисты (74%). Местные тамилы-индуисты представляют 12,6%, так называемые индийские тамилы составляют 6%. Лиц мусульманского вероисповедания – приблизительно 7%⁸². Есть и другие, более незначительные общества, как те, у которых смешанное происхождение и малайте.

Кроме объединения этнически разнородных элементов в унитарное государство, формированию современной конфликтной констелляции способствовало и так называемое «сингальское сознание», конституированное во время колониального периода в результате противоречивого и неоднозначного процесса этногенезиса. Оно связано с тем обстоятельством, что сингальская общность рассматривает себя как коренное население с проистекающими отсюда претензиями и причитающимися ей (по ее мнению) правами. Согласно сингальскому мифу о происхождении страны, установление на острове в V в. первого принца этого народа, известного под именем Виджая, совпадает со смертью Будды, который, видя лояльность сингалцев, на смертном одре распоряжается, чтобы Цейлон был сохранен как их земля. Так трансцендентальная санкция, заданная в мифотворчестве, конструирует рамку, которая создает возможность членам общности рассматривать страну одновременно как свою землю и землю буддистской доктрины Дхарма. Триединство этнос-религия-земля составляет основу сингальской идеологии, как ее антиколониального пафоса, так и антименьшинственных настроений, проявляющихся «в отбрасывании мультиэтнического и мультирелигиозного характера общества Шри-Ланки, и непризнания коллективных прав других меньшинских групп»⁸³, самая большая из которых тамильская.

В свою очередь, современная тамильская общность на острове (насчитывающая более 2 млн. человек) происходит из тамилгов, населяющих южноиндийский штат Тамил-Наду (численностью между 55 и 60 млн.). Их общественное устройство основывается на более строгой и консервативной кастовой системе, чем у сингалцев. Тамильское общество разделено множеством внутренних противопоставлений, самое важное из которых связано со временем поселения и последовавшим за ним обособлением групп в общности. Одна часть тамилгов обосновалась на острове в результате миграционных процессов, протекающих в период между V и X вв., а другая – в XIX в., последние пришли в качестве сезонных работников, чтобы удовлетворить нужды кофейных плантаций, а после создания чайных плантаций они оказываются постоянными

82 ZISSI, Carine. 2006. *The Shri Lankan Conflict*. Council of Foreign Relations. http://www.cfr.org/publication/11407/sri_lankan_conflict.html

83 JAYAWARDENA, Kumari. 1986. *The Rise of the Labour Movement in Ceylon, Colombo*, p.14

поселенцами. Наследники первых сегодня живут на полуострове Джафна, в северной части страны и называются цейлонскими или шриланскими тамилами, а наследники вторых сконцентрировались в восточных провинциях и известны как плантационные или индийские тамилы. Они представляют самую бедную группу и рассматриваются цейлонскими тамилами как низшая общественная каста, вследствие чего обе слабо идентифицируются друг с другом⁸⁴.

Третий фактор, который влияет на конфигурацию общественных отношений – это неравный доступ к центральным и местным ресурсам. Во время колониального периода между этническими группами в цейлонском обществе устанавливается сложная система распределения, которая в различное время ставит одних в привилегированное, а других – в неблагоприятное экономическое положение. Несмотря на то, что экономическое неравенство само по себе вряд ли может быть непосредственным поводом этнического конфликта, в случае Шри-Ланки его анализ способствует лучшему пониманию конкуренции между обществами, конкуренции, которая иногда перерастает в антагонизм. При колониальном режиме, в результате неравномерного развития регионов тамильское общество терпело убытки и оказалось в неблагоприятной позиции, что, в известной степени, было преодолено благодаря массовому назначению тамиллов на посты в системе государственной службы и приобретению квалифицированных профессий, тем, кто владел английским языком, открывалась возможность получить образование. Процесс сопровождается миграцией в южные и центральные районы страны, где увеличивается число тамильских предпринимателей. Таким образом, сингальское общество вынуждено было конкурировать с тамильским и другими этническими группами, что дополнительно усложняет картину этнического сожительства⁸⁵ – за два года до получения независимости тамилы представляли 33% элиты цейлонской гражданской службы и 40% – работающих в сфере юридических услуг, несмотря на то, что они представляют 12% всего населения⁸⁶.

Еще одно обстоятельство колониального периода имеет значение для состояния межэтнических отношений. Оно связано с внутренней колонизацией со стороны сингальцев на тамильской земле, вызванной расселением с целью поддержания ирригационных сооружений, расположенных в населенных тамилами районах. Начавшийся в 1930-х гг., этот процесс продолжается в период между 1950-ми и 1980-ми гг., но его уже поддерживало «сингализированное» государство. Он рассматривается тамильским обществом как угроза не только ее политическому статусу, но и физическому выживанию населения с обособленной языковой и культурной идентичностью. Опасения были небезосновательными, если иметь в виду акты насилия против тамиллов в тот же период и те, которые были совершены в 1956, 1958, 1977 и 1983 гг.⁸⁷.

84 **SINGER, Marshall.** 1990. *New realities in Shri Lanka Politics. Aian Survey, N4 (Apr.)*, pp.409-425

85 **JAYAWARDENA, Kumari.** 1986. *The Rise of the Labour Movement in Ceylon*, Colombo, 1986, глава 3 и 5

86 Цитировано по **DEVOTTA, Neil.** 2000. *Control democracy, institutional decay, and the quest for Eelam: explaining ethnic conflict in Sri Lanka. Pacific Affairs*, Vol. 73, N1, Spring, pp.55-76

87 **JAYAWARDHANA, Kumari.** 1987. *Ethnic conflict in Shri Lanka and regional security*. <http://www.infolanka.com/org/srilanka/issues/kumari.html>

Корни сегодняшнего конфликта, однако, не следует искать лишь только в колониальном периоде, после отвоевывания независимости инициируются процессы, которые имеют прямое влияние на враждебные отношения между сингалцами и тамилами. В целом, новая политическая элита в лице управляющей Объединенной национальной партии (ОНП) подходит к строительству государства с секуляристских и модернистских позиций⁸⁸. С течением времени и под натиском электоральной базы (которая в своем большинстве сингальская) ОНП, как и другие партии, которые впоследствии берут власть, включают в свою политику элемент постепенной «сингализации», выражающийся в исключении тамильской общности из управления и армии, принятии законодательства, которое оставляет без гражданских прав плантационных тамиллов, эксклюзивной языковой политике, направленной на утверждение сингальского как единственного официального языка в стране.

Неправильным было бы считать, что две самые большие сингальские партии – Объединенная национальная партия и Партия свободы Шри-Ланки не предпринимают действий для урегулирования тамильского вопроса, такие предпринимала и та и другая в качестве управляющей. Но в качестве оппозиционной силы они используют сингальский национализм, чтобы привлечь и получить поддержку электората и эрозировать влияние политических оппонентов⁸⁹. В результате, мирные протесты тамиллов 1950-х и 1960-х годов не добились ничего, а во время последовавших погромов сотни мирных граждан тамильского происхождения были убиты. Других выгнали из родных мест⁹⁰.

Это положило начало сильной тамильской этнической мобилизации, которая принимает разные формы. Выдвинутое требование федерализации, воспринятое сингальским большинством как посягательство на целостность государства, поэтому и отброшенное большинством сингальских политических партий – «сингалцы просто никогда не понимали концепцию федерализма»⁹¹. В результате к 1976 г. среди части тамильской политической элиты постепенно утверждается мнение, что будущее сожительство двух этнических групп невозможно, и единственный способ обеспечения безопасности и процветания общности в создании независимого государства, которое будет включать северные и восточные провинции⁹². Это меняет характер конфликта, который трансформируется из «борьбы за равенство – в отстаивание свободы, из требования получить фундаментальные права – в защиту права на самоопределение, из восприятия плюралистического эксперимента – в появление новой корпоративной

88 **RUPESINGHE, Kumar.** 1988. *Ethnic Conflicts in South Asia: The Case of Sri Lanka and the Indian Peace-keeping Force (IPKF).* *Journal of Peace Research*, vol. 25, no. 4, pp. 335-351

89 **SINGER, Marshall.** 1990. *New realities in Sri Lanka Politics.* *Aian Survey*, N4 (Apr.), 409-425

90 **SINGER, Marshall.** 1992. *Sri Lanka's Tamil-Singhalese Conflict: alternative solutions.* *Asian survey.* Vol.32, N8, (Aug.) 712-722

91 **SINGER, Marshall.** 1992. *Sri Lanka's Tamil-Singhalese Conflict: alternative solutions.* *Asian survey.* Vol.32, N8, (Aug.) 712-722

92 **JAYAWARDHANA, Kumari.** 1987. *Ethnic conflict in Sri Lanka and regional security.* <http://www.infolanka.com/org/srilanka/issues/kumari.html>

идентичности»⁹³. В рамках индипендской идеи очерчиваются различные предложения. Вновь учрежденный в тот период Тамильский объединенный фронт освобождения настаивает на использовании парламентских и ненасильственных средств, в то время как группы более радикальных тамиллов объявляют начало вооруженной борьбы. Среди них и LTTE.

Трансформация конфликта во внутреннюю войну происходит после убийства 13-ти военнослужащих (1983 г.) и последовавших погромов против тамильской общности (сотни убитых, 90% магазинов, собственность тамиллов, опустошены, около 100 000 людей этой этнической группы вынуждены покинуть столицу). В какой-то степени взрыв насилия (который некоторые называют Первой Иламской войной), является результатом фрустраций молодых людей тамильского происхождения, радикализованных постоянно срывающимися попытками урегулирования их этнической проблемы.

После парламентских выборов 1994 г., в которых победу одержала левоцентристская коалиция «Народный альянс», идея мирного урегулирования проблемы получает новый импульс. После провала переговоров в августе 1995 г. правительство лансирует Мирный пакет, который можно рассматривать как политическую оферту на разделение власти. К 2000 г. военные действия ведутся с переменным успехом, без решительной победы одной или другой стороны, но и без политической воли достичь мира, несмотря на то, что 21-го декабря LTTE объявляет одностороннее одномесечное прекращение враждебных действий, которое впоследствии было продолжено еще на 1 месяц. Правительство отказывается предпринять реципрочные шаги, ставя в качестве условия получение декларации о готовности со стороны LTTE объявить конец войны. Несмотря на эту неудачу, два года спустя мирный процесс возобновлен при международной поддержке. До 2008 г. переговоры ведутся с переменным успехом. 16-го января 2008 г. правительство расторгает соглашение, которое за указанный период радикальная организация нарушила 3830 раз, а правительство – 351 раз⁹⁴. В следующем 2009 г. правительство предпринимает военную операцию, которая в середине мая приводит к окончательному разгрому «Тамильских тигров».

4.3.2 Анализ социального уровня

Предыдущий параграф выявил основные моменты конфликта в качестве непосредственного контекста развития женского самоубийственного террора в Шри-Ланке. Этническое противопоставление на острове, без сомнения, имеет значение для понимания тамильского сепаратистского вооруженного движения, но оно само по себе не объясняет самоубийственный выбор. Существует ряд других специфических аспектов статуса женщин, у которых нет прямой связи с этим сложным феноменом, но, несмотря на это, их нужно иметь ввиду при его

93 **TIRUCHELVAN**, Neelsn. 1986. *Ethnicity and Resource Allocation. In From Independence to Statehood.* Pp. 185-195. *Pacific Affairs*, Vol. 59, N2. (Spring), p.33

94 **PATHIRANA**, Leen. 2008. *Interview with Dr. Peter Leitner: War in Shri Lanka is the Legacy left by the European Colonialism - Dr. Peter Leitner. The Asia Tribune. Saturday, February 2*

интерпретации: культурную традицию и ее элементы, систему приданого и брака, как и перемены, которые война вносит в установленные образцы коммунального образа жизни.

Некоторые аналитики склонны искать корни женского участия в культуре и религии тамиллов. В пантеоне индуистских богов существует богиня-мать, а в мифологии – женщины-воины. Богиня-воин Дагра (в одном из переводов – «непобедимая») успешно воюет против демонов и удерживает победу над ними. Индуистская мифология рассказывает о женщинах, которые в случае нужды, не колебаясь берутся за оружие – так же как Satyabhama, которая убивает принца демона Narakasura, за то, что он ранил ее супруга Кришну. Во главе раннего сопротивления тамиллов, живущих сегодня в индийском штате Tamil Nadu, против британцев была их королева королевства Sivagangai, Velu Nachiyar. Первая документированная тамильская самоубийственная атака, осуществленная женщиной, была совершена бойцом войска Kuyil. Она самоожглась недалеко от британского оружейного склада и, таким образом, уничтожила находящиеся там боеприпасы. В индуистском обществе наблюдается участие женщин в боевых действиях и в более позднее время. Известно, что во время Второй мировой войны в индийской национальной армии, пропитанной духом национализма и стремления к независимости от Британской империи, служили и женщины. Они не только формируют самостоятельную боевую единицу, но и создают собственную группу для выполнения высокорисковых операций.

При объяснении женского участия в самоубийственных актах нельзя пренебрегать и следующим фактором: традиция женского самопожертвования глубоко укоренилась в тамильскую культуру. Вот как объясняет влияние этой традиции местный правозащитник, чей рассказ записан Schrijver: «Когда она [женщина] видит, что все превратилось в хаос, что ее брат умирает, она, согласно обычаю, должна помочь ему. Это проявляется не только по отношению к брату, но и отцу, соседу, мужчине-одонсельчанину, мужчине региона, всей общности... Когда молодой мужчина или женщина присоединяются к движению, они знают, что умрут, но вполне удовлетворены этим. Женщина думает: «Я увеличила доверие к моей семье; знаю, что умру, но это хорошо для моей семьи и для всего общества». Это причина, из-за которой бойцы организации смелее солдат правительственных войск»⁹⁵.

Относительная свобода женщин в Шри-Ланке, по сравнению с их названными сестрами региона, устанавливается как конфессиональной регламентацией, так и обычным правом. После вступления в брак они могут распоряжаться своим приданым и получать независимый доход от него; в случае смерти матери приданое унаследуют ее дочерью. В случае вдовства, развода или повторной женитьбы упомянутые права сохраняются, несмотря на то, что положение меняется после принятия одного британского колониального закона. Вызванная им трансформация экономических отношений в семье нарушает баланс власти

95 **SCHRIJVERS, Joke.** 1999. *Fighters, Victims and Survivors: Constructions of Ethnicity, Gender and Refugeeess among Tamils in Sri Lanka.* *Journal of Refugee Studies* Vol. 12, No. 3, pp. 308-333

между полами. Перебрасывание большей власти на долю супругов, сыновей и других мужчин накладывает еще большее ограничение женскому присутствию в публичной сфере.

Несмотря на модернизацию страны в постколониальный период, традиции, связанные с браком и приданым, остаются ключом к пониманию положения как женщин в Шри-Ланке в целом, так и в ЛТТЕ в частности⁹⁶. Институт приданого продолжает быть определяющим в тамильском обществе, от него зависят не только возможности выбора брачного партнера, но и будущее социальное положение и принадлежность женщины. У женщин, которые не могут собрать хорошее приданое, есть крайне ограниченный спектр альтернатив. Чтобы увеличить шансы своих дочерей получить лучшее будущее, многие семьи устраивают браки с представителями диаспоры. Но в контролируемых сепаратистами территориях эмиграция является проблемой, которую не так легко разрешить. Семьи получают право на то, чтобы определенное число их членов ушло из дома, если примут обязательство, чтобы такое же число вошло в ряды организации. «Повинность» в ней продолжается не менее 8 лет⁹⁷, причем насильственного рекрутирования можно избежать, заплатив за это. Таким образом, многие женщины, в особенности из более бедных слоев общества и внутренних беженцев, решают присоединиться к ЛТТЕ и этим избежать невыгодного и нежеланного брака.

Внутренняя война вносит изменения в традиционную парадигму женственности, в чьей рамке женщина, несмотря на то сингалка ли она, тамилка или мусульманка «продолжает быть конструированной в качестве имеющей обязанность продолжать род, кормить и воспитывать детей, сохранять «традицию, культуру, общность и нацию»⁹⁸. Как в других революционных обществах, так и в тамильском национально-освободительная борьба меняет жизнь общества и освященную традицией систему гендерных отношений. Несмотря на доминирующую позицию мужского начала, при физическом отсутствии мужчин, спектр социальных ролей, доступных для женщин, расширяется; они берут на себя «мужские» обязанности, такие как: выживание семей в зонах военных действий, выселение, переговоры с военной и гражданской администрацией и др. В результате, «хотя и непреднамеренно, как следствие войны, расширяются женские горизонты; активизируется физическая мобильность [женщин], усовершенствуется, под натиском жестоких обстоятельств, их способность создавать сети»⁹⁹. Увеличение ответственности, однако, не означает необходимость трансформации отношений к власти; многие авторы считают, что, несмотря на описанные перемены, подобный

96 **BRUN, Katherine.** 2005. *Women in the global/local fields of the war and displacement in Sri Lanka.* <http://gtd.sagepub.com/cgi/content/abstract/9/1/57>, pp. 56-80

97 **BRUN, Katherine.** 2005. *Women in the global/local fields of the war and displacement in Sri Lanka.* <http://gtd.sagepub.com/cgi/content/abstract/9/1/57>, pp. 56-80

98 **DE ALWIS, Malathi.** 2002. *The changing role of women in Sri Lankan society. Social Research, Fall,* http://findarticles.com/p/articles/mi_m2267/is_3_69/ai_94227137/pg_1?tag=artBody;col1

99 **SORNARAJAH, Nanthini.** 2004. *The experience of Tamil women: nationalism, construction of gender, and women's political agency. Line-magazine.* <http://www.lines-magazine.org/textfeb04/nanthini.htm>

процесс порождает формы подчинения и угнетения, которые усиливают мужское господство новыми способами¹⁰⁰.

В заключение можно сказать, что в тамильском обществе существуют культурные и социальные факторы, которые не определяют, но способствуют пониманию женских самоубийственных миссий. На первом месте – относительно более широкое участие женщин в публичной сфере (в обществе, которое тотально его исключает, осуществление атак было бы физически невозможным); на второе место следует поставить традиционную систему приданого и брака, которая ограничивает жизненные шансы женщин и делает членство в сепаратистской организации возможной альтернативой обычной, но непривлекательной траектории их жизни. Третьим фактором является регламентированное за женщиной обязательство оказывать помощь мужчине в любых ситуациях, включая и связанные с вооруженным насилием. И наконец, нельзя не отметить влияние продолжающегося больше трех десятилетий конфликта, который разрушает традиционные образцы коммунитарной организации, а этим и освященную традицией систему гендерных ролей (без этого условия осуществление атак было бы невозможным по отношению к культуре).

4.3.4 Анализ на организационном уровне: почему LTTE прибегает к использованию женщин?

Самая влиятельная сила в тамильском обществе до 2009 г.¹⁰¹ возникает в 1976 г. с лидером в лице Велупиллая Прабхакарана, унаследовав опыт учрежденных четыре года назад «Тамильских новых тигров». Она одна из пяти больших вооруженных организаций, которые впоследствии распались, дав начало новым 30¹⁰². LTTE находится в острой конкуренции за влияние с другими тамильскими радикальными группировками, которых с течением времени уничтожают. Возникнув как нелегальная вооруженная группировка, «Тигры» быстро превращаются в организацию с хорошо натренированной и вооруженной армией, которая в состоянии вести не только партизанскую войну, но и сухопутные, воздушные и, во время транспортировки, военные операции. Параллельно с этим растут ее возможности организовывать и администрировать гражданскую жизнь в находящихся под ее контролем зонах.

Организация стремится к созданию независимого тамильского государства в областях с преимущественно тамильским населением. Самоопределяется как национально-освободительное движение, защищающее права общества, которое, по их мнению, является «отдельной нацией... с собственной социальной

100 **SORNARAJAH, Nanthini.** 2004. *The experience of Tamil women: nationalism, construction of gender, and women's political agency.* Line-magazine. <http://www.lines-magazine.org/textfeb04/nanthini.htm>

101 **MANCHANDA, Rita.** 2001. *Where are the Women in South Asian Conflicts?* Manchanda, Rita. (ed.), *Women, War and Peace in South Asia: Beyond Victimhood to Agency*, Sage, New Delhi, pp.9–41.

102 **SINGER, Marshall.** 1990. *New realities in Sri Lanka Politics.* Aian Survey, N4 (Apr.), pp.409-425

целостностью, историей, традициями, культурой, языком и землей»¹⁰³. Идеологическая ориентация сепаратистов практически остается неясной. С уверенностью можно утверждать, что она, в целом, светская организация, которая не содержит никаких конфессиональных элементов. Ее цели заключаются в противопоставлении дискриминации, которая осуществляется сингальским большинством, борьбе за создание независимого государства в северной и восточной частях страны. Кроме того, легитимирует использование насилия в ответ на государственную репрессию против тамильской общности.

Организация утверждает свой контроль над городом Джафна, населенным преимущественно тамилами, успешно при этом пополняя свои ряды путем обязательной «воинской повинности» для лиц, которым исполнилось 15 лет. Таким образом, сегодня, по данным LTTE, 60% ее боевого состава не исполнилось 18 лет, а одну треть состава всей организации составляют женщины¹⁰⁴. Однако, вряд ли можно считать, что речь идет только о принудительной мере; согласно исследованиям, часть молодежи присоединяется к боевым отрядам «Тигров» добровольно, привлеченная романтикой и общественным уважением¹⁰⁵, и, разумеется, на основании сильных националистических чувств, которые сепаратисты внушают им. Так, например, в контролируемой «Тиграми» зоне школы обязательно открыты в выходные дни, чтобы дети изучали историю, цели и деятельность организации, а в каждом классе есть карта будущего тамильского государства, чье существование легитимировано новым учебником истории, по которому учителя обязаны их учить. LTTE ввела свой выпускной экзамен, причем только успешно сдавшие его получают право быть нанятыми на административные посты в контролируемых ею зонах.

Первый самоубийственный теракт от имени группировки совершен 4-го июля 1987 г., с целью остановить передвижение правительственных сил к г. Джафна, культурной и политической столице тамиллов. Грузовой автомобиль, наполненный взрывным веществом, управляемый членом организации Wasanthan, известным еще своей партизанской кличкой как капитан Миллер, врывается в военный лагерь Неллиади, причинив смерть 40 солдатам¹⁰⁶. До марта 1990 г. нет сведений о других самоубийственных актах¹⁰⁷, по причинам, которые и сегодня неизвестны.

С начала 1990-х гг. самоубийственные теракты становятся одним из самых эффективных и воздействующих оружий «Тигров». Кроме того что причиняют смерть двум государственным лидерам и многим политикам управляющей

103 **TAMIL EELAM HOME PAGE**. http://www.eelam.com/tamil_eelam.html

104 **RAMASUBRAMANIAN, R.** 2004. *Suicide terrorism in Sri Lanka*. Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi

105 **RAMASUBRAMANIAN, R.** 2004. *Suicide terrorism in Sri Lanka*. Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi,

106 **GUNARATNA, Rohan.** 2000. *The LTTE and suicide terrorism*. India's National Magazine, Volume 17 - Issue 03, Feb. 05 – 08, <http://www.hinduonnet.com/fline/fl1703/17031060.htm>

107 **GUANAWARDENA, Arjuna.** *Female Black Tigers: A Different Breed of Cat?* In SCHWEITZER, Yoram. (ed). 2006. *Female Suicide Bombers & Dying for Equality? Memorandum N84*. Jaffee-Center for Strategic Studies. Telaviv University, <http://www.tau.ac.il/jcss/memoranda/memo84.pdf>, pp.81-91

партии и оппозиции, террористы-смертники успешно поражают ряд военных и экономических мишеней.

Считается, что тактика системного использования самоубийственного терроризма «берется на вооружение» после ухода индийского контингента, причем настоящее воздействие этой «инновации» – как политическое, так и психологическое – проявляется еще при теракте против Раджива Ганди во время его предвыборной поездки по регионам. Атака совершена молодой женщиной на территории Индии, а участие LTTE все еще остается под вопросом. С тех пор самоубийственные миссии используются постоянно.

И в историческом, и в актуальном плане LTTE является одной из радикальных группировок, которая активно и целенаправленно рекрутирует женщин и открыто поощряет их участие в самоубийственных миссиях. Ее мотивация формируется под воздействием разных факторов. Первая и очевидная причина привлечения женщин сводится к жестокой конкуренции между тамильскими вооруженными организациями в отношении численного превосходства в живой силе. Те из них, которые к середине 1980-х гг. все еще не были уничтожены «Тиграми», как «Народный революционный фронт освобождения Илама» и «Народная организация освобождения Тамил-Илама», инициируют процесс массового включения женщин, угрожая таким образом стать более многочисленными, чем LTTE, чья способность нанимать мужчин все уменьшалась¹⁰⁸. По мнению Balasingham, корни женского участия в LTTE нужно искать во второй половине 1970-х и 1980-х гг., причем первоначально они ангажировались, главным образом, пропагандой, медицинской помощью, сбором фондов и рекрутированием новых бойцов. Несмотря на неотложную необходимость в численном увеличении человеческих ресурсов (в это время большая часть населения эмигрирует, многие мужчины становятся жертвами вооруженных столкновений), решение интегрирования женщин в LTTE не приходит легко. К середине 1980-х гг., когда начинается процесс, члены организации уже создали себе образ самоотверженных бойцов, которые оставили за спиной искушения светской жизни во имя дела. Их моральный авторитет и легитимность основываются на «их праведной жизни, отказе от алкоголя, эмоциональных связей с женщинами и других светских благ», а воздержание от сексуальных контактов является важной частью их морального кодекса. Колебания относительно женского участия появляются из-за сомнений, что оно может ухудшить образ, который уже был распространен в тамильском обществе¹⁰⁹, и нанести вред их репутации бескорыстных воинов-аскетов.

Женское участие постепенно институционализируется в различных формах. По информации г-жи Thamiliini, лидера политического крыла, это происходит путем создания женских групп, названных «Птицы свободы», которые первоначально специализируются в предоставлении первой помощи, создании детских садов

108 **SORNARAJAH**, Nanthini. 2004. *The experience of Tamil women: nationalism, construction of gender, and women's political agency*. Line-magazine. <http://www.lines-magazine.org/textfeb04/nanthini.htm>

109 **HOOLE**, Rajan, Somasundaram, Daya, Sritharan, K., Thiranagama, Rajani, 1990. *The Broken Palmyra Sri Lanka*, The Sri Lanka Studies Institute, California, p.327

по модели Марии Монтессори и выполнении других ежедневных логистических задач. Вскоре женщин включают в различные формы военной подготовки. Возникает «Женский фронт тамильских тигров», который после создания еще два года не принимает участия в реальных боевых действиях. Первая группа женщин-бойцов обучаются в индийском штате Тамил-Наду в 1985 г., а их первое участие в сражении (с частями индийских миротворческих контингентов) произошло в июле следующего года, когда погибает и первая женщина-боец LTTE – Malathi. Впоследствии ее имя вместе с именами других погибших женщин-бойцов – Amman, Kuttisri Mortar, Kittu Artillery и Mines- Sothiya, Anbarasi, Ponn присвоили различным женским воинским соединениям. В октябре 1987 г. лидер сепаратистов организовал первый военный женский тренировочный лагерь на территории страны, на полуострове Джафна. К 1989 г. лагерь формирует свою собственную командную структуру¹¹⁰. (Интересно знать, что LTTE первой создает боевые женские подразделения, опередив правительственную армию)¹¹¹.

Есть предположения, что к началу 1990-х гг. женщины уже составляют основную часть самоубийственных подразделений, названных «Черные тигры», и приблизительно 20-30% всего численного состава организации¹¹². По высказыванию лидера женского политического крыла г-жи Thamilini, к 2004 г. организация располагала 10000 женских кадров, в то время как в 1987 г. их было всего около 90¹¹³. (Эта информация, однако, оспаривается другими источниками, согласно которым это число не больше 3500). В период между 1987 и 2004 гг., снова по мнению Thamilini, приблизительно 5000 женщин-членов организации потеряли жизнь в сражениях против правительственной армии.

В ходе вооруженной борьбы «Тамильских тигров» самоубийственные теракты закрепляются как успешная боевая тактика и элемент повстанческой стратегии. Исследователи подчеркивают, что их необходимо рассматривать не как последнее оружие, к которому вооруженная группировка прибегает после истощения других, а чтобы компенсировать, во-первых, нехватку тяжелого вооружения и, во-вторых, чтобы обеспечить уничтожение трудно доступных целей¹¹⁴. В то же самое время, их интерпретируют как способ сокращения пути к достижению цели – создания отдельного тамильского государства: «Постоянством и самопожертвованием Тамил-Илан может быть построена за 100 лет, но если мы ведем операции с участием «Черных тигров», можем сократить страдания нашего народа и добиться цели за более короткий период времени. Это эра «Черных тигров». Никакая сила на земле сегодня не сможет задавить яростный

110 Цитировано по ALISON, Miranda. 2003. *Cogs in the Wheel? Women in the Liberation Tigers of Tamil Eelam. Civil Wars, Vol. 6, No. 4 (Winter)*, pp. 37-54

111 SILVA, Alfred. 2004. *Women's wing leader, Thamilini. Pic. <http://lrp.wordpress.com/2004/09/15/womens-wing-leader-thamilini-pic-alfred-silva/>*

112 ALISON, Miranda. 2003. *Cogs in the Wheel? Women in the Liberation Tigers of Tamil Eelam. Civil Wars, Vol. 6, No. 4 (Winter)*, pp. 37-54

113 SILVA, Alfred. 2004. *Women's wing leader, Thamilini. Pic. <http://lrp.wordpress.com/2004/09/15/womens-wing-leader-thamilini-pic-alfred-silva/>*

114 HOPGOOD, Stephen. 2005. *Tamil Tigers 1987-2002. In GAMBETA, Diego. (ed) 2005. Making sense of Suicide Missions. Oxford, Oxford Univerity Press, p. 46*

бунт тамиллов, которые стремятся к свободе»¹¹⁵. «Тамильские тигры» верят, что специальное самоубийственное боевое подразделение является ключевым фактором в создании независимого государства для 3,3 млн. тамиллов¹¹⁶.

Значение самоубийственных атак, однако, вряд ли следует редуцировать только до их тактического аспекта, они содержат глубокий символический смысл. В националистической доктрине LTTE их намного больше, они являются «знаком веры»¹¹⁷, символом контроля над жизнью и смертью, выражением готовности к самопожертвованию во имя общества, непринятия поражения и утверждения идеи неизбежности освобождения. Таким образом, атаки уже не воспринимаются как самоуничтожение, а как отдача обществу; смерть – это не конец, а поиски вечной жизни и память в народе.

Членство женщин и их участие в экстремальных формах насилия имеет и другое значение для организации: оно поощряет рекрутирование новых кадров и ведет к увеличению поддержки со стороны общества и диаспоры¹¹⁸. Женщины представлены, главным образом, в двух привлекательных и воздействующих на тамиллов образах: матери-воина и девы-воина¹¹⁹. Первый (в созвучии с традиционным дискурсом женственности, о котором уже шла речь) является воплощением ожиданий, что тамилки будут преданными матерями и решительными бойцами, готовыми к самопожертвованию во имя своей нации и детей. Этот образ апеллирует к традиции: «...борьба может трансформировать роль женщины и чувство ее собственной ценности, но также сохраняет социальный порядок, который обеспечивает репродукцию и воспитание следующего поколения»¹²⁰. Как и в палестинском случае, здесь реконструированная женщина является символом морального превосходства нации, тем более на фоне пропагандистских фильмов, снятых LTTE, которые показывают правительственную армию как сборище алкоголиков и наркоманов, нравственно распущенных и морально нечистоплотных. Второй образ начинает использоваться сепаратистами в пропагандистских целях сравнительно поздно, он отличался, кроме идей непорочности, и посланием к освобожденной от ограничений женщине, которая может делать то, что не позволено другим: свободно общаться с мужчинами, брать на себя ответственность наравне с ними и совершать некоторую деятельность, которая в других условиях была бы недопустима. Таким образом, оформляется дискурс женственности LTTE, в котором образ женщины, очищенный от всякой

115 Цитировано по **RAMASUBRAMANIAN, R.** 2004. *Suicide terrorism in Sri Lanka*. Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi, pp. 6-26

116 **HETTARACHCHI, Shanthikumar.** Tamil tiger "martirdom" in Sri Lanka: faith in suicide for nationhood? www.politicsandreligionjournal.com/PDF/broj%202/Shanthikumar_Hettiarachchi.pdf

117 *Suicide bombings: case of Sri Lanka. Insights Issue N5 March 2007.* www.se1.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=PublishingHouse&fileid=3A48D6

118 **BRUN, Katherine.** 2005. *Women in the global/local fields of the war and displacement in Sri Lanka.* <http://gt.d.sagepub.com/cgi/content/abstract/9/1/57>, pp. 56-80

119 **COOMARASWAMY, Radhika.** 1997. *Tiger Women and the Question of Women's Emancipation*, *Pravada* 4 (9): pp. 8-10.

120 **ENLOE, Cynthia.** 1983. *Does Khaki Become You? The Militarisation of Women's Lives*, Pluto Press, London

чувствительности и сексуальности, продолжает характеризоваться чистотой и почтенностью, но с готовностью участвовать в более крайних формах борьбы. Лансирование обоих образов не случайно, если первый экстернализирует, какой должна быть женщина, благодаря своей внутренней сущности, и чего тамильское общество ожидает от нее, то второй представляет то, что могло бы случиться с женщиной, если она присоединится к LTTE: «Пока ее внутренняя сущность представлена как «чистая» и «девственная», ее внешнее тело определено как мужественное, волосы подстрижены, на голове у нее берет, она в форме, обута в «кубинки», и с капсулой цианида на шее»¹²¹.

Имея в виду, что второй образ начинает лансироваться к 1990-м гг., то есть, именно тогда, когда организация не в состоянии была набрать себе необходимое число мужчин, можно предположить, что он создан специально, чтобы обслуживать процесс рекрутирования новых женских кадров. Насколько воздействующими были эти образы, можно судить из рассказа зрителя пропагандистского фильма LTTE, записанного HOOLE: «Человек не может чувствовать ничего другого, кроме вдохновения при виде женщин LTTE, которые идут ночью парами, с боевым снаряжением на плечах, патрулируя въезд в город Джафна. Человек не может не восхищаться их преданностью и выдержкой, отраженными в фильмах организации»¹²².

4.3.3 Анализ на индивидуальном уровне

Из-за секретного характера процессов рекрутирования, обучения и подготовки «Черных тигров», исследование индивидуальной мотивации представляет большой вызов. К сожалению, в случае Шри-Ланки нет достаточных материалов, которые позволили бы идентифицировать имена женщин-совершителей терактов и реконструировать их жизненные истории.

Единственная жизненная история успешного совершителя женского самоубийственного акта, которая может быть восстановлена по материалам СМИ и данным сил безопасности, это история Thenmuli Rajaratnam (известна еще как Dhanu или Gayatri). Молодая женщина самовзорвалась 21-го мая 1991 г. в индийском городе Sriperumbudur, причинив смерть находящемуся в предвыборной поездке Радживу Ганди и еще восемнадцати находящимся поблизости людям. Девушка несла в руках гирлянду из цветов и успела приблизиться к Ганди, поощряемая им самим, несмотря на запрет охраны. Теракт совершен при помощи пояса смертника, причем к нему были добавлены 10000 штук двухмиллиметровой дроби для нанесения больших поражений. Есть предположения, что девушка была связана с организацией через своих родителей и семью. Считается, что ее отец был одним из менторов Прабхакарана в 1970-х гг., и оказал сильное влияние

121 **DE ALWIS**, Malathi. 1998. *Moral Mothers and Stalwart Sons: Reading Binaries in Time of War*, in Lorentzen, L.A. and Turpin, J. (eds), *The Women and War Reader*, New York University Press, New York, pp. 254–71

122 **HOOLE**, Rajan, Somasundaram, Daya, Sritharan K. and Thiranagama, Rajani. 1990. *The Broken Palmyra: The Tamil Crisis in Sri Lanka—An Inside Account*. Reprinted 1992. Sarvodaya Vishva Lekha, Ratmalana, pp. 325-326

на формирование ее взглядов, мышления и идеологии¹²³. Ее точный возраст неизвестен, но по данным некоторых источников ей было приблизительно 24 года. Она окончила среднюю школу. У нее была одна сестра, которая жила во Франции. Возможно то, что ее мать стала жертвой сексуального насилия со стороны индийского миротворческого корпуса, но предполагается и то, что ее основной мотив связан с братом, который до своей гибели занимал высокую должность в иерархии организации¹²⁴.

Согласно некоторым источникам, девушка потеряла в войне четырех братьев, а родной дом был разрушен. Нет данных, которые подтверждают, что она находилась в ситуации социальной стигмы¹²⁵. Так как после расследования не сообщалось никаких биографических данных о ней, нельзя утверждать, что сказанное выше полностью соответствует правде¹²⁶. Благодаря фильму «Моя дочь-террористка» шведского режиссера г-жи Beate Arnestad, мы располагаем реконструированными жизненными историями двух молодых женщин, подготовленных к самоубийственным миссиям.

Одна из главных героинь фильма, девушка по имени Darshika, рассказывает, что она присоединилась к сепаратистам после смерти отца, которого убили на войне, и из-за унижений, которым подвергла ее правительственная армия. В то время ей было 12 лет. По свидетельствам ее матери, она оставалась со своей семьей только до похорон, после чего исчезла. Мать говорит, что гордится поведением своей дочери¹²⁷. Несмотря на то, что она была христианкой, она не верит в вознаграждения после смерти.

У другой героини фильма, молодой женщины по имени Puhachudar, семья была спасена сепаратистами во время бегства от правительственной армии. По ее собственным словам, она присоединилась к организации, чтобы защитить свою деревню, которую в противном случае разрушили бы. Несмотря на то, что она христианка, она отрицает, что ее мотивы участия в террористических действиях имели религиозный характер.

Жизненная история Менаке, неуспешной совершительницы самоубийственного теракта против премьер-министра Шри-Ланки Ratnasiri Wickrematunge, совершенного в сентябре 2001 г., восстановлена по ее интервью Jan Goodwin, причем это первое, и на этом этапе единственное интервью с задержанным перед выполнением миссии смертником, разрешенное официальными властями в стране. Девушке было 27 лет. Происходит из обедневшей семьи рыбака. Ее отец был алкоголиком, а мать стала жертвой насилия с его стороны. Умерла после очередного избиения, когда Менаке было 3 года. Семилетней она становится

123 *India Today magazine*. 1992. May 31, p.45

124 **BLOOM**, Mia. 2005. *The Truth about Dhanu*. *The NY review of books*, volume 52, N10 <http://www.nybooks.com/articles/18369>

125 **BENNETT**, Natalie. 2006. *Book Review: Female Suicide Bombers* by Rosemarie Skaine. <http://blogcritics.org/archives/2006/06/18/0926052.php>

126 *Dhanu: An Enigma*. <http://www.tamilcanadian.com/page.php?cat=219&id=1054&page=6>

127 **RAMOS**, Pedro. 2008. «My Daughter the Terrorist» de Beate Arnestad & Morten Daae. *Cine Astoria*. 12.05. <http://cineastoria.wordpress.com/2008/05/12/my-daughter-the-terrorist-de-beate-arnestad-morten-daae/>

жертвой сексуального посягательства со стороны ее отца. Спас ее дедушка. Отец исчезает. Дедушка умер, когда Менаке было 15 лет. О ней продолжают заботиться с неохотой дядя и тетя. Когда семья была поставлена перед необходимостью отдать своего члена в организацию, посылают Менаке. Девушка заявляет своему офицеру, что она там не по своему желанию и что не хочет умирать, но в ответ ей говорят, что ее близкие заявили обратное. Ее обучали в продолжении 7 месяцев. Она не делала попыток сбежать, так как было некуда. Высказывает сожаление, что у нее никогда не было и не будет семьи. Поступает в ряды «Черных тигров», водимая желанием умереть, так как та жизнь, которой она жила, невыносима.

Если сопоставить результаты исследования жизненных историй с результатами исследования рассказов и интервью других женщин-бойцов, можно сделать определенные, хотя и не бесспорные, выводы. С уверенностью можно утверждать, что бойцы-смертники LTTE не руководились (преимущественно) религиозными мотивами; в доступных текстах ударение ставится не на акт мученичества, а на достижение цели, не на славу и блаженство, а на вклад в дело Тамил-Илама. Это звучит так же, как звучит аскетическая доктрина, где преданность обществу и цели его борьбы имеют первостепенное значение и где подчинение индивида коллективным интересам не подлежит сомнению. Утверждение, что поощряется, прежде всего, инструментальная цель – уничтожение мишени, – а не самоуничтожение, доказывается и другими обстоятельствами, как, например, тем, что часть «черных тигров» выполняют высокорисковые, а не самоубийственные миссии, и фактом, что среди них есть как индуисты, так и католики – «герой LTTE – светское лицо»¹²⁸.

На националистический мотив, в качестве ведущего, обращают внимание все исследователи конфликта в Шри-Ланке. По мнению Balasingham, женщины-самоубийцы в LTTE представляют собой субъектов, всецело желающих мести ценой смерти. Стремление к мученичеству не обуславливается желанием очищения после какого-нибудь вида деградации, как это у палестинок, ни яростью и желанием мести, как у чеченок. Здесь нет обещания жизни после смерти, как это наблюдается в радикальных исламских организациях. В основании самопожертвования лежит желание защитить тамильский способ жизни от чужих посягательств – тамильские женщины присоединяются к «Тиграм» не для того, чтобы умереть, а чтобы бороться»¹²⁹. Тем самым, мы сталкиваемся с формой светского «информированного» мученичества, где цель смерти заранее известна: «В контексте искупления коллективной жизни ценой индивидуальной нужно понимать почитание мучеников»¹³⁰. Это дает основание утверждать, что самоубийственные миссии и смерть конструированы в дискурсе LTTE

128 **SCHALK, Peter.** 1997. *Resistance and Martyrdom in the Process of State Formation of Tamil Eelam.* <http://www.tamilnation.org/ideology/schalkthiyagam.htm>

129 **HELLMANN, Dagmar.** 2008. *Female Warriors, Martyrs and Suicide Attackers.* April 26, Berlin, Sri Lanka Guardian. <http://www.srilankaguardian.org/2008/04/female-warriors-martyrs-and-suicide.html>

130 **BALASINGHAM, Adele.** 2001. *The will to freedom: an inside view of Tamil Resistance.* Mitcham. England. Fairmax Publishing, p.289

ясно очерченными политическими понятиями. Националистический мотив подтверждается и на материале интервью других женщин-бойцов, которые заявляют, что их борьба, прежде всего, националистическая, а не феминистская¹³¹, а также и в написанных ими авторских текстах. Вопрос относительно того, находятся ли эманципация и стремление к равноправию среди мотивов, которые руководят женщинами-совершителями самоубийственных актов, является одним из самых дискутированных в научной (особенно феминистской) литературе, посвященной конфликту в Шри-Ланке. Приверженцы положительного ответа основываются на усиленном присутствии, особенно в последние годы, женской темы в дискурсе организации. Это соответствует правде. В своей речи по случаю 8-го Марта, произнесенной в 1993 г., ее лидер подчеркнул: «Сегодня молодые тамильские женщины здесь с оружием в руках, чтобы освободить эту землю в борьбе. Они делают огромные самопожертвования, которые взволновали весь мир. Я с гордостью говорю, что создание, развитие и укрепление женского военного крыла «Тигров» – это одно из самых больших завоеваний нашего движения. Это стало поворотным революционным моментом в истории освободительной борьбы женщин Тамил-Илама. Они могут достигнуть успеха на их идеальном пути к освобождению только если объединят свои усилия с освободительным движением. Они могут изменить себя и стать революционными женщинами, которые отличаются отвагой, готовностью уйти (из жизни), смелостью и самоуверенностью. Только когда они объединятся с революционным движением, которое формулировало путь к освобождению наших женщин, наша борьба станет перфектной»¹³². В той же речи отмечается, что мужской шовинизм и господство требуют не только социальных трансформаций, но и трансформаций «искаженных представлений мужчин» по отношению к женщинам и представлений женщин о самих себе».

Многие, однако, склонны оспаривать утверждение, что участие означает равноправие, точно так же, как присутствие женской темы в тамильском националистическом дискурсе не предполагает непременно их освобождения, а всего-навсего, показывает его «гендерность». В качестве доказательства указывается, что общая борьба мужчин и женщин ни в коем случае не рассматривается как модель сотрудничества в будущем мирном обществе, и что в ходе ее развития могут быть заложены основы семейной жизни, базированной на признании взаимной свободы, равенства, достоинства¹³³. Кроме того, отмечается, что в установленной «Тамильскими тиграми» политической практике женственность продолжает экспроприироваться в пользу нации, а не как достояние ее носителей. Так, например, женщинам-членам организации не

131 **GONSALVES, Tahira.** 2007. *Gender and Peacebuilding: A Sri Lankan Case Study* - Tahira Gonsalves. 28.11. <http://tamilhelp.wordpress.com/2007/11/28/gender-and-peacebuilding-a-sri-lankan-case-study-tahira-gonsalves/>

132 Цитировано по **SCHALK, Peter.** 1997. *Resistance and Martyrdom in the Process of State Formation of Tamil Eelam.* <http://www.tamilnation.org/ideology/schalkthiyagam.htm>

133 Цитировано по **SCHALK, Peter.** 1997. *Resistance and Martyrdom in the Process of State Formation of Tamil Eelam.* <http://www.tamilnation.org/ideology/schalkthiyagam.htm>

разрешается вступать в брак до определенного возраста, а когда вступят, у них нет права на семейное планирование, медицинским заведениям в контролируемых территориях запрещено давать какие-либо консультации, касающиеся этого вопроса. Это рассматривается как мера, направленная на повышение рождаемости, которая, по мнению сепаратистов, должна спасти нацию, которой грозят упадок и исчезновение. В свою очередь, государственную политику семейного планирования рассматривают как конспирацию, осуществленную с целью контролировать демографический рост тамильского населения и, следовательно, как конспирацию против тамильского дела¹³⁴. Вот почему Schalk считает, что было бы более правильно говорить о борющейся, но не освобожденной женщине, кроме своего права умереть и бороться, во всем остальном она остается сегрегированной. Создавая образ вооруженной девицы, который понятен и приемлем для широкой публики, и конструируя рамку, в которой женское насильственное поведение воспринимается как «естественное», националистический дискурс LTTE минимизирует ощущение, что подобное поведение ведет к еще большему распаду традиционного социального порядка, такого, какого не знает общество. Следовательно, феминизм сепаратистов – это ничто иное, чем опыт сохранить статус-кво женщины.

Несмотря на то, какие аргументы будут признаны, нельзя отрицать того, что дискурс сепаратистской организации избегает рамок, в которых обычно ведется дискуссия о положении женщин, рамок, наложенных дихотомией жертва-совершитель. Таким образом, он не только выводит ее в более широкий контекст других мужских и женских ролей в тамильском обществе, но успевает создать военный тип феминизма, когда женщина не теряет своей женственности, а только суспендирует ее во имя дела – она сохраняет традиционные положительные черты даже тогда, когда собственной смертью причиняет смерть другим.

Анализируя женскую мотивацию, необходимо иметь в виду и ряд ситуативных факторов. Так, например, bgun свидетельствует, что интервьюированные ею женщины-члены сепаратистской организации часто указывают в качестве мотива присоединения к ней отсутствие других жизненных шансов. Поэтому не случайно, что к «Тиграм» присоединяются чаще всего молодые женщины, которые не могут вступить в брак с членом диаспоры или которые происходят из бедных семей или семей внутренних беженцев. Однажды попав в ряды организации, они лишаются права на выбор. Вот как S. Manoganjan описывает эту ситуацию: «Большинство людей думают, что кадры приходят убежденными и с осознанной смелостью. Это не так. У кадров просто нет другого решения. Будучи избранным в «Черные тигры», другими словами, в смертники, человек не может уйти. Не может сказать: «Не могу это сделать», потому что это покроет его стыдом. В таком случае каждый скажет ему: «Ты кто? Ты никто! Нет, ты должен умереть за лидера». ...Перед выполнением миссии он будет ужинать с лидером и сфотографируется с ним. Таким образом, его будут уважать в тамильском обществе. Это вымывание мозгов. В день миссии

134 MAUNAGURU, S. 1995. *Gendering Tamil Nationalism: The Construction of «Woman» in Projects of Protest and Control*, in Jeganathan, P. and Ismail Q. (eds.), *Unmaking the Nation; The Politics of Identity and History in Modern Sri Lanka*, Colombo: Social Scientists Association, pp.158-175.

его отвозят в определенное место. За ним наблюдают. У него нет выхода. Он знает, что внутренняя разведка следит за каждым его шагом. Он уходит и умирает. Он обязан это сделать. Раз он прикрепил к телу взрывчатку, он должен умереть»¹³⁵.

Параллельно с ограниченными жизненными шансами можно предположить, что у них существует и еще один мотив: некоторые женщины видят свое будущее в организации куда более интересным и волнующим, чем то, что ожидает их в их собственной традиционной среде. Вот как раскрывает это предположение взгляд «изнутри»: «Женщины организации принадлежат к совершенно другому миру, миру, который находится за пределами нормальной жизни женщины. Именно это делает их настолько интересными и достойными восхищения. Они ведут жизнь, которая мало чем похожа на обыкновенное существование женщины. Обучение и возможность иметь при себе оружие, полевые условия, постоянное эмоциональное напряжение, вызванное опасностью потерять близкого соратника, ежедневные встречи со смертью – все это ситуации, которые большинство женщин не только желают избежать, но и чувствуют себя ужасно, попав в них. Но не женщины-бойцы LTTE. Они буквально расцветали в таких условиях и создали не только новую женскую военную структуру, но также и легенду о своей смелости и желании бороться»¹³⁶.

Один из возможных мотивов присоединения к LTTE связан с желанием избежать репрессии, которым мирное население подвергается как со стороны правительственной армии, так и со стороны сепаратистов. Это понятно, если иметь в виду, что, по данным неправительственной организации «Общество устрешенных народов», приблизительно 90% из жертв среди тамильского населения являются штатскими лицами, причем большинство из них женщины и дети. С другой стороны, массированные бомбардировки населенных мест и сражения ведут к повышению процента вдов в возрасте между 20 и 30 годами, которые должны взять на себя ответственность за содержание детей. Солдат, совершивших акты сексуального насилия над тамилками, в спорных территориях почти никогда не предают суду, а еще реже их обязывают предоставить какую-нибудь компенсацию жертвам¹³⁷.

Не подлежит сомнению то, что LTTE едва ли рассчитывает только на обстоятельства, напротив, она активно работает за создание необходимой для самоубийц мотивации. К сожалению, налицо очень мало достоверных данных о характере этого процесса. S. Manoranjan, тамильский журналист и правозащитник, который в течение 30 лет борется за дело своего общества, описывает рекрутирование будущих самоубийц следующими словами: «Из лагерей беженцев они (LTTE) забирают детей, которые потеряли своих родителей. Многим из них 5-6

135 **FRONTLINEWORLD**. 2002. Цитирано по интервюто с тамилския журналист и защитник на човешките права S. Manoranjan. May. <http://www.pbs.org/frontlineworld/stories/srilanka/feature.html>

136 **BALASINGHAM**, Adele Ann. 1993. *Women Fighters of Liberation Tigers*. <http://www.tamilnation.org/books/eelam/adeleann.htm>

137 **SOCIETY FOR THREATAENED PEOPLES**. 2001. *Violence against Tamil women in Sri Lanka*. 1 January. <http://www.gfbv.de/inhaltsDok.php?id=362>

лет. Увозят их в тренировочный центр Красного сада, расположенный, согласно разным предположениям, где-то в горах Мулативу (в речи по случаю его нового создания лидер LTTE описывает его как «университет тамиллов»¹³⁸), где они проводят два или три года в полной изоляции. ... (Эта техника индоктринирования описана многими авторами. В своей статье «Inside the Tiger Mind» от 5-го июля 1991 г. Desmond отмечает, что «черный тигр» отделен от обыкновенных кадров и прерывает все контакты с семьей.) Это место, где производятся живые бомбы. Они не знают войну. Они знают только своего лидера. Их последний ужин проходит с ним. Они считают, что умирают за него. Это все. У них нет никакой идеи, мысли, что борются за отдельное государство, и они не испытывают никакой привязанности к делу тамиллов. Ничего. Они просто роботы»¹³⁹. Огромная власть лидера и его не подлежащий сомнению авторитет также объясняют, почему «черные тигры» отдают с радостью свою жизнь за него»¹⁴⁰. Другие авторы, однако, отмечают как возможный возраст рекрутирования 14-16 лет¹⁴¹. Это предположение подтверждается полуофициальным органом сепаратистов Tamilnet, который признает, что женщина с кличкой Черная тигрица, о которой норвежский режиссер Beate Arnestad сделала фильм с названием «Моя дочь-террористка», похищена и насильственно уведена от ее родителей, когда ей было 12 лет. Это первое официальное признание, что некоторые насильственно увиденные дети обучаются как самоубийцы¹⁴².

Одним из факторов, сильно влияющим на индивидуальном уровне на решение в пользу самоубийственного выбора, является посмертное глорифицирование совершителей подобных миссий. Это достигается разными ритуалами, которые стремятся превратить погибших в ролевые модели для общества. Один из них – это чествование 5-го июля как Дня «черных тигров». В этот день зажигаются лампы перед всеми надгробными памятниками у могил погибших бойцов-смертников (после выполнения миссии делаются символические могилы без захоронения тел в них, но с надгробными памятниками). Поднимается флаг организации и демонстрируется уважение их родителям. По радио LTTE целый день идут передачи, посвященные деталям дела «черных тигров» и осуществленным ими операциям. Мемориальный комплекс, названный «Вечный дом смелых», открывается для посещения с целью, чтобы эмоционально прочувствованная атмосфера могла привлечь новых кандидатов на совершение саморазрушительных

138 **FRONTLINE WORLD**. 2002. Цитируно по интервьюто с тамилския журналист и защитник на човешките права S. Manoranjan. May. <http://www.pbs.org/frontlineworld/stories/srilanka/feature.html>

139 **FRONTLINE WORLD**. 2002. Цитируно по интервьюто с тамилския журналист и защитник на човешките права S. Manoranjan. May. <http://www.pbs.org/frontlineworld/stories/srilanka/feature.html>

140 **LTTE**. *The legitimacy of the armed struggle of the Tamil people*. <http://eelam.com/introduction/legitimacy.html>

141 *Suicide bombings: case of Sri Lanka. Insights Issue N5 March 2007*. www.grc.ae

142 **RAMOS, Pedro**. 2008. «My Daughter the Terrorist» de Beate Arnestad & Morten Daae. Cine Astoria. 12.05. <http://cineastoria.wordpress.com/2008/05/12/my-daughter-the-terrorist-de-beate-arnestad-morten-daae/>

актов¹⁴³. Чтобы прославить совершителей самоубийственных миссий, введены и другие ритуалы. До сих пор пять раз объявлялся Год мучеников, который отмечался в календаре, специально выпущенном для этой цели. С другой стороны, будущий боец во время своей инициации присягает и знакомится с ритуалом «символического засеивания». Концепция этого ритуала состоит в том, что мученик LTTE никогда не умирает, оставшееся без жизни его тело засеивают как зерно, чтобы через время оно переродилось. Schalk считает, что «засеивание» является конфиденциальным ритуалом, связанным со смертью, во время которого читается специальный текст, названный «декларацией у могилы великого героя»¹⁴⁴. Таким образом, организация создает коллективную поддерживающую среду, которая гораздо важнее религии, дела, мистического индоктринирования или индивидуальных особенностей характеров. В основе этих ритуалов лежит идея мученичества организации. По мнению Schalk, у нее есть шесть идеологических источников: первый – возрождение языка самопожертвования, выраженное понятием «аггуппи», что означает посвященность человека Богу; второй – тамильская традиция bhakti посвященности, аскетизма и независимости; третий – христианские элементы, выраженные концепцией catci, которая означает свидетель или мученик; четвертый – концепция Subhasism, которая оправдывает вооруженную борьбу, и концепция balidan, относящаяся к самопожертвованию; пятый – концепция говорящего на тамильском языке тамильского государства и шестой – наличие отношения к военному феминизму у женщин-бойцов организации¹⁴⁵. Тот же автор обращает внимание на то, что тамильская концепция мученичества различается от иудейско-христианской и что понимание LTTE о мученике лежит где-то между мучеником и героем.

В индивидуальной мотивации самоубийственных террористов значительное место занимает перспектива изменения статуса совершителя и его семьи. Он уверен, что на контролируемых сепаратистами территориях после его смерти его имя будет прославляться и восхваляться, его семья будет в почете и уважении, а фотография с лидером, сделанная во время обеда или ужина с ним, будет сохраняться как реликвия¹⁴⁶. Организация прилагает очевидные усилия, чтобы закрепить подобную уверенность: «Ваши дети больше любят, – подчеркивает Прабхакаран, – независимость материнской земли, чем жизнь. Вы должны чувствовать себя великими и гордыми, что являетесь родителями тех прекрасных людей, которые отдали свою жизнь за священную цель. Ваши дети не мертвы, они стали историей»¹⁴⁷.

143 CHANDRAN, Suba. 2003. «Born to die: The Black Tigers of the LTTE», *Peace and Conflict*, vol. 6, No.6, p.5

144 SCHALK, Peter. 1997. *Resistance and Martyrdom in the Process of State Formation of Tamil Eelam*. <http://www.tamilnation.org/ideology/schalkthiyagam.htm>

145 SCHALK, Peter. 1997. *Resistance and Martyrdom in the Process of State Formation of Tamil Eelam*. <http://www.tamilnation.org/ideology/schalkthiyagam.htm>

146 DE MEL, Neloufer. 2004. *Body Politics: (Re)Cognising the Female Suicide Bomber in Sri Lanka*. *Indian Journal of Gender Studies* 2004; 11; 75, pp.74-94, <http://ijg.sagepub.com/cgi/content/abstract/11/1/75>

147 Из речи лидера организации, произнесенной в День мучеников 12-го августа 2006 г. и опубликованной на интернет-странице организации. www.tamilnation.org/ideology/schalkthiyagam.htm

И наконец, когда задается вопрос, что мотивирует молодых тамилок жертвовать жизнью, отнимая жизнь других, не надо забывать, что смерть является частью культуры LTTE; каждый боец организации снабжен капсулой цианида, которую он должен использовать, чтобы избежать плена. Таким образом, «Черные тигры» составляют только один из элементов *субкультуры смерти*, которую организация формирует и поощряет.

В заключение можно сказать, что женские самоубийственные миссии LTTE следует понимать в контексте одного из самых непримиримых современных этнических конфликтов. Конструированные в ясно выраженных политических понятиях, таких как самоопределение и санкция, они испытывают влияние культуры и традиции, но вряд ли было бы правильным считать, что они определяются ими. Скорее всего, их устойчивость во времени следует принимать как функцию поведения одной радикальной организации, находящейся в известный период времени в состоянии острой конкуренции за поддержку тамильской общности с другими подобными. Кроме несомненных технических преимуществ, женские самоубийственные миссии имеют символическое значение для конструирования националистической доктрины LTTE и компенсации ее идеологической недоразвитости, а также и создания позитивного внутреннего и международного имиджа. Феминизирование дискурса сепаратистского и активного присутствия женской темы в нем, однако, нельзя считать индикатором большего равноправия женщин, сами они не ставят этот социальный мотив на первое место. На индивидуальном уровне более сильное влияние оказывают такие мотивы, как месть, стремление к славе, хотя бы после смерти, желание приобрести социальный статус, которого можно добиться умерев.

ГЛАВА 5

**САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ,
ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ РЕЛИГИЕЙ. ЖЕНСКИЙ
САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ЧЕЧНЕ
(2000-2004 гг.) И В ПАЛЕСТИНЕ (2002-2006 гг.)**

5. САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ, ЛЕГИТИМИРОВАННЫЙ РЕЛИГИЕЙ. ЖЕНСКИЙ САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ЧЕЧНЕ (2000-2004 гг.) И В ПАЛЕСТИНЕ (2002-2006 гг.)

5.1 Чечня

Женский самоубийственный терроризм появился во время Второй чеченской войны и быстро сфокусировал на себе общественное внимание России. После террористических атак 11 сентября он начинает привлекать внимание и международной общественности. Первая чеченка, совершившая успешный самоубийственный акт, – это Хава Бараева, которая 6-го июня 2000 г. взорвалась в российском военном лагере спецчастей (ОМОН) на пропускном пункте в Ачхой-Матане, причинив смерть 17 солдатам и ранив около 30 (по сведениям различных источников, число убитых варьирует между 7 и 27). Последний известный самоубийственный теракт с участием женщин – это теракт в Беслане 1-го сентября 2004 г., когда две террористки-смертницы самовзрываются (или их взрывают). За эти четыре года женский самоубийственный терроризм приобрел качества одной из самых травмирующих тактик чеченского сопротивления, тактики, которая поставила Россию в список стран с высоким террористическим риском. Общее число чеченок, участвовавших в успешных и неуспешных самоубийственных миссиях с 6-го июня 2000 г. до начала сентября 2004 г., составляет 39¹. Число установленных и анализированных мною случаев – 36, причем разница в результате – три теракта, о которых известно, что совершены женщинами, но они не идентифицированы. Так называемые шахидки осуществляют самые кровавые и смертоносные операции. Среди них нападение на театральный центр на Дубровке (130 убитых), взрыв двух пассажирских самолетов 14-го августа 2004 г. (90 убитых, среди них пассажиры и экипаж, уцелевших нет);² теракт 1-го сентября 2004 г. у школы № 1 в г. Беслане, совершенный с участием двух женщин (331 убитый, из них 172 ребенка, и более 700 раненых).

Несмотря на это, «черные вдовы» – термин, который впервые был использован западными, а впоследствии и российскими журналистами – становятся предметом скорее политической мифологизации, чем политического и политологического анализа. При отсутствии надежной эмпирической информации, мифы быстро занимают место ее заместителя. Препятствия перед политологическим анализом становятся вполне понятными, если иметь в виду обстоятельство, что нет элементарной ясности относительно того, кто осуществляет самоуничтожительные атаки – и сегодня все еще не опубликован полный список их совершителей. Чтобы выработать такой список, автор использует источники на русском языке, как и базу данных LexisNexis; полные жизненные истории были восстановлены на основании

1 МИКЛУХА, Юрій. *Новости террора*. 2001. www.strana.ru/stories/01/11/09/1987/227480/28-14-16

2 Личности совершителей не были идентифицированы, но известно, что они женщины

медийных источников на русском языке, базы данных Союза женщин поречья Дона и Центральноазиатской сети гендерных исследований.

5.1.1 Развитие конфликта

В исследовании российско-чеченского конфликта обособляются две основные тенденции. Согласно первой, его необходимо рассматривать в свете противопоставления, начавшегося с Кавказских войн XVIII и XIX вв.³, а согласно второй – идея гордого и никогда не покоренного горского народа, как и его вековая вражда к России, не означает ничего больше, чем политический миф, который расцветает во время управления Джохара Дудаева, но рождается за много лет до него. Считается, что его создал выдающийся российский ученый член-корреспондент Лев Штернберг, а на художественном уровне миф доразвил писатель Л. Н. Толстой, который в своей книге «Хаджи Мурат» воспекает человеческие и воинские добродетели «гордых горцев». Валерий Тишков считает, что миф об исключительных качествах чеченцев не находит доказательств ни в дореволюционной, ни в советской русской или чеченской историографии. Нужно, однако, отметить, что история российско-чеченских отношений не исчерпалась, а тем более не сводится к противопоставлению и конфронтации; налицо ряд примеров сотрудничества и взаимодействия на уровне социальных, культурных и личностных контактов с российским и русскоговорящим населением, и в особенности с казачеством. Существует огромное число смешанных браков; в Чечне практически нет рода, в котором не существовал бы подобный брак. Кроме того, в нескольких войнах чеченцы сражаются на стороне России: в Первой мировой, Русско-японской и Второй мировой войнах⁴.

Воспользовавшись Гражданской войной в России, чеченский этнос объявляет суверенитет, который сохраняется до 1920 г., когда его территория была оккупирована Красной армией. Примерно в 1921 г. был разбит Северокавказский эмират и установлена Горская АССР, которая охватывала области, населенные чеченцами, ингушами, осетинами, карачаевцами и балкарами. Сопrotивление против советской власти со стороны чеченского населения активизируется снова в начале 1930-х гг., когда КПСС предпринимает идеологическое наступление на ислам. Посягательство против традиционных ценностей и способа жизни вызывают недовольство, которое переходит в ряд бунтов (1930-1931 гг., 1932 г., 1933-1934 гг., 1937 г.). Чеченское сопротивление продолжается и после начала Великой Отечественной войны. В 1942 г. вспыхивает восстание под руководством бывшего прокурора ЧИАССР Майрбека Шерипова, который возглавил антисоветски ориентированное Временное народно-революционное правительство Чечено-Ингушетии. Приблизительно в то же время на Кавказе с участием чеченцев формируется и начинает действовать СС-дивизия. Это стало одной из причин, из-за которой после ухода немецких войск принимается решение о ликвидации

3 **LAPIDUS**, Gail. *Contested sovereignty: the tragedy of Chechenia. International Security*, Vol. 23, N1 (Summer, 1998) pp.5-49

4 **ТИШКОВ**, Валерий. Чеченцы не антеи с гранатометами. Интервью Владлена МАКСИМОВА // *Новые известия*. – 2004. <http://www.newizv.ru/news/2004-07-27/8423/>

Чечено-Ингушетии, несмотря на то, что 30000 чеченцев и ингушей воевали в рядах Красной армии и многим из них присвоено звание «Герой Советского Союза»⁵. Этот факт не предотвратил депортирования 425000 чеченцев и 95000 ингушей (78000 погибают в пути⁶, 25% – в первые пять лет после переселения⁷), которое началось 23-го февраля 1944 г., большая их часть были переселены в Казахстан, где они разделяют судьбу других «наказанных» народов Северного Кавказа, Поволжья и Крыма.

Во время правления Хрущева (и после него) протесты чеченского населения снова были задавлены силой. Правительство Хрущева, однако, предпринимает определенные действия: восстановление ЧИАССР в 1957 г., включение в нее районов русскоязычного населения, привлечение на руководящие посты представителей умеренных тейпов, которые делают ситуацию в Чечне намного управляемой⁸. Несмотря на это, интеграция Чечено-Ингушетии в советскую экономику в целом продолжает быть слабой; плохое социально-экономическое положение в республике приводит к нарастанию недовольства среди чеченцев, а демографический взрыв в 1960-х, 1970-х и 1980-х гг. еще больше усложняет положение местного населения, которое разрешает свои проблемы путем использования полуплегальной торговли и внутренней сезонной миграции в более развитые районы Союза. Увеличиваются преступность, алкоголизм и использование наркотиков, а чеченцы становятся все менее лояльными к российской власти и законам⁹. В то же время, после прекращения войны с Афганистаном, на родину возвращаются демобилизованные бойцы, в огромной своей части молодые мужчины, которые становятся одновременно «катализатором и силовой опорой поднимающегося в республике антисоветского движения»¹⁰. Движение доходит до кульминации после создания Общенационального конгресса чеченского народа (1989), который поставил себе задачу бороться за независимость республики и ее полное отделение от России. Конгресс был составлен главным образом из представителей радикальных горских тейпов, и возглавил его Джохар Дудаев. Развал СССР, развитие политического процесса в Чечне и все более осязаемая потеря легитимности советских институтов в республике вынуждают Чеченско-ингушский парламент предать власть в руки Временного совета, который созвал президентские и парламентские выборы. Националистическая предвыборная платформа Дудаева привлекает на свою сторону значительную часть избирателей; 27-го октября 1991 г. его выбрали в президенты страны,

5 **GALL, Carlota and Thomas De WALL.** 1997. *Chechenia: A small Victorious War.* London, Pan Original

6 **LIEVEN, Anatol.** 1998. *Chechenya: the tombstone of Russian power.* New Haven, CT and London: Yale University Press

7 **EVANGELISTA, Mattew.** 2002. *The Cechen Wars: Will Russia co the way of the Soviet Union?* Washington, DC, Brookings Institution

8 **БИРЮКОВ, Сергей.** История «чеченского вопроса» // *Русский журнал.* – 2001. – 13 декабря. http://faculty.oxy.edu/richmond/csp8/first_chechen_war.htm

9 **ГЕКАЕВ, Д.** Чечня – внутренний двор // *Век.* – 2000. – № 43. – С. 5.

10 **БИРЮКОВ, Сергей.** История «чеченского вопроса» // *Русский журнал.* – 2001. – 13 декабря. http://faculty.oxy.edu/richmond/csp8/first_chechen_war.htm

которая его Указом (с марта 1992 г.) переименовалась в Чеченскую Республику Ичкерия (за пределами границ Российской Федерации). В ответ российское правительство издает приказ на задержание чеченского лидера и вводит в Чечню части регулярной армии. Государственная Дума, однако, объявляет этот акт противоконституционным, в результате чего армейские части уходят, оставляя за собой 400000 единиц стрелкового оружия, 30 ЗРК, 100 единиц бронетехники, 600 установок «Град» и более 200 самолетов¹¹, которые впоследствии переходят в руки чеченского сопротивления и формируют часть его вооружения. С 1991 по 1994 г., несмотря на то, что международная общественность не признала Чечню в качестве самостоятельного государства, де-факто она существует как квазигосударственное образование, которое обладает широкой независимостью, отчасти благодаря внутривнутриполитической борьбе и конкуренции за власть между российской элитой (с одной стороны, между Ельциным, Горбачевым и твердым крылом КПСС, а с другой – между Ельциным и российским парламентом во главе с его бывшим союзником и заместителем чеченцем Русланом Хазбулатовым (после 1993 г.). В этот период российская стратегия является, скорее всего, стратегией аккомодации, нежели активного поиска решения чеченской проблемы¹², в большой степени по причине нехватки политических ресурсов – в 1993 г. Ельцин слишком занят взбунтовавшимся парламентом, чтобы позволить вовлечь себя в еще одну авантюру¹³. Поэтому до его прихода во власть он толерантен к стремлению республик к независимости – «...возьмите столько суверенитета, скольким можете управлять» – терпимость, которая исчезает почти целиком после его избрания на пост президента.

Декларация о полной независимости Чечни, опубликованная в 1993 г. правительством Дудаева, доводит республику до гражданской войны. Власть правительства ослабевает за счет власти полевых командиров, установивших вместе со своими отрядами контроль над небольшими территориями. Это привело страну к полному коллапсу; экономика на деле перестает функционировать, школы закрываются, а весной 1994 г. рабочие нефтяной промышленности начинают забастовку из-за не выплаченных за полгода зарплат¹⁴. В 1994 г. российское правительство усиливает атаки против чеченского лидера, обвиняя его в политических репрессиях, коррупции и участии в международной организованной преступности, не предпринимая при этом прямых военных действий. По мнению многих исследователей, утверждение, что в это время Чечня уже была под фактическим контролем организованной преступности, трафика оружия и наркотиков, отвечает правде и является результатом, прежде всего, ограниченного

11 **БЕЗ АВТОРА**. 1996. *Кто развязал военный конфликт в Чечне (материалы комиссии Государственной Думы под председательством С. Говорухина)* // *Правда*. – 1996. – 28 февраля.

12 **HAGAN, Joe**. 1995. *Domestic Political Explanation in the Analysis of Foreign Policy*. In Laura Neack, Jeanne Hey and Patrick Hanney, eds. *Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in Its Second Generation*. New Jersey, Prentice Hall pp.117-145

13 **BUZGLIN, Alexander and Adrei KOLGANOV**. 1995. *Behind Chechenya's Bloodbath*, 2nd February, http://www.amina.com/article/beh_blood.html

14 **BENNET, Vanora**. 2001. *Crying wolf: the return of war to Chechenya*. London, Pan, p.301

институционального развития, отсутствия лидерского опыта и значительных региональных противопоставлений, которые углублялись постоянной межклановой борьбой, мешающей ее функционированию как эффективное государство¹⁵. В результате преступность становится источником существования все большего числа чеченцев, страна постепенно превращается в «бандитскую республику», причем большинство ее лидеров являются членами бушующей в стране мафии¹⁶.

Первая чеченская война ведется между 1994 и 1996 гг. В апреле 1996 г. убили чеченского лидера Дудаева, и таким образом открылась возможность урегулирования конфликта, достигшего своей кульминации подписанием 31-го августа 1996 г. в Хасавюрте Соглашения о перемирии, но оно не решило основного вопроса: автономия или независимость. В январе 1997 г. президентом страны становится Аслан Масхадов, который скоро натолкнулся на серьезную внутреннюю оппозицию, возглавляемую радикальным полевым командиром Шамилем Басаевым и Хабибом аль-Рахманом (род. в Саудовской Аравии), более известным своей военной кличкой Ибн уль-Хаттаб. Многие считают, что это был очередной потерянный шанс укрепления государственности в Чечне и достижения мира¹⁷. Страна впадает в еще больший хаос, 200000 человек покинули свои родные места, безработица достигла 75%, Чечня становится одним из самых опасных мест в мире¹⁸. Замена российской Конституции от 1993 г. шариатом и объявленное Басаевым и Хаттабом намерение (в апреле 1998 г.) создать чеченско-дагестанский союз под исламским управлением, что окончательно бы вытолкнуло Россию с Северного Кавказа, объясняется некоторыми исследователями как индикатор того, что интересы радикальных исламистов уходили за пределы идеи о независимости Чечни.

При поддержке значительной части российской элиты и широких секторов общественного мнения в 1999 г. начинается Вторая чеченская война, которая нанесла огромные материальные и человеческие потери. Именно тогда возникает женский самоубийственный терроризм, чьим последним проявлением, насколько можно судить, являются события в Беслане 1-го сентября 2004 г. Со смертью Аслана Масхадова и Шамиля Басаева и в результате предпринятых российскими силами и их внутренними союзниками действий¹⁹ чеченское сопротивление теряет большую часть своей мощности, что ведет к прекращению военных действий. Несмотря на это, Чечня продолжает ощущать последствия войны, выражающиеся в криминализации экономической и политической жизни, низкой легитимности

15 LAPIDUS, Gail. 1998. *Contested sovereignty: the tragedy of Chechnia*. *International Security*, Vol. 23, N1 (Summer) pp.5-49

16 ATON, Leon. 2000. *Boris Yeltsin: a revolutionary life*. London, Harper Collins, p.565

17 SAKAWA, Richard. 2002. *Normative aspects of the Chechen secession bid*. Paper presented to the Annual conference of British association of Slavic and East European Studies. Fitzwillian College, University of Cambridge, 6-8 April, 1-27

18 SAKAWA, Richard. 2002. *Normative aspects of the Chechen secession bid*. Paper presented to the Annual conference of British association of Slavic and East European Studies. Fitzwillian College, University of Cambridge, 6-8 April, 1-27

19 SAGRAMOS, Domitilla. 2007. *Violence and Conflict in Russian North Caucasus*. *International Affairs* 83, 681-705

институтов, значительной безработице, которая достигает до 80% среди молодых мужчин и 50-80% – для остальной части экономически активного населения²⁰. Согласно разным источникам, в двух войнах погибли 100000 человек, а 400000-500000 жителей вынуждены были покинуть родные места²¹. Вторая чеченская война закончилась официально 16-го апреля 2009 г., когда в республике был отменен статус военной зоны.

5.1.2 Анализ на социальном уровне

Какие факторы способствовали женскому самоубийственному терроризму развиваться и найти определенное одобрение среди секторов общества, для которого самоубийство глубоко чуждо, а участие женщин в общественной жизни – строго регламентировано как традиционными, так и религиозными нормами? Чтобы найти ответ на этот вопрос, в следующем ниже тексте женский самоубийственный терроризм в Чечне будет анализирован на индивидуальном, организационном и социальном уровнях. Согласно методологии, очерченной в части о самоубийственном терроризме, анализ на социальном уровне в настоящей главе будет сконцентрирован на факторы, которые усиливают общественное одобрение женского самоубийственного терроризма. По мнению автора, в случае Чечни их три: распространение радикальных исламистских сект, появление на общественной сцене «поколения войны» и изменение и подмена авторитетов, ценностей и приоритетов традиционной чеченской культуры, что стало возможным в результате развития конфликта и наложенных им условий существования чеченского этноса.

Есть достаточно много оснований, чтобы принять, что присутствие радикальных сект, часто, но не всегда правильно объединяемых под названием «ваххабизм», является одним из факторов, которые способствовали формированию позитивных настроений в отношении самоубийственных действий среди определенных секторов чеченского общества. Чтобы оценить силу воздействия этого фактора, нужно отметить, что именно присутствие исламских сект привело к тому, что в Чечне индипендистская идея была заменена идеей джихада. В случае с Чечней, ваххабиты представляют лишь одну из многих мусульманских экстремистских сект, которые проникают в республику наряду с «Братьями-мусульманами», «Вооруженной исламской группой», «Исламской молодежью» и др. Существует ряд доказательств тесного сотрудничества с саудовскими, пакистанскими и ливанскими организациями, но также и с рядом международных организаций, уличенных в спонсировании террористической деятельности, таких как: «Всемирная исламская лига», «Всемирный исламский конгресс», «Джамаат-аль-Таблиги», «Всемирная лига исламской молодежи», «Исламский центр Японии», от которых поступает значительная материальная помощь²².

20 UN WORLD FOOD PROGRAMME. 2006. *Vulnerability analysis and mapping in the North Caucasus. Unpublished paperdraft report, p.2*

21 YALOWITZ, Kennet and Cornell SVANTE. 2003. *The critical but perilous Caucasus. Published by Elsevier Limited on behalf of Foreign Policy Research Institute, pp.1-12*

22 САВЕЛЬЕВ, Андрей. 2003. «Параллельный ислам» – идеология бандитизма. <http://www.pravoslavie.ru/analit/sobytia/parallislam.htm>

Важным вопросом анализа является то, как влияние исламизма становится возможным в обществе, которое исторически не отличается глубокой религиозностью и где жизнь общества всегда регулировалась, скорее всего, кодексом обычного права – адатом, чем религиозными нравственными и правовыми нормами. Одно из возможных объяснений влияния исламизма и радикальных интерпретаций самоубийства, самопожертвования и роли женщины может быть связано с обстоятельством, что война ведет к более сильному выявлению религиозной идентичности как части этнической идентичности. Имеющаяся информация кажется на стороне этого мнения. Согласно проведенному в 2003 г. социологическому исследованию среди чеченских женщин, каждая третья женщина приветствует создание исламского государства, причем число приверженниц идеи превышает в два раза число ее противниц. В то же время, среди женщин с высшим образованием противниц исламского государства в 2,5 раза больше, чем ее приверженниц. Каждая четвертая из анкетированных женщин относится позитивно к деятельности шариатского суда; каждая одиннадцатая ощутила реальные преимущества шариата; 15,9% заявляют, что он причинил негативные изменения в их жизни²³. Повышение религиозности само по себе, однако, не фактор, который прямо говорит в пользу насилия, а кроме того, существуют доказательства, что в Чечне джихад, скорее всего, война против российского государства и российской зависимости, нежели против христиан-иноверцев, что определяет его скорее как стратегию политического, а не религиозного действия.

Другое возможное объяснение устойчивого присутствия исламистов на политической сцене Чечни связано с их эффективным участием в войне и с поражениями, которые нанесла ей российская армия²⁴ – с одной стороны, и с другой – с действиями политической элиты, использующей исламизм или скорее его ритуальную сторону, чтобы справиться с политической оппозицией и в качестве политической мобилизации и консолидации национального единства. Инструментальный характер политической толерантности к ваххабизму доказывается, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, несмотря на отзвук, который получает женский самоубийственный терроризм в Чечне, его трудно оправдать со стороны религии и, таким образом, он не представляет предмета оживленного религиозного дебата в республике. Месяц спустя после смерти Хавы Бараевой чеченские боевики издали единственный (до сих пор) религиозный документ, который касается этого вопроса и дает ему положительную санкцию: «Молодая женщина, – подчеркивается в фетве, – которая была – во имя Аллаха – мучеником, является одной из немногих женщин, чье имя будет вписано в историю. Несомненно, своим самопожертвованием она дала блестящий пример. Сейчас россияне могут ожидать смерть в любой момент, и пусть их сердца исполняются страхом таких женщин, как она... Она сделала то, что немногие

23 **Бондаренко, Мария.** Больше половины чеченских женщин - за вывод войск. Но только каждая пятидесятая видит свою республику независимой // *Независимая газета*. – 2003. – 28 января. http://www.ng.ru/caucasus/2003-01-28/5_woman.html

24 **БЕЗ АВТОРА.** Ваххабизм и его распространение в Чечне. 2005. 13. 05. <http://io.com.ua/s5268>

мужчины сделали»²⁵. Во-вторых, существует достаточно оснований признать, что после 1992 г. Джохар Дудаев использует ваххабизм как способ придавить своих оппонентов, несмотря на то, что впоследствии запрещает его декретом президента республики. При Аслане Масхадове ваххабиты из Саудовской Аравии занимают ряд ключевых позиций: председателем Комитета кади (судей) и Верховного шариатского суда Чечни становится шейх Абдул Халим, на пост командующего Восточным фронтом был назначен Абу аль-Валид²⁶, что, скорее всего, можно рассматривать как часть сложных политических отношений между чеченским лидером и исламистами, нежели как выражение глубокой привязанности к этой религиозной доктрине. Их можно рассматривать, с одной стороны, как отношения острой политической конкуренции, а с другой – как попытку политических торгов, но не как отношения идеологического или религиозного схождения.

Наряду с присутствием исламистских групп на социальном уровне можно отметить еще два фактора, способствующие восприятию самоубийственного терроризма как валидный выбор: появление на общественной сцене «поколения войны» и изменение и подмена авторитетов, ценностей и приоритетов традиционной чеченской культуры; изменение и подмена, которые в значительной степени являются результатом распада структур традиционного общества.

Рожденные в конце 1970-х и начале 1980-х гг., известные еще как «поколение войны», – это молодые люди, социализированные главным образом в нормах насилия и с исключительно ограниченным опытом в области мирных отношений, организации и жизни. Они вырастают в атмосфере боевых действий и операций очищения, в результате которых тысячи погибают, появляются десятки тысяч внутренних беженцев, закрываются школы и блокируются системы медицинского и социального страхования.

Десоциализация рожденных и выросших во время двух войн начинается с закрытия правительством Дудаева в 1993-1994 гг. общеобразовательных, профессиональных и большей части высших школ, что не только лишило молодых людей любого доступа к европейскому образованию и культуре²⁷, но к современному образованию и культуре вообще²⁸. «Поколение войны», в отличие от своих родителей-билингвов, знает и владеет только местным языком, что еще больше сужает его и без того небольшие образовательные возможности, так как на этом языке нет научной и образовательной литературы. Таким образом, формируется «культура с оружием в руке»²⁹, культура, которая мотивирует

25 Цитировано по **NESS, Cindy**. 2005. *In the name of the cause: women's work in secular and religious terrorism. Studies in Conflict and Terrorism*, 28, pp.353-373

26 **ИГНАТЕНКО, Александр**. Ислам – жертва ваххабизма. О действительных и ложных целях глобальной антитеррористической операции // *Новая газета*. – 2002. – 18 сентября. http://religion.ng.ru/facts/2002-09-18/1_islam.html

27 **КИТАЕВ-СМИК, Леонид**. «Черные вдовы» – изобретение современных политтехнологов террора // *ЦентрАзия*. – 2004. – 09 июня. <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1094415660>

28 **БЕЗ АВТОРА**. 2007. *Забывтое поколение*. Перепечатано

29 **БАЛТИЕВ, Егор**. Интервью с Леонидом КИТАЕВ-СМЫКОМ. А теперь займемся воспитанием / *Агентство образовательного сотрудничества*. <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/7/17>

приложить усилия лишь для того, чтобы научиться воевать, выживать и побеждать в партизанской войне. У принадлежащих к «поколению войны» придавлены, по словам Марка Харрисона, те аспекты идентичности, которые связаны с любовью к жизни и установлением отношений, основанных на привязанности, симпатии и товариществе. К этому необходимо добавить и «чеченскую депрессию», по определению Леонида Китаева, от которой во время конфликта страдает 90% населения, причем как мирные жители, так и члены вооруженного сопротивления. Китаев считает, что она представляет специфическое, хотя и обратимое патологическое состояние. Накопление двух групп факторов превращает молодых людей в «контингент риска» (приближающийся к контингенту риска клинического самоубийства), при котором налицо обстоятельства, способствующие перенаправлению насильственных и деструктивных импульсов к собственной личности.

Третий фактор связан с изменением или подменой ценностей и авторитетов традиционной чеченской культуры. Согласно мнению некоторых исследователей, речь идет о процессах необратимого характера, связанных с разрушением структуры чеченского общества, чаще всего определяемого как военная демократия. Первый авторитет, к которому война отправляет вызов, это авторитет возраста. В рамках чеченской традиции, тейпы возглавляются самым взрослым мужчиной из почитаемой семьи. Эта система внутренней организации, однако, оказывается неподходящей в условиях войны, что способствует замещению авторитета возраста авторитетом военной эффективности и выживания. В ходе двух чеченских войн на практике руководители существующих на данный момент около 150 тейпов становятся полевыми командирами; три года после окончания войны ничего не указывает на то, что чеченское общество вернется к традиционным нормам военной демократии до 1994 г.

Война способствовала тому, чтобы изменялась и установленная система гендерных ролей, которая в чеченском обществе регулируется главным образом адатом, несмотря на то, что традиционные чеченские верования настолько смешались с мусульманскими в их суфистской интерпретации, что трудно разграничить одно от другого. Известно то, что как адат (традиционный кодекс обычного права, касающийся непосредственно связанных с бытом вопросов, таких как порядок уголовного судопроизводства, семейные и наследственные проблемы), так и шариат предоставляют сравнительно широкие права на участие женщины в частной, но ограничивает ее участие в публичной сфере. Несмотря на перемены в чеченском обществе, ограничение доступа и занятия позиции лидера в публичной сфере сохраняются и сегодня – по данным Марины Либоракиной на 1996 г., в Чечне есть только одна женщина-мэр. Сохранение ограничений, однако, объясняется процессом изменения ответственностей: снова, по данным того же автора, прекращение функционирования служб социальной помощи, здравоохранения и социальной инфраструктуры во время Дудаева, как и увеличивающаяся милитаризация чеченского общества, усложнили положение женщин, так как «ресурсы оказались сосредоточенными в руках военной группировки, а ответственность за выживание семьи осталась

целиком в их (женщин) руках». Накоплению фрустраций способствуют и другие, связанные с войной, факторы. Согласно социологическому исследованию среди чеченок, проведенному в 2003 г., почти все анкетированные заявили, что потеряли члена семьи или близкого человека; жизнь 9 из каждых 10 респондентов была подвергнута опасности более одного раза; больше чем у половины не было собственного жилья, из-за того, что оно было разрушено во время войны. Каждая третья готова была уехать в другой район страны, лишь бы ей и ее семье оказали материальную и экономическую помощь³⁰.

Чеченский конфликт ставит женщин чеченского этноса в особое положение. С одной стороны, в культурном отношении борьба для них продолжает быть «запретной территорией». Чеченский традиционный кодекс (в отличие от шариата) не поощряет участие женщин в боевых действиях ни при каких обстоятельствах: «...женщина, вступившая на путь войны, называемая... джеро или вдовой, независимо от того, имеет мужа или нет, осуждается обществом», так как «та, которая берется за мужские дела, даже если это дело касается отмщения за родных и близких, порочит высокую должность «дарительницы жизни»³¹. Очевидно, в условиях «новых войн» подобный традиционный запрет трудно было соблюдать: во всех известных современных конфликтах тело женщины превращается в поле сражения, в некоторых, в том числе чеченском, оно превращается в оружие в буквальном смысле слова.

В начале этого параграфа было сказано, что в силу культурных традиций, женский самоубийственный терроризм в Чечне не пользуется широким общественным одобрением. В конце параграфа я бы хотела обратить внимание на то, что любое общественное одобрение, в конечном счете, является вопросом конструирования. За период террористических самоубийственных миссий был создан ряд произведений искусств, направленных на глорифицирование их совершителей. Песни чеченского автора, исполнителя и композитора Тимура Муцураева, чье творчество, между прочим, выдержано в духе самых лучших традиций русских бардов и исполняет он их на русском языке, является примером этого. С конца 1990-х гг. этого чеченского артиста больше всего слушают, а некоторые его хитовые исполнения посвящены джихаду, мученичеству и ожидаемой награде за священную войну – попасть в рай. Два его стихотворения посвящены женщинам-совершителям самоубийственных (но не террористических) миссий: Хаве Бараевой и Луизе Газуевой. Обе связывают совершенные ими действия с национально-освободительным и религиозным мотивами:

*Агрессоры в селе Алхан-Кала куражатся, залив водярой зенки,
Но смерть, забив во все колокола, к ним устремилась в образе чеченки.
К комендантуре мчится грузовик, нагруженный пластидом и судьбою.
В его кабине виден нежный лик Хавы, решившей жертвовать собою.*

30 **БОНДАРЕНКО, Мария.** Больше половины чеченских женщин – за вывод войск, но только каждая пятидесятая видит свою республику независимой // *Независимая газета.* – 2003. – 28 января. http://www.ng.ru/caucasus/2003-01-28/5_woman.html

31 **КИТАЕВ-СМЫК, Леонид.** «Черные вдовы» – изобретение современных политехнологов террора. 2004. – 9 июня. <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1094415660>

*Вся превратившись в яростный комок, ведет она машину прямо к зданию...
 А дочь чеченца – смелая Хава – шахидом стала на пути Аллаха...
 Да, вера мусульманская права: Муъмины не испытывают страха.
 И ждет Хаву благословенный рай, сияющий своим прекрасным видом...
 Идет Джихад, спасая отчий край, быть может,
 станет весь народ шахидом...*

«Самопожертвование», посвящено Хаве Бараевой

Аналогично звучит и «Монолог Луизы Газуевой»:
*Я сделала «ният», в возмездие веря, отдав свою жизнь –
 этот Господа дар –
 Убить эту тварь с патологией зверя,
 с кровавою кличкой «гаджиев гейдар».
 Простит ли Аллах мои злые проклятья, сквернившие душу мне,
 также и плач?
 Мне ж снились мои малолетние братья, которых убил этот гнусный палач.
 Обвив своё юное тело взрывчаткой, врага поразила я молнией краткой,
 И с этой планеты его увела...
 Потом получили мы разные виды: я рай обживаю, где бродят шахиды,
 А враг мой – в аду, где-то в центре котла...»³².*

5.1.3 Анализ на организационном уровне

На вопрос, почему лидеры чеченского сопротивления рекрутируют женщин для совершения самоубийственных миссий, нет единых, однозначных ответов. Китаев-Смык пишет: «Это так потому, что женщинами легче манипулировать, и они легче поддаются психическому воздействию»³³. Это объяснение, однако, широко оспаривается. «Нет никакого доказательства, – отмечает Nacos, – что мужчины и женщины террористы фундаментально отличаются в понятиях их рекрутирования, мотивации, идеологической страсти и брутальности»³⁴. Другое возможное объяснение связано со строго детерминированной ролью женщины и ожиданиями самопожертвования во имя семьи, какие для нее предполагает чеченская культура; данная версия, однако, не может объяснить, почему эта норма и основанный на ней механизм срабатывают лишь во время Второй чеченской войны, несмотря на то, что Первая предлагала не меньше возможностей подобного действия. Индивидуальным или организованным феноменом является женский самоубийственный терроризм? Чтобы ответить на этот вопрос, в исследовании были протестированы переменные «семейные связи с боевиками» (принадлежит ли член семьи или близкий родственник к чеченскому сопротивлению?), «способы

32 Текст публикуется по версии, опубликованной на сайте: <http://audio.kavkazcenter.com/review.php?sid=13>

33 МИНАСЯН, Л. Чеченская депрессия // Новые известия. – 2003. – 11 июля.

34 NACOS, B. 2005. The portrail of female terrorists in the media: similar framing patterns in the news coverage of women in politics and terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2005, 28, pp.413-419

рекрутирования»(совершители сами рекрутировали себя или были рекрутированы представителем или представителями организации, которая берет инициативу осуществить первый контакт), «обучение» (техническая и психологическая подготовка), и «связи с представителями ваххабистской группы». Установленные результаты нашли место в следующей таблице 5.

Таблица 5 – Рекрутирование женщин-смертниц, неуспешно совершивших самоубийственные акты в Чечне

№	Имя	Семейные связи с боевиками	Способы рекрутирования	Обучение	Связи с представителями ваххабистской сектой
1.	Марета Дудуева	Нет	Рекрутирована	Да	Нет
2.	Зарема Инаркаева	Нет	Рекрутирована	Да	Да
3	Света Цагароева	Да	Сама рекрутировалась	Да	Да
4	Луиза Асмаева	Нет информации	Рекрутирована	Да	Да
5	Зарема Мухажоева	Да	Сама рекрутировалась	Да	Да
6	Медни Мусаева	Нет	Рекрутирована	Да	Да

В качестве предварительной гипотезы было принято, что готовность пожертвовать собственной жизнью была бы больше тогда, когда у совершителя есть семейные отношения с боевиками. Данные о случаях неуспешных миссий террористок-смертниц, однако, не подтверждают это заключение. Подобная корреляция существует в двух из шести случаев: у Светы Цагароевой супруг был полевым командиром в отрядах чеченского сопротивления, у Заремы Мухажоевой бабушка была сестрой полевого командира Шамиля Басаева. В то же время, со всеми неуспешными совершителями были установлены связи со стороны организации и, насколько можно понять из имеющейся информации (которую нельзя считать полной), первый шаг предпринимал вербовщик. Марету Дудуеву вербовала ее подруга, жена полевого командира³⁵. Марета Инаркаева была послана в отряды боевиков ее собственной матерью и отчимом, возможно, причиной этому стало то обстоятельство, что у девушки не было живых родственников мужского пола, которые отомстили бы за понесенные ею обиды³⁶. Луиза Асмаева была насильно уведена группой боевиков сопротивления, а Медни Мусаева, по словам ее родителей, была вербована женщиной, которая связала ее с ваххабистской группой³⁷. Вполне вероятно, что инициатива осуществить первый контакт были и у Заремы Мухажоевой и у Светы Цагароевой³⁸. Это скорее подтверждает идею, что «чеченский самоубийственный терроризм является организационной стратегией». С этой точки зрения, можно утверждать,

35 **БОРИСОВ**, Тимофей. Смертница Дудуева // *Российская газета*. – 2001. <http://www.rg.ru/proekt/tush/9.shtm>

36 **БЕЗ АВТОРА**. Женщин-камикадзе в Чечне готовят арабы. 25.10.2002. <http://www.kp.ru/daily/22662/21453/>

37 **НАДЕЖДИН**, Денис. Смертницы готовы взорваться в любой момент. 15.09.2004. <http://www.utro.ru/articles/2004/09/15/351035.shtml>

38 **РАСКИН** А. и **ПАУКОВ** В. Она обещала вернуться // *Время новостей*. – 2004. – 6 апреля. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/n-caucas/ch99/200404/40406vn.htm>

что террористы-смертники появляются не потому, что радикальные организации и идеи привлекают к себе людей с расстроенной идентичностью, а потому, что существующие радикальные организации нуждаются в людях, которых можно было бы использовать в качестве «интеллигентных бомб»: «...вовлеченные во все более асимметричную борьбу с Россией, радикальные чеченские фракции используют все средства для достижения их целей»³⁹. Рассмотренный с такого угла, самоубийственный терроризм – это средство для полного достижения организационных целей, а именно – привлечения поддержки и опыта принудить Россию уйти из Чечни и (на организационном уровне) нет ничего общего ни с индивидуальной психологией и патологией, ни с религиозным фатализмом и нетерпимостью.

Все совершители неуспешных миссий свидетельствуют, что их обучали, и они приобрели технические умения, а также были подвергнуты психологической подготовке, с целью закрепления их готовности совершить самоубийственную миссию. Их учили использовать взрывные устройства, управлять грузовыми автомобилями, совершать диверсионную деятельность. Так, например, Свету Цагарову обучал полевой командир Руслан Цагарев, которого считают одним из лучших экспертов по саботажу в Чечне. Совершители также утверждают, что их заставляли принимать наркотики и подвергали сексуальному и другому виду насилия. Эта информация не может считаться вполне достоверной, возможно, они утверждают это с целью снижения своей ответственности за совершенные действия; медицинские исследования установили наличие наркотиков только в крови Луизы Асмаевой. К тому же, все совершители свидетельствуют, что у них были контакты с ваххабитами, из чего можно заключить, что их психологическая подготовка основана, скорее всего, на других методах, отличающихся от использования алкоголя и наркотических средств.

Систематизация имеющейся информации об успешных террористках-смертницах представлена в таблице 6.

Таблица 6 – Рекрутирование женщин-смертниц, успешно совершивших самоубийственные миссии в Чечне

№	Имя	Семейные связи с боевиками	Способы рекрутирования	Обучение	Связи с ваххабитами
1	Хава Бараева	Да	Рекрутирована	Да	Да
2	Луиза Газуева	Да	Рекрутирована	Нет	Нет
3	Лидия Халдихороева	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
4	Секилат Увайсовна Алиева	Да	Рекрутирована	Да	Да
5	Заира Башировна Юпаева	Да	Рекрутирована	Да	Да
6	Райман Хасановна Курбанова	Да	Рекрутирована	Да	Да

³⁹ **REUTER**, John. 2004. *Chechenya's suicide bombers. desperate, devote or deceived? September, 16, The American Committee for Peace in Chechenya, p. 2*

7	Айман Вагутовна Хаджиева	Да	Рекрутирована	Да	Да
8	Коку Вагетовна Хаджиева	Да	Рекрутирована	Да	Да
9	Зура Резвановна Бициева	Да	Организацией	Да	Да
10	Хадчат Сулембековна Ганиева	Да	Рекрутирована	Да	Да
11	Фатима Сулимбуковна Ганиева	Да	Рекрутирована	Да	Да
12	Асет Вахидовна Гишлуркаева	Да	Рекрутирована	Да	Да
13	Малиша Даудовна Мутаева	Нет информации	Рекрутирована	Да	Нет информации
14	Зарета Дулхаевна Байракова	Нет информации	Нет информации	Да	Нет информации
15	Мадина Мовсаровна Дугаева	Нет информации	Нет информации	Да	Да
16	Седа Сеотманзатовна Елмурзаева	Нет информации	Нет информации	Да	Нет информации
17	Лиана Мусаевна Хусенова	Нет информации	Нет информации	Да	Да
18	Мариам Бувайсаровна Хаджиева	Нет информации	Нет информации	Да	Нет информации
19	Марина Небюлаевна Бисултанова	Да	Рекрутирована	Да	Да
20	Луиза Алавдиновна Бакуева	Да	Рекрутирована	Да	Нет информации
21	Аминат Хамзатовна Тушаева	Нет информации	Нет информации	Да	Нет информации
22	Алина Тумриева (со своим отцом)	Да	Нет информации	Нет информации	Нет информации
23	Зарина Алиханова	Да	Рекрутирована	Да	Нет
24	Шахидат Шахбулатовна Баймурадова	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
25	Зукья Абдурзакаева	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
26	Зулихан Елихаджиева	Да	Рекрутирована	Да	Да
27	Марем Шарипова (Зинаида Алиева)	Нет информации	Нет информации	Да	Да
28	Мариам Ташухаджиева	Да	Рекрутирована	Да	Нет информации
29	Хашидат Мангериева	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
30	Жена полевого командира Маирбека Шайбекханова	Нет информации	Нет информации	Да	Нет информации

Двадцать пять из всех тридцати успешных террористок-смертниц имеют доказанные контакты с организациями, участвующими в чеченском сопротивлении, которые готовили их к исполнению миссии. Хава Бараева была обучена своим

близким родственником, двоюродным братом Арби Бараевым, одним из известных своей жестокостью полевых командиров; у Лидии Халдихороевой, по сведениям журналистов и очевидцев, был партнер, который скрылся после взрыва; организация и совершение теракта на Дубровке требовали огромной предварительной координации и тонкой логистической работы, несмотря на то, что до сих пор нет ответа на вопрос, как было возможно, чтобы такое большое число чеченских боевиков могло приехать и расположиться в Москве, и кого надо привлечь к ответственности за то, что было допущено это нападение⁴⁰. Миссия Алины Тумриевой (добровольная или нет) и ее отца тщательно подготовлена группой сопротивления⁴¹. Зулихан Елиххаджиева арестована в аэропорту, вечером перед миссией, когда же и получила взрывное устройство, а представители организации, которая подготовила ее, идентифицированы на месте взрыва, они должны были контролировать ход выполнения миссии и снимать ее совершение⁴². То же самое относится и ко второй террористке, Марем Шариповой, которая взорвалась во время рок-фестиваля в Тушино. Нет сведений о том, кто точно подготовил Зарину Алиханову, однако, известно, что подготовка взрывного устройства, чем был начинен грузовик, которым она управляла, требовала высоких профессиональных умений. Что касается террористического акта в Беслане, известно более чем необходимо доказательств в пользу того, что он тщательно был подготовлен, несмотря на то, что, согласно медийным источникам, одна из женщин-участниц не была заранее информирована о целях миссии. О трех женщинах в моей базе данных не было достаточной информации, которая позволила бы утверждать, что они были специально подготовлены, а одна – Луиза Газуева, вероятно, организовала самоубийственную миссию как акт личной мести офицеру, виновному в смерти ее мужа.

При исследовании этой группы переменных привлекает внимание не просто наличие связи с организацией, но и характер самой связи. В большинстве случаев рекрутирование осуществлено или облегчено членом семьи или родственником мужского пола. Эффективность в большей степени основывается на культурной непотической норме, означающей, что «наши близкие желают нам только добра». Вот почему их жесты не могут быть отброшены или, по крайней мере, не могут быть отброшены в традиционных обществах со строго регламентированными образцами поведения, каким является чеченское. Во-вторых, в подобном обществе женщине тяжело оспаривать слово мужчины семьи, поскольку в парадигме чеченской культуры мужчина ответственен за принятие решений. И в-третьих, установленные связи с организацией имеют особый характер, это «привилегированные связи», имея в виду, что они осуществляются или облегчаются отцом, братом или женихом, вследствие чего сами по себе имеют сильный мотивирующий эффект.

40 **ТРЕТЬЯКОВ В.** Теракт на Дубровке // *Российская газета*. – 2003. – 23 октября. <http://www.rg.ru/2003/10/23/tretjakov.html>

41 **КУЛИКОВА, М.** Шахидское счастье // *Огонек*. – 2003. – № 37. www.ogoniok.com/archive/2003/4807/28-14-16/

42 **ДЮПИН, Сергей.** Теракт в Тушино. 2003. www.compromat.ru/main/chechnya/tushino.htm

Согласно собранной мной информации, после рекрутирования организацией женщины специально обучаются совершению самоубийственной миссии. При успешных совершениях терактов только в пяти случаях нет достаточных доказательств о прошедшем обучении; в некоторых из индивидуальных и совершенных маленькими группами терактов налицо прямые доказательства подобной подготовки (Хава Бараева, Зулихан Елихаджиева, Марем Шарипова). В случаях коллективных действий доказательства индиректные; предполагается, что участницы должны были быть подготовлены, так как операции подобного масштаба требуют значительной предварительной подготовки и создания команды. Доказательства этому были обнаружены и в записках очевидцев и пострадавших при терактах на Дубровке и в Беслане. Согласно Speckhard et al., «заложники заметили, что действия террористов тщательно согласованы и, очевидно, заранее подготовлены»; у них также создалось впечатление, что заранее подготовленное изъятие и очевидная готовность совершителей встретить смерть являются «результатом определенного группового индоктринирования»⁴³. Что касается использованных средств, здесь можно предположить, что женщины, применявшие средства, действия с которыми требуют большего умения (например, взрывчатка, прикрепленная к телу (шахидский пояс) или управление грузовиком, нагруженным взрывчаткой), тоже специально обучались. Мало вероятно, чтобы индивидуальный совершитель, тем более когда это женщина, купила сама или угнала грузовик, выработала и подготовила взрывное устройство и т. д.

Усвоение технических умений представляет только один из элементов подготовки; другой – это индоктринирование, направленное на максимизирование готовности на самопожертвование. Существуют различные гипотезы о том, каким способом осуществляется этот процесс. Согласно некоторым мнениям, женщин заставляли принимать алкоголь⁴⁴ или наркотики⁴⁵ для ослабления воли и увеличения зависимости от организации⁴⁶. Существуют и другие мнения, согласно которым соотечественники подвергали их сексуальному насилию⁴⁷. Анализ собранной информации, однако, не подтверждает подобных констатаций. Во-первых, потому что наркотики не принадлежат к чеченской культуре, и медицинские анализы как задержанных живых, так и убитых террористок, за небольшими исключениями, не показывают наличия таковых. Во-вторых, сексуальное насилие над женщиной санкционируется исключительно негативно обычным чеченским правом и может стать причиной кровной мести, объектом которой становится вся семья совершителя. Это не означает, что отбрасывается существование подобных инцидентов, но если они встречаются, то это именно инциденты, скорее всего исключения, нежели правило, а что касается медийной популярности этих

43 **SPECKHARD, A., TRABINA, N., KRASNOV, V. and AKHMEDOVA, K.** *Research note: observation of suicidal terrorists in action. Terrorism and Political Violence* 16 (2) Summer, pp.

44 **СТЕПАШИН С.** *Вопрос дня // Комсомольская правда. — 2003. — 8 июля.*

45 **ГЕРАСИМЕНКО С.** *Смертниц готовят системно. Комсомольская правда. — 2003. — 16 июля.*

46 **КРЕДОВ С., ШАРОВ А.** *Смертниц взорвали? // Российская газета. — 2003. — 8 июля.*

47 **КОЦ А., ВЕЛЕНГУРИН В.** *«Гуляющая» шахидка с Тверской // Комсомольская правда. — 2003. — 17 июля.*

версий⁴⁸, то ее можно рассматривать «просто как наш европейский опыт как-то рационализировать их действия»⁴⁹. Более достоверным было бы допустить, что индоктринирование связано с организациями, придерживающимися радикальных интерпретаций ислама, и с социальными сетями, которые они создают; механизм их действий был объяснен в одной из предыдущих глав. Чтобы установить, отвечает ли это правде в чеченском случае, был тестирован фактор «связь с ваххабитами», при условии, что речь идет о самых разнообразных исламистских доктринах. Пять из шести совершителей неуспешных миссий имели подобные контакты; среди успешных террористок-смертниц для пятнадцати существуют такие доказательства; у одной точно не было связи с исламистскими группами, а об остальных нет информации.

С уменьшением интенсивности российских военных действий в 1995 и 1996 гг. нарастает число осуществленных террористических нападений, которые достигли своей кульминации в последний год межвоенного периода – 1999 г.

5.1.4 Анализ на индивидуальном уровне

Автор глубоко убежден в том, что индивидуальная мотивация является необходимым элементом анализа, но не с подходящей точкой его начала. Как уже было отмечено во второй главе, самоубийственный терроризм не может получить удовлетворительное объяснение на индивидуальном уровне; террористы-смертники появляются тогда, когда возникает организация, заинтересованная в осуществлении атак, вследствие которых отнятие собственной жизни явилось бы условием отнятия чужой. В Чечне, однако, дифференцирование обособленных политических субъектов, совершающих самоубийственные миссии, оказалось слишком ненадежным из-за ряда причин, первая среди которых – это известное обстоятельство, что чеченское сопротивление в значительной степени конституируется не из организаций с ясно очерченными идеологическими различиями, какие мы находим в остальных известных нам случаях, а из отрядов самостоятельно действующих полевых командиров, чьи интересы чаще всего связаны с непосредственной защитой населения во время боевых действий или с экономикой конфликта, которая продолжает быть слабо изученной. По этой причине анализ женского самоубийственного терроризма в Чечне, осуществленного на основе реконструкции жизненных историй совершителей, ставит ударение на индивидуальный аспект, несмотря на упомянутые выше риски.

В своей книге «Невесты Аллаха» Юлия Юзик утверждает, что в Чечне есть два типа женщин, которые склонны принять мученичество. Одним из них по 30–40 лет, они «неудачницы», у которых нет нормальной личной жизни или они испытали глубокую личную травму или неудовлетворение⁵⁰, а вторым – 17–25

48 **ЩЕБЛАНОВА, В.Е.Р. АРСКАЯ СМЕРНОВА, П.В. ПОМАНОВ.** Женщины-террористки в интерпретативных моделях СМИ / Дискурс-анализ газетных публикаций: Гендерные исследования. Центральное-азиатская сеть. <http://www.genderstudies.info/smi/smi10.php>

49 **КУЛИКОВА, М.** Шахидское счастье // Огонек. – 2003. – № 37. www.ogoniok.com/archive/2003/4807/28-14-16

50 **ЮЗИК, Юлия.** Невесты Аллаха: Лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России. – М.: Ультра. Культура, 2002. – 174 с.

лет, они молодые девушки из ваххабистских семей, воспитанные подчиняться мужчинам своей семьи и выполнять беспрекословно их решения. Есть и другие предположения, относящиеся, как и выше сказанное, к индивидуальной психологии или патологии совершителей. Чтобы проверить, насколько они основательны, введенные мною переменные были проверены на материале жизненных историй совершителей.

При анализе самоуничтожительных миссий в Чечне автор установил 6 случаев неуспешных самоубийственных атак и 30 случаев успешных, информация о них систематизирована в таблице 7.

Таблица 7 – Чечня: неуспешные женские самоубийственные миссии (с 7 июня 2000 г. по 1 сентября 2004 г.)

№	Имя	Время миссии	Место миссии	Число раненых	Число убитых	Средство	Мишень
1	Марета Дудуева	19.12.2001г.	Грозный, Чечня	1 (совершительница)	-	Грузовик, начиненный взрывчаткой	Здание комендатуры милиции
2	Зарема Инаркаева	15.02. 2002 г.	Грозный, Чечня	-	-	Сумка с взрывным устройством, мина	Здание комендатуры милиции
3	Света Цагароева	Весна 2002 г.	-	-	-	Грузовик, начиненный взрывчаткой	Военные
4	Луиза Асмаева	23.06. 2003 г.	Грозный, Чечня	-	-	Грузовик, начиненный взрывчаткой	Нет информации
5	Зарема Мужахоева	09.07. 2003г.	Москва, Россия	-	1 (полицейский эксперт по обезвреживанию мин)	Сумка с взрывным устройством	Штатские
6	Медни Мусаева	09.09. 20 04г.	Ростов-на-Дону, Россия	-	-	Предполагается, что речь идет о прикрепленной к телу взрывчатке	Предполагается, что это были штатские

Как видим, три миссии было планировано осуществить в столице – г. Грозном, две – в России (в Москве и Ростове-на-Дону); не была найдена информация о предполагаемом месте совершения миссии Светы Цагароевой⁵¹, но есть мнение, что самодетонация должна была осуществиться в Чечне. Что касается средств, в трех случаях использован грузовик, начиненный взрывчатой, в двух – сумки с взрывчаткой и в одном (Медни Мусаевой) предполагается, что самовзрывание планировалось совершить при помощи прикрепленной к телу взрывчатки. Мишени в этих терактах следующие: в двух случаях целью взрыва были полицейские

51 **БЕЗ АВТОРА**. 2004. Зарема Мужахоева обжаловала приговор в Верховном суде. *Russia in the World*. <http://pda.lenta.ru/russia/2004/04/19/mujahoeva/>

участки (Мареты Дудаевой и Заремы Инаркаевой), в одной миссии была запланирована против военного персонала и сооружений; Марета Мужагоева должна была взорваться в московском ресторане «Мон Кафе» на ул. Тверская-Ямская, 4; Медни Мусаева, предположительно, тоже готовилась взорваться среди невооруженных граждан.

Таблица 8 – Чечня: успешные женские самоубийственные миссии (с 7 июня 2000 г. по 1 сентября 2004 г.)

№	Имя	Время миссии	Место миссии	Число раненых	Число убитых	Средство	Мишень
1.	Хава Бараева	07.06.2000	Алхан-Юрт, Чечня	27	Между 17 и 27	Грузовик, начиненный взрывчаткой	Российские воинские части
2.	Луиза Газуева	29.11.2001	Урус-Мартан	-	-	Взрывчатка, прикрепленная к телу	Российский офицер
3	Лидия Халдихороева	05.06.2003	Автотрасса Моздок – Прохладное	-	-	-	-
4	Секилат Увайсовна Алиева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
5	Заира Башировна Юпаева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
6	Райман Хасановна Курбанова	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
7	Айман Вагитовна Хаджиева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
8	Коку Вагетовна Хаджиева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
9	Зура Резвановна Бициева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
10	Хадчат Сулембековна Ганиева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
11	Фатима Сулимбуковна Ганиева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
12	Асет Вахидовна Гишлуркаева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
13	Малиша Даудовна Мутаева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
14	Зарета Дулхаевна Байракова	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские

15	Мадина Мовсаровна Дугаева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
16	Седа Сеотман-затовна Елмурзаева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
17	Лиана Мусаевна Хусенова	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
18	Мариам Бувайсаровна Хаджиева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
19	Марина Небулаевна Бисултанова	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
20	Луиза Алавдинова Бакуева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
21	Аминат Хамзатовна Тушаева	23-26.10.2002	Театр на Дубровке, Москва, Россия	-	130	Нападение на театральный центр	Штатские
22	Алина Тумриева (со своим отцом)	27.12.2002	Дом правительства, Грозный, Чечня	-	-	-	-
23	Зарина Алиханова	12.05.2003	Надтеречный район, Чечня	-	-	-	-
24	Шахидат Шахбулатова Баймурадова	14.05.2003	Хасаф-Юрт, Чечня	-	-	-	-
25	Зукая Абдурзакаева	14.05.2004	Хасаф-Юрт, Чечня	-	-	-	-
26	Зулихан Елихаджиева	05.07.2003	Рок- фестиваль, Тушино, Россия	-	-	-	Штатские
27	Марем Шарипова (Зинаида Алиева)	05.07.2003	Рок- фестиваль, Тушино, Россия	-	-	-	Штатские
28	Мариам Ташухаджиева	27.07.2003	Цацан-Юрт, Чечня	-	-	-	-
29	Хашидат Мангериева	09.12.2003	Гостиница «Националь», Москва, Россия	-	-	-	Штатские
30	Жена полевого командира Маирбека Шайбекханова	02.09.2004	Беслан, Осетия	Свыше 700	331	Нападение на школу	Штатские

Как видно из таблицы, самые кровавые успешные миссии совершены за пределами Чечни, на территории России и Осетии, почти все, за небольшим исключением, направлены против штатских граждан и сооружений.

Демографические характеристики совершителей неуспешных самоубийственных миссий отражены в таблице ниже.

Таблица 9 – Совершители неуспешных самоубийственных актов (с 7 июня 2000 г. по 1 сентября 2004 г.)⁵²

№	Имя	Возраст	Семейное положение	Дети	Образование	Профессия
1.	Марета Дудуева	16	Незамужем	Нет детей	Не посещала регулярно школу из-за войны	Безработная
2.	Зарема Инаркаева	16	Незамужем	Нет детей	Не посещала регулярно школу из-за войны	Безработная
3	Света Цагароева	13	Вдова	Нет детей	Нет информации	Безработная
4	Луиза Асмаева	24	Нет информации	Беременная	Нет информации	Нет информации
5	Зарема Мужахоева	23	Вдова	Один ребенок	Окончила основную школу (8 классов)	Безработная
6	Медни Мусаева	16	Незамужем	Нет детей	Окончила основную школу	Безработная

Большинству женщин, совершивших неуспешные самоубийственные миссии, не было полных 16 лет, двум было между 20 и 25 годами, самой молодой из них – 13 лет, старшей – 24. Трое из них были незамужем, две – вдовами, об одной не было информации. У одной из шести совершителей был один ребенок (дочь); одна на момент совершения самоубийственной миссии была беременной. Большинство девушек посещали школу нерегулярно или только на определенный период, по причине того, что в 1993-1994 гг. учебные заведения Чечни были закрыты. Все были безработными.

К сожалению, полную информацию о женщинах, совершивших успешные миссии, невозможно собрать. Автор располагает исчерпывающими сведениями лишь об их возрасте. По возрастному признаку они распределяются так: двум из них было по 16 лет; двум другим – 18 лет; 16 были в возрасте между 18 и 30 годами; трое других – между 30 и 40 годами; возраст двух – между 40 и 52 годами; об остальных четырех нет сведений.

Результаты тестирования второй группы переменных отражены в таблице 10.

⁵² Судьба неуспешных совершителей после их задержаний различна. Свету Цагароеву приговорили к 5 годам тюрьмы, Марету Дудуеву – к 10, а Зарему Мужахоеву – к 20. В случае Заремы Инаркаевой не было осудительного приговора, так как было признано, что цель миссии ей была неясна. Девушка находится под полицейской защитой из-за опасений, что может стать объектом карательной акции со стороны боевиков. Медни Мусаевой предложили воспользоваться программой защиты свидетелей, но она отказалась, так как предпочла остаться со своей семьей. Луиза Асмаева умерла через несколько дней после ареста, как записано в медицинской документации, от «полного истощения организма».

Таблица 10 – Потери, травмы и «грехи» женщин-совершителей неуспешных терактов

N	Имя	Потери (причиненные войной)	Другие травмы (связанные или не связанные с войной)	«Грехи»
1.	Марета Дудуева	Нет	Да	Да
2.	Зарема Инаркаева	Нет	Да	Да
3	Света Цагароева	Да	Нет	Нет информации
4	Луиза Асмаева	Нет информации	Да	Да
5	Зарема Мужахоева	Да	Да	Да
6	Медни Мусаева	Нет	Нет информации	Нет информации

Согласно собранной информации, три девушки не могли пережить потерь членов семьи или близких родичей. Одна из них – Света Цагароева – лишилась мужа (известного полевого командира), к которому была глубоко привязана; потерю близких пережила и Зарема Мужахоева; о Медни Мусаевой не было найдено информации. Следовательно, у двух женщин мог быть мотив личной мести; Зарема Мужахоева, потерявшая 38 родных (8 из них женщины)⁵³, которые, однако, не были членами ее семьи, заявляет, что не пожелала взорвать взрывное устройство⁵⁴, следовательно, потери, причиненные войной, не были для нее мотивом осуществления самоубийственной миссии.

В то же время, в четырех случаях совершители пережили какую-то индивидуальную травму (причиненную или не причиненную войной). У Мареты Дудуевой были проблемы с родителями⁵⁵; отец Заремы Инаркаевой, который был россиянином, умер в 1994 г.; Зарему Мужахоеву мать бросила, и они встречались только на местных праздниках, отца убил в 1990 г. соотечественник в пьяной драке, а мужа убил конкурент-соотечественник; Луиза Асмаева была мальтретирована в тренировочном лагере⁵⁶.

У четырех террористок-смертниц персональная травма появилась в результате совершения какого-то «греха», или была комбинирована с «грехом» – действием или состоянием, из-за которого женщины подвергнуты стигме со стороны местной общности и общества в целом. Марета Дудуева поддерживала сексуальные отношения (без брака) с 12-летнего возраста; когда Зареме Инаркаевой было 13 лет, ее похитил сверстник, но так как она не вступила с ним в брак, ее вернули в родной дом, и там она подвергалась унижениям и гнету со стороны отчима; Зарема Мужахоева украла у своих родных драгоценности, чтобы сбежать с дочерью, с которой не могла видеться из-за запрета со стороны семьи ее супруга; Луиза Асмаева стала жертвой сексуального насилия⁵⁷.

53 **БЕЗ АВТОРА.** Монолог агента ФСБ, проведшего несколько месяцев в одной камере с террористкой Мужахоевой. Записал Вячеслав Измайлов // Новая газета. – 2004. – № 33. – 17 мая. <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/33n/n33n-s05.shtm>

54 **БЫКОВ, Дмитрий.** Не везет мне в смерти // Огонек. – 2004. – №40. <http://www.ogoniok.com/archive/2004/4830/03-12-16/>

55 **БОРИСОВ, Тимофей.** Смертница Дудуева // Российская газета. – 2001. <http://www.rg.ru/proekt/tush/9.shtm>

56 **ФОМИЧЕВ, Андрей.** Террористов подвел армейский «уазик». 23.06.2003. <http://www.utro.ru/articles/2003/06/23/208290.shtm>

57 **ФОМИЧЕВ, Андрей.** Террористов подвел армейский «уазик». 23.06.2003. <http://www.utro.ru/articles/2003/06/23/208290.shtm>

О женщинах, совершивших успешные самоубийственные миссии, аналогичные результаты показаны в таблице 11.

Таблица 11 – Потери, травмы и «грехи» женщин-совершителей успешных самоубийственных атак в Чечне

N	Имя	Потери (причиненные войной)	Другие травмы, (связанные или не связанные с войной)	«Грехи»
1.	Хава Бараева	Да	Нет информации	Да
2.	Луиза Газуева	Да	Да	Нет
3	Лидия Халдихороева	Да	Нет информации	Нет информации
4	Секилат Увайсовна Алиева	Да	Да	Нет
5	Заира Башировна Юпаева	Да	Нет информации	Нет
6	Райман Хасановна Курбанова	Да	Да	Да
7	Айман Вагутовна Хаджиева	Нет	Да	Нет
8	Коку Вагетовна Хаджиева	Нет	Да	Нет
9	Зура Резвановна Бициева	Да	Да	Нет информации
10	Хадчат Сулембековна Ганиева	Да	Да	Да
11	Фатима Сулимбуковна Ганиева	Да	Да	Да
12	Асет Вахидовна Гишлуркаева	Да	Да	Да
13	Малиша Даудовна Мутаева	Да	Нет информации	Нет информации
14	Зарета Дулхаевна Байракова	Да	Да	Нет информации
15	Мадина Мовсаровна Дугаева	Нет информации	Нет информации	Нет информации
16	Седа Сеотманзатовна Елмурзаева	Нет информации	Нет информации	Нет информации
17	Лиана Мусаевна Хусенова	Да	Нет информации	Нет информации
18	Мариам Бувайсаровна Хаджиева	Да	Нет информации	Нет информации
19	Марина Небюлаевна Бисултанова	Да	Да	Да
20	Луиза Алавдиновна Бакуева	Да	Да	-
21	Аминат Хамзатовна Тушаева	Да	Нет информации	-
22	Алина Тумриева (со своим отцом)	Да	Да	-
23	Зарина Алиханова	Да	Да	-
24	Шахидат Шахбулатовна Баймурадова	Нет информации	Нет информации	-
25	Зукья Абдурзакаева	Нет информации	Нет информации	-
26	Зулихан Елихаджиева	Да	Да	-
27	Марем Шарипова (Зинаида Алиева)	Да	Да	-
28	Мариам Ташухаджиева	Да	Да	-
29	Хашидат Мангериева	Нет информации	Нет информации	-
30	Жена полевого командира Маирбека Шайбекханова	Да	Нет информации	-

Как можно видеть, потеря близкого человека играет значительную роль в выборе самоубийственного терроризма. В большинстве случаев (23 из 30) существует информация о такой потере. В то же время, половина совершителей успешных самоубийственных миссий пережили и другие травмы, такие как

унижение, семейные проблемы, ограничение права передвижения, выселение; об остальных террористках не найдено информации.

Например, отец Зуры Бициевой, алкоголик, был убит своим соотечественником в пьяной драке в 1988 г.; Марина Бисултанова убежала из семьи своего мужа и не пожелала снова вернуться туда; Алина Тимурова была похищена и насильно уведена своим отцом, которого встретила впервые через много лет после развода с ее матерью. Некоторые из совершителей успешных самоубийственных миссий становятся жертвами стигмы из-за совершенного ими «греха». Райман Курбанова разводится со своим мужем, так как не может родить детей; сестры Хаджиевы остаются незамужними из-за психического заболевания; Асет Гишлуркаева развелась и вышла замуж во второй раз; Зулихан Елихаджиева поддерживает сексуальные отношения со своим сводным братом, таков случай и Хавы Бараевой и ее двоюродного брата; Марем Шарипова делает аборт. Можно принять, что чеченский случай стигмы способствует индиректно решению, создавая при этом предпосылки, позволяющие привлекать этих женщин в исламистские секты или радикальные группы. После включения в свою общность, их сравнительно легче индоктринируют и подготавливают к уничтожительной и самоуничтожительной миссии. Отсутствие в большинстве случаев записей предсмертных слов или других письменных документов, раскрывающих их индивидуальную мотивацию, не позволяет сделать однозначные выводы.

На основании сделанного анализа можно заключить, что женский самоубийственный терроризм в Чечне возникает как организационный феномен с ясно очерченными инструментальными целями, который сначала не пользуется одобрением чеченского общества и не толерируется преобладающими в нем культурными и религиозными нормами. В ходе попыток трансформировать природу конфликта из индипендистского в религиозный эта поддержка, оказывается, увеличивается. Этому способствует распад традиционных общественных структур, культурных норм и кодексов, осуществленный в ходе конфликта, сопровождающегося насилием, который изменяет условия существования чеченского этноса, проникновение исламских идей и движений в республику, появление на сцене общественной жизни «поколения войны», социализированного исключительно в нормах насилия и разрушения авторитетов традиционной чеченской культуры, что ведет к частичному изменению структуры гендерных ролей чеченского общества. Женский самоубийственный терроризм может быть лучше понят в контексте современного этапа российско-чеченских отношений, в качестве стратегического выбора вовлеченной в конфликт политической элиты, направленного на достижение целей их публичной и непубличной повестки дня, одна из которых относится к продолжению войны и созданного ею состояния хаоса, беззакония и расцвета нелегальной экономики, связанной как с незаконными трафиками, так и с неправомерным присвоением предоставленной Россией помощи. Можно утверждать, что одна из причин привлечения женщин со стороны чеченского сопротивления – это сильное послание, которые женские самоубийственные акты несут. Каждый обзор российского и международного журналистского дискурса показывает увеличенный интерес как раз к терактам,

совершенным женщинами. Это относится и к определенным секторам российского общественного мнения.

В ходе этого исследования не были найдены убедительные доказательства того, что религиозный мотив является основным при принятии индивидуального решения, а также что самоубийственное террористическое насилие является ответом на насилие, осуществляемое российской стороной, так как по времени нет соответствия между ними. За счет этого, среди совершителей было установлено значительное число женщин с утвержденной идентичностью в результате потерь и травм, связанных или не связанных с войной, как и женщин в стигме, понимаемой в качестве действия или состояния, которые не допускаются общностью и обществом в целом.

5.2 Палестина

В хронологическом плане, палестинские радикальные организации начинают использовать женщин для совершения самоубийственных террористических актов через два года после чеченского сопротивления, причем первая успешная миссия осуществлена 27-го января 2002 г. 27-летней Wafa Idris. За исследованный период вследствие женских самоубийственных атак убито 53 человека и сотням других нанесен вред⁵⁸.

Четыре радикальные палестинские организации (не считая связанных с ними военных группировок) прибегают к использованию самоуничтожительных, в том числе и осуществленных женщинами, атак. Самая активная из них – «Хамас» (до 2003 г. осуществила 51 атаку, до апреля 2004 г. – 80 атак), в то же время, до второй интифады на втором месте стоит «Палестинский исламский джихад» (до 2003 г. – 27 атак, к апрелю 2004 г. – 44 атаки⁵⁹). До ноября 2001 г. ответственность за все теракты берут на себя эти две организации. После 29-го ноября 2001 г., когда была совершена первая самоубийственная атака от имени «ФАТХ-Танзим»⁶⁰, в поле самоубийственного терроризма появляется новый актер, тесно связанный с Палестинской автономией. Во время интифады и после нее оружие самоубийственных миссий используется с самой большой интенсивностью вооруженным крылом ФАТХ – «Бригадами мучеников Аль-Аксы», которые осуществили 31 атаку. В период с июля 2001 г. до февраля 2002 г., когда самоубийственные операции против Израиля достигают своего пика, в 80% случаев ответственность за успешно осуществленные миссии берет на себя или эта организация, или «Палестинский исламский джихад»⁶¹.

58 ZEDALIS, DEBRA. 2004. *Female suicide bombers. Strategic Studies Institute, US Army War College, June.* <http://www.carlisle.army.mil/ssi/pdf/files/00373.pdf>

59 Данные за 2004 г. даны по MERARI, Ariel. 2004. *Suicide Terrorism in the Context of the Israeli Palestinian Conflict. Presented at the Suicide Terrorism Research Conference, National Institute of Justice, Washington.* <http://www.nijpcs.org/terror/Merari%20Paper.pdf>

60 KIMHI, Shaul and Shemuel EVEN. 2004. *Who Are the Palestinian Suicide Bombers? Terrorism and Political Violence, Vol. 16, No. 4 (Winter), pp. 815–840*

61 GABRIEL, Ben-Dor, Ami PEDAHZUR and Arie PERLIGER. 2002. *National Security Study Center Bulletin, Oct. pp. 1-3*

Наименьшее число самоубийственных атак осуществляет «Народный фронт освобождения Палестины» – до 2003 г. только 3 атаки⁶², а к апрелю 2004 г. – 9 атак⁶³. Организатор части этих атак не может быть идентифицирован, так как никто не взял ответственность за них⁶⁴. За десять лет (1993-2003 гг.) 311 террористов-смертников реализовали атаки против израильских целей, причем в первые семь лет 70% (43 из 61 опыта) из них были успешными. С начала второй интифады, с сентября 2000 г. по 2003 г., несмотря на то, что число успешных атак уменьшается на 52%, в абсолютном выражении они увеличиваются от 61 до 250⁶⁵.

Самоубийственный терроризм в Палестине является фактором с огромным психологическим, политическим и стратегическим воздействием. Воздействие, согласно некоторым исследователям, настолько велико, что ведет к изменению природы конфликта, влияет на состояние двусторонних отношений и на внутреннюю политику Израиля, очерчивается как основная стратегическая угроза его безопасности⁶⁶ и лежит в основе таких крайних решений и мер, как сооружение защитной стены и осуществление целенаправленных убийств палестинских лидеров⁶⁷. Чтобы получить представление о величине проблемы, следует отметить, что согласно предположениям специалистов, работающих в сфере антитерроризма, успешные миссии представляют не больше 10% всех подготавливаемых терактов⁶⁸. Что касается женских самоубийственных терактов, то они не различаются существенным образом в этом аспекте. Это можно увидеть из соотношения между числами успешных и неуспешных женщин-совершителей, которое к январю 2003 г. составило 1:6 (4 успешных теракта приходится на 24 неуспешных, остановленных непосредственно перед выполнением миссии)⁶⁹. Если принять во внимание, что часть миссий не смогли быть ни выполненными, ни раскрытыми, а остались неосуществленными по другим причинам – техническим, тактическим или психологическим, можно без особого риска утверждать, что то, что мы видим, является только вершиной айсберга. Несмотря на то, что в наблюдаемый период женские самоубийственные миссии составляют всего лишь 3% всех успешно осуществленных самоубийственных терактов, по

62 Данные относятся к периоду 1993-2003 гг.

63 **MERARI, Ariel.** 2004. *Suicide Terrorism in the Context of the Israeli Palestinian Conflict. Presented at the Suicide Terrorism Research Conference, National Institute of Justice, Washington.* <http://www.nijpcs.org/terror/Merari%20Paper.pdf>

64 **CHARLESWORTH, William.** 2003. *Profiling Terrorists: A Taxonomy of Evolutionary, Developmental and Situational Causes of a Terrorist Act. Defence and Security Analysis, Vol 19, N3, September, pp.241-264*

65 **MIDDLE EAST REPORT DATABASE (MERED).** 2004. August, 14, www.mered.org

66 **SOIBELMAN, Mali.** 2004. *Palestinian Suicide Bombers. Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling 1, pp.175-190*

67 **GUIORA, Amos.** 2004. *Paper presented at the War Crimes Research Symposium: «Terrorism on Trial» at Case Western Reserve University School of Law, sponsored by the Frederick K. Cox International Law Center, on Friday, Oct. 8*

68 **WEINBERG, Leonard, PEDAHZUR, Ami and NISIM, Daphna Canetti.** 2003. *The social and religious characteristics of suicide bombers and their victims. Terrorism and Political Violence, vol. 3(Autumn), pp.139-153*

69 **PERRY, Smadar.** 2003. *«We Have Lost the Fear of Dying», Yediot Aharonot, (19 December) pp.16-17*

мнению Schweitzer, женщины представляют приблизительно 16% общего числа подготавливаемых террористов-смертников⁷⁰.

Воздействие самоубийственных атак нужно искать в разных направлениях. Во-первых, они являются основной причиной потери человеческой жизни в стране. Из-за паники, страха и чувства постоянной уязвимости, которые они создают⁷¹, их все больше определяют как стратегическую угрозу безопасности страны, так как редуцируют возможность укреплять рутину повседневной жизни и осуществлять социальные и экономические цели израильского общества⁷².

Женский самоубийственный терроризм имеет сильный психологический и медийный эффект. Изменение демографических характеристик совершителей способствовало его увеличению. Если к началу 2002 г. все женщины были незамужем и не имели детей, то в начале 2004 г. одна из «успешных» террористок-смертниц была матерью трехлетнего сына и дочери полутора лет, а «неуспешная» Patan Dragma из села Лобен-а-Шарие, задержанная с 20 кг взрывчатки, которой, по ее собственному признанию, она должна была самовзорваться, была матерью 7 детей⁷³.

Если отставить в сторону психологическое и медийное воздействие, которые огромны, атаки представляют и успешную военную тактику, так как способствуют изменению соотношения между потерями враждующих стран, выраженного в живой силе. Если во время первой интифады это соотношение было 1:6,7 (на каждого убитого израильянина приходится 6,7 убитых палестинцев) (в абсолютном выражении цифры – 172:1162), то за первые шесть месяцев второй интифады оно составило 1:5; после начала систематического использования самоубийственных атак эти расчеты приобретают следующий вид – 1:1,7 (298 погибших палестинцев против 177 погибших израильянов)⁷⁴. К этому следует добавить, что самоубийственные атаки во время второй интифады причинили смерть 42% из всех жертв и 52% из жертв среди мирного населения⁷⁵. До мая 2004 г. в абсолютном выражении эти цифры выглядят следующим образом: 402 штатских граждан и 48 служащих в органах порядка⁷⁶.

Наконец, самоубийственные атаки оказывают сильное воздействие не только на двусторонние отношения, но и на внутреннюю политику Израиля. Немало

70 Цитировано по SHEIKH, Fawzia. 2006. *Where Double Standards Can Be Lethal*. Inter Press Service News Agency. April 5th

71 DOLNIK, Adam and Anjali BHATTACHARJEE. 2002. *Hamas: Suicide Bombings, Rockets, or WMD? Terrorism and Political Violence*, Vol. 14, No. 3 (Autumn), pp. 109–128

72 KIMHI, Shaul and Shemuel EVEN. 2004. *Who Are the Palestinian Suicide Bombers? Terrorism and Political Violence*, Vol. 16, No. 4 (Winter), pp. 815–840

73 BBC. 2004. *Hamas woman bomber kills Israelis*. February, 14. http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3395973.stm

74 WEINBERG, Leonard, PEDAHZUR, Ami and NISIM, Daphna Canetti. 2003. *The social and religious characteristics of suicide bombers and their victims*. *Terrorism and Political Violence*, vol. 3 (Autumn), pp. 139–153

75 MERARI, Ariel. 2005. *Israel Facing Terrorism*. *Israel Affairs*, Vol. 11, No. 1, January, pp. 223–237

76 MERARI, Ariel. 2004. *Suicide Terrorism in the Context of the Israeli Palestinian Conflict*. Presented at the Suicide Terrorism Research Conference, National Institute of Justice, Washington. <http://www.nijpcs.org/terror/Merari%20Paper.pdf>

исследователей определяют их как одну из главных причин провала мирного процесса в Осло, а в более опосредствованном плане, они, может быть, лежат в основе убийства Ицхака Рабина в 1995 г. и потере на выборах Шимона Переса в том же году.

На социальном уровне, в случае Палестины есть три предпосылки возникновения женского самоубийственного терроризма: наличие традиции и практики женского активизма; существование организаций, чьи идеологические доктрина и практика визируют женский самоубийственный терроризм как возможную политическую опцию и параллельное течение двух, на первый взгляд противоположных по направлению и содержанию, процессов: секуляризирование и сакрализование палестинской национально-освободительной борьбы.

5.2.1 Объяснительные концепции на организационном уровне

Самое конвенциональное объяснение палестинского самоубийственного терроризма связано с националистическим мотивом и борьбой против Израиля, чье существование и действия воспринимаются как создающие критические для палестинской общности условия, поскольку угрожают ее выживанию и развитию. Основным недостатком этой концепции заключается в том, что она объясняет палестинское сопротивление в целом, но не причины, а еще меньше – время возникновения и распространения самоубийственного терроризма. Вероятно, это и есть причина, вследствие которой в научной литературе больше распространены другие объяснительные варианты; Bloom в своей книге «Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror» систематизирует их в несколько группах.

Согласно названным ею конвенциональным теориям, палестинский самоубийственный терроризм является оружием против улучшения отношений между израильской и палестинской сторонами. Их сторонники указывают в качестве доказательства на обстоятельство, что на каждом шагу, сделанном в направлении урегулирования конфликта, увеличивается число самоубийственных терактов, подготовленных и реализованных противниками мирного процесса в лице «Хамас» и «Палестинского исламского джихада». Это подтверждается и заявлениями лидеров обеих организаций, которые в письменных документах⁷⁷ открыто придерживаются подобной позиции⁷⁸. Так, например, после того, как Барух Голдштейн расстрелял в Хевроне молящихся мусульман, были распространены листовки следующего содержания: «Поселенцы заплатят за это массовое убийство кровью своих сердец. Жизнь за жизнь!»⁷⁹ В свою очередь, развитие мирного процесса в Осло также предоставляет некоторые доказательства поддержки подобной позиции. Рассмотрение самоубийственных атак в качестве средства подрыва мирного процесса, однако, не может дать ответа на вопрос, почему их число увеличивается в периоды, когда отношения нельзя ухудшать, потому что они и так достаточно

77 SLOAN, Stephen and Sean ANDERSON. 2002. *Historical Dictionary of Terrorism, 2nd Edition*. London: The Scarecrow Press, p.194.

78 Al LIWA. 2006. *Franc discussion with the critics of martyrdom operations. July 6th*

79 Цитировано по KRISTIANASEN, Wendy. 1999. *Challenges and contra-challenges. Hamas's response to Oslo. Journal of Palestinian Studies. Vol. 28, N3, (Spring), pp.19-36*

плохие. Примером этому являются самоубийственные атаки в рамках четвертой волны, которая поднялась после второй интифады. Вторая интифада вспыхнула после провала переговоров в Кемп-Дейвиде, когда не было нужды саботировать мир, так как он и без того (к тому моменту) потерял свои шансы.

Согласно второй группе версий, у насилия характер возмездия – его интенсирование одной стороной ведет к интенсированию другой⁸⁰: массовый расстрел молящихся людей в Хевроне, совершенный Барухом Голдштейном, рассматривается в качестве повода невиданной до этого мести со стороны палестинцев⁸¹; убийство «пионера» в использовании самодельных взрывных устройств по кличке Инженер вызвало четыре самоубийственные атаки, три из которых были осуществлены в Иерусалиме и Тель-Авиве после шестимесячного отсутствия самоубийственных миссий⁸²; такой же эффект имело и физическое уничтожение других палестинских лидеров и их семейств израильскими службами безопасности. Изложенная версия подтверждается отчасти исследованием Ricolfi, который после обработки статистических данных о числе и частоте самоубийственных атак, связанных с палестинско-израильским конфликтом, идентифицирует четыре волны, в рамках которых они развиваются. Первая совпадает с Ливанской войной, вторая – с первой интифадой, третья – с мирным процессом в Осло и четвертая – с интифадой Аль-Аксы. Насколько можно судить, настоящая версия находит доказательство своей правильности в первых двух волнах, которые более или менее имеют реактивный (ответ на уже осуществленное насилие) характер. Она, однако, не может объяснить третью волну, которая поднялась именно в то время, когда существовали все шансы преодолеть насилие и постичь мир, и когда эта идея поддерживается приблизительно 89% палестинского населения. Обработка эмпирических данных, относящихся к эскалации насилия и частоте самоубийственных атак, позволяет RICOLFI заключить, что циклы самоубийственного насилия не развиваются в парадигме модели «акция-реакция»⁸³ или, точнее, существует асимметрия, выражающаяся в факте, что если насилие со стороны Израиля в известной степени можно объяснить палестинским насилием, то волны палестинского насилия нельзя объяснить реципрокным способом⁸⁴.

По мнению Bloom, основной недостаток вышеизложенных двух групп теорий и их невозможность предложить удовлетворительное объяснение заключается в «игнорировании внутреннего процесса государственного строительства и

80 Эта позиция поддерживается **DE FIGUEIREDO, R., and WEINGAST B.** 1988. *Vicious cycles: endogenous political extremism and political violence. Paper presented at the annual meeting of American Political Science Association. University of California, Berkeley, CA, September.*

81 **AL DUSTUR.** 1994. *Hamas operations against Israel said to continue. Abri, 14th*

82 **SPINZAK, Ehud.** 2002. *Interview with Mia Bloom. Terrorism: questions and answers, Hamas, Islamic Jihad. www.terrorismanswers.com*

83 **RICOLFI, Luca.** 2005. *Palestinians 1981-2003. In GAMBETA, Diego. (ed) 2005. Making sense of Suicide Missions. Oxford, Oxford University Press, p.98*

84 *Валидность этого тезиса тестирована за период 1991-1995 гг. GOLDSTEIN, J. PEVE-HOUS, J, GERNER, D and TELHAMI, S.* 2000. *Reciprocity, triangularity, and cooperation on the Middle East 1979-1997. www.american.edu/academic.depts/sis/goldtext/me98papr/htm*

конкуренции за лидерство в палестинской общности»; концепция, которая приняла бы его динамику, может оказаться в состоянии эксплицировать и другие факты и эпизоды, оставшиеся необъясненными до сих пор, как, например, прекращение самоубийственных атак с ноября 1998 г. по ноябрь 2000 г. и их увеличение в марте 2002 г., так и повышение публичной их поддержки в момент, когда не наблюдается ни особой эскалации насилия, ни проведения мирных переговоров⁸⁵.

К предложенным трем объяснительным концепциям можно добавить еще одну, которая связана с использованием самоубийственных атак как средство укрепления внутренней солидарности и повышения мотивации на членство. С этой точки зрения самопожертвование от имени общности является фактором, усиливающим единство, а глорифицирование мучеников со стороны лидеров ведет к улучшению Я-образа и самооценки его членов и поощряет рекрутирование новых добровольцев. Практика палестинских радикальных организаций предоставляет достаточно доказательств в пользу подобной позиции. Так, например, слишком большое желание и готовность ее членов отдать жизнь во имя палестинского дела используется «Хамас» в качестве доказательства их морального превосходства над израильскими оккупантами, несмотря на то, что израильская военная мощь превышает палестинскую⁸⁶.

Массовое применение террористических самоубийственных атак в рамках палестинско-израильского конфликта инициируется «Хамас» и по времени совпадает с мирным процессом в Осло. Процесс начался после войны в Заливе в 1991 г., когда лидеры ООП (находящиеся все еще в Тунисе), несмотря на поддержку режима Саддама Хусейна, были приглашены США (во время правления Буша-отца) принять участие в новой попытке урегулирования конфликта. В качестве выражения этих усилий 30-го октября 1991 г. начала работу Мадридская конференция, которая была поддержана ООП, но не «Хамас» и «Палестинским исламским джихадом». Мирный процесс получает новый импульс после парламентских выборов, на которых победу одержала «Партия труда» и после того, как к власти пришло правительство Ицхака Рабина (в июне 1992 г.), поддерживающее идею и заявившее политическую волю работать за ее осуществление. 13-го сентября 1993 г. в Вашингтоне подписано Соглашение Осло (Осло I), а 4-го мая 1994 г. в Каире – Соглашение между Рабином и Арафатом, которое стало известно под названием «Сначала Газа и Херико». Оно положило начало израильскому уходу из Газа, позволило Арафату вернуться из изгнания в Тунисе и поощрило установление первых ядер палестинской автономии. В 1995 г. в Табе (Египет) подготавливается документ «Повестка дня мира», более известный как «Осло II», охватывающий период до 1999 г., когда передача власти Израилем Палестинской автономии должна была быть законченной⁸⁷.

85 **BLOOM, Mia.** 2005. *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror*, New York, Columbia University Press, p. 22

86 **DOLNIK, Adam and Anjali BHATTACHARJEE.** 2002. *Hamas: Suicide Bombings, Rockets, or WMD? Terrorism and Political Violence*, Vol. 14, No. 3 (Autumn), pp. 109–128

87 *Основные этапы процесса в Осло описаны по RICOLFI, Luca.* 2005. *Palestinians 1981-2003. In GAMBETA, Diego. (ed) 2005. Making sense of Suicide Missions. Oxford, Oxford University Press, p. 90-91*

Несмотря на наличие политической воли со стороны управляющей элиты двух стран, мирный процесс наталкивается на сильное сопротивление их оппонентов. Это создает основание признать, что самоубийственный терроризм тесно связан с динамикой внутривнутриполитических отношений конкуренции и сотрудничества между основными претендентами на власть. В Израиле акции против мирного процесса озаглавлены двумя событиями: первое из них – это упомянутый уже расстрел молющихся мусульман 25-го февраля 1994 г., а второе – убийство премьера Рабина 4-го ноября 1995 г. Ни одно из них, однако, не приводит к прекращению процесса, к этому приближают его самоубийственные теракты, организованные «Хамас» на израильской территории, чья цель может быть определена как «распространение террора среди израильского населения таким образом, чтобы оно перестало подкреплять правительство Партии труда». В результате уменьшения поддержки на выборах 29-го мая 1996 г., «Партия труда» теряет правую «Ликуд», чей лидер Биньямин Нетаньяху возглавляет новое правительство. Оно не поддерживает активно процесс Осло, но и не блокирует его, несмотря на то, что не демонстрирует чрезвычайную политическую волю продолжить его.

Мир получает новый шанс после подписания Соглашения 1998 г., визита американского президента Клинтона в полосу Газа и значительных уступок (как, например, изъятие из Хартии ООП клаузулы об элиминации Израиля, отмена намерения одностороннего объявления палестинского государства еще до выборов в Израиле и др.), которые делает палестинская сторона.

Подтверждают ли эти события гипотезу, что самоубийственные теракты связаны с динамикой отношений между палестинскими организациями? Ответ мог бы быть положительным. Мирный процесс, начавшийся в начале 1990-х гг. и нарастание влияния ООП грозят партии «Хамас» постепенной потерей лидирующих позиций. Доказательством этому является факт, что в 1999 г. поддержка «Хамас» достигает своей самой низкой оценки (меньше 12%), а около 80% палестинцев против использования самоубийственных атак⁸⁸. Все это сопровождается утверждением легитимности Палестинской автономии и ее президента, которые закрепляются после выборов членов Палестинского национального совета (в январе 1996 г.); нейтрализации «Бригад Аль-Кассама» (военного крыла «Хамас») в сотрудничестве с израильскими службами безопасности, замораживания иностранной финансовой помощи «Хамас» и, наконец, публичного одобрения ее духовным лидером, шейхом Ахмедом Ясином, политики Арафата⁸⁹. В этом контексте, предпринятые позже самоубийственные теракты со стороны радикальной палестинской организации могут рассматриваться как попытка возвращения потерянных позиций, цель которой радикализировать палестинское общественное мнение таким образом, чтобы оно сняло свою поддержку политики мира в лице Арафата и

88 **BLOOM, Mia.** 2005. *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror*, New York, Columbia University Press, p.25

89 **BELIN, Yossi.** 2006. *Interview with Mia Bloom. April, 16th. Цитировано по BLOOM, Mia.* 2005. *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror*, New York, Columbia University Press, p. 25

ООП, но также радикализовать и израильское общественное мнение, что могло бы привести к снятию его поддержки «Партии труда».

Радикальное общественное мнение, разумеется, ожидает радикальных действий и поддерживает своих лидеров, предпринимающих их путем санкционирования умеренных тенденций и решений, отказывая поддерживать их. С этой точки зрения вполне объясним спад рейтинга Арафата после его решения (несмотря на сделанную декларацию) не объявлять создание палестинского государства (вероятно, продиктованного его намерением не прекращать мирные переговоры).

Несмотря на все это, до начала интифады «Аль-Аксы» (с 28-го сентября 2000 г. по 29-е июня 2003 г.⁹⁰) палестинские радикальные организации не осуществляют самоубийственных террористических атак; теракты инициируются лишь после того, как она вспыхнула⁹¹, притом в основном светскими националистическими организациями (связанными с ФАТХ), такими как «Бригады мучеников Аль-Аксы» и «Танзим». Это подтверждает предположение, что в Палестине к самоубийственным атакам прибегает тот, кому угрожают маргинализированием, и что самоубийственные миссии используются в качестве оружия в конкуренции за возвращение потерянной или для выигрывания новой политической поддержки. Политические субъекты, которые не подвержены подобным рискам, не выбирают террористические самоубийственные миссии, независимо от своей политической ориентации и дефиниции.

Социологические исследования этого периода предоставляют доказательства в пользу подобного заключения; они показывают, что, несмотря на то, что одобрение, которое получает Арафат, остается низким, Палестинская автономия и ФАТХ успевают сохранить лидирующее положение в палестинском обществе именно вследствие предпринятых радикальных мер. В то же время, исламистские организации с джихадистской ориентацией в указанный период воздерживаются от самоубийственных атак. По мнению автора, это положение можно рассматривать как подтверждение предположения, что, несмотря на их идеологические доктрины, исламистские организации прибегают к самоубийственным атакам тогда, когда закрепляющиеся позиции ФАТХ угрожают вытеснить их на периферию палестинского процесса. Их низкую активность в начале второй интифады можно объяснить увеличением их престижа, а оно проистекает от провала мирного процесса, который они с самого начала не поддерживают.

Можно ли отнести перечисленные концепции и к объяснению (на организационном уровне) женского участия? Мой ответ скорее положительный. Воспринятая здесь как самая адекватная объяснительная рамка, связывающая использование самоубийственного терроризма с динамикой отношений между четырьмя радикальными палестинскими организациями, спокойно может предложить удовлетворительную интерпретацию, хотя бы отчасти, присутствия

90 29 июня - первый день трехмесячного перемирия, достигнутого израильским премьером Ариелем Шароном и палестинским премьером Абу Масенем,

91 **RICOLFI**. Luca. 2005. *Palestinians 1981-2003*. In **GAMBETA**, Diego. (ed) 2005. *Making sense of Suicide Missions*. Oxford, Oxford University Press, p.93

женщин в этом виде насилия. С ее позиций можно предложить удовлетворительную интерпретацию ряда событий, как, например, митинга, состоявшегося 27-го января 2002 г., который был организован ФАТХ и посвящен роли женщин в национально-освободительной борьбе. В своей речи Арафат называет палестинок «моя армия роз», впервые дает публичное одобрение участию женщин в самоубийственных миссиях, поднимая лозунг: «Шахидки на Иерусалим!». Также впервые слово *мученик (шахид)* было употреблено в женском роде, какого в арабском языке нет. Развитие событий, которые последовали за этим, показало, что послание было получено и понято. Призывы Арафата находят почти немедленный отклик. В тот же день палестинка Wafa Idris самовзрывается, отняв жизнь штатского израильского гражданина и ранив еще 90 человек – событие, которое привело к повышению поддержки Палестинской автономии (насколько можно судить по характеру и масштабу глорифицирования, а также и по медийной реакции на дело этой женщины) и внутренней сплоченности палестинской общности. Следует добавить, что как в других местах, так и в Палестине, кроме политического эффекта, направленного наружу и вовнутрь, к общности, рекрутирование и использование женщин имеет военно-тактические преимущества, связанные с понятными фактами: меньше подозрительность, способность проникать в недоступные для мужчин места, возможность переносить большое количество взрывчатки под одеждой и др. Определенное влияние, возможно, имели и некоторые экономические соображения. Так, например, финансовая поддержка семей женщин-совершителей успешных самоубийственных терактов представляет половину суммы, которую выплачивают семьям погибших таким же образом мужчин, а с другой стороны, ни об одной из успешных террористок-смертниц нет сведений, что она проходила продолжительное обучение. Такая информация о мужчинах-совершителях существует, а это означает, что и в этом отношении женщины являются более дешевым ресурсом.

Индивидуальная мотивация

Демографические характеристики террористов-смертников сравнительно хорошо установлены: их средний возраст во время первой интифады – 22 года, причем самому молодому было 18 лет, а самому старшему – 38; во время второй интифады средний возраст сохраняется, но увеличивается возрастной охват – 17-53. Девяносто один процент совершителей несемейные, большинство из них мужчины (из 182 человек женщин всего 9). Преобладающее число террористов происходит из богатых семей; 88% имеют образование – среднее и выше среднего⁹². По сравнению с совершителями классических терактов, возраст мужчин-смертников Палестины, как правило, выше, большинство из них старше юношеского и раннего зрелого возраста. Среди террористов-смертников также высок процент тех лиц, у которых нет семей. В большей своей части – по

92 *MERARI, Ariel. 2004. Suicide Terrorism in the Context of the Israeli Palestinian Conflict. Presented at the Suicide Terrorism Research Conference, National Institute of Justice, Washington.*
<http://www.nijpcs.org/terror/Merari%20Paper.pdf>

данным исследования Weinberg et al., их 82% – они получили систематическое религиозное воспитание в семье родителей. Снова по данным того же исследования, террористы-смертники имеют предыдущий опыт участия в формах политического насилия, причем, с одной стороны, это опыт жертвы, а с другой – опыт совершителя⁹³. Более старший возраст является косвенным доказательством того, что террористы социализированы в течение продолжительного периода времени соответствующими организациями, факт, который подтверждается и констатациями Gabriel et al., что в Палестине не больше 8% из самоубийственных атак являются делом не связанных с организациями индивидов или лиц⁹⁴.

Среди исследователей палестинского случая существует консенсус в отношении того, что корни самоубийственного терроризма нельзя искать в области индивидуальной психопатологии и что террористические самоубийственные атаки не следует приравнивать к клиническим самоубийствам, так как в классическом виде клиническое самоубийство представляет бегство, а террористические самоуничтожительные атаки – это форма борьбы. Согласно Мерари, при этих случаях нет чувства беспомощности и безнадежности, а напротив, «самоубийство рассматривается как проектирование власти, а не как выражение слабости»⁹⁵. Сходные заключения и у Hassan, которая описывает следующим способом палестинца-кандидата на самоубийственную миссию: «Никто из кандидатов на самоубийственный акт – а им было между 18 и 39 годами – не мог уместиться в типичный профиль личности суицидного поведения. Никто из них не был необразованным, безнадежно бедным или депрессивным. Многие из них были представителями среднего класса, и независимо от своего статуса беженцев у них была оплачиваемая работа. Больше половины из них были беженцы с территории, которая сегодня называется Израиль. Двое из них были сыновьями миллионеров. Все выглядели вполне нормальными членами своих семей. Были учтивыми и серьезными, и в своих общностях они были примером. Многие из них носили бороды. Все были глубоко религиозными»⁹⁶.

В свою очередь Ricolfi дифференцирует три типа кандидатов на террористов-смертников: верящие в то, что их избрали, стремящиеся к мести и глубоко ангажированные палестинской идеей. Мотивация первого типа кроется в убеждении, что они богоизбранные (Всевышний выбирает мучеников) и что мученичество представляет самую короткую дорогу к трансцендентальным наградам. Второй тип основывается на гнев, унижении и желании мести, а

93 **WEINBERG, Leonard, PEDAHZUR, Ami and NISIM, Daphna Canetti.** 2003. *The social and religious characteristics of suicide bombers and their victims. Terrorism and Political Violence*, vol. 3(Autumn), pp.139-153

94 **GABRIEL, Ben-Dor, Ami PEDAHZUR and Arie PERLIGER.** 2002. *National Security Study Center Bulletin*, Oct, pp.1-3

95 **MERARI, Ariel.** 2004. *Suicide Terrorism in the Context of the Israeli Palestinian Conflict. Presented at the Suicide Terrorism Research Conference, National Institute of Justice, Washington.* <http://www.nijpcs.org/terror/Merari%20Paper.pdf>

96 **HASSAN, Nasra.** 2001. *An Arsenal of the Believer: thinking to the «Human Bombs»* *The New Yorker*, 19 November

третий – на разочаровании в умеренных политических группировках, не способных выполнить принятые к общности ангажементы⁹⁷.

Сходных, но все же различающихся выводов достигает и Hafez, который исследует предсмертные завещания террористов-смертников радикальных организаций. Он идентифицирует три постоянно появляющиеся в них темы: мученичество как обязанность Богу; мученичество как искупление; мученичество как гарантия на получение трансцендентальных наград. В первом случае ударение ставится на обстоятельство, что «мученические операции» являются выполнением обета Аллаху и его Пророку, а не стратегическим инструментом или инновативной тактикой. Комментарии совершителей сконцентрированы исключительно на религиозном императиве совершения джихада и на мученичестве, как способе освободиться и поставить конец несправедливости. Вторая тема представляет искупительный аспект мученичества и относится не только к индивиду, но и к его общности. Наконец те, кто касаются третьей темы, сосредотачиваются на трансцендентальных наградах, а дорога к ним проходит через совершение самоубийственного акта⁹⁸.

Исследование женской мотивации в этом параграфе проведено на основе реконструированных жизненных историй всех известных девяти⁹⁹ женщин-совершителей самоубийственных терактов от имени палестинских радикальных организаций в период с 27-го января 2002 г. по 23-е ноября 2006 г.

В целях установления индивидуальной мотивации женщин-смертниц Палестины используются с небольшими модификациями те же переменные, что и в случае с Чечней.

Таблица 12 – Палестина: успешные женские самоубийственные миссии (с 27 июня 2002 г. по 23 ноября 2006 г.)

N	Имя	Время миссии	Место миссии	Число раненых	Число убитых	Средство	Мишень	Организатор
1.	Wafa Idris	27.01.2002	Оживленная улица в Иерусалиме	90	1	Дорожная сумка с взрывчаткой	Штатские граждане	ФАТХ-Танзим Бригады мучеников Аль-Аксы
2.	Dareen Abu Aisheh	27.02.2002		22	0	Шахидский пояс	Штатские граждане	ФАТХ-Танзим-Бригады мучеников Аль-Аксы

97 **RICOLFI**, Luca. 2005. *Palestinians 1981-2003*. In **GAMBETA**, Diego. (ed) 2005. *Making sense of Suicide Missions*. Oxford, Oxford University Press, p.111

98 **HAFEZ**, Mohammed. 2006. *Rationality, Culture and Structure in the Making of Suicide Bombers: A Preliminary Theoretical Synthesis and Illustrative Case Study*. *Studies in Conflit and Terrorism*, 29, p.165-185

99 Это число, указанное **SCHWEITZER**, Yoram. 2006. *Palestinian Female Suicide Bombers: Reality vs. Myth*. In **SCHWEITZER**, Yoram. (ed). 2006. *Female Suicide Bombers& Dying for Equality? Memorandum*

3	Aayat al-Akhras	29.03. 2002	Супермаркет в Иерусалимском квартале Кириат Йовеле	22	2	Шахидский пояс	Штатские граждане	ФАТХ – Танзим
4	Andalib Suleiman al-Taqa-tiqah	12.04.2002	Супермаркет в Махане Йехуда в Иерусалиме	60	6	Шахидский пояс	Штатские граждане	ФАТХ
5	Hiba Azem Daragh-meh	19.05. 2003	Молл в городе Афула, к югу от Хайфы	50	3	Шахидский пояс	Штатские граждане	Палестинский исламский джихад
6	Hanadi Jaradat	4.10. 2003	Ресторан «Максим» в Хайфе	48	21	Шахидский пояс	Штатские граждане	Палестинский исламский джихад
7	Reem Saleh al-Riyashi	14.01. 2004	Рабочий терминал «Ерец» в полосе Газа	10	4	Шахидский пояс	Штатские граждане	Хамас
8	Zeybab Ali Issa Abu-Salam	22.09. 2004	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
9	Fatma Omar an-Najar	23.11. 2006	Северная часть полосы Газа	3	0	Шахидский пояс	Израильские солдаты	Хамас

N84. Jaffee Center for Strategic Studies. Telaviv University, <http://www.tau.ac.il/jcss/memoranda/memo84.pdf>, pp. 25-41. Други изследователи сочат цифрата 9. Изследванията на автора потвърждават цифрата 8.

Большая часть миссий совершена в 2002 г. (4); две совершены в 2003 г., две – в 2004 г. и одна – в 2006 г. Большинство из них (4) совершены в Иерусалиме, причем о семи известно, что смертницы взорвались в многолюдных местах, где было много штатских лиц. О миссии Zeybab Ali Issa Abu-Salam нет данных, миссия Fatma Omar an-Najar была осуществлена в полосе Газа. Число раненых – 305 человек, а погибших – 37. В восьми случаях использован шахидский пояс, в одном – дорожная сумка, полная взрывчатки, об одном из случаев нет информации. Мишенью в семи случаях были штатские граждане, в одном – израильский военный персонал и сооружения, об одном нет информации. Четыре миссии были совершены от имени ФАТХ и связанных с ним группами («Танзим», «Бригады мучеников Аль-Аксы»), две – от имени «Палестинского исламского джихада», две – от имени «Хамас», и об одной нет информации.

Таблица 13 – Успешные совершители самоубийственных актов (с 27 июня 2002 г. по 23 ноября 2006 г.) в Палестине: демографические данные

№	Имя	Возраст	Место рождения	Семейное положение	Дети	Образование	Профессия	Религиозность
1	Wafa Idris	27	Лагерь беженцев Ель Амари	Разведенная	Нет	Колледж	Медицинский работник	Мусульманка, без данных об исключительной религиозности
2	Dareen Abu Aisheh	22 (24)	Beit Wazan в северной части Западного берега	Разведенная	Нет	Студентка университета	Студентка	Сильно верующая
3	Aayat al-Akhras	18	Лагерь беженцев Дехайше	Помолвлена, самовзрывается за несколько месяцев до свадьбы	Нет	Студентка университета	Студентка	Мусульманка, без данных об исключительной религиозности
4	Andalib Suleiman al-Taqa-tiqah	21	Маленькое отдаленное населенное место Beit Fayar	Незамужем	Нет	Средняя школа	Швея	Мусульманка, без данных об исключительной религиозности
5	Hiba Azem Daraghmeh		Тубас	Незамужем	Нет	Студентка	Студентка	Сильно верующая, в 10-м классе начинает покрывать голову
6	Hanadi Jaradat	29	Jenin	Незамужем	Нет	Высшее	Юрист	Сильно верующая, молится ежедневно и читает Коран
7	Reem Saleh al-Riyashi	22	Газа	Живет отдельно от семьи мужа	Имеет двоих детей	Среднее	Домохозяйка	Мусульманка, без данных об исключительной религиозности
8	Zeybab Ali Issa Abu-Salam	18	Лагерь беженцев Аскар	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
9	Fatma Omar an-Najar	68	Нет информации	Замужем	Дети и внуки	Нет информации, но можно предположить, ввиду ее возраста, что она не имеет образования	Домохозяйка	Сильно верующая

Возраст совершителей женских самоубийственных терактов варьирует между 18 и 68 годами, семерым было между 18 и 29 (о Zeuybab Ali Issa Abu-Salam не было найдено данных). Три из девяти родились и выросли в лагерях беженцев; три террористки были разведенными, одна помолвленной, три – незамужем, одна из них была замужем, а об одной нет данных. Две из семи женщин, о которых есть информация, имели детей; у одной были и дети, и внуки. О пяти террористках-смертницах известно, что были с высшим образованием или учились в университете. У одной было среднее образование, об одной предполагается, ввиду ее возраста, что не было вообще никакого образования, одна окончила колледж, и об одной нет информации. В целом образовательный ценз террористок-смертниц выше среднего, как у многих женщин палестинского общества. По профессии одна из них парамедицинский работник, другая – швея, три – студентки, две – домохозяйки, есть один юрист, о двух не найдено информации. Как видим, большинство смертниц достигли более высокой, чем обычная в палестинском обществе, профессиональной реализации, или готовились получить профессию. Четырех террористок-смертниц можно охарактеризовать как мусульманок без данных об исключительной религиозности, четыре являются ревностными верующими, об одной нет информации; очевидно, фактор религиозности имеет существенное значение, но не является определяющим во всех случаях.

В стремлении идентифицировать и другие переменные, повлиявшие на самоубийственный выбор, была обобщена информация о понесенных потерях (причиненных войной), пережитых травмах (связанных или нет с нею) и наличии «грехов», которые привели бы к социальной стигме.

Таблица 14 – Успешные совершители самоубийственных актов

(с 27 июня 2002 г. по 23 ноября 2006 г.) в Палестине: потери, травмы и «грехи»

№	Имя	Потери, причиненные войной	Другие травмы (связанные или не связанные с войной)	«Грехи»
1	Wafa Idris	Да	Да	Да
2	Dareen Abu Aisheh	Да	Да	Да
3	Aayat al-Akhras	Да	Да	Да
4	Andalib Suleiman al-Taqatqah	Да	Да	Да
5	Hiba Azem Daraghmeh	Да	Да	Да
6	Hanadi Jaradat	Да	Да	Да
7	Reem Saleh al-Riyashi	Да	Нет	Да
8	Zeuybab Ali Issa Abu-Salam	Нет информации	Нет информации	Нет информации
9	Fatma Omar an-Najar	Да	Нет информации	Нет информации

Восемь из девяти совершителей понесли потери, причиненные войной; об одной не было найдено информации; двое братьев Aayat al-Akhras были ранены во время первой интифады, а сестра пережила аборт во время израильского

вторжения¹⁰⁰; Dareen Abu Aisheh потеряла супруга и брата, которых убили израильские службы безопасности. В семье Andalib Suleiman al-Taqatiqah были попытки самоубийственных терактов (в том числе две попытки сделали женщины), причем три теракта были успешными, в качестве возмездия дом клана был взорван израильскими службами безопасности. О Hiba Azem Daraghmeh предполагается, что она мстила за своего брата, который сидел в израильской тюрьме. Жениха Hanadi Jaradat, активиста «Палестинского исламского джихада», убили.

Не менее показательны результаты переменной «другие травмы и потери (причиненные или не причиненные войной)». Шесть смертниц пережили такие травмы. Семья Aayat al-Akhras была подвержена давлению со стороны общности из-за того, что ее отец работал в течение 30 лет вместе с израильянами. Некоторые из ее близкого окружения предполагают, что она решила самовзорваться, чтобы спасти своих близких от «бесчестия» предполагаемого коллаборационизма. Hiba Azem Daraghmeh подверглась унижению со стороны израильских солдат, когда на пропускном пункте они принудили ее показать лицо¹⁰¹. Dareen Abu Aisheh родители заставляли прекратить учебу в университете.

Исследования ряда авторов также показывают, что «другие травмы», не связанные с конфликтом, характерны для женщин-кандидатов на самоубийственные миссии в Палестине. В своих интервью, взятых у пяти «неуспешных» террористок-смертниц, Версо отмечает наличие таких событий, как смерть отца, повторная женитьба одного из родителей, многоженство, которые действовали на девушек травмирующе; поздний, согласно палестинскому стандарту, возраст, когда они все еще были незамужем, отказ отца одобрить выбор супруга из-за того, что жених не отвечал требованиям, связанным с приданым¹⁰².

Одно из первоначальных предположений, сформулированных в этом тексте, было то, что решение в пользу совершения самоубийственного террористического акта облегчается в ситуации социальной стигмы. Подтверждают ли данные палестинских случаев эту гипотезу? О семи смертницах можно смело утверждать, что они являются жертвами стигмы; об одной можно сказать обратное, и об одной нет информации. Супруг Уафы Идрис, к которому она была сильно привязана, разводится с ней, так как во время аборта она потеряла ребенка, и больше не была в состоянии иметь детей. Hanadi Jaradat поддерживает предбрачные отношения со своим женихом, которого впоследствии убили, к тому же ей было уже 29 лет, а она все еще была незамужем. Dareen Abu Aisheh была разведена¹⁰³. Reem Saleh al-Riyashi была разведена и поддерживала отношения с активистом «Хамас», жила отдельно от своих родителей. Эти выводы подтверждаются и официальными документами институтов Израиля. По поводу Aayat al-Akhras и Andalib Suleiman al-

100 VICTOR, Barbara. 2004. *Las siervas de la muerte*. Lumen, Barcelona, p. 243

101 BENNET, James. 2003. *The mideast turmoil: killer of; How 2 Took the Path of Suicide Bombers*. *The New York Times*, 30th May

102 BERCO, Anat. 2006. *Palestinian Suicide Bombers as Victimizers and Victims*. *Independent Media Review Analysis*. March, 29, <http://www.ict.org.il/Articles/tabid/66/Articlsid/441/currentpage/9/Default.aspx>

103 BENNET, James. 2003. *A Scholar of English Who Clung to the Veil*. *The New York Times*, 27th May

Taqatīqah источники израильских сил безопасности в коммюнике от 4-го февраля 2003 г. отмечают следующее: «Информация израильской разведки раскрыла, что ФАТХ рекрутирует молодых женщин для совершения самоубийственных атак путем использования эмоционального и социального шантажа, после того как женщины беременели в результате хорошо продуманного процесса прельщения со стороны агентов ФАТХ»¹⁰⁴.

Согласно представленным в предыдущих главах заключениям, что женский самоубийственный терроризм следует рассматривать, прежде всего, как организационный феномен, были исследованы переменные «наличие члена семьи, связанного с палестинскими радикальными организациями», «способы рекрутирования» и «обучение и подготовка к миссии».

Таблица 15 – Успешные совершители самоубийственных актов (с 27 июня 2002 г. по 23 ноября 2006 г.) в Палестине: процесс рекрутирования и обучение

№	Имя	Наличие члена семьи, связанного с радикальной организацией	Способы рекрутирования	Обучение и подготовка к миссии
1.	Wafa Idris	Да	Рекрутирована членом семьи – братом	Нет данных о том, что ее обучали
2.	Dareen Abu Aisheh	Нет информации	Нет информации	Активисты Бригады мучеников Аль-Аксы
3	Aayat al-Akhras	Нет информации	Рекрутирована своим женихом	Бригады мучеников Аль-Аксы
4	Andalib Suleiman al-Taqatīqah	Да	Рекрутирована своим женихом	Бригады мучеников Аль-Аксы
5	Hiba Azem Daraghmeh	Да	Рекрутирована своим женихом	Палестинский исламский джихад
6	Hanadi Jaradat	Нет информации	Женщиной-активисткой ПИД во время траура по близким	Палестинский исламский джихад
7	Reem Saleh al-Riyashi	Да	Бывшим мужем и другом	Бригады мучеников Аль-Аксы и Палестинский исламский джихад
8	Zeybab Ali Issa Abu-Salam	Нет информации	Нет информации	Нет информации
9	Fatma Omar an-Najar	Да	Нет информации	Хамас

В пяти случаях члены семей совершителей имели связи с радикальными палестинскими организациями. Об одной смертнице известно, что у нее не было такой связи, и о трех нет информации. Можно предположить, что, хотя и не всегда,

¹⁰⁴ **FUENTES DE SEGURIDAD ISRAELHES.** 2003. *Chantaje a mujeres jvenes para cometer actos de terrorismo suicida. Comunicado de 4 de Febrero.* www.embajada-israel.es/politica/MujereSuicidas.html

в палестинском случае наличие *семейной ангажированности к делу* является фактором самоубийственного выбора.

Вопрос рекрутирования добровольцев для самоубийственных миссий – один из самых важных в этом исследовании. О пяти женщинах с уверенностью можно сказать, что они были рекрутированы, причем в четырех случаях вербовщиками были мужчины, члены семьи или женихи. Wafa Idris рекрутировал ее брат; Reem Saleh al-Riyashi рекрутировал ее бывший супруг и мужчина, с которым в то время поддерживала отношения. Об одной из смертниц известно, что она была рекрутирована женщиной. Известно, что две женщины саморекрутировались, то есть искали контактов по своей инициативе. Andalib Suleiman al-Taqatiqah связалась с активистом радикальной организации, когда ее семья посетила семью Aayat al-Akhras, чтобы выразить свое уважение к нему; подобен случай и с Aayat al-Akhras. Об остальных невозможно собрать информацию.

Мое исследование, однако, рассматривает действия только «успешных» террористок-смертниц и не охватывает случаев «неуспешных», которые по какой-то причине не смогли или не пожелали самовзорваться. Вот почему я сопоставила их с данными исследования Victor, которая интервьюирует 80 неуспешных террористов, мужчин и женщин (и четырех успешных женщин-смертниц). Она пришла к выводу, что женщины были рекрутированы мужчинами и что инициатива осуществить первый контакт редко исходила от них: «Все без исключения были рекрутированы членами семьи, которым они доверяли – братом, дядей, или уважаемым религиозным лидером, учителем или другом семьи, но всегда мужчиной»¹⁰⁵. Виктор еще считает, что вовлечение женщин в самоубийственные террористические действия нельзя толковать как расширение их возможностей или как выражение признания их равенства, так как это не меняет ни позиций, ни характера гендерной структуры палестинского общества: «Отношения между шахидкой и мужчиной или мужчинами, которые убеждают ее, рекрутируют и обучают, с самого начала различаются от отношений между шахидом и его вербовщиком из-за простого факта, что шахидка – женщина. Между ними не существует соучастничества; различия между мужчинами и женщинами в одном обществе, отмеченном фундаментализмом и культурой двойной морали очевидны и тогда, когда речь идет о чрезвычайном событии, каким является самоуничтожение. Женщины знают, что мужчины не воспринимают их как равных им и что даже не считают их бойцами до момента, пока они не поднимутся в рай и не признают их как таковых за столом Аллаха. Тогда уже они будут мертвыми»¹⁰⁶.

5.2.2 Конструирование гендерного объяснения

Дают ли указанные данные основание считать, что женская и мужская мотивации в пользу самоубийственного выбора в Палестине отличаются одна от другой? Часть исследователей отвечают отрицательно, аргументируя свой ответ тем, что-то, что является ведущим в «мужском» индивидуальном решении

105 VICTOR, Barbara. 2004. *Equality In Death. The Observer*, 25 April

106 VICTOR, Barbara. 2004. *Las siervas de la muerte. Lumen, Barcelona*, p.280

– религиозные и националистические мотивы, является ведущим и в «женском» выборе. Комбинация двух мотивов не случайна и не уникальна для Палестины: «В отличие от других идентичностей, национальная и религиозная претендуют быть монолитными и абстрактными – иными словами, иметь стабильную идентичность, которая удовлетворила бы нужду в обеспеченной субъективности»¹⁰⁷, и тем самым не только объединяют в одно целое элементы хаотичного и меняющегося мира, но и «связывают прошлое и настоящее с будущим действием»¹⁰⁸. Несмотря на различные степени связей основных политических организаций палестинского национально-освободительного движения с религией и этничностью, не подлежит сомнению то, что их основной смысл существования объединен националистическими целями и идеалами. Это доказывается как их политическим действием, так и программами и документами. Не случайно то, что в Хартии «Хамас» от 18-го августа 1988 г. мы находим эклектический полурелигиозный, полуэтнический дискурс, согласно которому исламское сопровитительное движение представляет специфическую палестинскую организацию, которая лояльна к Богу и, воспринимая ислам как способ жизни, стремится поднять исламское знамя над каждой пядью палестинской земли. Наличие националистических мотивов в случаях с женщинами идентифицировано перед первым успешным терактом, на основании интервью, взятых у неуспешных совершителей. В этой связи Schweitzer комментирует, что «молодые женщины мотивированы оккупацией и нуждой защищать свою нацию». Таков мотив и у мужчин¹⁰⁹. Такое же мнение и у Ganor¹¹⁰.

Националистический мотив в большинстве случаев тесно переплетен с религиозным, и это подчеркивается почти во всех женских предсмертных завещаниях, документированных в виде видеозаписи: «Силой героизма Аллаха, я решила стать шестой шахидкой, превращающей свое тело в шрапнель, которая проникает в сердце сионистского поселенца в моей стране», – говорит в заснятом предсмертном завещании Hanadi Jaradat¹¹¹. Подобная декларация и у Reem Saleh al-Riyashi, совершившей первый самоубийственный теракт от имени «Хамас»: «Я всегда хотела быть первой шахидкой от имени «Хамас». Буду счастлива, когда части моего тела превратятся в оружие, которое убивает сионистского врага»¹¹².

Публичное объявление националистических и религиозных мотивов одобряется широкой общественностью, вследствие чего о них постоянно говорят как совершители, так и организации, берущие ответственность за миссии. Некоторые, однако, оспаривают силу подобного типа мотивации. Masalqa утверждает, что особая среда, которая оформилась в Газе на Западном берегу,

107 KINNVALL, C. 2005. *Globalization and religious nationalism: Comparing Sikh and Hindu identity constructions in India*. New Delhi: Sage.

108 KINNVALL, Catarina. 2004. *Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security, Political Psychology*, Vol. 25, No. 5, pp. 741-767

109 SHEIKH, Fawzia. 2006. *Where Double Standards Can Be Lethal*. Inter Press Service News Agency. April 5th

110 VICTOR, Barbara. 2004. *Las siervas de la muerte*. Lumen, Barcelona, p. 59

111 C.S.S. 2005. *The Palestinian Islamic Jihad*. Special Information Bulletin - Intelligence and Terrorism Information Center at the Center for Special Studies (C.S.S) February 28

112 LA PAZ. 2004. *Palestina kamikaze: temen un nuevo metodo de lucha*. 26.01. Bolivia

а не что-либо иное, является первостепенным фактором, который способствует расцвету идеи самоубийства: «В нашем обществе в эти военные времена царит общая атмосфера безнадежности; я считаю, что именно оккупация, которая отличается от «нормальной» войны, принуждает людей думать больше о смерти, нежели о жизни. Среда, а не националистический, религиозный или политический мотив является основным стимулом». В качестве доказательства Masalqa указывает на результаты своего исследования среди девочек и мальчиков 11-ти лет, которые показывают, что самая большая мечта у исследованных – это мученичество. Он считает, что это означает, что факторы, отличные от политических и националистических (для этого возраста они не релевантны), отдают предпочтение саморазрушительному решению. Среди них Masalqa отмечает отсутствие перспектив, безнадежность, отчаяние, чувство бессилия, брутальность и страх¹¹³. Подобные выводы встречаются и у Savin, который считает, что выбор в пользу самоубийства определяется состоянием оккупации (национальный гнет мог бы принять другие формы, как, например, открытую войну), причем его утверждения основываются на предыдущих исследованиях, проведенных в Алжире¹¹⁴. Отмечая культурные и психологические обстоятельства, Sarraj тоже отбрасывает первостепенную роль религиозно-этнических мотивов: «Я считаю, что женщины, которые решаются на самодетонирование, являются исключением из правил. ...В нашей культуре у них нет настолько активной [публичной] роли. Это обязывает меня подытожить, что женщины-смертницы, кроме того что являются исключением, имеют и другие психологические симптомы, которые подталкивают их к подобному необычайному действию»¹¹⁵. В предложенной Berco & Erez объяснительной версии, основанной на исследовании 30 женщин-совершителей неуспешных самоубийственных миссий в возрасте от 13 до 26 лет, этнические и религиозные мотивы тоже не очерчиваются как ведущие, а ранжирование, скорее всего, следующее: месть, разрешение проблемы, ожидание трансцендентальных наград. Одна из неуспешных террористок, интервьюированная Berco в другом исследовании, осуществленном в период с июня 2003 г. по февраль 2004 г. и охватывающем двух мужчин и пять женщин – неуспешных террористов, называет причины, подтолкнувшие ее к самоуничтожительному действию, в сходной очередности: «Я хотела стать шахидкой, чтобы отомстить евреям из-за моей религии и от любви к Садам Едена»¹¹⁶. Подобные сведения дают и обучающие Ad-dalib Suleiman al-Taqatiqah, которые утверждают, что в личном разговоре девушка подчеркнула три мотива своего решения: отомстить израильтянам за убийство палестинских детей и женщин, показать арабскому миру, что палестинские женщины лучше, чем самые смелые мужчины, и из-за желания сопротивляться оккупации¹¹⁷.

113 Цитировано по интервью **VICTOR** Barbara, опубликованному в ее книге. **VICTOR**, Barbara. 2004. *Las siervas de la muere*. Lumen, Barcelona, p.48-54

114 Цитировано по **VICTOR**, Barbara. 2004. *Las siervas de la muere*. Lumen, Barcelona, p.59

115 **VICTOR**, Barbara. 2004. *Las siervas de la muere*. Lumen, Barcelona, p.278

116 **BERCO**, Anat. 2006. *Palestinian Suicide Bombers as Victimizers and Victims*. Independent Media Review Analysis. March, 29

117 **VICTOR**, Barbara. 2004. *Las siervas de la muere*. Lumen, Barcelona, p.302

Не мало защитников известной в литературе феминистской идеи, основывающейся на взгляде, что женские самоубийственные теракты являются выражением женского «стремления к голосу в публичном пространстве» (Is-gaeli). Она объединяет сходные, но с разными нюансами предположения, одно из которых то, что участие палестинских женщин в традиционных формах национально-освободительной борьбы порождает ожидания, которые не получают удовлетворительного ответа в доминированной мужчинами палестинской культуре, это подталкивает их доказывать свою состоятельность путем применения радикальных действий. Исчерпывание всех возможных доступных ресурсов гарантирования права участия в социальной жизни, порожденное этим чувство несправедливости и краха, заставляют женщин обратиться к самому крайнему, единственному оставшемуся средству – участию в самоубийственных терактах. Немного отличается взгляд Rona Fields, специалиста по террористическим культурам, согласно которому самоубийственные миссии превратились в основную тенденцию и главную культурную норму палестинской социальной жизни; готовность некоторых женщин осуществлять саморазрушительные атаки можно рассматривать как выражение их желания быть частью этой основной тенденции, и их нежелания чтобы и здесь их снова вытолкнули на периферию и маргинализировали как людей второго сорта. Тот же автор считает, что палестинские женщины готовы на крайние, включая и насильственные, действия, чтобы защитить свое право доступа к публичной сфере и требовать признания со стороны общности. Парадоксально на первый взгляд, но как основу предъявления подобных претензий можно рассматривать сравнительно высокую степень секуляризации палестинского общества: «Вопреки тому, что оно доминировано мужчинами, из всех арабских обществ женщины в нем всегда были наиболее свободными и образованными и наименее привязанными к традиционной роли». Таким образом, участие в самоубийственных миссиях можно рассматривать как деформированную форму стремления женщин к одинаковому статусу или как их способ заявить, что «их не меньше мужчин» – «это ужасающий способ добиться равенства»¹¹⁸. Подобное заключение дает, например, анализ Medea group, в котором обращается внимание на растущий феминизм мусульманского мира.

Мусульманский феминизм – объект неоднозначной оценки. Одни исследователи считают, что у него позитивная роль, поскольку он стремится улучшить положение женщин в мусульманских обществах, но, с другой стороны, он похож на «опасное подводное течение», которое может увеличить их участие путем насилия¹¹⁹. Доказательства верности этого предположения можно найти в заявлениях самих совершителей. Так, например, в предсмертном завещании 18-летняя Ayat Akhras заявляет, что «будет бороться вместе со спящими

118 Цитировано по **COPELAND, Libby**. 2002. *Female Suicide Bombers: The New Factor in Mideast's Deadly Equation*. Washington Post Staff Writer, Saturday, April 27; Page C01, <http://www.washingtonpost.com/ac2/wp-dyn?pagename=article&node=&contentId=A57052-2002Apr26¬Found=true>

119 **MEDEA GROUP**. 2007. *Female suicide bombers: practical implications. Strategic security and analysis: Islamic terrorists field training and tactics*. 17 August, Vol.2, Issue 2, Series 5, pp.1-20

арабскими армиями, которые безучастно наблюдают [и не предпринимают никаких действий] за тем, как палестинские девушки борются в одиночку». Феминистская версия, однако, не бесспорна, по крайней мере из-за обстоятельства, что за исключением Ayat Akhras ни одна из успешных палестинских смертниц не говорит о стремлении к большей свободе и равенству между полами. Эксплицитные высказывания в этом духе нельзя найти также и в интервью с неуспешными женщинами-кандидатами на самоубийственные миссии. С другой стороны, ряд фактов и событий показывает, что исламский феминизм, наверное, движется в этом направлении. Первый международный конгресс, посвященный исламскому феминизму (2005 г.), ввел понятие «гендерный джихад», чтобы обозначить «борьбу за использование исламской идеологии, мысли и истории с целью возвращения прав, гарантированных женщине исламом с самого начала его появления, но заличенных выработанными мужчинами правилами и трибальными традициями, замаскированными ими как божественные законы»¹²⁰, одно из этих прав – это право на участие в джихаде.

Даже если самоубийственный терроризм – женский способ удовлетворения претензий на большее равенство, то он вряд ли может считаться способом, который предоставляет возможность выражения этих претензий. Верго & Erez отмечают три соображения, которые, по их мнению, доказывают, что на деле террористический выбор не ведет к расширению границ женской свободы. Во-первых, на персональном и семейном уровнях женщина, которая была вовлечена в террористическую деятельность, становится отверженной, поскольку она не выполнила традиционную женскую роль: заботиться о доме, детях и обслуживать нужды своего супруга; во-вторых, для женщины, вовлеченной в террористическую деятельность, нет пути назад, так как она нарушила запрет выходить из дома без сопровождения ее мужчины, члена семьи, следовательно, о свободе и речи быть не может; в-третьих, участием в совместном обучении женщины вступают в контакты с мужчинами, которые не являются их родственниками, а это, согласно нормам палестинской культуры, строго запрещено. По мнению некоторых авторов, именно эти «аккумулированные фрустрации»¹²¹, проистекающие из отсутствия одинакового признания одного и того же вклада, вместе с другими гендерными ограничениями, характерными для мусульманских обществ, может быть способствовали в решительной степени женскому выбору в пользу самоубийственного терроризма как способа достижения хотя бы двух целей. Первая из них – привлечь внимание к себе как к членам одной устремившейся к национальной эмансипации общности, которые располагают свободой и правом участвовать во всех формах борьбы, и вторая – использовать единственную возможность, оставленную им от доминированного мужчинами общества получить

120 **BIDERMANN, Ferry.** *The Palestinian first female bomber.* BIDERMANN, F. BIDERMANN, F. http://archive.salon.com/mwt/feature/2002/01/31/female_bomber/index.html

121 Цитировано по **ISRAELI, Raphael.** 2004. *Palestinian women: the quest for a voice in the public square through «islamikadze martyrdom», Terrorism and Political Violence, Vol.16, N1, (Spring), pp.66-96*

статус национальных героев – возможность, которую могут реализовать своей смертью, но не жизнью.

Таким образом, равноправие женщин ограничивается до их права принимать индивидуальное самоуничтожительное решение, притом когда оно санкционировано мужским авторитетом. Подобное решение открывает перед ним дорогу к публичному *post mortem*, но не изменяет их положения при жизни: «...они не управляют организациями, не командуют позициями и не посылают других людей совершать террористические миссии. ...Палестинские женщины-совершители самоубийственных миссий не участвуют в процессе принятия решений в организациях, и их мнение не является решающим фактором в самоубийственных миссиях, в которые посылают их, за исключением акта добровольного присоединения или согласия с этими миссиями». Готовность женщин участвовать в самоубийственных миссиях «может действительно отражать их нужду участвовать в борьбе против врага их народа, но никоим образом не изменяет их неравный и низший социальный статус, как и нежелание их традиционных обществ включать женщин в эти операции»¹²².

Наконец, нельзя не упомянуть и об объяснительной концепции, которую здесь условно называют версией искупления. Это одна из наиболее ожесточенно обсуждаемых объяснительных концепций – возможно потому, что она самым сильным способом связывает идеологические аспекты с исключительно чувствительным гендерным аспектом идентичности и с проблемой чести, которая является основной для культуры палестинского общества и ислама.

В культурно-религиозной парадигме палестинского общества существует разграничение между мужской и женской честью. Несмотря на то, что их можно рассматривать как части одной и той же концепции, первую связывают с делами, которые совершает мужчина, и с образом, который он строит, а вторую – с «интимностью, скромностью в одежде, сохранением девственности до брака, вежливым поведением и дистанцированием от мужского общества, которое, по дефиниции, коррумпировано»¹²³. Мужчина может приобретать честь и одновременно с этим охранять честь супруги и женщин своей семьи, а женщина не может приобретать честь, а только сохранять ее. Это ставит мужчину в доминирующее положение, а женщину – в подчиненное. Любое нарушение этих правил рассматривается как угроза; ощущение угрозы сформулировано в удачной фразе мусульманского духовника, что «женщина, будучи ножом с двумя лезвиями, может превратиться в самое страшное оружие массового поражения» против социального порядка мусульманской уммы¹²⁴. По этой причине, поведение, которое в рамках современной западной культуры рассматривали бы как обычное и вполне приемлемое, в мусульманской интерпретируют как недопустимое: среди

122 SCHWEITZER, Yoram. 2006. *Palestinian Female Suicide Bombers: Reality vs. Myth*. In SCHWEITZER, Yoram. (ed). 2006. *Female Suicide Bombers & Dying for Equality? Memorandum N84*. Jaffee Center for Strategic Studies. Tel Aviv University, <http://www.tau.ac.il/jcss/memoranda/memo84.pdf>, pp.25-41

123 ISRAELI, Raphael. 2004. *Palestinian women: the quest for a voice in the public square through «islamikadze martyrdom»*, *Terrorism and Political Violence*, Vol.16, N1, (Spring)

124 www.alminbar.cc=alkhutab=khutbaa.asp?mediaURL=5473

них – уход из дома без сопровождения, отказ выполнять «ее основные права и обязанности», такие как обслуживание ее супруга, выражающееся в приготовлении пищи, стирке, уборке и во всем том, «что делает его счастливым и, следовательно, создает счастье в семье», посещение их дома лицами, которые выбраны ею, а не ее супругом и, наконец, ревность при многоженстве¹²⁵.

В исламских революционных обществах, таких как Иран, Судан, Алжир и Палестина, эти требования трудно выполнимы для женщин, вовлеченных в сопротивительные движения, поскольку входят в противоречие с чисто технологическим аспектом коллективной революционной деятельности, требующей движения, динамики, взаимодействия и контакта между мужчинами и женщинами. По этой причине женщины, принявшие участие в организованной форме вооруженной или невооруженной борьбы, оказываются в состоянии нарушения, подлежащего строго культурной и религиозной санкциям. Еще один аспект революции может эродировать традицию. Совместное участие, высокая степень риска, общность, созданная на основе солидарности с одной и той же идеей, ведут к изменению в отношениях между полами и к установлению такого типа связей, которые немыслимы в понятиях традиционной культуры.

Как можно было увидеть в реконструированных жизненных историях, большинство женщин-совершителей поддерживали отношения именно с идеологическими единомышленниками. Можно ли считать это преднамеренной тактикой рекрутирующих организаций? Исследование, осуществленное по заказу Армии обороны Израиля, создает основания положительного ответа: «Тех женщин, чей социальный статус имел какие-либо проблемы – среди них были женщины, которые были жертвами плохой репутации из-за внебрачных связей – часто убеждали участвовать в террористических операциях, чтобы восстановить свой статус и репутацию в палестинском обществе... Этот метод убеждения можно лучше понять в культурных рамках общества, в котором женщины должны хранить честь семьи.

Таким образом, любая непочтительность, несмотря на степень, может иметь тяжелые последствия для женщины, причем она ведет к тому, чтобы мужчины-члены ее семьи положили конец ее жизни, что называется «убийством во имя чести». Эти мотивы личного характера используются террористическими организациями, которые прибегают к использованию женщин для осуществления самоубийственных миссий. Согласно последней информации, собранной израильской стороной, существует явное усилие со стороны милиций ФАТХ-Танзима Ясира Арафата рекрутировать в террористов-смертников тех женщин, которые страдают от эмоциональных проблем из-за социальной стигмы, в которой они находятся»¹²⁶.

125 www.alminbar.cc=alkhutab=khutbaa.asp?mediaURL=1633

126 **FUENTES DE SEGURIDAD ISRAELHES**. 2003. *Chantaje a mujeres jvenes para cometer actos de terrorismo suicida*. Comunicado de 4 de Febrero. <http://www.embajada-israel.es/politica/MujereSuicidas.html>

Последний тезис поддерживается и Victor, которая утверждает: «То, что меня ошеломило, пока я расспрашивала этих мужчин (некоторые из них сидели в тюрьме), это то, что все они из-за своей сильной роли в жизни женщин, успели убедить своих сестер, дочерей, жен или подопечных, что за их моральные прегрешения или ошибки, совершенные со стороны мужчин-членов их семей, единственный способ спасти себя и доброе имя своих семей – умереть смертью мучеников. Только тогда эти женщины могли бы воспользоваться вечной жизнью, наполненной счастьем, уважением и роскошью и оценкой наравне с мужчинами. Только в раю, и только если они покончат собой»¹²⁷.

Примерно таково заключение анализа финансовой Medea group, в котором подчеркивается, что в исламском мире нарушение строгих культурных и религиозных стандартов может привести не только к стыду и стигме, а и к физическому насилию над всей семьей. Вот почему намеченную женщину можно легко рекрутировать, так как это ее шанс на искупление, особенно если у нее есть сыновья¹²⁸. Это, однако, входит в противоречие с выводами Schweitzer, который утверждает, что не обязательно, чтобы у большинства женщин-совершителей самоубийственных миссий были проблемы и, следовательно, не обязательно считать, что они были жертвой социальной стигмы и санкции. Очевидно, объяснительная сила этой гипотезы также должна быть эмпирически доказана. Мое исследование дало достаточно доказательств, чтобы считать ее основательной: в ее поддержку можно привести еще аргумент — мученическая смерть создает предпосылки замены статуса, создающего стигмы ролевой модели. Своей смертью эти женщины добились славы, публичного признания, почета и восхищения, каких при жизни им невозможно было иметь. И все это из-за того, что они были женщинами.

127 VICTOR, Barbara. 2004. *Equality In Death*. The Observer, 25 April

128 MEDEA GROUP. 2007. *Female suicide bombers: practical implications. Strategic security and analysis: Islamic terrorists field training and tactics*. 17 August, Vol.2, Issue 2, Series 5, pp.1-20

Заключение

ЖЕНСКИЙ САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПОПЫТКА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

За оружие самоубийственных атак берется все больше женщин разных рас и народностей, возраста, верующих и атеисток, замужних и незамужних, с детьми и без детей, высокообразованных и малограмотных, студенток, безработных, домохозяек, специалистов. Женский самоубийственный терроризм не только отмечает восходящую тенденцию, он закрепляет свою позицию в смысле «специфического выражения женской агрессивности, когда женщины переходят границу установленных гендерных норм, отнимая как чужую, так и собственную жизнь, и в этом процессе не только отправляют вызов к основным символическим структурам, которые делимитируют эти нормы, но и создают новые»¹. Имеют ли социальные измерения пола значение или они оказываются безотносительными к самоуничтожительному выбору? Я бы ответила положительно не только потому, что гендерный аспект идентичности неразрывно связан с тем, каким способом мы выбираем прожить нашу жизнь, но и потому, что они представляют «ключевое реляционное... измерение человеческой деятельности и мысли»², вплетенное в отношения власти, привилегии и престижа³. Социальные измерения пола представляют «основной организационный принцип человеческого общества», а гендерные роли, отношения и влияния оказывают сложное воздействие на социальные проблемы, каким является терроризм. Настоящее исследование делает попытку конкретизировать направления этого влияния на основании анализа пяти случаев, и формулирует следующие основные выводы:

1. Не может быть выработана универсальная объяснительная концепция такого сильного контекстуализированного явления, каким является женский самоубийственный терроризм. Несмотря на это, можно идентифицировать список условий, которые делают его возникновение и развитие более вероятными.

Вероятность появления женского самоубийственного терроризма наиболее высокая в обществах, которые отвечают хотя бы пяти условиям: в них существует восприятие ожесточенного этнического конфликта или иностранной инвазии (которая угрожает этнической или национальной идентичности); налицо религиозные или культурные нормы, ограничивающие доступ женщин к сфере публичности; структуры традиционного общества находятся в состоянии распада; этот распад вызывает изменение и подмен культурных авторитетов, ценностей

1 **NESS, Cindy.** 2005. *In the name of the cause: women's work in secular and religious terrorism. Studies in Conflict and Terrorism*, 28, pp.353-373

2 **SCHRIJVERS, Joke.** 1999. *Fighters, Victims and Survivors: Constructions of Ethnicity, Gender and Refugeeeness among Tamils in Sri Lanka. Journal of Refugee Studies Vol. 12, No. 3, pp.308-333*

3 **INDRA, D.** 1999. *Engendering Forced Migration: Theory and Practice. New York/Oxford: Berghahn Books, p.14*

и приоритетов; налицо радикальные организации, сделавшие выбор в пользу женского самоубийственного терроризма.

3. Организационный выбор в пользу женского самоубийственного терроризма имеет рациональный характер и он детерминирован разными факторами, самое большое значение из которых имеет динамика отношений политических актеров, претендующих представлять интересы одной и той же этнической или национальной общности; женский самоубийственный терроризм – это одно из средств проведения успешной конкуренции за политическую лояльность общности. Его потенциал, будучи таким, реализуется благодаря сильному воздействию как на внутренние, так и на внешние для организаций публики. Влияние на внутренние публики выражается в повышении уровня солидарности между членами, степени политической мобилизации общности и готовности к политическому действию со стороны обоих. Влияние на вторые выражается в увеличении поддержки дела организаций, основанных на преобладающем отношении к женщинам-совершителям как к жертвам.

4. Индивидуальный самоубийственный выбор – это функция различных факторов. Демографические характеристики (возраст, семейное положение, профессия, происхождение) не имеют ведущего значения, так же как и религиозность. К самоубийственному терроризму склонны больше всего женщины, которые пережили вследствие конфликта какие-либо потери, понесли телесные повреждения, лишаящие их идентичности, которые могут и не быть в результате факторов, связанных с конфликтом, и стали жертвами социальной стигмы в рамках своих общностей или обществ, из-за действий, бездействий или состояний, которых последние не толерируют.

5. В большинстве случаев женский самоубийственный терроризм не является выражением феминистических мотивов, связанных с расширяющимися жизненными шансами женщин и их стремлением к эмансипации, по крайней мере не в их западной интерпретации.

6. Женские самоубийственные террористические акты расширяют только право на обусловленную смерть, но не жизненные шансы совершителей. Поскольку они положительно санкционированы нормами одной культуры, которая утверждает доминирующее положение мужчины при распределении власти, они, в конечном счете, не делают ничего другого, кроме того, чтобы укреплять то же самое доминирующее положение.

7. Женские террористические акты, как и те, что совершены мужчинами, никогда не приводили к достижению прокламированных соответствующей политической элитой целей. Как раз наоборот, в долгосрочном плане они наносили значительный ущерб ее делу. Это не означает, что они не являются эффективным инструментом (политического) действия, а то, что нужно разграничивать публичную и скрытую повестку дня и приоритеты радикальных организаций.

8. В структуре женской мотивации в обществах с сильным влиянием религиозных и традиционных культурных кодексов, какими являются исследованные, идентифицируются мотивы, которые не присутствуют в мужской: угроза стигмы из-за уроненной чести и безусловная лояльность к лидеру, на

которого трансформирована мужская власть в традиционной семье, в роду или клане.

9. В большинстве случаев (о Палестине, Чечне и Турции это можно с уверенностью утверждать) налицо отчуждение женщин от социального смысла «благородного самоубийства», причем публично сформулированные мотивы существенно различаются от личных. Таким образом, самоубийственный акт можно рассматривать вполне как рациональный, так как он направлен на достижение последнего личного блага – идентичности.

Что можно сделать, чтобы ограничить акты женского самоубийственного терроризма? Я не буду останавливаться ни на антитеррористических мерах, которые неоднократно предлагались и применялись, ни на тех, которые относятся к предотвращению самоубийственного терроризма в целом. Я добавлю только то, что выглядит возможным и реалистическим в связи с участием женщин в этой форме насилия.

1. Аккуратное уточнение научного понимания женского самоубийственного терроризма путем обогащения эмпирической базы, необходимой для его исследования.

2. Идентифицирование, анализ и оценка женского самоубийственного терроризма в понятиях, присущих реальностям, в которых он возникает и существует. Воздержание от бескритического сваливания на него содержания и категорий, характерных для западной культурной научной традиции.

3. Преодоление гендерных стереотипов о том, что женщины могут быть скорее объектом, нежели субъектом насилия.

4. Изменение медийного дискурса, который представляет террористов-самоубийц в виде жертв, а не совершителей насилия.

5. Закрепление понимания того, что феминизация националистического дискурса радикальных организаций, практикующих самоубийственный терроризм, не означает больше равноправия для женщин.

6. Поощрение использования мер, которые привели бы к избавлению от негативных последствий модернизационного процесса и глобализации в обществах с традиционными структурами, и в особенности тех из них, которые касаются положения женщин.

7. Признание ценности идентичности, точнее женской идентичности в ее собственном культурном контексте, и утверждение ценности диалога, основанного на общих чертах человеческой природы, независимо от культурных различий.

8. В случаях терроризма, легитимированного религией, поддержка умеренных течений в исламе, которые противопоставляются исламистским интерпретациям джихада и участия женщин в нем.

9. Демитологизирование лидеров, поощряющих самоубийственный терроризм, и диссоциирование связи между их авторитетом и авторитетом мужа в традиционной семье, в клане или в роду.

10. Создание больших жизненных – образовательных, профессиональных, социальных – возможностей для женщин в традиционных, но трансформирующихся

обществах, что привело бы к укреплению их публичного присутствия путем не санкционированного насилиям способом.

Я знаю, что легче сказать, чем сделать. Кроме того, среди сформулированных предложений нет таких, которые связаны с санкцией, контролем со стороны государства и применением легитимного насилия, и таких, которые касаются превенции, осуществляемой службами безопасности, пограничным контролем и иммиграционной политикой. Перед лицом непосредственной опасности они, разумеется, имеют решающее значение, но не являются предметом настоящего исследования. При всей своей важности они лечат симптомы, но не и причины. В нашем глобальном мире, в котором безопасность – это давно уже не вопрос прежде всего силы, не все является вопросом преступления и наказания, контроля и рестрикции. Женский самоубийственный терроризм – это лишь одна из обновившихся старых угроз, которые напоминают нам, что глобальная, региональная и национальная безопасности сегодня требуют иного понимания, иного склада мышления и различных решений.

Резюме

За оружие самоубийственных атак берется все больше женщин разных рас и народностей, возраста, верующих и атеисток, замужних и незамужних, с детьми и без детей, высокообразованных и малограмотных, студенток, безработных, домохозяек, специалистов. Мотивацию, причины, природу этого явления раскрывает в своей книге известная болгарская исследовательница Татьяна Дронзина в монографии **«Терроризма женский лик»**.

Автор монографии – профессор кафедры политологии Софийского университета им. К. Охридского **Татьяна Дронзина**, известный международный эксперт, доктор наук, член Международного общества исследований насилия и терроризма (Society for Terrorism Research).

Эксперт также рассматривает политические и религиозные мотивы терроризма. Эмпирическая база работы основана на подробном анализе серии самоубийственных актов, совершенных в Ливане (1985-1987 гг.), Шри-Ланке (1987-2008 гг.), Турции (1996-1999 гг.), Чечне (2000-2004 гг.), Палестине (2002-2006 гг.).

В книге дан глубокий теоретический анализ терроризма, раскрыты различные подходы в исследовании данной проблемы, определены дефиниции и термины суицидального терроризма как объекта научного исследования.

Книга состоит из 5 глав:

1 глава. Терроризм: определение и объяснительные подходы.

2 глава. Самоубийственный терроризм: определение и категории анализа.

3 глава. Самоубийственный терроризм, легитимированный религией.

Природа, предпосылки, эволюция.

4 глава. Женский самоубийственный терроризм, легитимированный через светские идеологии. Самоубийственные миссии в Ливане (1985-1987 гг.). Случай Шри-Ланки (1987-2008 гг.). Самоубийственный терроризм РКК (Рабочей партии Курдистана) в Турции (1996-1999 гг.).

5 глава. Самоубийственный терроризм, легитимированный религией. Женский самоубийственный терроризм в Чечне (2000-2004 гг.) и в Палестине (2002-2006 гг.).

Заключение. Женский самоубийственный терроризм: попытка переосмысления в гендерном аспекте.

Женский самоубийственный терроризм – это лишь одна из обновившихся старых угроз, которые напоминают нам, что глобальная, региональная и национальная безопасность сегодня требуют иного понимания, иного склада мышления и различных решений.

Монография выходит в книжной серии журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» Института социально-политических исследований (www.ispr.kz).

Түйін

Өз-өзін өлтіру құралын қолдана отырып, шабуыл жасауда әр түрлі нәсілдегі және халықтардың, діндар және атеист, тұрмыста және тұрмыста емес, балалы және баласыз, жоғары білімді және сауаттылығы төмен, үй шаруашылығындағы, студент, жұмыссыз, маман әйелдердің саны артуда. Танымал болгар зерттеушісі **Татьяна Дронзина** өзінің «**Лаңкестіктің әйелдік келбеті**» атты монографиясында осы құбылыстың мотивациясын, себептерін, табиғатын ашып көрсетеді.

Монография авторы - К.Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, танымал халықаралық сарапшы, ғылым докторы, Зорлық-зомбылық пен лаңкестікті зерттеудің халықаралық қоғамының (Society for Terrorism Research) мүшесі **Татьяна Дронзина**.

Сарапшы лаңкестіктің саяси және діни себептерін қарастырады. Жұмыстың эмпирикалық негізі Ливанда (1985-1987 жж.), Шри-Ланкада (1987-2008 жж.), Түркияда (1996-1999 жж.), Шешенстанда (2000-2004 жж.), Палестинада (2002-2006 жж.) орын алған өзін-өзі өлтіру актілері сериясын талдауға сүйенген.

Кітапта лаңкестікке терең теоретикалық талдау берілген, осы мәселені зерттеудегі әр түрлі көзқарастар қарастырылған, суицидтік лаңкестің ғылыми зерттеу нысаны ретінде түсініктері мен терминдері анықталған.

Кітап 5 бөлімнен тұрады:

1 тарау. Лаңкестік: анықтамасы және түсіндіруші көзқарастар

2 тарау. Суицидтік лаңкестік: анықтамасы және талдау категориялары

3 тарау. Дінмен легитимацияланған суицидтік лаңкестік: табиғаты, алғышарттары, дамуы

4 тарау. Зайырлы идеология арқылы легитимацияланған әйел суицидтік лаңкестігі. Ливанда (1985-1987 жж.) өз-өзін өлтіруші миссиялар. Случай Шри-Ланкадағы жағдайлар (1987-2008 жж.). Түркиядағы Күрд жұмысшылар партиясының суицидтік лаңкестігі (1996-1999 жж.)

5 тарау. Дінмен легитимацияланған суицидтік лаңкестік. Шешенстанда (2000-2004 жж.) мен Палестинадағы (2002-2006 жж.) суицидтік лаңкестік.

Қорытынды. Әйел суицидтік лаңкестігі: гендерлік аспектіде қайта түсіну талпынысы

Әйел суицидтік лаңкестігі – бұл жаңарған ескі қауіптердің бірі бола отырып, бізге бүгінде жаһандық, аймақтық және ұлттық қауіпсіздікті басқаша түсінуде басқа ойлау жүйесін және өзге шешімдерді талап ететінін еске салады.

Монография Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының кітап сериясында шығады (www.ispr.kz).

Summary

More and more women belonging to various races, ethnic and age groups,, believers and atheists, married and single, with and without children, educated and uneducated, students, unemployed, housewives and specialists take up suicide attack arms to date. Famous Bulgarian researcher Tatyana Dronzina reveals the motivation, reasons and nature of this phenomenon in her monograph "**Female Face of Terrorism**".

The author of the book is **Tatyana Dronzina** - Professor of the Department of *Political Science*, *Kliment Ohridski University of Sofia*, renowned international expert, PhD, member of the *International Society for Terrorism Research*.

The expert considers also political and religious motives of terrorism. The empirical part of the work is based on detailed analysis of a series of suicide acts committed in Lebanon (1985-1987), Sri Lanka (1987-2008), Turkey (1996-1999), Chechnya (2000-2004) and Palestine (2002-2006)

The author performed deep theoretical analysis of terrorism, revealed various approaches to the study of this problem and defined suicidal terrorism as an object of scientific study.

The book consists of 5 chapters:

Chapter 1. Terrorism: Definition and Explanatory Approaches

Chapter 2. Suicide Terrorism: Definition and Categories of Analysis

Chapter 3. Suicide Terrorism Legitimated by Religion. Nature, Reasons, Evolution.

Chapter 4. Female Suicide Terrorism Legitimated through Secular Ideologies Suicide Missions in Lebanon (1985-1987). The Case of Sri Lanka (1987-2008). Suicide Terrorism of Kurdistan Workers' Party in Turkey (1996-1999)

Chapter 5. Suicide Terrorism Legitimated by Religion. Female Suicide Terrorism in Chechnya (2000-2004) and Palestine (2002-2006)

Conclusion. Female Suicide Terrorism: Attempt to Rethink in Gender Aspect

Female Suicide Terrorism is just one of renewed old threats which reminds us that global, regional and national security requires to date another understanding, another way of thinking and various solutions.

The book is published within the book series of "International Research. Society. Politics. Economics» magazine of the Institute for Social and Political Research (www.ispr.kz).

Информация об Институте социально-политических исследований

Институт социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан) образован в 2008 году. ИСПИ – активно развивающаяся исследовательская компания, которая специализируется на качественном анализе социально-политических процессов в Казахстане и за рубежом. Основная деятельность базируется на проведении фундаментальных научных и научно-прикладных исследований, аналитической и экспертной работе.

Основные направления деятельности:

- комплексный анализ межэтнической и межконфессиональной ситуации;
- исследования в области насилия и терроризма, религиозного экстремизма и национальной безопасности;
- международные компаративные исследования;
- перекрестные исследования (Cross-study);
- комплексные социологические исследования;
- системный анализ политической ситуации;
- электоральные исследования, exit-pool;
- рейтинги политических и общественных лидеров;
- изучение и формирование имиджа стран, политиков, компаний.

В структуре Института функционируют два центра: **Центр по изучению казахской диаспоры**, руководитель филиала в Мюнхене – профессор **Каюм Кесижи**, доктор политических наук, и **Центр «Устная история»**, координатор проекта – **Бикенов Асылхан Хамитович**, кандидат исторических наук (Казахстан, Астана)

Проекты ИСПИ:

Стамбульский клуб – интеллектуальная площадка для обсуждения вопросов стратегического партнерства Турции, России, Казахстана и стран Центральной Азии. Презентация и первое совещание было проведено 22 апреля в Институте Евразии Стамбульского университета (Турция, Стамбул).

Экспертные встречи ИСПИ – регулярный форум, где экспертным сообществом обсуждаются актуальные проблемы современного мира. Основной спикер – ведущий международный специалист в определенной области.

Школы ИСПИ – проведение школ по различной тематике.

Первая сессия: «Социология в политике: метод, влияние, манипулирование» (март 2011 г.)

Вторая сессия: «Методология изучения диаспор: теория и практика»
(октябрь 2001 г.).

Третья сессия: «Устная история» (весна 2012 г.)

Команда ИСПИ

Садвакасова Айгуль Какимбековна – директор Института социально-политических исследований, доктор социологических наук (aigul.sadvokassova@ispr.kz)

Ракишева Ботагоз Ислямовна – директор программ, издатель журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика», кандидат социологических наук (bota.rakisheva@ispr.kz)

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Кожирова Светлана Басейовна – главный редактор журнала, доктор политических наук, профессор, член Ассоциации международных исследователей (ISA) (svetlana.kozhirova@ispr.kz)

Руднева Евгения Алексеевна – заместитель главного редактора журнала, магистр социологии (evgeniya.rudneva@ispr.kz)

ОТДЕЛЫ ИСПИ

ФИНАНСОВО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ:

Жанбурчинова Дамиля Ромазановна – руководитель финансово-административного отдела, магистр социологии (ispr@ispr.kz)

ОТДЕЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:

Емишева Гульден Болатовна – руководитель отдела социологических исследований, магистр социологии (ispr@ispr.kz)

Бекенова Айгерим Жуматаевна –

ассистент отдела социологических исследований
(ispr@ispr.kz)

ОТДЕЛ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ:

Ахатова Дамира Болатовна, руководитель отдела качественных исследований, магистр социологии (damira.akhatova@ispr.kz)

ОТДЕЛ МЕТОДОЛОГИИ И АНАЛИЗА:

Мажитова Айнур Боранбаевна – руководитель отдела методологии и анализа, магистр социологии
(ainur.mazhitova@ispr.kz)

Калмыков Сергей Константинович – научный консультант-аналитик отдела методологии и анализа, кандидат философских наук (ispr@ispr.kz)

Успанов Мурат Мажитович – эксперт-аналитик отдела методологии и анализа (murat.uspanov@ispr.kz)

Капалбаева Асель Калибековна – ассистент отдела методологии и анализа, медиатор
(ispr@ispr.kz)

ОТДЕЛ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ:

Шалова Гульден Тукембаевна – руководитель отдела обработки данных, магистр социологии
(gulden.shalova@ispr.kz)

Байторе Молдир – ассистент отдела обработки данных, бакалавр ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
(ispr@ispr.kz)

ЦЕНТРЫ ИСПИ:

Каюм Кесижи – руководитель Центра по изучению казахской диаспоры, доктор политических наук, профессор (Мюнхен, Германия)
(ispr@ispr.kz)

Бикенов Асылхан Хамитович – координатор проекта «Устная история»
(ispr@ispr.kz)

ШКОЛЫ ИСПИ:

Жолдыбалина Алуа Сериковна – руководитель проекта «Школы ИСПИ», Ph.d, (ispr@ispr.kz)

Информация о журнале «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Общество. Политика. Экономика»

Международный научно-аналитический и информационный ежеквартальный журнал «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Общество. Политика. Экономика» издается Институтом социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан) с 2009 г. Приоритетом журнала является освещение актуальных общественных проблем. Основной фокус – результаты исследовательских проектов, проводимых как в странах СНГ, так и во всём мире.

Консультационную поддержку журналу оказывают известные и авторитетные ученые из Болгарии, Великобритании, Германии, Индии, Испании, Казахстана, Китая, Литвы, Польши, России, США, Таджикистана, Турции, Финляндии, Южной Кореи, Японии – члены Редакционного совета журнала.

Постоянные рубрики журнала:

«**Интервью с учеными**» – данная рубрика знакомит читателей с известными учеными;

«**Интервью с авторами книг**» – представляет серию интервью с авторами книг, анонсируемых на страницах журнала;

«**Молодые ученые**» – в рубрике представлены работы начинающих ученых-исследователей;

«**Мнение**» – в данной рубрике размышлениями делятся известные эксперты;

«**Устная история**» – в рамках рубрики публикуются интервью по проектам, связанным с устной историей, освещающие исторические события с точки зрения ее живых свидетелей;

«**Книжное обозрение**» – представляет читателям информацию о новых книгах;

«**Научные семинары**» – содержат информацию о научных встречах, публичных лекциях и семинарах, организованных журналом.

Главный редактор журнала:

Кожирова Светлана Басейовна, доктор политических наук, профессор, член Ассоциации международных исследователей (ISA)
(svetlana.kozhirova@ispr.kz)

Заместитель главного редактора журнала:

Руднева Евгения Алексеевна, магистр социологи (evgeniya.rudneva@ispr.kz)

Издатель журнала:

Ракишева Ботагоз Ислямовна, кандидат социологических наук
(bota.rakisheva@ispr.kz)

Электронные версии журнала на сайте www.ispr.kz

E-mail редакции: ir@ispr.kz

ISSN 2224-0276

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ТАТЬЯНА ДРОНЗИНА

«Терроризма женский лик
(результаты международного исследования)».

Над изданием работали:

Деляна Хинкова Христова (София, Болгария) – перевод с болгарского языка

Ракишева Ботагоз – научная редакция перевода

Адыханова Венера – литературный редактор

Мажитова Айнур – технический редактор

Бегалина Ботагоз – компьютерная верстка и художественное оформление

